

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Сборник научных трудов
Выпуск 2**

**LENGUA Y LITERATURA EN EL DIÁLOGO CIENTÍFICO.
PROBLEMAS ACTUALES DE LA FILOLOGÍA
CONTEMPORANEA**

**Compilación de artículos científicos
Edición 2**

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 2

**LENGUA Y LITERATURA EN EL
DIÁLOGO CIENTÍFICO.
PROBLEMAS ACTUALES DE LA
FILOLOGÍA CONTEMPORANEA**

Compilación de artículos científicos

Edición 2

ИЖЕВСК • 2013

GRANADA • 2013

УДК 80(082)

ББК 80Я43

РЕДАКТОР

Копылова Т.Р. (k_tatiana4@mail.ru)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

Керо Хервилья, Э. Ф. (efquero@ugr.es)

Подшивалова Е.А. (podshlen1@mail.ru)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Воронцова Т.А. (Челябинский государственный университет, Россия);
Вотякова И.А. (Удмуртский государственный университет, Россия);
Зверева Т.В. (Удмуртский государственный университет, Россия);
Корычанкова Симона (Университет им. Масарика, Чехия); Луке Ду-
ран Хуан де Диос (Гранадаский университет, Испания); Манхон Позас
Франсиско (Гранадаский университет, Испания); Мариненко П.И., (Ки-
евский национальный университет им.Тараса Шевченко – Гранадаский
университет, Украина - Испания); Уанон Бенсусан Султана (Гранада-
ский университет, Испания); Яскот Мачей (Университет социальной
психологии (SWPS), Польша)

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ. Сборник на-
учных трудов. Вып. 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ. Изд-во «Удмуртский университет» - «Universidad de
Granada». Ижевск – Гранада, 2013. – 266 с.

Сборник научных трудов «Язык и литература в научном диалоге» является
совместным изданием двух университетов – Гранадаского университета (Ис-
пания) и Удмуртского государственного университета. Второй выпуск «Ак-
туальные проблемы современной филологии» посвящен литературоведче-
ским и лингвистическим исследованиям в русистике, затрагивает проблемы,
связанные с историей и теорией языка.

ISBN 978-84-338-5602-9 (Universidad de Granada)

© Удмуртский госуниверситет

© Universidad de Granada

УДК 80(082)
ББК 80Я43

DIRECTORA

Tatiana R. Kopylova (k_tatiana4@mail.ru)

DIRECTORES ADJUNTOS

Enrique F. Quero Gervilla (efquero@ugr.es)
Elena A. Podshivalova (podshlena1@mail.ru)

CONSEJO DE REDACCIÓN

Tatiana A. Vorontcova (Universidad de Chelyabinsk, Rusia); Irina A. Votyacova (Universidad Estatal de Udmurtia, Rusia); Tatiana V. Zvereva (Universidad Estatal de Udmurtia, Rusia); Simona Koryčankova (Universidad Masaryk, República Checa); Juan de Dios Luque Durán (Universidad de Granada, España); Francisco Manjón Pozas (Universidad de Granada, España); Pavlo Marynenko (Universidad Taras Shevshenko de Kiev, Ucrania); Sultana Wahnón Bensusan (Universidad de Granada, España); Juan de Dios Luque Durán (Universidad de Granada, España); Maciej Jaskot (Universidad de Ciencias Sociales y Humanidades (SWPS), Polonia)

LENGUA Y LITERATURA EN EL DIÁLOGO CIENTÍFICO. Compilación de artículos científicos. **PROBLEMAS ACTUALES DE LA FILOLOGÍA CONTEMPORANEA** (edición 2). Edita: Universidad Estatal de Udmurtia – Universidad de Granada. Izhevsk – Granada, 2013. – 260.

La compilación de artículos “LENGUA Y LITERATURA EN EL DIÁLOGO CIENTÍFICO” es una publicación conjunta de dos universidades: la Universidad de Granada y la Universidad Estatal de Udmurtia. La segunda edición titulada “Problemas actuales de Filología moderna” está dedicada a las investigaciones en el campo de la Literatura y la Lingüística de la lengua rusa, así como a cuestiones relativas a la Historia y a la Lingüística teórica, y la Teoría de la Literatura.

ISBN 978-84-338-5602-9 (Universidad de Granada)

© Удмуртский госуниверситет
© Universidad de Granada

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6	<i>E. V. Kharchenko</i> «FEAR HAS BIG EYES», OR THE CHELYABINSK METEORITE IN A NAIVE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF ITS INHABITANTS	65
РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ	7	РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ	71
<i>В. Э. Будейко</i> ЭТИМОЛОГИЯ ИМЁН КИРИЛЛИЧЕСКИХ БУКВ «СЪЛ0», «ЗЕМЛѦ», «НЖЕН», «ЇЖЕ», «ЇЦРРЬ», «КАКО», «ЛЮДНѢ» ...	9	<i>Л. И. Донецких, А. С. Ныпадымка</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СЛОВООБРАЗА «БОЛЬ» В ПОЭТИКЕ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ	73
<i>V. E. Boudeyko</i> ETYMOLOGY OF NAMES OF CYRILLIC LETTERS «СЪЛ0», «ЗЕМЛѦ», «НЖЕН», «ЇЖЕ», «ЇЦРРЬ», «КАКО», «ЛЮДНѢ» ...	9	<i>L. I. Donetskikh, A. S. Nypadyuka</i> BASING ON THE POETRY OF YU.DRUNINA KEY, SUMMARY, CORE, RING-SHAPED AND TEXT TYPES OF REPRESENTING SEMANTIC DIMENSION OF THE IMAGE OF THE WORD “PAIN” ARE REGARDED THROUGH LINGUO-STYLISTICS INTERPRETATION	73
<i>Шейдаева С. Г.</i> НОМО LOQUENS В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ»)	13	<i>Т. В. Зверева</i> ВЕЛАСКЕС В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ К. БАЛЬМОНТА И П. АНТОКОЛЬСКОГО	79
<i>Sheydayeva S. G.</i> НОМО LOQUENS IN THE XVII CENTURY (ON MATERIALS OF “MESSAGES CHIMING CLOCK”)	13	<i>T. V. Zvereva</i> VELASQUES IN K. BALMONT’S AND P. ANTOKOLSKY’S POETIC PERCEPTION	79
РАЗДЕЛ II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ	23	<i>Е. А. Ивановшина</i> МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ»: БУЛГАКОВСКИЙ ВРАЧ КАК РИТУАЛЬНАЯ ФИГУРА	85
<i>Т. А. Воронцова</i> ДИНАМИКА КОНЦЕПТА МИГРАНТ В РОССИЙСКОМ КОЛЛЕКТИВНОМ КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	25	<i>E. A. Ivanshina</i> BETWEEN «THEIR» AND «FOREIGN.»: BULGAKOV’S DOCTOR AS A RITUAL FIGURE	85
<i>T. A. Vorontsova</i> THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF MIGRANT IN RUSSIAN COLLECTIVE COGNITIVE SPACE	25	<i>Е. Ю. Куликова</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЭКЗОТИЧЕСКОГО СЮЖЕТА: «МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ» Э. ПАРНИ И «МАЛАЙСКИЕ ПАНТУНЫ» Ш. ЛЕКОНТА ДЕ ЛИЛЯ	89
<i>Л. И. Донецких, Е. И. Лелус</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОДТЕКСТА У А. П. ЧЕХОВА	30	<i>E. Y. Kulikova</i> IT IS ABOUT DEVELOPMENT OF EXOTIC SUBJECT: «MALAYAN SONGS» BY E.PARNY AND «MALAYAN PANTUNS» BY LECONTE DE LISLE	89
<i>L. I. Donetskikh, E. I. Lelis</i> GRAMMATICAL MEANS OF IMPLICATION FORMATION IN A.P. CHEKHOV	30	<i>Н. Г. Медведева</i> «УЕХАТЬ, ЧТО ЛИ, В ИСПАНИЮ...» («ИСПАНСКАЯ» ТЕМА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ИОСИФА БРОДСКОГО)	94
<i>М. Г. Милютина</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД КАТЕГОРИЕЙ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «МИНУТА»	41	<i>N. G. Medvedeva</i> «UYEKHAT, CHTO LI, V ISPANIYU...» (“SPANISH” THEME IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF JOSEPH BRODSKY)	94
<i>M. G. Milyutina</i> LANGUAGE REFLECTION ON THE CATEGORY OF TIME IN THE POEM M. I. CVETAeva «MINUTE»	41	<i>Г. В. Мосалева</i> МЕНТАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО МИРА В НАЦИОНАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ЭПОСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО	102
<i>Ю. А. Максимова, М. Г. Милютина</i> ОРГАНИСТИЧЕСКИЕ И МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РАБОТЕ Л. Д. ТРОЦКОГО «К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	46	<i>G. V. Mosaleva</i> MENTAL CONSTANTS OF THE RUSSIAN WORLD IN A.N. OSTROVSKY’S NATIONAL AND POETIC EPOS	102
<i>Yu. A. Maksimova, M. G. Milyutina</i> THE ORGANIC AND MECHANISTIC METAPHORS IN L.D. TROTSKY’S WORK “THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION”	46	<i>Л. В. Сафронова</i> ОБРАЗ ПОЭТА И ПОЭЗИИ В «ИСПАНСКОЙ ТАНЦОВЩИЦЕ» И. БРОДСКОГО	109
<i>С. В. Рябушкина</i> АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: СЛОЖНЫЕ И СОСТАВНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ	54	<i>L. V. Safronova</i> THE IMAGE OF THE POET AND POETRY IN “SPANISH DANCER” I. BRODSKY	109
<i>S. V. Ryabushkina</i> ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN MORPHOLOGY: COMPLEX NUMERALS	54		
<i>Е. В. Харченко</i> «У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ», ИЛИ ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕТЕОРИТ В НАИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛЯБИНЦЕВ	65		

<i>К. А. Нагина</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И АВТОРЕФЕРЕНТ- НЫЙ ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО	113
<i>K.A Nagina</i> SPATIAL UNIVERSALS AND SELF-REFERENTIAL CHARACTER IN THE WORKS OF LEO TOLSTOY	113
<i>Е. А. Подшивалова</i> ОБРАЗ ИСПАНИИ В «ИСПАНСКОМ ДНЕВНИКЕ» М. КОЛЬЦОВА	118
<i>E.A. Podshivalova</i> THE IMAGE OF SPAIN IN "SPANISH DIARY" OF M. KOLTSOV	118
<i>И. В. Стрелкова</i> ОТБОР СОДЕРЖАНИЯ И ОСВОЕНИЕ СТУДЕНТАМИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО ЛИТЕРАТУРЕ	129
<i>I.V. Strelkova</i> CONTENT SELECTION AND STUDENT ASSIMILATION OF EDUCATIONAL MATERIAL OF THE ELECTIVE COURSE IN LITERATURE.....	129
РАЗДЕЛ IV. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ	137
<i>Д. Н. Полякова</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «КОСМОС» (НА ПРИМЕРЕ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ С КОЛОРОНИМАМИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ)	139
<i>D.N. Polyakova</i> PROFESSIONAL COMPONENT OF THE 'SPACE' CONCEPT VERBALIZED IN THE ASTRONOMIC PROFESSIONALLY MARKED LEXICAL UNITS WITH COLOR NAMES.....	139
<i>Т. М. Рогожников</i> ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУГГЕСТИИ	145
<i>T.M. Rogozhnikova</i> TRANSLATION OF THE POETIC TEXT THROUGH SUGGESTION.....	145
<i>Н. К. Сарсекеева</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА ЛИТЕРАТУР В XX ВЕКЕ	154
<i>N.K. Sarsekeeva</i> THE EXISTENTIAL ASPECTS OF THE DIALOGUE OF LITERATURE IN THE TWENTIETH CENTURY	154
<i>О. Г. Ушакова</i> КОМПАРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)	162
<i>O.G. Ushakova</i> COMPARATIVE DESCRIPTION OF PREDICATIVES IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES	162
<i>О. О. Яшан</i> АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЖЕНСКОГО» РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	168
<i>O.O. Yashan</i> ASSOCIATIVE FIELD OF «WOMEN'S» ADVERTISING DISCOURSE IN THE SPANISH LANGUAGE CONSCIOUSNESS.....	168

РАЗДЕЛ V. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Л. Г. Васильев</i> ДИСКУРС РАССУЖДЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ЕГО АНАЛИЗА	177
<i>L.G. Vasilyev</i> THE DISCOURSE OF REASONING AND PRINCIPLES OF ITS ANALYSIS	177
<i>Л. Б. Кацуба</i> ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПАРЕМИИ КАК ЕДИНИЦЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	191
<i>L.B. Katsyuba</i> PAREMIYA'S DETERMINATION AS PSYCHOLINGUISTICS UNITS	191
<i>Е. И. Лелис</i> РОЛЬ ГРАММАТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	200
<i>E.I. Lelis</i> THE ROLE OF GRAMMAR IN REALIZATION OF SEMANTIC POTENTIAL OF A LITERARY TEXT	200
<i>Л. С. Патрушева</i> ИЕРАРХИЧНОСТЬ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ ЧЕРТА РУССКОГО ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА	209
<i>L.S. Patrusheva</i> HIERARCHY AS FORMATIVE GENRE FEATURE OF RUSSIAN WEB-FORUM	209
<i>Г. М. Ребель</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ	215
<i>G.M. Rebel</i> ART INTEGRITY: THE METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT	215
<i>Е. В. Шелестюк</i> АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ ..	224
<i>E.V. Shelestiuk</i> ENGLISH LINGUOCULTURAL EXPANSION	224
<i>Л. Ф. Килина, С. Р. Зайнуллина</i> О ПРИНЦИПАХ ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ФРАГМЕНТОВ В СВЯЗИ С ИХ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ	251
<i>L.F. Kilina, S.R. Zajnullina</i> PRINCIPLES OF GENRE AND STYLISTIC CLASSIFICATION OF CHRONICLE FRAGMENTS IN CONNECTION WITH THEIR LINGUISTIC-TEXTOLOGICAL ANALYSIS.....	251
РЕЦЕНЗИИ	257
<i>О. В. Молодкина</i> ВСТРЕЧИ И ДИАЛОГИ НА ГРАНИЦАХ	259
<i>Е. А. Подшивалова</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	261
ОБ АВТОРАХ	265

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск международного сборника статей «Язык и литература» в научном диалоге» продолжает издательские стратегии предыдущего (Ижевск, 2011). В первом были опубликованы работы, посвященные проблемам современной славистики и русистики, русско-испанским языковым и литературным связям. В настоящем издании расширен диапазон исследовательских изысканий. Его открывают статьи по истории русского языка, в центре внимания которых этимология имён кириллических букв; принципы классификации летописных фрагментов; вербализация речевой коммуникации в письменных памятниках XVII в.

В два последующих раздела включены лингвистические и литературоведческие исследования в которых решаются актуальные проблемы современной филологии. Областью осмысления лингвистических работ являются концептосфера, язык художественной литературы, наивное языковое сознание. Особо следует отметить сопоставительные исследования, проделанные в русском, английском, испанском и чешском языках. Материалом для них послужила вербализация профессионально маркированных языковых единиц, переводы поэтического текста, компаративная характеристика слов категории состояния, ассоциативное поле женского рекламного текста.

Литературоведение в современной филологии представлено рядом работ, в которых исследуется диалог литератур и, прежде всего, его экзистенциальные аспекты. Межкультурная коммуникация в области художественного творчества описана через отражение образа Испании в творчестве И. Бродского и дневниках М. Кольцова, через рецепцию живописи Веласкеса в поэзии К. Бальмонта и П. Антокольского. Испанская тема в русской литературе продолжена интересом к экзотическому сюжету в поэзии Парни и Леконта де Лиля. В поле исследовательского внимания литературоведов попали и более широкие культурологические проблемы – пространственные универсалии в творчестве Л. Толстого и ритуальная фигура врача в творчестве М. Булгакова.

И в лингвистических, и в литературоведческих статьях представлено многообразие классических и современных подходов к исследуемым явлениям. Внимание к проблемам теории демонстрирует и завершающий раздел сборника. Здесь описаны принципы анализа дискурса рассуждения, детерминация паремии, роль грамматики в смыслопорождении художественного текста, жанрообразующий потенциал иерархичности интернет-форума, методологическое значение понятия художественная целостность, вестернизация как результат языковой политики глобализма.

Надеемся, что актуальность решаемых проблем, многообразие исследуемого материала и подходов к нему сделает сборник научных трудов интересным для профессионального сообщества.

Подшивалова Е. А., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.16

В. Э. Будейко

ЭТИМОЛОГИЯ ИМЁН КИРИЛЛИЧЕСКИХ БУКВ «ЗѢЛО», «ЗЕМЛА», «ИЗЕИ», «ИЗЕ», «ИЗЕРЬ», «КАКО», «ЛЮДИ»

Челябинский государственный университет

Статья посвящена продолжающимся этимологическим исследованиям имён букв славянской азбуки в кириллическом контексте. Приводимые нами этимоны буквенных имён основаны на традиционных методах сравнительно-исторического языкознания, а также на некоторых приёмах метода множественной этимологии В. Н. Топорова.

Ключевые слова: этимология, этимон, буква, азбука, старославянский язык, древнецерковнославянский язык, церковнославянский язык, имя буквы, концепт.

V. E. Boudeyko

ETYMOLOGY OF NAMES OF CYRILLIC LETTERS «ЗѢЛО», «ЗЕМЛА», «ИЗЕИ», «ИЗЕ», «ИЗЕРЬ», «КАКО», «ЛЮДИ»

Chelyabinsk State University

The article (Etymology of Slavonic letters in kyrillic alphabet: dzielo, zemlia, iizhei, izhe, gerve, kako, liudie) by V. E. Boudeyko. It contains the lasting etymological investigations the names of letters of Old Slavonic Alphabet in Kyrillic context. The researched etymons of alphabetical names of letters are based on the traditional comparative historical methods in linguistics, and on some methods of plural etymology by V. N. Toporov and so on. The author gives special consideration to the problems: composition and logical base of it, general and possible perspectives of development the main idea of this work.

Keywords: etymology, etymon, letter, alphabet, Old Slavonic language, Ancient Church Slavonic language, name of letter, conceptum.

Источниками значения буквенного имени являются абстрактно-предметные понятия соответствующей культурно-языковой общности, некоторые реалии культурного знания (слова-символы, термины древнего знания, слова, выражающие религиозно-мифологические идеи и т. п.). Предметом нашей работы является этимология имён кириллических букв. Исследования в этой области предпринимались рядом авторов XIX–XXI вв. Следы этимологических разысканий сохранились с XVIII века [12. С.20]. Эта проблема имеет в основе своей нечто такое, что притягивает к ней как противников смысла, так и сторонников смысла данных знаков [6; 7. С.64; 8; 13; 14; 17]. Причиной разногласий следует признать различие философских, религиозных, психологических и научно-методологических оснований текущих исследований, о чём мы давали разъяснение ранее [3. С.15–130]. Немаловажной причиной могут быть ошибки составителя азбуки и позднейших переписчиков данного «текста», включая народную этимологию позднейших «справщиков азбуки». Другой стороной этой проблемы дешифровки является имеющийся тезаурус адресата, который может не соответствовать культурному уровню составителя (адресанта) азбучного текста. Также следует учитывать, что имена букв в силу их исторического контекста чрезвычайно многозначны, полисемичны. Полное индуктивное умозаключение касательно данного предмета в реальности невозможно в силу особенности древнего тер-

минологического знания, понятийно связанного с бесконечностью [15. С.259–265], а выводы от неполной индукции, получавшиеся от имеющихся у науки исследований, остаются вероятностными. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с проблемой непонимания целостного знания, которая увязывается с проблемой дешифровки лексической, текстовой совокупности, которая остаётся неоткрытой вот уже более 200 лет, т. е. со времени возникновения и использования сравнительно-исторического метода и этимологического приёма.

В буквенных именах прослеживается очевидная аналогия с обычными наименованиями. Если, например, представить детские кубики, на которых изображены буквы с картинками, то не возникает сомнения в том, что названия предметов изображённых на грани кубика имеют смысловую связь с названием буквы изображённой, хотя эта смысловая связь произвольна и соотношение очень упрощено: буква – звук – рисунок предмета, название которого начинается с этой буквы (так называемая акрофония). Сложнее, но сходным образом обстоит дело с названиями кириллических букв, которые передаются разнотелыми словами (совсем не так, как, например, в латинице, где названия букв односложны: а-бэ-цэ-дэ...), но принцип связи и соотношения сходный. В интерпретации слов, буквенных имён следует иметь в виду, что слова эти связаны со старославянским языком, который возник на основе языка македонских болгар

[18. С.31–45], а также с древнегреческим, арамейским и древнееврейским языками.

В старинных азбуках-молитвословах XVII века и ранее встречаются списки из житий святого Кирилла (Константина Философа), где есть слова: “Кириллѣ Филологѣ кѣ Богѣ молвилъ, напишѣ тридцать и осемь словъ” [1. С.1; ср.: 6], указывающие по преданию, что азбука была составлена не только из набора букв (знаков, символов), но и из слов, наименовывающих буквы. Любое слово, как известно, имеет свой смысл, пусть и непонятный современному читателю по скудости знания прежнего языка и культуры. Ранее мы давали разъяснения касательно этимологии начальных букв **Ѧ**, **Ѣ**, **Ѧ**, **Г**, **Д** [4]. В этой работе мы начнём с буквы **Ѧ**.

Ѧ – **Ѧло**. В настоящее время др. – рус. **Ѧло** / **Ѧло** переводится наречием «сильно, очень, весьма» [16. Т. 5. С.371]. То, что первоначально в древнерусском и старославянском языках это слово было существительным, а не наречием, требует объяснения и доказательства. В своей книге «Историческая грамматика русского языка. Именное склонение» В.М. Марков писал: «В современном литературном языке, как известно, средний род получает поддержку в немногих активных словообразовательных процессах, определяющих, главным образом, возникновение образований на *-ние* и *-ство*. За пределами собственно суффиксальных и некоторых конфиксальных образований (ср. *предгорье*, *бездорожье* и под.), характеризующихся, как правило, отвлечённым значением, количество существительных среднего рода ничтожно, а между тем обращение к древнерусскому материалу убеждает нас в том, что когда-то категория “бессуффиксных” существительных на *-о* была достаточно активной. Об этом тем более приходится помнить, что с этим связано понимание происхождения наречий типа *мѣкѣ*, *справѣ*, *досухѣ*, *докраснѣ*, *попѣстѣ*, *вмалѣ* и под.» [10. С.14–15]. В связи с приведённым высказыванием следует заметить, что большая опасность при историческом объяснении современных образований заключается в возможности перенесения современных представлений на прошлое, т.е. на более ранние периоды истории языка. Именно такая ошибка, в чём легко убедиться, допускается в замечаниях, отражающих принятый многими взгляд на образования типа *бело*, *зело*, *черно*, как наречия, когда упускается из виду, что «современные прилагательные восходят к недифференцированной группе имён конкретно-предметного значения. Общеизвест-

но и то, что имя прилагательное как часть речи сформировалось “на основе синтаксической категории определения” [22. С.210], т.е. зависимо-го, определяющего слова, по отношению к которому употребление предлога было невозможно. Дифференциация имён существительных и прилагательных привела к возникновению словообразовательных связей между именами. При этом та или иная основа начинала мыслиться как специфическая принадлежность либо имени существительного, либо имени прилагательного, по отношению к которым и рассматривались позднейшие словообразовательные группы. Если основа **Ѧлѣ**, не осложнённая специальными суффиксами, стала рассматриваться как основа имени прилагательного, на базе которой возникло, например, существительное **Ѧлѣкъ**, то основа **низѣ** представляется в настоящее время основой имени существительного, по отношению к которому осложнённое суффиксом образование **низѣкъ** рассматривается как производное слово. В связи со сказанным понятно, почему, например, образование **доѦлѣ** мы готовы рассматривать как слово, образованное от прилагательного, тогда как образование **донизѣ** мы уверенно соотносим с существительным **низѣ**. Очевидно, и в первом случае мы сделали бы то же самое, если бы помнили о существительном **Ѧло** (**Ѧло**, состояние **Ѧлого**), встречающемся, например, в следующей пословице: *Полюби-ка насѣ въ чернѣ, а въ бѣлѣ и всякъ полюбить* [5] » [10. С.16]. Также белорус. **бѣлѣ**, **Ѧ**. С.ср. **Бѣлизна**, употреблена въ пословицѣ: *Не глядзи бѣлѣ, абыбѣ рабоча былѣ* [9. С.41].

В.М. Марков замечал, что «соотнесённость с именами предметного значения ярко проявляет себя, таким образом, всякий раз, когда оказывается возможной соотнесённость указанных наречий с “реальными” существительными вроде *верхѣ*, *низѣ*, *бокѣ* и под. Вместе с тем никто не пытается объяснить наречие *созлѣ* на основе соотнесённости с именем прилагательным *злой* по той простой причине, что существительное *зло* ещё живо и сохраняет все свои характерные формы. Чем же, спрашивается, отличаются от него такие образования, как *справа*, *слева*, *досуха*, *докрасна*, *вмале*, *поровну*, *засветло* и подобные? Естественно, лишь тем, что существительные типа *право*, *лево*, *сухо*, *красно*, *мало*, *ровно*, *светло* и под., с точки зрения носителей современного литературного языка, представляются невозможными вопреки тому, что без особого труда может быть обнаружено в диалектно-фольклорной речи и в древнерусских документах» [10. С.16].

И далее: «... трудно, например, усомниться в предметном значении таких слов, как *право* и *лево* в известном «не знает, где *право*, где *лево*». Разумеется, только существительные можно видеть в образованиях *красно* и *черно* в такой, например, пословице, указанной В.И. Далем: От *красна* до *черна* недалече. Сравним: *молодо* – *зелено* и т.д. В древнерусских источниках употребление нужных нам существительных среднего рода – дело вполне обычное, на что указывал ещё А.А. Потебня [11. Т. 3. С.49–50].

Свои рассуждения В.М. Марков определяет в итоге так: «Обнаруживая в различных источниках “бессуффиксные” существительные среднего рода, мы тем самым подходим к решению вопроса о происхождении указанных выше наречий: все они возникали в результате закономерной адвербиализации субстантивно-предложных сочетаний <...>. Различия появляются по мере того, как начинают отмирать существительные типа *мло*, *ммо* и под. Этот процесс, таким образом, является одним из наиболее существенных проявлений истории грамматического рода, что при решении поставленной нами задачи должно быть отмечено наряду с указанием на устранение родовой синонимии и на дальнейшее закрепление ассоциации рода и пола» [10. С.17].

Как видим, к нашему *ѣло* это имеет прямое отношение, поскольку по аналогии это слово могло быть именем существительным, имея, и в древнерусском, и старославянском языках категорию среднего рода. Аналогичные формы находим в праслав. **dělo*, в.-луж. *džělo* ср. р. ‘работа, дело; труд’; н.-луж. *žělo* ср. р. ‘дело, создание, работа’; польск. *działo* ср. р. ‘дело, работа’ и т.п. [21. Т. 5. С.7].

Известно, что название буквы в русск. азбуке: *Zelo* ѣ [зѣло]. Lud., 6. 1696 г. *Злобѣ вѣлкѣ* и *злоѣ*, и *злыхѣ* пишн *зѣломѣ*. (Алф. XVII в.) Калайд., 200. <...> 8) *Зѣльный*, прил. большой, сильный. *Зѣлыи*, прил. большой, сильный. «И погла царь *Исрѣинскѣ* къ царю *Иезекію* съ силою тяжкою *зѣлою* и *взидоша* къ *Іерѣлѣмѣ*» (4 Цар. 18: 17). Библ. Генн. 1499 г. – Ср. *зѣльный*. Позднее: *Зѣло*, нареч. сильно, очень, весьма. До *зѣла* – совершенно, окончательно [16. Т. 5. С.371–372]. И отдалённая связь в цсл. Библии 1900 г.: “*кертгоградъ зѣлейный*” – сад масличный (Втор.11: 10). И далее: “... двѣ маслины”/ “двѣ вѣтви масличны...” – это “два сынове тучности” (Кн. прор. Захаріи 4: 11–14). Славянское *тѣлкѣ* – 1) жир; 2) плодородность, сочность. Русский перевод этого места – “два

помазанные елеем”. Помазанность изначально предполагает благословение плодородия.

Наше предположение основывается на допущении, что даже наименование буквы, взятое из тогдашнего словаря по мнемоническому принципу, должно было иметь смыслы, связанные с графикой, начертанием буквы, с бессознательной психологической реакцией составителя азбуки на соответствующий звук, который знак обозначал, поэтому: 1) гипотетическое значение сущ. др.-рус. «*зѣло* / ст.-слав. *ѣло*» – плодородие, плодородность, плодovitость; ибо 2) по М. Фасмеру, *зѣло* / *ѣло* связано с белор. *до зела* «очень», ст.-слав. *ѣлѣ* σφοδρός, *ѣло* σφόδρα, *μάλα*, словен. *zeló*, др.-чеш. *zielo* «очень»; || родственно лит. *gailūs* «резкий, едкий, мстительный», *gailas* «буйный», латыш. *gails* «сладострастный», др.-в.-н., ср.-в.-н. *geil* «похотливый» [19. Т. 2. С.92]. Данные словоформы дают возможность связывать происхождение корня др.-рус. *зѣло* / ст.-слав. *ѣло* с праславянским **goilo*, где [z'] возник из [*g] по II палатализации перед *ѣ* дифтонгического происхождения, а не из [*d]. Наличие первоначальной аффрикаты [dz'] в в.-луж., н.-луж. и польском языках, даёт нам некоторое право предположить, что эта тенденция присутствует в языках западной славянской группы, где произношение мягких [d'] и [t'] даёт аффрикаты [dz'] и [tʃ']. И ещё одно предположение 3) слово *гонло*, не претерпевшее перемен, находится в др.-рус. со значениями: а) успокоение, укрепление; б) *то*, что даёт жизнь [16. Т. 4. С.59]. Очевидно, что по смыслу это понятие связывается со следующим в нашей азбуке словом.

З – *земля* – *земля*, ж.р. 1) Название буквы «з» в русской азбуке. *Zemia* Зз. Lud., 52. 1696 г. Зоил, животно. Заулон, полунощіе. Конец зелу и земли. Алф.1, 92 об.XVII в. Земля. 2) Земля как место обитания людей, земной мир (преимущественно – в противопоставлении миру идеальному, небу). 3) Земля как часть вселенной. Люди, жители вселенной. 4) Низ, основание чего-либо. 5) Земная поверхность. 6) Земля как одна из четырёх стихий (“первоэлементов”, лежащих, по представлениям древних, в основе всех явлений природы). 7) Суша, земная твердь. 8) Почва, верхний слой земли. 9) Рыхлое рассыпчатое вещество тёмно-бурого цвета, образующее почву. 10) Прах. 11) Нива, пашня, угодье, участок, владение. 12) Страна, государство, край. 13) Фон, поле, по которому сделан рисунок [16. Т. 5. С.375–377]. 13) Современное толкование «земля» – «геобиоценоз», надобно полагать, последовательно свя-

зывает этот концепт слова «земля» в своём развитии к последнему нашему толкованию.

Н – *ниѣн* – н – означает: *которыя* (они), *те самыя* [З.С.179; 16. Т. 6. С.90].

1. **І** – *иже* – источники XVII в. подтверждают название буквы «и»: «На церковномъ стѣнномъ писъмѣ въ Володимирской соборной церквѣ, и въ Голубовѣѣ и въздѣ писано въ однимъ ижемъ: (Чел. Ник.) Суб. Мат. IV, 135. 1665 г.» [16. Т.6. С.90]. Этот же словарь даёт 11 значений слова "иже": 1) относительное местоимение, соответствует "который", по источникам с XII в. [16. Т.6. С.90], также по источникам X-XI вв.; 2) относительное местоимение, соответствует "кто", "тот, кто", "что", "то, что"; по источникам с XI в.; 3) наречие в значении союзного слова, соответствует "когда"; по источникам с XI в.; 4) относительное, соответствует "где", по источникам с XVII в.; 5) союз изъяснительный, соответствует "что", по источникам с XIV в.; 6) союз причинный, соответствует "потому что", "так как", по источникам с XIV в.; 7) союз меры и степени, соответствует "так что", "так чтобы", по источникам с XIII в.; 8) союз целевой, соответствует "чтобы", "для того чтобы", по источникам с XIV в.; 9) союз временной, условно-временной, соответствует "когда", "если", по источникам с XI в.; 10) условный союз, соответствует "если", "если же", по источникам XI в.; 11) час-тица усилительная, соответствует "даже, аж", по источникам с XVII [16. Т.6. С.90-91]. Таким образом, расположение рядом двух этих букв или слов являет цель: указать на грамматическое значение множественного и единственного числа имени суще-ствительного, стоящего до этих слов.

ѣ – [г`ервь] – проблематичное значение: (от) удержи-вающий трон / удерживающего трона 1) возможно, что: [г`] – [ж] = *жервьь* (жертвенный / -ое) (македонск. слав. источник?); 2) возможная связь: араб. *ḥarf* «лезвие, острый край»; 3) заметим, что «гервь» рифмуется с «червь» и графически (согласно анали-зу графов) подобен (горизонтально противоположен) Ч [З.С.158, 179].

К – *какъ* – ст.-слав. 1) наречие вопрос.: *какъ; како можете добро творити зъли ѣаѡѡ* (Цсл. Мф 12: 34) Зогр. 2) *сколь*; 3). *союз*. как, что [16.Т.7.С.29]. 4) Имя буквы, возможно, *какъ* есть вопросительно-относительное местоименное наречие. Ибо ве-рующий древний человек постоянно спрашивал себя: как быть, как жить, как спастись. Священное писание и священное предание христиан отвечает на вопрос: *какъ?*

Л – *люди* – ст.-слав. *люднѣ* – 1) люди, народ, *миряне* [16. Т.8. С.341]. Славянская этимология

люди- "расти" численно, качественно. Люди, как и народ – это "то, что нарождается, рас-тёт"; т.е. слово люди обозначает множество, общество... людие. «Слово "люди" сначала обозначало лишь своих сородичей и только с течением времени приобрело смысл абстрактного обо-значения представителей рода человеческого», – отмечает В.В. Долгов, указывая на историю этого слова в XI-XIII века н.э. [З.С.180]; 2) по-русски люди. Название буквы «л» 1534 г.<...> 6) *миряне*, люди, не принадлежащие духовенству [16. Т.8. С.341-343].

Следуя перечню знаков кириллической азбуки, мы видим, что имена букв приобретали вполне осмысленное значение, что давало возможность органично существовать важнейшей составляющей письма в контексте славянской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбука съ начальными молитвами изъ древлепечатныхъ книгъ. Джорданвилль : Изд-во Св.-Троицкого Монастыря, 1961. 25 с.
2. Библия. Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заѡта на церковнославянскомъ языкѣ съ параллельными мѣстами. Репринтъ 1900 г. М. : Изд-во РБО, 1997. 1660 с.
3. Будейко, В.Э. Проблемы представления информации в алфавитах (на материале кириллицы восточнославянских языков): монография / научн. ред. Л.А. Шкатова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 300 с.
4. Будейко, В.Э. Этимоны славянской азбуки: азъ, буки, вѣди, глаголи, добро. // Вестник Челябинского государственного университета. Фи-лология. Искусствоведение. Вып. 74. 2013. №2 (293). С.71-73.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. 2-е изд. СПб. М., 1880-1882. М.: Рус. яз., 1989-1991. т.1-4.
6. Иванова, Т.А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфа-вите // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С.48-55.
7. Иванова, Т.А. Разгадана ли загадка славянской азбуки? По поводу работ Л.В. Савельевой // Славяноведение. 2000. № 2. С.64-68.
8. Карпенко, Л.Б. Священная азбука Кирилла. 2-е изд., испр. Самара: Офорт, 2006. 218 с.: ил.
9. Носовичъ, И.И. Словарь Бѣлорускаго нарѣчя. СПб.: Имп. Отд. РЯ и СИ Ак. Наук, 1870. 757 с.
10. Марков, В.М. Историческая грамматика русскаго языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. 144 с.
11. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Наука, 1968. Т.3. С.49-51.
12. Прозоровский, Д.И. О названиях славянских букв // Вестник архео-логии и истории. СПб.: Изд-во Имп. ун-та, 1888. Вып. 7. С.63-82.
13. Саблина, Н.П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. СПб.: ЦКБ МТ «Рубин», 2000. 188 с.
14. Савельева, Л.В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянскаго поэтическаго текста // Евангельский текст в рус-ской литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. С.48-81.

15. **Синайский, В.И.** К проблеме терминологического языка, его образ-ов и понятий о древнем знании, мудрости и премудрости // Записки академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. XVIII. С. 259-301.

16. Словарь русского языка XI-XVII вв. / под ред. Р.И. Аванесова, С.Г. Бархударова и др. М.: Изд-во "Наука", 1975 — 2007. Вып. 1 — 29 (А-Г).

17. **Степанов, Ю.С.,** Проскурин, С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия / Рос. АН, Ин-т языкознания, Моск. гос. ун-т. М.: Наука, 1993. 156 с.

18. **Турбин, Г.А.,** Шулежкова, С.Г. Старославянский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 216 с.

19. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 1-4.

20. **Чудинов, В.А.** Загадки славянской письменности. М.: Вече, 2002. 528 с.

21. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1974-2007. Вып. 1-32.

22. **Якубинский, Л.П.** История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. С. 5-210.

УДК 81.271 (045)

Шейдаева С.Г.

НОМО LOQUENS В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ»)

Удмуртский государственный университет

На материале памятников письменности XVII в. исследуются особенности вербализации разных видов речевой коммуникации Человека говорящего, в данном случае - русского «вестовщика».

Ключевые слова: Homo loquens, Человек говорящий, речевая коммуникация, вести-куранты, глаголы речи.

Sheydayeva S. G.

НОМО LOQUENS IN THE XVII CENTURY (ON MATERIALS OF "MESSAGES CHIMING CLOCK")

Udmurt State University

On a material of monuments of writing of the XVII century features of verbalization of different types of speech communication of the Person telling, in this case - Russian "vestovshchik" are investigated.

Keywords: Homo loquens, the Person speaking, speech communication, messages chiming clock, speech verbs.

Сказывают, говорят, пишут, слух есть, вести пришли, вести несутся... – такими словами описываются процессы получения и передачи вербальной информации в рукописных «Вестях-курантах», отдельные выпуски которых появлялись в России уже в 1600 г. Выходила эта рукописная газета на протяжении восьмидесяти лет под разными названиями «Куранты», «Ведомости», «Вестовые письма», «Вести», в ней сообщалось о политических событиях, военных столкновениях, межгосударственных переговорах и торговых новостях, о придворной жизни и о необычных происшествиях. Вести-куранты предназначались для сравнительно узкого круга лиц – приближенных царя, но иногда с ними знакомились и люди из других слоев общества [2. С.9].

«К началу XVII в. в московских правительственных кругах потребность в регулярной международной информации значительно возросла» – говорится во «Введении» к первому изданию «Вестей-курантов», в котором пред-

ставлены тексты 1600–1639 гг. [2. С.5]. Для получения сведений о «европейских поведениих» пользовались разными путями: читали отписки воевод «порубежных» городов, узнавали от торговых людей и «полоняников», возвращавшихся на родину, от других лиц, прибывавших в Россию из разных стран. Наиболее разностороннюю и профессионально отобранную информацию содержали отчеты («статейные списки») побывавших за границей русских послов, а также иностранные газеты, которые доставляли в Посольский приказ с 1631 г. «Содержание русских вестей-курантов на первых порах чаще всего ограничивалось переводами сообщений из иностранных газет – немецких, голландских и др.» [2. С.6], и уже с середины XVII в. составление курантов стало хорошо поставленным делом. Переводчики стремились с первых строк ввести читателя и слушающего в географические и хронологические рамки описываемых событий, для этой цели служили пространные заглавия, опре-

деленные зачины, например: *вести из Рима...*, *вести из города Аузбурха...* [2. С.8].

В «Вестях-курантах» широко представлены контексты, отражающие процессы поиска, получения и передачи новой информации. Все эти процессы связаны с разными видами речевой деятельности, которая является онтологической характеристикой человека [6. С.9], или в Номо Лоуэпс – человека говорящего (пишущего), слушающего (читающего), то есть человека, участвующего в речевой коммуникации [13. С.146]. Номо Лоуэпс предстает в коммуникации в раздвоенном виде – как Говорящий и как Слушающий [12. С.3], в связи с чем представляет собой многофункциональное и противоречивое единство, является «фактором, детерминирующим процессы развития и функционирования языка» [6. С.7–8].

Существует вполне закономерный интерес к данному памятнику письменности не только со стороны историков журналистики, но и специалистов в области истории и теории языкознания. Ю.С. Кукса, анализируя модальную специфику текстов «Вестей-курантов», делает вывод о том, что в них на объективную модальность наслаиваются смысловые компоненты субъективной модальности, что создается вкраплением в текст соответствующих «авторских ремарок» в виде вводных слов, словосочетаний и конструкций со значением различной степени уверенности/неуверенности. Автор отмечает, в частности, употребление модальных глаголов *мочь, уметь, посметь*, предикативов *мочно (немочно), невозможно, нельзя* [11]. Из других публикаций последних лет отметим статьи С. Вариной «Газетный стиль XVII века (по данным «Вестей-Курантов»)» и О. Никитина «Из истории становления публицистического стиля в конце XVII – начале XVIII века в России», а также монографию Н.В. Саютиной «Историческая лексикология и лексикография (русско-славянский цикл), в которых исследуются некоторые языковые аспекты интересующих нас памятников.

Мы рассмотрим материалы двух первых книг Вестей-курантов (всего их издано четыре). В первой из них (тексты 1600–1639 гг.) содержатся сообщения о военных, политических и других событиях из разных стран, сведения о посольских связях, природных явлениях и т.д.

[2], во второй книге (тексты 1642–1644 гг.) содержатся сообщения из различных европейских стран, освещаются важные моменты военной и политической жизни Европы, международные и экономические отношения, опубликованы грамотки-письма, адресованные определенному лицу, содержащие, наряду с вестями, личные просьбы и высказывания, а также собственно вести, именуемые «вестовыми печатными (или письменными) листами» и др. [3]. «К середине XVII в. Россия уже располагала довольно широкой корреспондентской сетью. По-видимому, для некоторых лиц, доставлявших необходимую информацию, занятие это было едва ли не профессией», «в грамотках вестовщиков излагались их собственные наблюдения, а также различные сообщения из устных и письменных источников. Передаваемые новости известным образом отбирались и интерпретировались.» [3. С.4–5]. Повествование в письмах-грамотках частично ведется от первого лица, частично в неопределенно-личном плане. Наряду с выражениями «*чиню ведомо*», «*я чаю что про то тебе ведомо*», «*я послал*» и т.п. встречаются иные: «*пишут*», «*сообщают*», «*вести несутся*», «*в разговорах сказывают*» и т.д. [3. С.5].

По своему содержанию это сводки новостей со ссылками на вербальный источник: *перевод с...*, *пишет что...*, *сказывают что...*, *слышал в слуху...*, *доходили мне те вести от...*, *мне прямые вести сказали что...*, *подлинные речи говорят что...* и т.п. Сообщения третьих лиц пересказываются – *кто что сказал* (мнение), либо *кто о чем рассказал* (описание). Говорение здесь предстает как событие, о котором сообщается адресату с целью ознакомить его с информацией, полученной через слово, или с мнением, оценкой ситуации. По сути дела, это речь о речи, поскольку темой сообщения становится содержание чужого речевого высказывания.

Высказывания одного человека или группы лиц передаются посредством письменного сообщения. При этом собирает и записывает вести один человек, переводит на русский язык другой, читает вслух третий, а воспринимает четвертый субъект коммуникации. Это целая цепочка коммуникантов, объединенных ради потока новой информации. «Порождение и потребление тек-

стов – это виды знаковой деятельности, иногда соединенные, а иногда и разделенные во времени» [4. С.54], в связи с чем «коммуникативный акт во многих случаях оказывается «растянутым» во времени и-или пространстве» [12. С.5]. В рассматриваемых текстах представлена следующая коммуникативная цепочка: говорящий > слушающий > пишущий > читающий > слушающий. Здесь субъекты крайних звеньев, первого и последнего, не находятся в прямом речевом контакте, как это бывает в обычном диалоге.

Полученный «пакет информации» чаще всего обозначается в «Вестях-курантах» словом **вѣсть** (здесь и далее используем упрощенную графику записи старых форм слов). Это слово, по данным этимологических словарей, общеславянское, образованное с помощью суффикса –ть от основы вед- (ведать – «знать»). Что означало это слово в текстах XVII в.?

Во-первых, *вѣсть* – это то, что *приходит, доходит, несѣтся*, ее *ждут* от гонцов, которые *привозят* вести. В следующем фрагменте – «Весною *вести были* в Немецкой земле, а *оттоле пришли* в Аглинскую землю» [2. С.26] – и др. подобных складывается образ вестей как чего-то самостоятельно существующего в отдаленной точке пространства и способного перемещаться. Кроме того, вести – это то, что люди могут *сказать, написать, напечатать*, т.е. сделать явным, известным. Вести могут быть *новыми, последними* или *старыми, добрыми* или *недобрыми, худыми, печальными, непригожими* («новые или непригожие вести писали» [3. С.143]). Сама по себе *вѣсть* – лишь языковое выражение какого-либо события, поэтому указанные признаки (например, *вести худые*) являются переносом оценки с самого события на характеристику сообщения. Вести могут быть также *здешними* или, например, *московскими* (откуда пришли либо по месту, где происходило описываемое событие); *подлинными, прямыми* или *неподлинными* («лехкие и неподлинные вести что одному удача а другому урон» [3. С.148]), *особными, нарочными, иными* [3. С.18, 22], *пространными* [3. С.46], *дивными* [3. С.180] и т.д.

Существительное *вѣсть (вести)* очень часто в вестях-курантах, так как основная цель этих текстов – сообщать новости; приведем не-

которые контексты с разными формами этого слова: пришла к нам подлинная *вѣсть* что [2. С.23], нне ж вскоре пришла *вѣсть* что [3. С.21], и на семь часу *вѣсть* пришла что [3. С.29], сюды *вѣсть* недавне была [3. С.47], с *вѣстью* послали [3. С.21], доходили мне те *вести* от полоняников которые в полону были [2. С.21], пришли *вести* что [3. С.22], сюды *вести* пришли что [3. С.46], топере пришли *вести* суда что [2. С.31], вчерас *вести* пришли [3. С.151], тако ж приходять *вести* что [3. С.175], сюды *вести* доходят [3. С.158], до меня се новые *вести* дошли [3. С.172], хотя *вести* несутся что будто драка была [2. С.43]; *вести* носяся что [3. С.167], здес о земской воине *вести* не лутчеют [3. С.75], а те *вести* здес есть [3. С.32], а те *вести* присланы [3. С.119], *вести... еще не печатоны* [2. С.23], никаких *вѣстеи не проведает* лутче меня [2. С.220], перевод с *вѣстеи* што [2. С.41], те *вести* напишу [2. С.21], мне прямые *вести* сказали что [2. С.21], в *вѣстях* сказывають что [2. С.213], погода дни з два гонецъ пригналь и привез *вести* что [2. С.38], едет с *вѣстми* [2. С.39], в *вѣстех* пишут что [2. С.83], а сказывають в *вѣстех* что [2. С.23] и мн. др.

Вѣсть в этих текстах это и известие, то есть сообщение от одного человека к другому, информационный речевой акт, и новость – новое сообщение, новая информация. В словаре русского языка XI–XVII вв. приводятся следующие значения существительного «вѣсть»: 1. *Вѣсть, известие.* (1096) // *Сообщение, донесение.* (1663 г.). *Вѣсть дати (учинити) – сообщить, донести.* // *Сведения, добываемые военной разведкой.* (1678 г.). 2. *Новости, слухи, сплетни;* и некоторые другие [10].

Таким образом, в лексическом значении слова *вѣсть* в описываемый период истории русского языка объединены семы «известие» (**сообщение** о чем-либо) и «новость» (**недавно полученное** известие), то есть это «сообщение, полученное недавно». По своей внутренней форме существительное *вести*, на наш взгляд, в вестях-курантах гораздо ближе к мотивирующему глаголу *ведать* (сравн. значение его производных, также используемых в этих текстах – *проведать, разведать, сведать*), чем в современном русском языке. Существительное *вѣсть (вести)* в текстах XVII в. имеет более информативный, чем коммуникативный характер; актуальной

семой здесь выступает глагольная: *весть* – то, что *проведано* (стало «вестно», а затем и донесено). Хотя и предметная сема также уже сформирована: вести могут быть *переданы*, могут *прийти* и т.д. Именно предметное значение постепенно свяжет данное слово с лексико-семантической группой слов со значением «сообщения, известий».

Итак, вести (как объект) *пишут, напишут, сказывают, привозят, проводят, ждут*, они (как субъект) *доходят, пришли, несутся*. Все эти предикаты отражают динамическую природу информации, и главная ее ценность – достоверность, о чем свидетельствуют многочисленные контексты: и хочю *подлинно проведат* [2. С.22], *подлинныя речи* говорят что [2. С.22], пришла к нам *подлинная весть* что [2. С.23], а *подлинно* не ведают [2. С.26], *подлинно* то ж *говорили* [2. С.29], толко еще *подлинно неведомо* [2. С.43], то *подлинно не весно* [2. С.48], ннече *подлинная весть* пришла что [2. С.69], здес еще за *подлинныя вестии сказывают* что [2. С.74], великои го-нець *вестеи подлинных не привез* и нечево их и писати [2. С.139], *самыя подлинныя вестии* про то будут [2. С.172]; *подлинного* ничево *неведомо* [2. С.187], и про то *подлинно будет ведомо* по сем [2. С.212], *подлинно сказывали* что [2. С.214], ему то *подлинно известно* что [2. С.220], мы *ожидаем* здеся *вестеи* ежечас *подлинных* про то кровавое побоище [3. С.45], а *подлинных пространых вестеи нет* какъ у них *подлинно* деялось [3. С.46], и он *подлинно сказывает* что [3. С.136], и про всякие вести велеть *разведывати подлинно* что у них нне делаетца [3. С.145], *даи бгъ чтоб те вестии также в правду были* и вперед бы то ж было слышат [3. С.209].

Итак, все новости «вестовщику» (тому, кто поставляет сведения [8]) интересны, но ценность имеет только информация, соответствующая действительности, то есть подлинная. *Подлинный* для этого периода, как и в современном русском языке, означает «точный, соответствующий действительности» [9]. Информация приходит к составителям текстов вестей-курантов, прежде всего, через слово, а оно может быть как истинным, так и ложным, в связи с чем и возникает необходимость перепроверки сообщений на их подлинность, в случае же, если это сделать

невозможно, вести квалифицируются как *непрямые* или *неподлинныя*.

Частотен в вестях-курантах и глагол **ведать** в значении «знать», в разных его формах, а также и другие члены этого словообразовательного гнезда.

Ведать / не ведать: про их умышленье *мало ведают* мочно [3. С.29], и *ведают* мочно *таино* [3. С.41], *прошу* я у вшей княжской милости *ведают* дошли ли мои розные подданственные писания [3. С.63], чего будешь жадат *то все будешь ведают* [3. С.93], и по томъ *даю* тебе гсдю покорностью *ведать* что [3. С.191], яз вшей княжской млсти своимъ писаниемъ *ведати даю* [3. С.92], а я *ведаю* про все дело доброи ответъ дать [3. С.107], а то я *подлинно ведаю* что [3. С.125], *дополна ведаемъ* [3. С.204], *они ведают* что над ними будет [3. С.187], толко бы я *ведал* [3. С.94], толко *разумные люди ведали* то что [2. С.26], *о томъ ведаючи* [3. С.199] и мн. др.; в сочетании «бог ведает» [3. С.109, 121, 127, 144] содержится имплицитная информация «никто не знает»;

не умет ведасть для какова дела их приездъ [3. С.34], того *он не ведаеть* [3. С.146], и *не ведаем* вперед где детися [2. С.25], *мы не ведаемъ* [3. С.102]; толко *подлинно* про то дело *никто еще не ведает* [3. С.77], а что у них смышлено и тово *никто не ведаеть* [3. С.45]; а того *не ведают* что [2. С.21], а *подлинно не ведают* [2. С.26]; и чтоб резидентъ ншь *про то ничево не ведал...* и мысли б твои он *не ведал* [3. С.68]; после того бою долгое время *не ведали* хто одолель [3. С.160] и мн. др.

Ведомо / неведомо: да *ведомо* ж что [2. С.48], *ведомо* чинитца что [2. С.117], и то пронеслос и учинилос *ведомо* его королевскому величеству [2. С.142], в писме *ведомо* учинил [2. С.145], *ведомо* учинилося что [2. С.179], *ведомо* учинено [2. С.188], и про то *подлинно будет ведомо* по сем [2. С.212], и то *ведомо* учинитца [3. С.25], и про такой ево поход учинилос *ведомо* загодя гсдну [3. С.26], *подлинно ведомо* что [3. С.44], а будет вскоре *ведомо* что [3. С.45], нне у нас *подлинно ведомо* учинилос что [3. С.61], чиню *ведомо* вшей княжской млсти про [3. С.74], то будет *ведомо* вскоре [3. С.118], и то вашей млсти безмешкотно будет *ведомо* учинено [3. С.170], и мне *ведомо* учинилося что [3. С.173] и мн. др.;

и то нам по ся места *неведомо* [2. С.22], толко еще подлинно *неведомо* [2. С.43], а скол людеи и того еще *неведомо* [2. С.173] по ся места подлинново ничево *неведомо* [2. С.187], толко *неведамо* еще ничево [2. С.198]; и то по се время *неведомо* [3. С.13], и того *неведомо* [3. С.20], а тово прямо *неведомо* [3. С.25], а имян началным людем еще никому *неведомо* [3. С.26], а тог подлинно *неведомо* что прямая ли у него болезнь или прикидываетца только [3. С.44], и что их умышленье тово *неведомо* [3. С.46], а что у него смышлено того подлинно *неведомо* [3. С.47], и про то никому *не ведамо* [3. С.143] и мн. др.

Другие единицы: *вестно* нам и вырази́ли что [2. С.125], бгу *весно* [3. С.110], что ему то подлинно *известно* что [2. С.220]; и о том де они цесарю *известили* что [3. С.78]; и тот торговои человекъ моему таварищу *поведал* и сказал что [3. С.134], сие я вшеи княжской милости *поведаю* [3. С.182]; а прямо подлинно про то *проведаат* допoлнa не от ково [3. С.51], а здесь добре прилежно *проведавали* прямую причину [3. С.110], и про то б велеть *проведават* что в том деле есть [32. С.142], санаторы про то *проведали* [3. С.165], *проведаат не мог* [3. С.150], от нихъ *ничево проведат было немочно* [3. С.180], а окроме тех вестеи иных *не мог* здес *проведаат* [3. С.192], для *проведаванья вестеи* [3. С.144]; про то и про иное *розведать* [3. С.20], и *розведат* накрепко [3. С.139], и про всякие вести *розведывать* подлинно что у них нне делаетца [3. С.140], велети *розведывать* накрепко [3. С.145]; ншь начальной воевода то *сведал* [3. С.20], воевода про грамоту и про указ *сведал* [3. С.29].

Наиболее устойчивыми являются два противоположных по своему содержанию наименования информационно-коммуникативного процесса: «*ведомо учинил*» (*учинилося, учинено, чинится*) в значении «сообщил» и «*еще неведомо*» в значении «еще неизвестно». В этих языковых структурах отражена ключевая для вестовщиков категория – наличие / отсутствие информации. Обратим также внимание на неоднократные сетования по поводу трудностей добывания информации: *проведаат не мог; от нихъ ничево проведат было немочно; окроме тех вестеи иных не мог здес проведат* и др., вы-

сказывания о желании разузнавать и сообщать новости: *впредь каких вестеи отколе обявитца* и мы... отпишем тотчас [3. С.146], *все что мог новово проведат* и достать [3. С.171], и о том *я сердечно радею проведат* [3. С.197] и др.

Н. П. Панкратова в статье «Из истории слов *ведомо*, *вестно*, *вестимо* и *известно*» отмечает, что слово *ведомо* соотносится с причастием, а *вестно* – с прилагательным, при этом оба они в частных письмах XVII в. имели значение «известно», а само слово *известно* еще и в XIX в. имело словарную помету «церковное» и носило следы книжной традиции, хотя со временем именно оно стало основным в этой группе слов [7].

В вестях-курантах отражен, прежде всего, **устный путь получения вестей**, что соответствует реалиям того времени. Этот путь представлен такими формами слов и сочетаниями, как *говорят, сказывают, слух есть, слышал* и др. Приведем наиболее показательные контексты.

Глагол **говорить** и его производные: посол пришел *говорит* [2. С.127]; послы ... *говорят* с свеиским чтоб они и без них о моровомъ деле *говорили* [3. С.29], а *говорят наугад* что [3. С.34], а *говорят* что онъ ездить во всеи земле ко всякому воеводе *говорить* о тайных делех и *уговорити* чтобы [3. С.82], да в Риге ж в розговорех *говорят* про [3. С.96], здеся подлинно *говорят* что [3. С.114], да он же Ондреи *слышел говорят* [3. С.146 – в рус. тексте], недобро про то *говорят* что [3. С.151], ещо здес и *говорят* съ его королевскимъ величествомъ о великих делех [3. С.155], а *говорят* что де они боятца [3. С.184], что свеиские люди промеж себя *говорят* [3. С.185] здес *говорят* [3. С.186]; и *говорил* мне что ему то нелюбо [2. С.28], будто *говорил* что [2. С.141], *говорил* таковы слова что [3. С.75], а болши ничего *не говорил* [3. С.121]; а в Орешке подлинно то ж *говорили* [2. С.29], ему *говорили* [3. С.36]; и с вашим бы црским величеством с покорностию *изустно поговорит* [2. С.220] и мн. др.

Сказать (сказывать): думной дьяк Григорей Львов *сказал* мне что [3. С.88], и *сказал* что будто он в городе нечто забыл [3. С.29], а сам иных вестеи *не сказал* [2. С.214], и тот торговому человеку моему таварищу *поведал* и *сказал* что [3. С.134], он мне поверил и *сказал* [3. С.135], он

сказал что будет де с Москвы сюды [3. С.137], Иван *сказал* как де он был в Колыване [3. С.185]; а вестовщики приехав *сказали* что [3. С.12], полоняники в *роспросе* *сказали* что [3. С.118], а вестей *сказали* что де [3. С.184], а здес мне *сказали* что [3. С.192]; много мирских людеи к нему прибегают и постоянно *сказывают* скоро Краков обявит [3. С.41], а люди которые на томъ карабле и те *сказывают* что [3. С.14], да здес подлинно *сказывают* что [3. С.17], *сказывают* что по всему какъ знат мочно кажетца что [3. С.25], а промеж тово *сказывают* что [3. С.26], а *сказывают* подлинно что [3. С.34], а *сказывают* *впрям* что [3. С.36], ездоки водяным путем *сказывают* что [3. С.38], про Глогова *сказывают* будто он послал [3. С.45], и с того карабля вести *сказываютъ* что [3. С.200]; а графа Волдемаровы люди здес добрымъ друзямъ в *розговорех* *сказывали* что [3. С.75]; не прямо *сказано* [3. С.205] и мн. др.

Глагол *говорить* (наиболее частотная форма здесь – *говорят*) по своему значению совпадает с оборотом «слух идет», так как он чаще всего называет не конкретное говорение, а людскую молву. Глагол *сказать* / *сказывать* (наиболее встречаемая форма – *сказывают*) обозначает процесс устного сообщения неопределённым лицом. И. Ю. Кукса, делая вывод о неопределенно-личном характере подачи информации в вестях-курантах посредством использования глаголов в форме 3 л. мн. ч. (*пишут, говорят, сказывают* и т.п.), отмечает, что в совокупности это создает эффект авторской отстраненности от событийной стороны [7].

Глаголы *говорил* / *сказал, говорят* / *сказывают* в значении порождения сообщения отражают позицию говорящего, и здесь имеются разные аспекты: *говорят* обыкновенные люди (массовый источник), а *сказывают* обычно информаторы или авторы написанных текстов. Л. М. Васильев пишет, имея в виду современный русский язык, что «общим смысловым идентификатором глаголов речи является слово *говорить*, совмещающее в своем значении все аспекты речевой (точнее, речемыслительной) деятельности: произносительный (акустико-физиологический), экспрессивный (аспект выра-

жения мысли) и коммуникативный (аспект речевого контакта и сообщения мысли), а общим их антонимом – слово *молчать*» [1. С.33].

Для обозначения приема **вербальной информации** в вестях-курантах используется глагол **слышать (слыхать)** и производные: из Брабанта *слышати* что [2. С.55], а из Мидделбурха *слышат* что [2. С.55], во дворе в Бруселе *слышет* про великое переменение [2. С.181], а что у них учинитца и то вперед будет *слышет* [3. С.156], ничего *не слышет* [3. С.93], здеса новова мало *слышет* потому что [3. С.119]; толко есми *слышал* в слуху что [2. С.21]; как есмя *слышали* стати их посолства [2. С.23], а то переде мы *слышели* что [3. С.96], *слышели* в Колыване в розговоре от торговых [3. С.184], да они ж Иванъ и Оверка *слышели* в Колыване от служивых и ото всяких людей что [3. С.185]; а про гедна Вендосовы дела еще ничево *не слыхат* [3. С.26], а про Демиц ничево ж *не слыхат* [3. С.28], а про цесареву помоч *не слыхать* [3. С.45]; а в Полше все тихо и ни про какую воину *не слыхат* [3. С.123], про... поход ничево *не слыхать* [3. С.156], про мирной договор *не слыхат* [3. С.164], а нне оттоле новых вестей *не слыхат* [3. С.172]; а после того от тебя *не слыхаль* [3. С.139]; про то дело мало наперед сего *слыхали* [3. С.205]; в крестьянских людех и *не слыхивано* [3. С.173]; про генерала... в здешныхъ землях не так *слышно* [3. С.30]; какъ маршалокъ де Ламонта *услышал* что [3. С.27], а по ся места еще *не слыхано* чтоб он [3. С.47] и мн. др.

Глагол *слышать (слыхать)* отражает прием информации (деятельность слушающего), при этом речь может идти не только о слуховом канале приема – *слышал* используется и в значении «узнал», то есть имеет место расширение семантики глагола (от значения восприятия речи к значению получения информации). Показательно сочетание «*слышел говорят*» [3. С.146], использованное автором в исконно русском тексте и отражающее две стороны речевого акта как единое целое – прием вербальной информации через устное сообщение.

Обратим внимание на контексты с существительным **слух** в значении «известие, весть, пришедшая устным путем». Так, «*слышел в слуху*»

можно истолковать как «своими ушами слышал то, что народ говорит». Здесь существительное *слух* обозначает не процесс, а продукт речемыслительной деятельности (информацию), например: *слух* есть что [2. С.38], а вчера здесь *слух* был что [2. С.190], а из Барабанской земли *слух* что бытто [2. С.49], еще *слуху* нет [2. С.182], еще никого не бывало ни с какими вестми толко есми слышал *в слуху* что [2. С.21], про которых *слуху* не было [3. С.118], а нне нас новые весте в *слух* доходят [3. С.147], а из Ческой земли *слухъ* доходит что [3. С.156], а про гонцовъ из Датцкие земли *слуху* нет [3. С.192] и др.

О полном отсутствии новой информации, собираемой в устном общении, говорится в следующих отрывках: в здешних местех *новых вестей нет* [2. С.213], а про... поход *ничего не слышать* [3. С.156], про мирное постановление мне *ничего писат* потому что почин тому делу не бываль а про свеиское воиско... мало слышат [3. С.157], здесь *новово нет* [3. С.161], того еще *неведомо...* про мирной договор *не слышат...* *нового здесь нетъ* ничего дивново [3. С.164], а нне оттоле новых вестей *не слышат* [3. С.172], иново *нового здесь нет* после моево последнево писаня [3. С.176], а что смышлено и того *неведамо* [3. С.178], *не учинилос что писати достоино* [3. С.181] и др. «Не слышать» означает «нет вестей», так как *весть* – это, прежде всего, то, что услышано (сообщено устно).

Итак, устный, то есть из уст в уста, источник новостей представлен в вестях-курантах глаголом *слышать / слышать* в значении приема информации и соотнесенным с ним существительным *слух* в значении информационного (безадресного) продукта. Эти речевые единицы отражают позицию слушающего по приему информации. Ното loquens в вестях-курантах – это, прежде всего, **человек слушающий**, собирающий информацию с целью передачи ее определенному лицу, при этом коммуникация целенаправленная и закрытая.

Письменный путь получения вестей представлен в изучаемых памятниках гораздо беднее – в основном, глаголом **писать** и, намного реже, **печатать**, а также их производными, на-

пример: перевод с посылные грамотки что *пишет* из Колывани Дирик Дал к торговому иноземцу [3. С.38], он *пишет* что он не мыслить итти из Мерские земли [3. С.33], а *пишет* ко мне переводчикъ изо Пскова ... и обо всем учну *писати* [3, с.168], от камисаров *пишут* что будто [2. С.23], в вестях *пишут* что [2. С.83], а в грамотках *пишут* [3. С.173] и про то *пишут* в новых грамотках ис таборов [3. С.20], *пишуть* изо многихъ местъ что [3. С.187], из Париса *пишут* что там еще все дела в добром постоянстве [3. С.26], из Аглинской земли *пишут* что [3. С.31], с Северново моря *пишут* что [3. С.32], а из Шпанской земли *пишут* что [3. С.45], в моих последних писмах ко мне *пишут* что [3. С.76], а иново изо Гданска ничево ко мне *не пишут* [3. С.77], изо Пскова *пишут* что [3. С.87], *пишут* из Копенгагена в Любак что [3. С.101]; а ко мне *писал* Беграни из [21. С.22], *писал* чтоб у него карабельного владетелства не отнять [3. С.18], а *писали* оне к нему и место имяновали куды им быт [3. С.24], к вшей млсти *писал* что [3. С.65], а к шпанским начальным людем *писали* сюды в Брюсель чтобы туто уговоритца как бы имъ воину вестъ [3. С.103]; *писана* в Риге ... а внизу у того писма *написано* [3. С.43], ниже сего в росписи *написаны* [3. С.11]; и к тебе о том *отписал* [3. С.38], к вашей млсти самъ *отпишет* [3. С.42], чтоб вскоре на то ответ *отписати* [3. С.54] и др.; еще *не печатны* [2. С.40], в *печатных* местах *напечатано* [3. С.290], и того вскоре *напечат* нелзе [3. С.11] и др.

Таким образом, *весть* (новость) всегда имеет словесную форму (текст), это то, что порождено речевым актом – устным или письменным. *Весть* формулируется в виде сообщения (есть адресат). Вестовщик собирает весте, непосредственно наблюдая за происходящим и создавая свой текст (в этом случае нет ссылок на чужие слова), либо, слушая других, передает чужой текст со ссылкой на источник.

В вестях-курантах немало текстов, в которых дано описание развернутых информативно-коммуникативных событий. Большею частью это тексты исконно русские. Приведем отрывок из «*Отписки В.А. Черкасского и Н. Талызина царю Михаилу Федоровичу*», март 1644 г.: ... *пи-*

сали к намъ холопом твоим из Великого Нова-города ... и прислали с новгородским стрелцом ... твою... *грамоту* а в твои гсдрве грамоте *писано* велено нам... *розведат* накрепко ... *розведыват* *подлинно* что у них нне делаетца а *розведавъ* про всякие *вести* велено *отписати* к тебе... а отписки велено отдат в Посолском приказе твоим... мы... послали для *вестей* *проведат* а что гсдръ нам холопом твоим *вестей* *каких* *объявитца* и мы холопи твои *отпишемъ* к тебе гсдрю тотчас ... *писал* к тебе... де *сказывал* ... намъ холопом твоим переводчик Матвей Веиресь что он *слышал* от... *сказывал* нам холопом твоим псковитин посадкою члвкъ таможенной голова Федор Омелянов что он *слышал* на немецком дворе от приезжих неметцких людеи... [3. С.139–140].

Далее на других листах используются практически те же обороты, содержащие высказывания о необходимости **сбора информации** (*про всякие вести розведыватъ подлинно; проведат накрепко; и про всякие вести велети розведыватъ подлинно; проведат про всякие вести*), о ее **передаче** (*розведавъ про всякие вести велено писати к тебе; писать тотчас*), об **устном источнике информации** (*сказали ему что...; сказал ходил де он; а сказал слышел де он; сказывал нам; сказал ехал де; сказывали де на гостине дворе; а сказывают что; сказал ему что; они де говорили с ним в розговоре; а говорят де что*) или **письменном источнике информации** (*ничево не писывали; писал к нам*), о **наличии или отсутствии информации** (*того они не ведают*).

«Фундаментальным признаком Ното Loquens и соответственно Говорящего и Слушающего является активность в акте коммуникативной деятельности» – пишет А. А. Чувакин [12. С.4]. В этой и других «отписках», изначально созданных на русском языке (непереводных), используется намного больше лексики, связанной с информационно-коммуникативным процессом, т.е. с разного рода деятельностью Ното loquens. В переводных же грамотах русская лексика этого семантического поля применяется для выражения чуждой ментальности, поэтому оказываются востребованными, как правило, только ключевые единицы, связанные непосредственно с говорением – слушанием. В собствен-

но русских документах автор не скован нормами иноязычного текста и творит в рамках складывавшихся в России в XVII в. правил делового общения. «Конец XVI – начало XVII в. – время, когда закладываются основы русского национального языка» [8. С.258].

Приведем еще один пример – отрывок из распросных речей: а мы холопи твои про всякие *вести* их *роспрашивали* а что гсдръ намъ холопомъ твоимъ они *в роспросе* *сказали* и мы холопи твои те *роспросные речи* послали к тебе... под сею *отпискою*... приехали в Великий Новгород из за рубежа новгородцы посадцкие люди Иван Тетеринъ да Оверка Бородулин А *в роспросе* *сказали* ездили де они за рубеж... а *вестей* *сказали* что де в Свеиской земли збирають немецких ратных людеи... а *говорят* что де они боятца приходу гсдрвых ратных людеи... приехал... немчин Улфъ и *сказывал* де ему Оверке что приходили из Дацкой земли морем под Колыван дватцат караблеи... Да они ж Иванъ и Оверка *слышели* в Колыване *в розговоре* от торговых... многие люди *говорят* что чають приходу и литовских воинских людеи... Да он же Иван *сказал* как де он был в Колыване... и при нем посылан был... немчинъ... *для проведываня вестей*... Да они ж Иванъ и Оверка *слышели* в Колыване от служивых и ото всяких людеи что свеиские люди *промеж себя* *говорят*... *похваляютьца*... и которые де у себя *сказали* что у нихъ будетъ хлеба и всяких запасов на год... [3. С.184–185].

В данном фрагменте текста находим следующие компоненты интересующего нас семантического поля – всего 10 единиц: *сказал* (-и, -ывал) (6 употреблений), *говорят* (3 уп.), *похваляютьца*, *в розговоре*, *в роспросе*, *роспрашивали*, *роспросные речи*, *слышели* (2 уп.), *вести* (-ей) (3 уп.), *отпискою*. Здесь содержится 10 случаев использования слов, обозначающих процесс говорения (*сказать, говорить, похваляться*), 2 случая употребления глагола слушания (*слышать*), 4 примера, отражающих двустороннюю прямую устную коммуникацию (*розговор, роспрос, роспрашивать, роспросные речи*), 4 примера использования слов, обозначающих собственно текст (*вести, отписка*) – всего 20 употреблений.

«Человек как субъект речевой коммуникации отличается активностью, самостоятельностью, независимо от того, какую функцию – говорящего (пишущего) или слушающего (читающего) – в тот или иной момент он выполняет», – пишет А. А. Чувакин [13. С.150]. В непереводных текстах значительно повышается роль лексики, обозначающей речь, используются самые разнообразные обороты, разные оттенки смысла передаются синонимами. В то же время в переводах пишущий намного более сдержан в своих речевых комментариях, так как ограничен исходным текстом, в котором описание фактов превалирует над металингвистической составляющей. Хотя в целом «структурная однотипность сообщений, помещаемых в вестях-курантах, а также переводной характер многих из этих сообщений, не говоря уже о повторности описания одних и тех же событий, способствовали активному проявлению синонимии русского языка» [2. С.14]. Вести-куранты складывались «не без воздействия на них литературных влияний, поскольку переводчики Посольского приказа были причастны к литературной работе» [2. С.14].

Известно, что любое речевое общение происходит в рамках коммуникативной ситуации, которая состоит из таких компонентов, как говорящий (отправитель сообщения, адресант), слушающий (получатель, адресат), отношения между ними (контакт), цель (передача информации и др.), средство общения (какой язык и др.), способ (канал) общения (устный – слуховой канал, письменный – зрительный канал, контактный, дистантный), место общения (контекст), стиль (коммуникативный регистр), предмет речи и само сообщение. Передача сообщений от одного человека к другому осуществляется в форме коммуникативных актов. В вестях-курантах отражена достаточно сложная схема речевой деятельности, выходящая за рамки классической диалоговой пары «говорящий – слушающий». В данных памятниках XVII в. представлено несколько коммуникативно-речевых этапов: а) *говорение* одного человека или неопределенного количества лиц; б) *слушание* без участия в диалоге (хотя в отдельных контекстах и использована лексема *спрашивать*, но в описании третьих

лиц, например: «а тот де Еган его спрашивал был ли он тогда на Москве» [3. С.121]); в) *запись* говорения (услышанного); перевод; г) *чтение* записи вслух; д) *слушание* чтения. Содержание исходного высказывания воспринимается здесь дважды – непосредственно в прямом контакте и через посредника в результате пересказа.

Сопоставление номинативных единиц, отражающих разные виды речевой деятельности в вестях-курантах, с соответствующими словами в текстах современных СМИ может, на наш взгляд, дать интересные результаты. Так, в текстах XVII в. наиболее часто используемыми оказываются такие наименования разных информативно-коммуникативных актов, как *ведомо учинилося, весть пришла, говорят, сказывают, слышали, пишут* и некоторые другие. В современных средствах массовой коммуникации также частотны глаголы *говорить* и *писать*, хотя ими обычно обозначаются высказывания определенного лица (*говорил, говорила*) или конкретной группы лиц (*говорили*). Вот некоторые примеры использования слов, связанных с обозначением речевой деятельности человека: *считает, высказался, предложил, рассказал, выяснили, процитирую* (телевизионная новостная передача «Вести» 26.07.2012), *отметил, стало известно, рассказала, ответили, сообщили, написал, говорили, не сообщается, спросил, пообещал, сказали, говорит, по словам, вспоминает, рассказывает* (ижевский еженедельник «Центр» 26.07.2012).

«Новости – важнейший компонент в жизни индивидуумов, групп, обществ и государств. Они ежедневно, по несколько раз в сутки, представляют нам мир в его реалиях. И для того чтобы поток новостей не прерывался, для их производства работает много людей. Новости – это процесс, даже соединение многих процессов, благодаря которым «сырая информация» перерабатывается в новый продукт» [5. С.137]. На заре российской журналистики вестовщик должен был сам выстраивать всю коммуникативную цепочку ради скорейшего новостного потока, он *разведывал накрепко, слушал в слух, что сказывают люди, и писал тотчас про всякие вести*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Васильев Л. М.** Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения). Уфа: изд-во Баш. ун-та, 1981. 72 с.
2. Вести-куранты. 1600–1639 /под ред. С. И. Коткова. М.: «Наука», 1972.
3. Вести-куранты. 1642–1644 /под ред. С. И. Коткова. М.: «Наука», 1976.
4. **Дридзе Т. М.** Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. 268 с.
5. **Зернецкая О. В.** Новостийные медиа в политическом дискурсе // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Минск: БГУ, 2000. С. 137–144.
6. **Кощей Л. А., Чувакин А. А.** Ното Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.: Барнаул, 2006. Вып. 6. С. 136–153.
7. **Кукса И. Ю.** Модальная специфика русской рукописной газеты «Вести-Куранты» // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 4. С. 23–29.
8. **Ларин Б. А.** Лекции по истории русского литературного языка (X–XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
9. **Панкратова Н. П.** Из истории слов ведомо, вестно, вестимо и известно // Русская историческая лексикология. М.: Наука, 1968. С. 203–210.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (в – волога). М.: Наука, 1975.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (персть – подмышка). М.: Наука, 1989.
12. **Чувакин А. А.** Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосиб. ГУ, 2004. С. 88–97.
13. **Чувакин А. А.** Основы филологии. – М.: Флинта: Наука, 2011. 242 с.

УДК 81.42 (045)

Т.А. Воронцова

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА МИГРАНТ В РОССИЙСКОМ КОЛЛЕКТИВНОМ КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Челябинский государственный университет

*В статье рассматривается процесс трансформации концепта мигрант в массовом сознании носителей русского языка во второй половине XX-начале XXI века.***Ключевые слова:** дискурс, концепт, языковое сознание, социальная оценка, оценочный компонент.

Т.А. Vorontsova

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF MIGRANT IN RUSSIAN COLLECTIVE COGNITIVE SPACE

Chelyabinsk State University

*This article deals with the process of transformation of the concept of migrant in the mass consciousness of Russian speakers from the middle of the XX to the early XXI century.***Keywords:** discourse, concept, linguistic consciousness, social assessment, evaluation component.

Даже самый поверхностный анализ современного российского дискурса делает очевидным тот факт, что в последнее десятилетие концепт *мигранты* является одним из социально значимых концептов в российском коллективном когнитивном пространстве¹.

Если исходить из того, что «за каждым словом стоит структура знания или оценки, явления, убеждения и т.д.» [10. С.311], то ответить на вопрос, почему слово *мигрант* столь активно существует в современном лексиконе, и не только в политическом, публицистическом, но и в бытовом, можно лишь выяснив, что вкладывается сегодня в содержание концепта, стоящего за данным словом. Как пишет Е. С. Кубрякова, «... как только возникает необходимость разъяснить суть нового обозначения, аналитику приходится ... пройти путь от обозначения к структуре знания, за ним стоящей, соотнести элементы этой структуры со способами их выражения, а во всех этих действиях разложить концепт на его составляющие...» [10. С.318].

Как известно, смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями и т.д., являются объектом концептуального анализа. Структура и содержание концепта «выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [1. С.129].

¹ Вслед за В. В. Красных мы рассматриваем коллективное когнитивное пространство как определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум. [Красных 2003. С.61].

До 90-х годов XX века концепт *мигранты* в российском языковом сознании существовал как понятие². В малом академическом Словаре русского языка есть помета, свидетельствующая о терминологическом характере употребления слова: *Мигранты* – истор., этногр – мигрирующие народы, племена, слои населения МАС т. 2. с.266.

В большинстве толковых словарей современного русского языка второй половины XX в. слово *мигрант* либо отсутствует, либо прямо соотносится со словом *миграция*. Например: **Мигрант** [< лат. Migrans (migrantis) – переселяющийся] – лицо, *совершающее миграцию* | См. *иммигрант, эмигрант*.

Миграция. [< лат. migratio переселение]. *Переселение, перемещение населения внутри страны – внутренние миграции населения, из одной страны в другую – внешние миграции населения (эмиграция и иммиграция)* [15. С.378]

По определению А. Вежбицкой, лексическое значение, зафиксированное в словаре, – это то, что люди имеют в виду, когда они употребляют слово [3. С.236]. Как видим, понятие *мигрант*, представленное в данных словарях, актуализирует только смысловой компонент *переселение, перемещение*.

Этот же смысловой компонент присутствует в концепте *переселенцы*, который, в отличие от концепта *мигранты*, репрезентировался не только в научном, но и в других типах дис-

² *Понятие* – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. [Попова, Стернин 2001. С. 72].

курса: бытовом, художественном, публицистическом. Согласно словарному определению, «**переселенец** – тот, кто переселяется, переселился или кого переселили на новое место, на новые земли. [14. Т. 3. С.94]. При этом вряд ли можно говорить об актуальности данного концепта для носителей русского языка применительно к советскому периоду. Как известно, граждане Советского Союза перемещались исключительно внутри страны, причем, массовые перемещения происходили, как правило, под контролем государства (освоение новых территорий, народные стройки и т.п.). Для обозначения участников таких процессов создавались специальные идеологемы: *герои народных строек, покорители целины* и т.п. Масштабные стихийные перемещения связаны только с периодом Великой Отечественной войны. Именно в этот период актуализируется концепт *беженцы* для обозначения людей, покидавших свое место жительства, спасаясь от бедствий войны.

По эти причинам концепт *переселенцы* в языковом сознании советского периода не имел жесткой смысловой структуры и сохранял в качестве смыслового ядра «идею» переселения на новое место. Данная номинация использовалась (и используется) применительно к любому историческому периоду, вне связи с какими-либо географическими или этническими характеристиками.

Ср.: *Первые снимки доносят к нам образ переселенцев, оседавших на целине Великих равнин.* (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном (1977); *А за ними индейцы — последняя волна переселенцев из Атлантики...* (М. Анчаров. Самшитовый лес (1979); *Отсюда растекался непрерывный поток переселенцев по всему Уралу.* (С. Плеханов. Заводская старина // «Техника – молодежи», 1977); *Оттуда, из Океании, пришла одна из волн древних переселенцев на Японский архипелаг.* (К. Преображенский. Пасынки самураев // «Вокруг света», 1989).

Синонимия номинаций *мигрант* и *переселенец* позволяет говорить об отсутствии экстралингвистических оснований для актуализации концепта *мигранты* в языковом сознании носителей русского языка вплоть до 90-х годов XX века.

Концепт как ментальный комплекс знаний и представлений о той или иной реалии может претерпевать изменения в коллективном когнитивном пространстве только при наличии ряда факторов.

1. Для того чтобы воздействовать на коллективное сознание (а речь в данном случае идет о самой широкой адресации), необходимо большое количество дискурсов и множество адресантов, поскольку «индивидуальное культурно-лингвистическое представление, оставаясь самим собой, испытывает действие общепринятого, но в то же время может оказывать на него влияние и приводить (**при поддержке других**) [выделено нами. – Т.В.] к известным модификациям общепринятых в социуме культурно-языковых понятий» [6. С.74–75]. Своеобразным «проводником» таких модификаций является, в первую очередь, публичный дискурс.

2. Такие изменения тесно связаны с экстралингвистической ситуацией. Известно, что концептуальные изменения особенно активно происходят на поворотных этапах развития общества [6. С.78, 4].

3. Как правило, таким изменениям подвергаются концепты, наиболее актуальные для данного общества в данный период.

4. Изменениям в первую очередь подвергаются концепты, не обладающие конкретным содержанием и жесткой структурой (например, *демократия, реформа* и др.).

«Реконструкция концепта»: изменение содержания или перестройка смысловой структуры концепта [8. С.43–45; 4. С.244–288] порождает «постоянные семантические сдвиги», которые, как замечает Д. Х. Хаймс, «едва ли можно объяснить иначе, чем каким-то сдвигом в когнитивной ориентации» [18. С.234].

Реструктуризации концепта может осуществляться путем актуализации одного из компонентов его смысловой структуры, с внесением нового содержания в концепт или с изменением аксиологического соотношения смысловых компонентов [4. С.210–288].

«Изменения когнитивной базы общественного сознания в постсоветский период привели как к новой семиотичности старых понятий, так и к возникновению новой семиотичности» [12.

С.85]. Актуализация и последующее расширение концепта *мигранты* в российском языковом сознании обусловлены такими экстралингвистическими процессами, как распад СССР и, как следствие, массовый исход русского населения из бывших советских республик.

Как известно, структура и содержание концепта «выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [1. С.29]. В Толковом словаре русского языка конца XX века, в отличие от других толковых словарей данного периода, в определении понятия мигранты актуализируется прежде всего социальный смысл: «**Мигранты** – люди, **вынужденные** [выделено нами. – Т.В.] покинуть свое место жительства в силу экономических причин, притеснений по национальному признаку, природных катастроф и т.п.». Особого внимания заслуживает иллюстративный материал к данной словарной статье:

Возрастает поток мигрантов из республик бывшего СССР.

Потенциальных мигрантов, готовых в буквальном смысле бежать отсюда, судя по данным опроса, больше всего в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии и других среднеазиатских республиках (Московские новости, 27.01.91) [16. С.385].

Данный процесс находит свое отражение и в медиадискурсе, и в политическом, и в бытовом дискурсе. Анализ как медиаисточников, так и других типов дискурса свидетельствует о том, что в российском языковом сознании конца XX века *мигранты* – это **русские**, вынужденные уехать из республик бывшего СССР из-за национальных проблем. Не случайно в данный период концепт *мигранты* в значительной степени сближается с концептом *беженцы*. Об этом свидетельствует и почти полное совпадение словарных определений, данных каждому из этих слов в Толковом словаре конца XX века. Ср.: «**Беженцы** – покинувшие место своего проживания в результате неблагоприятных условий жизни (из-за стихийного бедствия, по политическим, расовым, религиозным и т.п. причинам». Еще более показательна текстовая иллюстрация к данной словарной статье:

В России насчитывается около 600 тысяч мигрантов из стран ближнего зарубежья, которые получили статус беженцев (Смена 27.04.94) [16. С.78.]

В 90-е годы XX века в сознании носителей русского языка *мигранты* – это **русские**, приехавшие на «историческую родину» на постоянное место жительства. Как правило, большинство таких переселенцев – это высококвалифицированные специалисты, интеллигенция (врачи, учителя, ученые, инженеры и т.д.). Данные экстралингвистические факторы обусловили отсутствие негативного оценочного компонента в смысловой структуре концепта *мигранты* конца XX–начала XXI века. На это указывают способы репрезентации данного концепта: **вынужденные мигранты** – **вынужденные переселенцы** – **беженцы**.

Например: 1. *Необходимо регулирование потоков вынужденных мигрантов и беженцев, создание условий для их рационального размещения на территории страны...* (Жизнь национальностей, 2000.06.23)

2. *Так что цифра официально признанных вынужденных мигрантов преувеличена более чем в 10 раз.* (Известия», 2001.10.04)

Об отсутствии оценочного компонента в структуре данного концепта свидетельствуют и контексты, репрезентирующие данный концепт. Ср.: *Почти везде доля русских в общем потоке прибывающих из стран СНГ мигрантов превышает половину от общей численности.* (Богатей (Саратов), 2003.05.29). Более того, общий эмоциональный посыл контекстов, репрезентирующих данный концепт – это сочувствие к мигрантам. Например: *Когда мигранты из бывших республик хлынули в Россию, она не смогла остаться равнодушной к их бедам...* (Вестник США, 2003.07.23).

Таким образом, в 90-е годы в ядерной зоне концепта *мигранты* оказываются следующие смыслы: а) этнический показатель – русские; б) причина переселения – дискриминация по национальному признаку; в) цель приезда – стремление к безопасности, стремление жить в привычной культурной среде, сохранив свой социальный и профессиональный статус; г) намерение жить

в России постоянно. Все это позволяет говорить о том, что в 90-х годах XX века концепт *мигранты* в коллективном когнитивном сознании россиян ассоциируется со сферой **свои**.

К началу XXI-го века массовое переселение русских с постсоветского пространства практически заканчивается, люди, приехавшие в Россию так или иначе встраиваются в социум. В связи с этим концепт *мигранты* в том виде, в котором он существовал в коллективном когнитивном пространстве в последнее десятилетие XX века, теряет свою актуальность. Однако в этот период экономическая ситуация в ряде стран ближнего зарубежья, в основном в республиках Средней Азии, способствовала тому, что в Россию в поисках работы стали приезжать коренные жители этих стран. Масштабность этого процесса, с одной стороны, обусловила сохранение концепта *мигранты* в числе социально значимых концептов, с другой – способствовала трансформации его содержания. Теперь в ядерной зоне данного концепта оказываются следующие смысловые параметры:

а) этнический показатель – выходцы из Средней Азии или с Кавказа. Не случайно в медиаисточниках обозначения *мигранты* и *азиаты* или *кавказцы* могут употребляться как синонимы. Например: *17 азиатов заталкивали в «Газель» «Ладу». Не получалось. Но настырные мигранты старались так, что не замечали происходящего вокруг* (Комсомольская правда СПб, 04. 2013);

б) мигранты – это люди, приехавшие в Россию **на время** с целью – **заработать деньги**. Данный смысловой компонент реализуется, во-первых, за счет широко распространенного определения: *трудовые мигранты*, во-вторых, за счет полной синонимии номинаций *мигрант* и *гастарбайтер*. Например: *В июле текущего года УФМС совместно с некоммерческой исследовательской службой «Среда» провели опрос среди трудовых мигрантов, в котором приняли участие порядка 400 респондентов из наиболее многочисленных диаспор. Как показали результаты, лишь треть мигрантов свободно говорит по-русски, порядка половины все понимают, но допускают ошибки в речи и около 20% практически не говорят на языке страны пребывания... Спрашивали гастарбайтеров о том,*

как они относятся к перспективе посещать курсы русского языка... (<http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/12/24/1075281.html>).

Примечательно, что в современных толковых словарях русского языка понятие *гастарбайтер* вообще не связано с российской действительностью. Ср.: *гастарбайтер* – [нем. *Gastarbeiter* – рабочий-иммигрант от *Gast* – гость и *Arbeiter* – рабочий]. В Германии и некоторых других странах: *рабочий-иммигрант, приехавший на заработки в одну из промышленно развитых стран западной Европы*. [2].

Между тем, данная номинация широко представлена в российском дискурсе начала XXI века и репрезентирует те же смыслы, что и концепт *мигранты*: *гастарбайтеры* – это люди, приехавшие на заработки в Россию из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. Контекстуальное употребление данных номинаций позволяет говорить о том, что *мигранты* и *гастарбайтеры* – это способы обозначения одного и того же концепта.

Например: *Другие квоты – на привлечение трудовых мигрантов, прозванных в народе гастарбайтерами, – не изменились* (<http://www.ntv.ru/>).

Такая трансформация ядерной смысловой зоны повлекла за собой изменение (расширение) периферии данного концепта за счет включения целого ряда оценочных смысловых зон. Как правило, данные смысловые зоны отражают социально значимые реалии, которые находятся в сфере ключевых интересов всего общества и связаны с угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т.п. К числу таких смыслов можно отнести следующие:

а) мигранты пренебрегают цивилизационными правилами и нормами культуры.

Так, в массовом сознании россиян уже закрепился многократно транслируемый СМИ поведенческий стереотип мигрантов: *«... мигранты на лестничных клетках и во дворах режут баранов, на балконах жарят шашлыки, а женщины, как привыкли у себя в кишлаках и аулах, ходят в магазин в халатах и тапочках»*. (Экспресс-газета, 2011).

б) мигранты пренебрегают правилами гигиены, «везут» в Россию опасные инфекционные заболевания:

Мигранты – резервуар туберкулезной инфекции (ИА REGNUM Новости);

Мигранты привозят в Воронеж туберкулез, сифилис и СПИД (Блокнот. Главные новости Воронежа. 2013);

с) мигранты обладают низкой профессиональной квалификацией, поэтому не могут качественно выполнять работу:

В большинстве обувных мастерских теперь работают мигранты-самоучки, не имеющие профессионального образования. (Смена, 2012)

Столичные школы ремонтируют в основном мигранты ... Низкая квалификация работников оборачивается и неудовлетворительным качеством ремонта. Были выявлены нарушения на 60 процентах объектов. « (Московский корреспондент, 2012).

d) мигранты нарушают закон, совершают преступления:

Из банкомата на проспекте Славы мигранты пытались похитить более 2,5 млн. рублей

(<http://www.baltinfo.ru>, 2013); *Мигранты душили прохожих из ненависти к «зажравшимся москвичам»* (Комсомольская правда, 04. 2013); *Два человека попали в больницу после конфликта мигрантов на Малой Посадской* (<http://www.baltinfo.ru>, 2013).

Наличие этих смысловых зон, потенцирующих негативную социальную оценку, сопровождается определенными смысловыми сдвигами внутри концепта, и это неизбежно влечет за собой негативизацию всего концепта в целом. «Предметное значение формируется оценкой, ведь оценка определяет, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих – как в ближайший, так и в более широкий социальный кругозор данной социальной группы... Изменение значения есть, в сущности, всегда переоценка: перемещение данного слова из одного ценностного контекста в другой» [5. С.439]. В результате, как справедливо отмечает Т.Г. Скребцова, исследовавшая образ мигранта в современных российских СМИ, «происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической» [13. С.117].

Постоянная и последовательная актуализация негативных оценочных смыслов в публичном дискурсе (прежде всего в дискурсе СМИ) фактически свидетельствует о том, что концепт *мигранты* из сферы **свои** перешел в сферу **чужие**. При этом, несмотря на то, что средства массовой информации сегодня играют важную роль в процессе формирования коллективного когнитивного пространства, СМИ вряд ли можно считать решающим фактором в процессе реконцептуализации концепта *мигранты*. «Внести нечто совершенно новое в массовое сознание – дело практически безнадежное, можно лишь актуализировать те комплексы представлений, которые уже существуют в головах людей» [7. С.11]. В связи с этим трудно не согласиться с Г.Г. Хазагеровым, который отмечает, что «СМИ вовсе не способны изменять картину мира: всякое новое или вошедшее в моду слово, даже пережив «реконцептуализацию» попадает «в уже заселенное пространство» [17]. В этом смысле применительно к концепту *мигранты* публичный дискурс отражает объективно существующую в социуме негативную ситуацию.

Тот факт, что номинация *мигранты* начинает активно использоваться в контексте с негативной модальностью множеством адресантов во множестве различных дискурсов, свидетельствует о том, что в современном российском массовом сознании данный концепт представляет собой стереотип, т.е. «некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в сознании. Особенностью процесса стереотипизации объективной действительности является известное упрощение, «сокращение» этого фрагмента в процессе познания». [4. С.200]. Концепт *мигранты*, будучи негативным стереотипом, транслирует в массовое сознание установки и предубеждения, которые могут «спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов» [13. С.118].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
2. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

3. **Вежбицкая А. Язык.** Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
4. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
5. **Волошинов В. Н.** Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М. М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 72–96.
6. **Воробьев В. В.** Лингвокультурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997. 331 с.
7. **Гудков Л. Идеологема врага.** «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
8. **Демьянков В. З.** Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. М., 2001. № 1. С. 35–47.
9. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М.: ТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
10. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
11. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Очерки по когнитивной. Воронеж: ИСТОКИ, 2001. 191 с.
12. **Синельникова Л. Н.** Подвижность вербальной среды как свойство языка и возможность манипуляции сознанием // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвуз. центр «Крым», 2003. № 37. С. 83–87.
13. **Скребцова Т. Г.** Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). С. 115–118.
14. **Словарь русского языка в четырех томах.** М.: Русский язык, 1985–1988.
15. **Современный словарь иностранных слов.** М.: Русский язык, 1992. 740 с.
16. **Толковый словарь русского языка конца XX века.** Языковые изменения. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. 700 с.
17. **Хазагеров Г. Г.** Что слышит слушающий // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru>.
18. **Хаймс Д. Х.** Два типа лингвистических отношений // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7: Социолингвистика. С. 229–298.

УДК 82.07

Л. И. Донецких, Е. И. Лелис

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОДТЕКСТА У А. П. ЧЕХОВА

Удмуртский государственный университет

Одним из способов экспликации подтекста в прозе А. П. Чехова является такое использование словообразовательных, морфологических и синтаксических средств, которое позволило писателю формировать грамматическое единство художественного текста как поле экспликации их смыслопорождающих свойств.

Ключевые слова: грамматическое единство художественного текста, подтекст, идиостиль.

L. I. Donetskikh, E. I. Lelis

GRAMMATICAL MEANS OF IMPLICATION FORMATION IN A. P. CHEKHOV

Udmurt State University

One way of explication of subtext in A. P. Chekhov's prose is the use of word-formation, morphological and syntactic means which allowed the writer to form grammatical unity of a literary text as a field of an explication of their meaning generative properties.

Keywords: grammatical unity of a literary text, implication, idiostyle.

Смыслообразующий потенциал грамматических средств в поэтике А. П. Чехова изучен пока крайне недостаточно, хотя, по нашим наблюдениям, и словообразовательные, и морфологические, и синтаксические уровни его прозаических произведений для филолога представляют большой интерес.

Среди словообразовательных средств чаще всего писатель обращается к эстетическим потенциям морфемного повтора, синонимии, антонимии и омонимии словообразовательных аффиксов, использованию однокоренных слов,

суффиксальной экспрессии. Частотны также одновременная актуализация языковых значений многозначного слова – так называемая семантическая деривация – и использование слов в индивидуально-авторском значении. Все эти средства включены в систему языковой и надязыковой экспликации *локального* и *текстового*, *рационального* и *иррационального* видов подтекста в целом ряде произведений, среди которых «Попрыгунья», «В ссылке», «Палата № 6», «Страх», «Рассказ неизвестного человека», «Бабы царство», «Скрипка Ротшильда»,

«Три года», «Дом с мезонином», «Мужики», «В родном углу», «Ионыч», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «В овраге» и др.

Выразительные средства словообразования многофункциональны и значимы для смысловой структуры чеховского текста. Морфемный повтор используется писателем для передачи авторской иронии по отношению к герою или группе героев, как, например, в рассказе «Попрыгунья». «Знаменитые» и «необыкновенные» «друзья и добрые знакомые» Ольги Ивановны, претендуя на статус творческой элиты, на самом деле не представляют собой ничего особенного, не обладают яркими личностными качествами и пошлы в своей бесконечной повторяемости. Поэтому при перечислении «исключительных достоинств» художника Рябовского автор расставляет акценты при помощи морфемного повтора, подкрепленного ритмикой. *Рациональные* и *иррациональные локально* формируемые подтекстовые смыслы перетекают друг в друга:

«<...> *жанрист, анималист и пейзажист*» [8. т. 8. С.7].

И ниже о нем же как о человеке, который вполне отвечает внешней атрибутике знаменитости (что отнюдь не свидетельствует о его талантливости):

«<...> *имевший* успех на выставках и *провадший* свою последнюю картину за пятьсот рублей» [8].

Морфемный повтор может акцентировать внимание на свойствах описываемого предмета, как, например, в рассказе «Бабье царство»:

«Ах, *нехороший*, гнилой, *нездоровый* дом!» [8. т. 8. С.259].

Или в рассказе «Крыжовник»:

«Иван Иваныч и Буркин испытывали уже чувство *мокроты, нечистоты...*» [8. т. 10. С.56].

Словообразовательные акценты могут быть расставлены и в проекции на всю систему образов, как в рассказе «Дом с мезонином». Тогда они берут на себя функцию компонентов *текстовой* системы экспликаторов подтекста. Художник обречен на постоянную *праздность*, помещик Белокуров всячески подчеркивает свою *деловитость*, основная черта семьи Волчаниновых – *порядочность*, смысл жизни Лиды Волчаниновой – *духовная деятельность*.

Морфемный повтор оказывается вовлеченным в архитектурную плоскость этого рассказа, выстраивая психологический, подтекстовый сюжет о том, как вместо ожидавшегося *счастья* героя настигло *одиночество*. Бессмысленный спор художника и Лиды об *абстрактных* вещах, таких как *мужицкая грамотность, смертность, потребности*, духовные *способности*, и последовавший за ним неожиданный отъезд Мисюсь перечеркивают все надежды.

Герой повести «В овраге» фальшивомонетчик Анисим в церкви во время венчания вдруг прослезился. Венчание в церкви – один из ключевых моментов сюжета, поэтому его языковое оформление значимо в проекции на весь *текст* и существенно для реализации идеосмыслов. Психологическое состояние Анисима, акцентированное в том числе и с помощью морфемного повтора, – минутное духовное просветление перед теперь уже последним шагом в нравственную пропасть:

«И столько грехов уже наворочено в прошлом, столько грехов, так все *невылазно, непоравимо...*» [8. т. 10. С.153].

Эстетический потенциал морфологических и синтаксических средств в прозе А. П. Чехова еще богаче. Морфология текста просматривается через призму его синтаксиса, эти два языковых уровня в тексте органично слиты. Поэтому их отдельный анализ не всегда продуктивен. Рассмотрим некоторые из грамматических проекций чеховского текста в подтекст, намеренно разводя или накладывая друг на друга функционально-эстетический анализ морфологических и синтаксических средств.

Одна из идиостилевых черт А. П. Чехова – финальное переключение восприятия мира героем из сенсорного в ментальное, чему способствует грамматическая семантика. Например, в тексте рассказа «Бабье царство»:

«Она (Анна Акимовна, главная героиня – Е.Л.) *думала* теперь, что если бы можно было только что прожитый длинный день изобразить на картине, то все дурное и пошлое, как, например, обед, слова адвоката, игра в короли, были бы правдой, мечты же <...> выделялись бы из целого, как фальшивое место, как натяжка» [8. т. 8. С.296].

В рассказе «Случай из практики» доктор Королев, возвращаясь рано утром из поездки за город к больной, «думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такую же светлой и радостной, как это тихое, воскресное утро» [8. т. 10. С.85].

А.П. Чудаков, анализируя повествовательную структуру рассказа «Попрыгунья» и повесть «Палата № 6», отмечает: «Вводящие слова повествователя (“обыкновенно”, “каждый день”), настоящее и прошедшее несовершенное глаголов (“говорил”, “говорит”) – сигналы “типизированности” эпизода. Но при этом он обладает всеми особенностями однократного, “живого” эпизода. Обобщенность гасится построением» [9. С.207].

В.И. Тюпа, характеризуя особенности сюжетно-композиционного строения рассказа «Дама с собачкой», акцентирует внимание на видо-временных параметрах глаголов последней сцены, ретроспективно возвращающей читателя ко всему произведению. В этой сцене мысли героини впервые подвергаются вербализации. По мнению исследователя, это не случайно. «Теперь, – пишет В.И. Тюпа, – Анна Сергеевна существует для Гурова не во внешней ее характерности, а во внутренней своей личности. Чуть ниже личностная жизнь героев начинает характеризоваться и вовсе недифференцированно» [6. С.45]. Ср. в тексте:

«Анна Сергеевна и он *любили* друг друга, как очень близкие, родные люди <...>; им *казалось*, что сама судьба *предназначила* их друг для друга <...>. Они *простили* друг другу то, чего *стыдились* в своем прошлом, *прощали* все в настоящем и *чувствовали*, что эта их любовь *изменила* их обоих» [8. т. 10. С.143].

Такого рода примеры, на наш взгляд, образцы реализации потенциальных эстетических возможностей глагольных форм, акцентирующие единицы грамматической композиции текста, экспликатеры его смысловой глубины, идентификаторы идиостиля.

Многообразны проявления эстетических потенциалов морфологических средств, включенных в систему языковых стимулов формирования разных видов подтекста: *иррационального* и *рационального*, *локального* и *текстового*, *ав-*

торского и *читательского*. Среди частей речи большую эстетическую активность проявляют имена существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, категория состояния. Через свои грамматические категории и разряды эти части речи встраиваются в синтагматику и парадигматику текста, образуют его пространственно-временные координаты и обуславливают сложную систему взаимосвязей между сюжетом и композицией, героями и повествователем, а также разными уровнями осмысления текста. Эти явления носят идиостиловый характер, в той или иной степени проявляются во всех прозаических произведениях писателя.

Наиболее значимыми для создания смысловой глубины чеховского текста, по нашим наблюдениям, являются грамматические контрасты – использование языковых единиц, противопоставленных по частному грамматическому или лексико-грамматическому значению, например, одушевленных (*Гусев и человек*) и неодушевленного (*тело*) существительных, играющих роль ключей в рассказе «Гусев», имен собственных (*Уклево, Григорий Цыбукин, Аксинья, Липа*) и нарицательных (*овраг, старик, змея, жаворонок*) в повести «В овраге».

Особую эстетическую значимость приобретают у А.П. Чехова грамматические ряды – «накапливание» однородных грамматических компонентов как средство создания экспрессии и смысловых «лакун», например, компактное или дистантное употребление качественных имен прилагательных («В родном углу»), которые включены в систему грамматической композиции текста – основы возникновения *локальных* и *текстовых*, *рациональных* и *иррациональных* подтекстовых смыслов. В начале рассказа, окрашенном положительными эмоциями героини, которая после долгой учебы в столице едет в родной дом:

«<...> катите по степной дороге, и перед вами открываются картины, каких нет под Москвой, *громдые, бесконечные, очаровательные* своим однообразием» [8. т. 9. С.313].

В конце рассказа, ощутив себя одинокой и несчастной, она видит ту же пейзажную картину совсем иначе:

«Надо не жить, надо слиться в одно с этой *ро-скошной* степью, *безграничной* и *равнодушной*, как вечность...» [8. т. 9. С.324].

Частотны у А. П. Чехова случаи построения грамматической композиции текста, основанной на актуализированных грамматических формах – глаголов в разном времени и наклонении («Анна на шее», «В ссылке», «Палата № 6»). Например, в рассказе «Анна на шее» строгая симметрия форм будущего времени глагола в начале и в финале рассказа эксплицирует как безмерное тщеславие Модеста Алексеича, так и нерушимость законов, правил и ценностей мира, в котором он живет. В начале рассказа:

«Надеюсь, что когда я *получу* Анну второй степени, то...» [8. т. 9. С.162].

В финале, уже получив желаемое и нацелившись на следующую награду:

«Он намекал на Владимира IV степени и уже воображал, как он *будет* всюду *рассказывать* об этом своем каламбуре...» [8. т. 9. С.173].

Смыслорождающий механизм может «заводиться» благодаря грамматической метафоре. Это происходит в том случае, если образная актуализация элементов морфологической системы в тексте встраивается в общую образность текста: так ведут себя, например, временные и пространственные наречия («Ионыч», «Человек в футляре», «В овраге»), слова категории состояния со значением физического или психологического состояния человека или состояния природы («Попрыгунья», «Учитель словесности», «Мужики») и т. д.

В повести «Мужики» Николай Чикильдеев оценивает то, что увидел в родном селе: слова категории состояния преодолевают *локальную* значимость и встраиваются в систему *текстовых* векторов осмысления жизни в забитой нуждой и безысходностью крестьянской среде:

«В воспоминаниях детства родное гнездо представлялось ему светлым, уютным, удобным, теперь же, войдя в избу, он даже испугался: так было *темно, тесно* и *нечисто*» [8. т. 9. С.281].

«Кирьяк все три дня был страшно пьян, пропил все, даже шапку и сапоги, и так бил Марью, что ее отливали водой. А потом всем было *стыдно* и *тошно*» [8. т. 9. С.307].

А. П. Чехов в совершенстве овладел приемами актуализации грамматического и/или лексико-

грамматического значения, с помощью которого выражается позиция субъекта речи по отношению к действительности, собеседнику или сообщаемому, – так называемой грамматической прагматикой. Эти приемы он использует практически во всех своих поздних повестях и рассказах.

Ограничимся двумя примерами из повести «Скучная история», чтобы показать модель реализации грамматической прагматики, ведущей к глубинным смыслам. В тексте друг за другом следуют фрагменты приема Николаем Степановичем посетителей, как он сам их видит и оценивает.

В описании подчеркнуто вежливого разговора с коллегой в качестве субъекта действий выступает ироническое *мы*, поскольку все движения и жесты, совершаемые Николаем Степановичем и его гостем, зеркально отражают друг друга:

«*Мы* поглаживаем друг друга по талиям, касаемся пуговиц, и похоже на то, как будто *мы* ощупываем друг друга и боимся обжечься» [8. т. 7. С.264].

Ситуация и развлекает Николая Степановича, и раздражает. Эти чувства эксплицированы грамматическими и лексико-грамматическими средствами, выявляющими совместность действий участников речевой ситуации: использованием числительного *оба* («*Оба* смеемся»), взаимно-возвратного местоимения *друг друга* («поглаживаем *друг друга* по талиям», «расположены *друг к другу*», «щупаем *друг друга* и смеемся»), притяжательного местоимения *наш* («не можем, чтобы не золотить *нашей* речи всякой китайщиной»), синтаксическим параллелизмом и лексическим повтором («*Я усаживаю его* в кресло, а *он усаживает меня*»), концентрацией предложений с противительными союзами, фиксирующими подчеркнуто тщательно соблюдение участниками речевой ситуации этикетных норм («помогаю товарищу надеть шубу, *но* он всячески уклоняется от этой высокой чести», «товарищ уверяет меня, что я простужусь, а я делаю вид, что готов идти за ним даже на улицу») и т. д.

Это описание, помещенное в один абзац и представляющее собой сложное синтаксическое целое, заканчивается значимой фразой, акцентирующей внимание на том, что испы-

тание ритуалом Николай Степанович прошел благополучно, хотя оно и потребовало от него определенных усилий. Это подчеркивается вводным словом *наконец*, выражающим досаду героя на отнятое у него время; наречием *всё ещё* («до сих пор, пока что» [3, т. 1], фиксирующим момент «снятия маски» гостеприимства и особого расположения; вводным словом *должно быть*, эксплицирующим аналитически-саркастическое отношение Николая Степановича к произошедшему, усиленное метонимической подменой субъекта действия: не «я продолжаю улыбаться», а «лицо продолжает улыбаться»:

«И когда, *наконец*, я возвращаюсь к себе в кабинет, *лицо* мое *все еще* продолжает улыбаться, *должно быть*, по инерции» [3, т. 1. С.265].

Совсем иными средствами реализована грамматическая прагматика, вербализирующая подтекстовые смыслы, в описании приема следующего посетителя – неуспевающего студента, в очередной раз пришедшего к профессору сдавать экзамен.

Профессор ведет беседу покровительственным тоном. Он принципиален и строг. Его коммуникативное поведение обусловлено опытом общения с нерадивыми студентами. Это становится ясно благодаря использованию множественного числа существительных, грамматически подчеркивающих восприятие Николая Степановича ситуации как типичной и позволяющей ему выбрать привычную для этой ситуации коммуникативную стратегию: «таких *молодцов* <...> у меня ежегодно набирается человек семь», «ходят ко мне на дом только *сангвиники*, широкие *натуры*», «аргумент, который все *лентяи* приводят в свою пользу, всегда один и тот же».

В диалоге со студентом Николай Степанович занимает доминирующее положение: его речевая партия объемнее и синтаксически сложнее. Высказывания профессора категоричны. Это проявляется в использовании частицы *ну да* («1. Употр. при выражении подчеркнутого согласия, утвердительного ответа; *конечно*» [3, т. 2]), инфинитивных и обобщенно-личных предложений:

«Ну да! *Лучше потерять* даром пять лет, чем потом всю жизнь *заниматься* делом, которого *не любишь*» [8, т. 7. С.266].

В отличие от студента он может позволить себе открытую оценку собеседника и давать советы – этой цели служат вводные слова (*по-моему, очевидно, конечно*).

Профессор получает удовольствие от роли ментора, понимая, что студент находится в его власти, поэтому дает волю чувствам. Грамматически это проявляется в том, что Николай Степанович обозначен не как субъект действия, а как субъект состояния: роль подлежащего отдана существительному, называемому чувство («*мне* приходит *охота* немножко помучить студента»), используется безличная конструкция, фиксирующая эмоции в своем предикативном центре («*мне становится жаль* его», «*становится скучно*»).

Непреклонность требовательного педагога подчеркнута повтором побудительной конструкции, усиленной лексическим повтором глаголов в повелительном наклонении, и использованием вводного слова *итак*, инициирующим завершение разговора:

«*Подите еще почитайте* лекции и *приходите*» [8, т. 7. С.265].

«*Итак, почитайте* еще немножко и *приходите*» [8, т. 7. С.266].

Описания следующих посетителей – выпрашивающего покровительства докторанта и любимой воспитанницы Кати, включают в себя каждый раз новые компоненты грамматической прагматики как экспликатеры невербализованных смыслов. В результате перед читателем предстает многогранный образ Николая Степановича – не только как умного, интеллигентного, образованного человека, обладающего жизненной мудростью, исключительной наблюдательностью и чувством юмора, но и как непонятого, страдающего, одинокого. Проецируя этот образ на название повести, читатель приближается к пониманию подтекстово реализованной мысли автора о социальной роли человека, его духовных потребностях, поисках смысла жизни, ответственности за свою судьбу и судьбу близких.

С помощью грамматических средств в прозе А. П. Чехова подтекстово представлен процесс осмысления писателем человека и его взаимоотношений с действительностью. Кардинальными векторами в этом направлении становятся грам-

матическая экспликация пространства и времени. В ранних рассказах-сценках явлена по преимуществу статическая картина мира, в которой события и действия героев не меняют ни окружающую действительность, ни их самих. Подчиняясь логике жанра, художественное время выступает здесь исключительно как бытовое, а сюжет – в своей событийной завершенности. Герои проявляют себя как субъекты наглядно представляемых речевых, ментальных, физических действий, двигающих сюжет. Поэтому чаще всего в таких рассказах используются акциональные глаголы. Внимание автора фиксируется на событиях, действиях и переживаниях героев в их временной локализованности.

Пространство ограничено сюжетными событиями, в область внимания читателя часто попадают лишь единичные предметы и детали, играющие роль антуража событийного ряда.

Еще одна существенная черта таких событий и действий – отсутствие их детерминированности, что снимает вопрос о существовании связи между настоящим, прошлым и будущим и создает контекстные условия для реализации эстетического воплощения категорий единичности и случайности. Эти категории репрезентируются субстантивными и пронумеративными средствами в качестве второстепенных членов предложения, глагольными и именными предикатами с неузвальным значением. Приведем несколько примеров того, как начинаются такие рассказы.

«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»:

«*Пробило 12 часов дня, и майор Щелколов, обладатель тысячи десятин земли и молоденькой жены, высунул свою плешивую голову из-под ситцевого одеяла и громко выругался*» [8. т. 1. С.19].

«Перед свадьбой»:

«*В четверг на прошлой неделе девица Подзатылкина в доме своих почтенных родителей была объявлена невестой коллежского регистратора Назарьева*» [8. т. 1. С.46].

«Радость»:

«*Было двенадцать часов ночи. Митя Кулдаров, возбужденный, взъерошенный, влетел в квартиру своих родителей и быстро заходил по всем комнатам*» [8. т. 2. С.12] и т.д.

Как видим, в первых же предложениях каждого из рассказов дано собственное имя главного героя и глагольно-именными средствами определена пространственно-временная локальность сюжета, за которую персонаж, как правило, не выходит. Его мир замкнут и конечен, и автор выступает как судья, превосходящий своих героев по знанию жизни и непогрешимый в своей правоте.

Языковое мастерство А.П. Чехова в обрисовке момента как особого художественного фокуса, через призму которого в единичном можно рассмотреть целое, кристаллизуется уже в рассказах досахалинского периода. Во многих из них существенно усложняются морфологические и синтаксические способы обозначения художественного времени. Этот прием в своих поздних рассказах он будет использовать при изображении тех моментов, которые для героев станут этапами становления их нового самосознания. Так будет в «Попрыгунье», «Палате № 6», «Черном монахе», «Скрипке Ротшильда», «Студенте», «Учителе словесности», «Супруге», «Доме с мезонином», «Ионыче», «Случае из практики», «Даме с собачкой», «Архиерее», «Невесте», других повестях и рассказах, когда в структуре повествования появятся такие компоненты, как воспоминания и воображаемые картины, обусловленные психологическим или физическим состоянием героя: его фантазией, сном, дремотой, бредом. Эти компоненты проспективно и ретроспективно осложнят не только сюжетно-композиционное, но и хронотопическое пространство чеховских произведений, создав стереоскопическое поле экспликации подтекстовых смыслов.

Через многочисленные подтекстовые ассоциативно-вербальные и композиционные средства вводятся идеозначимые смыслы, основанные на философском восприятии пространства и времени: настоящее зависит от прошлого, обусловлено им («Именины», «Пари», «Гусев», «Дуэль», «Три года», «Анна на шее» и др.); разная оценка одних и тех же событий в прошлом и настоящем выявляет изменения во внутреннем мире героя («Учитель словесности», «Три года», «Анна на шее», «Мужики», «Ионыч» и др.); мысленно обращаясь к своему прошлому, герои подводят итог цепи событий («Попрыгунья», «Супруга»,

«Убийство» и др.) или всей своей жизни («Скучная история», «Скрипка Ротшильда», «Ионыч» и др.); воспоминания и воображаемые картины могут вытеснять реальность («Тоска», «После театра», «Скрипка Ротшильда» и др.) и т.д.

Функциональные особенности этих компонентов обуславливают формы их языковой презентации, нацеленные на текстовые и подтекстовые способы формирования идеосмыслов. Среди них наиболее значимы абстрактные существительные, обозначающие чувства героев и вербализирующие *иррациональную* подтекстовую стихию: *ужас, агонию* («Мститель»), *тревогу* («Убийство»), *пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью* («Черный монах»); качественные прилагательные с эмоционально-оценочной или характеризующей семантикой: будущее представлялось *страшным* («Дуэль»), *необыкновенный, редкий, великий* человек («Попрыгунья»), *смешные* или *удивительные* вещи («После театра»), *мягкая, расплывчатая* душа; фантазер, *беспечный* и *легкомысленный* («Бабье царство»), *невеселые* воспоминания («Анна на шее»); слова категории состояния: *скучно, грустно* («Беглец»), *скучно, жутко* («Гусев»), *жутко* («Володя большой и Володя маленький»), *досадно* и *горько* («Черный монах»), *неприятно* («Учитель словесности»); модальные глаголы, формирующие целостность мысли-чувства как единой ментальной реакции на воспоминания и спроецированные в *иррациональную* и *рациональную* подтекстовые плоскости: *прискучило* («Жена»), *страстно захотелось* («После театра»), *«никак не мог понять, даже домой не хотелось»* («Учитель словесности»), *«представлялась мне уже хаосом»* («Моя жизнь»), *«все это уже не пугало, не тяготило, а «<...> казалось теперь <...> далеким»* («Невеста») и т.д.

Длинные ряды однородных подлежащих или дополнений в предложениях, оформляющих воспоминания, представляют собой хаотическое смешение одушевленных и неодушевленных, собственных и нарицательных существительных, в формах единственного и множественного числа, грамматическими средствами эксплицирующих утомление и смятение героев. Этот прием А.П. Чехов использовал неоднократно. Например, в рассказе «Жена»:

«... Я воображал *закуски, обеды, ужины* и тот шум, *праздность, говорливость* и дурной тон, какие неминуемо внесла бы в мой дом эта пестрая уездная компания, и спешил отказаться от своей мысли» [8. т. 7. С.458].

«Значит, опять пойдут *слезы, крики, проклятия, чемоданы, заграница*, потом постоянный болезненный *страх*, что она там, за границей, с каким-нибудь франтом, италианцем или русским, надругается надо мной, опять *отказ* в па-спорте, *письма*, круглое *одиночество*, *скука* по ней, а через пять лет *старость*, седые *волосы...*» [8. т. 7. С.472].

«Подробности вчерашнего дня – *разговор* за чаем, *жена, Соболь, ужин*, мои *страхи* – томили меня» [8. т. 7. С.473] и т.д.

Усиливают ощущение бессознательности и бессистемности навязчивых воспоминаний определительные и указательные местоимения в роли обобщающих слов, стоящие в постпозиции к однородному ряду.

«Бабье царство»:

«*Ее большой дом с люстрами и картинами, легкой Мишенька во фраке и с бархатными усиками, благолепная Варварушка и льстивая Агафьюшка, и эти молодые люди обоего пола <...>, и эти чиновники, доктора и дамы <...> – как все это* уже прискучило и чуждо ей!» [8. т. 8. С.261–262].

«На пути»:

«*Потемки, колокольни, звон, рев метели, хромой мальчик, роющая Саша, несчастный Лихарев и его речи – все это* мешалось, выросло в одно громадное впечатление» [8. т. 5. С.474].

На спонтанность и избирательность воспоминаний или непредсказуемость реакции на них со стороны героя часто указывают обстоятельственные детерминанты и обстоятельства образа действия, причины и времени (рассказ «Володя»):

«*Почему-то совсем некстати* пришла ему на память Ментона» [8. т. 6. С.207].

То же в рассказе «Черный монах»:

«*Кстати же* он вспомнил, как однажды он рвал на мелкие клочки свою диссертацию, <...> но когда последняя тетрадка была разорвана и полетела в окно, ему *почему-то вдруг* стало досадно и горько» [8. т. 8. С.254].

Рассказ «Беглец»:

«И ему стало *вдруг* скучно и грустно» [8. т. 6. С.351].

«Рассказ неизвестного человека»:

«И *почему-то*, когда я... увидел рассвет, все образы прошлого, все туманные мысли слились у меня в одну ясную, крепкую мысль» [8. т. 8. С.195].

«Моя жизнь»:

«И *вдруг* что-то сделалось с моим сознанием» [8. т. 9. С.274] и т.д.

Навязчивость нежелательных воспоминаний эксплицирует повтор обстоятельства времени *опять*.

Повесть «Дуэль»:

«Он лег на диван и *опять* вспомнил, что муж Надежды Федоровны, быть может, умер по его вине» [8. т. 7. С.366].

Рассказ «Володя большой и Володя маленький»:

«Припомнились ей *опять* притвор и темные фигуры, забродили в голове мысли о Боге и неизбежной смерти» [8. т. 8. С.221].

Рассказ «Скрипка Ротшильда»:

«Вспомнилось *опять*, что за всю свою жизнь он ни разу не пожалел Марфы, не приласкал» [8. т. 8. С.301–302].

Повесть «Мужики»:

«... а немного погода *опять* вспоминается, что жизнь уже прошла, не вернешь ее...» [8. т. 9. С.300].

Бессоюзие или, наоборот, многосоюзие, нивелируют значимость каждого из входящих в однородный ряд компонентов и одновременно превращают его в открытую синтаксическую конструкцию, готовую к добавлению неограниченного числа членов. Например, в рассказе «Ионыч»:

«Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так близки и дороги когда-то, он вспомнил все сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город» [8. т. 10. С.39].

В рассказе «Невеста»:

«... И почему-то в воображении ее выросли и Андрей Андреич, и голая дама с вазой, и все ее

прошлое, которое казалось теперь таким же далеким, как детство; и заплакала она оттого, что Саша уже не казался ей таким *новым, интеллигентным, интересным*, как был в прошлом году» [8. т. 10. С.216].

Это далеко не единственный прием использования выразительных возможностей синтаксических средств, играющих важную роль в формировании смысловой глубины текста. Устойчивыми проявлениями фиксируют себя и некоторые другие особенности. Так, в прозе А.П. Чехова наблюдается синтаксическая компрессия: среднее количество слов в простом предложении – до шести-семи, в сложном – до десяти. В произведениях писателя меньше, чем у других художников слова (например, у Л.Н. Толстого), обособленных конструкций. Наблюдается частотность односоставных и неполных предложений, троекратного повтора однородных синтаксических единиц: как отдельных членов предложения, так и целых фраз.

Большую смыслообразующую активность в повестях и рассказах А.П. Чехова проявляют синтаксемы с пространственным значением, выносимые в название произведений – «В Москве», «В ссылке», «В усадьбе», «В родном углу», «На подводе», «У знакомых», «В овраге», или с временным значением – «После театра», «На святках», разные виды односоставных предложений, сложные предложения разных видов, включая многокомпонентные. Сложные синтаксические целые, как правило, немногочисленны, но часто представляют собой контекстуальные фокусы эмоционально-смыслового содержания, репрезентированные в значимых сюжетно-композиционных фрагментах текста и продуцирующие одновременную экспликацию *иррационального* и *рационального, локального и текстового* видов подтекста («Скрипка Ротшильда», «Студент», «Учитель словесности», «Супруга», «В родном углу», «Ионыч», «Дама с собачкой» и др.).

Сложные синтаксические целые частотны в пейзажных зарисовках и при описании внешности и психологического состояния героев в *локальном* и *текстовом* масштабе («Гусев», «Три года», «Моя жизнь», «Ионыч», «По делам службы», «Дама с собачкой», «Архиерей», «Невеста»). Эти конструкции отличают легкость,

компактность, особая ритмичность, музыкальность, оказывающие на читателя сильное суггестивное воздействие. Богатый арсенал средств служит А. П. Чехову для достижения этого стилистического эффекта: четкое деление сложного многокомпонентного предложения на два структурно-семантических компонента по основному уровню членения; стилистически нейтральные средства связи; однородные соподчиненные придаточные с неповторяющимися союзными средствами; усложнение только постпозитивного компонента; введение композиционно-лексического повтора в его экспрессивно-грамматической функции.

Через ассоциативно-вербальные и грамматические связи текстового и подтекстового планов реализуется идея текучести, непрерывности и бесконечности времени. Такое время осознается как дурная бесконечность, замкнутый круг, из которого нет выхода. Но оно же может давать надежду, поскольку, будучи воспринятым через призму сознания автора и героя, фиксирует момент, когда герой (и вместе с ним читатель) начинает осознавать действительность как далекую от идеала, заново переоценивает ее и оказывается перед выбором, о результатах которого автор читателю, как правило, не сообщает. Открытые чеховские финалы оставляют читателя в поле недоговоренности, давая ему возможность включиться в творческий процесс догадки-домысливания.

Эта черта чеховской поэтики – давать возможность читателю ловить ускользающее – была хорошо описана Г. А. Бялым: «Сложившаяся жизненная норма, уклоняющаяся от той идеальной нормы, которая существует в сознании писателя, хотя и не может быть определена позитивно, теряет в глазах Чехова реальные очертания и приобретает оттенок призрачности, фантастичности, алогизма» [2].

Согласимся с исследователем: концепция художественного времени в зрелом творчестве писателя, как она представлена в смысловой структуре его произведений, свидетельствует о том, что для А. П. Чехова «страшны не внезапные резкие перемены и перевероты в человеческой судьбе – страшна, напротив, жизнь, которая совсем не меняется, в которой ничего не происходит, в которой человек всегда равен себе» [2]. Эта

авторская мысль в разных рассказах эксплицируется разнообразными грамматическими средствами: видо-временными характеристиками глаголов («Спать хочется», «Скучная история», «Гусев», «Страх», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «В усадьбе», «Три года», «Печенег» и др.); повтором имен существительных, слов категории состояния и наречий, фиксирующих семантику длительности и повторяемости действий («Спать хочется», «Огни», «Припадок», «Гусев», «Бабы», «Ариадна», «В родном углу», «У знакомых» и др.); номинативными предложениями («В ссылке», «Палата № 6», «Учитель словесности», «В родном углу», «Печенег» и др.); длинными рядами однородных членов, соединенных чаще бессоюзной, чем сочинительной связью, что лишает ряд гармонического лада, существенно увеличивая его консонантный состав («Ариадна», «Анна на шее», «Ионыч», «Крыжовник», «Случай из практики», «В овраге» и др.). Все эти грамматические средства репрезентируют идею о вяло текущей, бессобытийной жизни – дани ритуалу.

Значительны в чеховской подтекстовой поэтике смыслообразующие потенции грамматических средств при выражении пространственной семантики. Н. Я. Берковский отмечает: «Чехов создал целый эпос с коллизиями между человеком и ландшафтом, с изображением того, сколько счастья и сколько трагизма скрыто для человека в этих коллизиях» [1. С.116–117]. Литературоведы неоднократно подчеркивали исключительную архитектурность чеховского пейзажа [7. С.65], указывали на перцептивность пространственной картины: «Изображение окружающего посредством того, как оно видится персонажем, рассказчиком, повествователем – через воспринимающее лицо – фундаментальная особенность пространственно-предметной сферы чеховского мира» [10. С.125]. Степь и море, и шире – город, имение, деревня, дача, дорога, сад, озеро, небо выступают в художественном мире А. П. Чехова в качестве всеобъемлющих архитектурных единиц.

Вынеся в заголовок фельетона имя собственное – название столицы России, А. П. Чехов придал сюжету внутреннюю конфликтность. Москва, как главный город государства, его

административно-политический и культурный центр, здесь лишена ауры притягательности. Ключевое слово – слово категории состояния *скучно* через многократный лексический повтор обуславливает эмотивно-содержательный ракурс изображения перцепции пространства вокруг героя-рассказчика. В его формировании принимают участие прецедентные имена собственные разных типов: антропонимы (*Лопе де Вега, Кальдерон, Третьяков, Мольер, Ермолова, Белинский*), топонимы (*Москва, Лондон, Китай, Персия, Америка, Сибирь, Ваганьково*), имя литературного героя (*Гамлет*), название оперы («*Пиковая дама*»). При этом герой-рассказчик предстает как совершенно бескультурный, необразованный человек, не разбирающийся ни в политике, ни в экономике, ни в искусстве и не стремящийся ничего знать. Он ничего не понимает ни в себе самом, ни в человеческих отношениях, но при этом предъясняет себя «с превеликим апломбом» и ненавидит всех, кто более удачлив.

Внутренняя бессодержательность героя-повествователя осмысливается читателем и через глаголы одной лексико-семантической группы – передвижения в пространстве и их лексический повтор. Вокруг них образуется поле эмоционально-смыслового воздействия благодаря тому, что в контекст они вносят значение вяло текущего неограниченно-кратного действия:

«Я в Москве *хожу* по домам, по театрам, ресторанам и редакциям и всюду говорю одно и то же» [8. т. 7. С.500];

«... *брожу* я по Москве из дома в дом, задаю тон жизни и всюду вношу что-то желтое, серое, плешивое» [8. т. 7. С.506];

«Я *брожу*, как тень, ничего не делаю, печенка моя растет и растет...» [8. т. 7. С.506].

Подробное описание героем-рассказчиком его жилья оформлено объемными номинативными предложениями, создающими ощущение беспорядка и нагромождения вещей, которые говорят о безвкусице их обладателя и атрофии элементарных человеческих потребностей, удовлетворение которых требует хоть каких-нибудь усилий. Имплицитно представленный образ хозяина этого жилья вызывает ассоциации *интертекстуального* характера – апеллирует к гоголевским персонажам – Манилову и Плюшкину:

«У меня письменный *стол* рублей в четыреста, с инкрустациями, бархатная *мебель, картины, ковры, бюсты*, тигровая *шкура*, но, гляди, отдушина в печке заткнута женской кофтой или нет плевательницы, и я вместе со своими гостями плюю на ковер. На лестнице у меня воняет жареным гусем, у лакея сонная рожа, в кухне грязь и смрад, а под кроватью и за шкафами *пыль, паутина*, старые *сапоги*, покрытые зеленой плесенью, и *бумаги*, от которых пахнет кошкой» [8. т. 7. С.502].

Грамматика текста способствует реализации таких важнейших стилеобразующих факторов чеховского повествования позднего периода, как нарративная слитность и доминирование несобственно-прямой речи.

Нарративная слитность проявляется в том, что сообщения о событиях, пейзажные и портретные зарисовки, характеристики героев, рассуждения и т.д. не выделяются в самостоятельные текстовые единицы, а сливаются в единое целое. «Эта сторона, – как пишет А.П. Чудаков, – одна из главных в чеховской реформе повествовательного стиля русской прозы, реформе, которая, по мысли Л. Толстого, была подобна той, которую Пушкин осуществил по отношению к стиху» [9. С.135].

Аналогичную мысль высказывает В.Б. Катаев в своих «Литературных портретах, заметках, воспоминаниях»: «Он (Чехов – Е.Л.) достиг величайшего совершенства в умении слить два элемента художественной прозы – изобразительный и повествовательный – в единое целое. До Чехова повествование и изображение, обычно даже у самых тонких мастеров, например Тургенева, за исключением разве Толстого и Достоевского, почти всегда чередовались, не сливаясь друг с другом. Описание шло своим чередом, повествование – своим: одно после другого. <...> В этом поразительном слиянии изобразительного с повествовательным – одно из открытий Чехова» [4].

В поздних повестях и рассказах несобственно-прямая речь стала не только формой передачи слов, мыслей, чувств, восприятия автора и героя, но и средством реализации идиозначимого художественного принципа – изображения мира через конкретное воспринимающее сознание. При этом повествование не закреплено за одним из них, угол зрения может меняться,

реализуя видение не только главных, но и второстепенных и даже эпизодических героев. Это дало возможность С. П. Степанову говорить о «грамматике двусубъектности» чеховского повествования и о характерном для поэтики писателя явлении «субъективации», которое заключается в имплицитном введении персонажа как субъекта сознания в речь повествователя [5]. Двусубъектность повествования – яркая идиостилевая черта А. П. Чехова, оказавшая сильное воздействие на объем и способы репрезентации подтекста его произведений.

Двусубъектность проявляет себя не только в тех произведениях, где есть рассказчик (например, в «маленькой трилогии» – «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», в рассказах «Страх», «Дом с мезонином», в повести «Моя жизнь»), и не только в произведениях, где «голос героя» стилистически маркирован («Тоска», «Степь», «Попрыгунья», «Скрипка Ротшильда» и др.), но и тогда, когда герой ментально близок автору, реализующему в своей речи «говорение за другого». Так будет в повестях и рассказах «Три года», «Супруга», «В родном углу», «На подводе», «Случай из практики», «По делам службы», «В овраге», «Архиерей», «Невеста» и др.

Речевая структура многих поздних повестей и рассказов А. П. Чехова «многоголосна» и представляет собой сгармонизированное полифоническое пространство, которое обладает огромным смыслопорождающим потенциалом. Являя собой компоненты единой смысловой структуры текста и составляющие его грамматическое единство, речевые партии автора и героев, в их чередовании, пересечении и наложении друг на друга, становятся полем экспликации широкой палитры подтекстовых смыслов («В ссылке», «На подводе», «Случай из практики», «На святках» и др.).

Слитность наррации и доминирование несобственно-прямой речи стали для А. П. Чехова адекватной художественной формой экспликации качественно иной по сравнению с ранним творчеством картины мира. В произведениях с ментально близким автору героем его диалог с миром и с самим собой количественно уравниваются. Возрастает роль «автокоммуникации» – самопогруженности героя. Это сближает прозу позднего А. П. Чехова с лирикой, в которой так же значима грамматическая категория лица.

Диалог героя с самим собой – это его диалог с разными *я* в зависимости от эмоционального состояния («Черный монах», «Скрипка Ротшильда», «Студент», «В родном углу», «На подводе», «Случай из практики» и др.) или с разными *я*, отстоящими друг от друга во времени («Учитель словесности», «Супруга», «Ариадна», «Анна на шее», «Ионыч», «Дама с собачкой», «Архиерей», «Невеста» и др.). Возникающие при этом подтекстовые смыслы осложняются тем, что разные голоса одного «я» могут звучать одновременно. При этом субъект восприятия в смысловой структуре предложения не занимает центрального места: все внимание направлено на воспринимаемый и познаваемый мир. *Я* героя устремлено к миру и проявляет себя лишь как постоянный субъект восприятия. Поэтому в смысловой структуре нарративно слитных чеховских текстов значимы глаголы восприятия (*видеть, слышать, заметить*), осязания, ощущения, мысли (*почувствовать, понять, догадаться*), знания, памяти, чувства (*знать, вспомнить, любить* и др.).

Часто чеховский герой обозначен косвенным падежом, в грамматической структуре предложения играя роль субъектного детерминанта. Это лишает героя статуса эгоцентрической фигуры. Так возникают безличные конструкции, в которых предикат наделяется качественно-характеризующим значением, а деятельная активность *я* героя затушевывается. Он воплощает свои ощущения, мысли и чувства в образах окружающего мира – вещей, предметов, природных фактов и явлений, которые находятся в поле его зрения. Через субъективное сознание героя просматриваются пространство и время, и масштабы их восприятия обусловлены глубиной и шириной его картины мира, поэтому могут ограничиваться непосредственно воспринимаемым или стремиться к бесконечности.

Слитность повествования и изображения, сложная речевая структура, пространственно-временная репрезентация художественной действительности базируются на лексико-грамматическом устройстве художественного текста. Задействуя эстетические потенции языковых единиц и их комбинаций, они обеспечивают смысловую глубину текста и разные уровни ее осмысления *читателем*, продуцируя разные

виды подтекста – *локального* и *текстового*, *рационального* и *иррационального*.

Таким образом, характеризуя в целом эстетику грамматики текста и подтекста в прозе А.П. Чехова, отметим, что словообразовательные, морфологические и синтаксические средства образуют грамматическое единство художественного текста, поддерживая смыслообразующую роль друг друга и комбинируясь с другими языковыми и надязыковыми средствами, что многократно увеличивает суггестивное воздействие текста на читателя.

Грамматика включена в систему языковых и надязыковых средств реализации таких особенностей идиостиля А.П. Чехова, как лаконичность, содержательная емкость, нарративная слитность.

Грамматическое воплощение находит *авторская* философская мысль о роли пространства и времени в человеческой жизни, о бесконечных сомнениях и поисках себя, на которые обречены мыслящие герои, о ведущей к деградации апатичной и безнравственной жизни. Через интertextуальные связи, устанавливаемые языковыми и надязыковыми средствами, чеховский художественный мир открывается *читателю* как многосмысленный диалог с его создателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берковский Н.Я. Чехов: от рассказов и повестей к драматургии / Н.Я. Берковский // Литература и театр: статьи разных лет. Москва, 1969. С. 48–182.
2. Бялый Г.А. «Пути, мною проложенные...» // Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову / [вступ. ст. В.М. Марковича]. Ленинград, 1990. С. 250–342. URL: <http://philology.ruslibrary.ru>.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Москва: Астрель, 2006. URL: <http://www.edudic.ru/efr/>.
4. Катаев В.Б. Литературные портреты, заметки, воспоминания. URL: <http://lib.rus.ec/b/189093/read>.
5. Степанов С.П. Организация повествования в художественном тексте (языковой аспект): монография. Санкт-Петербург: Изд-во С. – Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, 2002. 188 с.
6. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. Москва: Высш. шк., 1989. 135 с.
7. Фортунатов Н.М. Архитектоника чеховской новеллы. Горький: Кн. изд., 1975. 110 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. Москва: Наука, 1974–1983.
9. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Москва: Наука, 1971. 291 с.
10. Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. Москва: Современный писатель, 1992. 317 с.

УДК 81.36 (045)

М.Г. Милютина

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД КАТЕГОРИЕЙ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «МИНУТА»

Удмуртский государственный университет

В статье обсуждается представление категории времени в стихотворении М.И. Цветаевой «Минута».

Ключевые слова: рефлексия, категория времени, лексика, грамматика, Цветаева.

M. G. Milyutina

LANGUAGE REFLECTION ON THE CATEGORY OF TIME IN THE POEM M.I. CVETAEVA «MINUTE»

Udmurt State University

The article discusses the representation of a category of time in the poem M. I. Cvetaeva «Minute».

Keywords: Reflexion, the category of time, vocabulary, grammar, Cvetaeva.

Анализ художественного времени в поэзии может основываться на описании 1) лексических средств выражения темпоральной семантики, 2) грамматических показателей времени (в первую очередь видо-временных характеристик глагольных форм, выстраивающих темпоральную осно-

ву стихотворения) и 3) концептуально-философских установок автора. Последнее – прерогатива собственно литературоведческого анализа.

Рассмотрим стихотворение М.И. Цветаевой «Минута», опираясь на лексические и грамматические средства выражения темпоральности.

Данное стихотворение не случайно выбрано нами для анализа. Уже судя по названию, категория времени в нём является предметом авторской рефлексии³.

Метаязыковая рефлексия над единицей времени – *минутой* – приобретает в поэтическом контексте Цветаевой особый смысл: малая единица земного реального времени ощущается как мелочь и тщета, противопоставляемая божественной вечности абсолюта. Само противопоставление времени земного и времени божественного отнюдь не ново. Е. С. Яковлева утверждает, что противопоставление это может подразумевать разные основания и, соответственно, по-разному осмысляться. Согласно богословской традиции, восходящей к трудам блаженного Августина, «время» противопоставляется «вечности» как форма земного существования области Божественного Абсолюта [16. С.88]. «Сотворив преходящие вещи, Бог создал и меру их измерения» [13. С.59–60]. Одной из мер измерения преходящих вещей реального мира является *минута*.

Как отмечает В. А. Маслова, в стихотворении «Минута» М. Цветаева «резко ополчается на одну из самых малых единиц времени – минуту, символ дробления, разрозненности» [7. С.52]

МИНУТА

Минута: мѝнующая, минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что́ завтра б – вырвано из рук!
Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так ли ж, так льсти ж
Другим, десятиричной кори
Подверженным ещё, из дел
Не вырощим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел
Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдёт» –

³ О рефлексивах (вербализованной рефлексивной реакции говорящего) речь идёт в монографии И. Т. Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху», где даётся следующее истолкование этого понятия: рефлексивы представляют собой метаязыковые высказывания, в которых слово осмысливается и оценивается самим говорящим [Вепрева, 2002].

Грамматические рефлексивы подробно описаны в монографии Е. Н. Ремчуковой «Креативный потенциал русской грамматики» [Ремчукова, 2011].

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута: милостыня псам!
О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

Проанализировать разные способы языкового представления идеи времени в данном стихотворении тем более важно, что для творчества Цветаевой такое (рефлексивное) обнаружение временных единиц отнюдь не единичный факт её поэтического сознания. О времени и вечности в поэтической картине мира М. Цветаевой интересно и глубоко размышляет уже упомянутая нами В. А. Маслова [7. С.44–55].

Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. пишут: «Для М. Цветаевой время – вечность, великая субстанция, в то же время для поэта – это ничто (Время, я тебя минуя), она могла играть временем и со временем» [10. С.8]. Противоречие между вечностью времени и его ничтожностью, мгновенностью отчётливо представлено в концовке приведённого стихотворения: «... вечностью моею правит разминовение минут».

Эти же авторы отмечают и другую особенность поэтической манеры Цветаевой – для неё центром «временного пространства» являются не глаголы, а существительные: *миг, секунда, минута, час, день, год, век*, что подтверждает мысль М. Кронгауза о том, что время, как семантическая категория, присуща не только глаголу, но также и имени [6. С.45].

Субстанциональность («имённость») в языковом сознании Цветаевой обычно доминирует над акциональностью («глагольность») [10. С.8]. В анализируемом стихотворении субстанциональность и акциональность уравновешены по степени значимости.

Существительное *минута* употребляется (повторяясь) пять раз, кроме того, в стихотворении как номинативные замены этого существительного используются следующие слова: *малость, мель, мелочь, мнимость*.

К акциональным обозначениям времени можно отнести языковые и индивидуально-авторские глаголы и причастия: *мину́щая*, *минешь* (повторяется два раза), *мерящая*, *разменивать*, *обмеривающая*, *мающая*, *медлящая*, *мелящая*.

Уже в самом начале стихотворения используется приём паронимической аттракции (*минута* – *мину́щая* – *минешь*). Этот приём, по-разному интерпретируемый филологами (природная этимология, поэтическая этимология, псевдоэтимологизация), в тексте стихотворения эксплуатируется Цветаевой неоднократно: «*маятников* – *маята*» и др.

М. Л. Гаспаров отмечает: «Перед нами природная этимология, поэтическая этимология, на самом деле латинское слово «минута» и русское «минуть» не имеют между собой ничего общего и восходят к разным корням, но набор созвучных слов, выросший вокруг них, дает такую рябь смежных значений, которая делает стихотворение богаче и многозначнее. [5. С.136–149].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают то же самое: «когда Цветаева пишет *Минута: мину́щая, минешь!* – то это можно интерпретировать и просто как звуковое сближение слов *минута* и *минуть*, и как псевдоэтимологизацию слова *минута*». [3. С.104].

О сближении (семасиологизации) значений слов «минута», «мину́щая» и «минешь» рассуждают и другие исследователи. Так, О. И. Северская пишет: «В стихотворении Цветаевой «Минута» (1923) слово *минута* связывается с ближайшим в фонетическом отношении словом *минует*:

Минута, мину́щая, минешь!

Эта связь говорит о времени, о преходящей человеческой жизни, противоположной вечности, о разрыве между конечным бытием и бесконечным духом» [11. С.128].

В. Б. Смиренский, интерпретируя начало стихотворения, замечает, что в значении слова *минута* основной (по Тынянову)⁴ признак «малая

⁴ Анализируя соотношение фонетики и семантики в поэзии, Юрий Тынянов указывал, что здесь в слове происходит перераспределение частей вещественной и формальной, и, что особенно важно – семасиологизация их... Анализируя смысл стихового слова, Юрий Тынянов в 1924 г. писал, что это слово не имеет одного, определенного значения. Оно – хамелеон, в котором каждый раз возникают разные оттенки. Признаки значения делятся на два основных клас-

единица времени» «частично затемняется» значением слова *минует*. От него же *минута* приобретает колеблющиеся признаки: «то, что происходит, исчезает бесследно» [12].

Важно при этом, что у одного слова (*минута*) наличествует сразу несколько различных актуальных для языкового сознания парадигматических смысловых связей, которые сосуществуют, не вступая в противоречие, – малое количество времени и его преходящесть, на которые затем наслаиваются ещё *тщета*, *маята* (в словаре отмечено только *маета* – М.М.), *мнимость*. Ср. значения данных слов:

ТЩЕТА, – **ы**; ж. Книжн. Отсутствие смысла, ценности в чём-л., бесполезность, суетность, тщетность. *Т. надежд. Т. жизни. Т. существования. Т. усилий.*

МАЕТА, – **ы**; ж. Нар. – разг. Утомительные, досадные хлопоты, мучение, беспокойство. *Весь день м. Устать от маеты. Не жизнь, а одна м.*

МАЯТЬСЯ, маюсь, маешься; нсв. Разг.

1. обычно чем. Испытывать физические или нравственные страдания; изнемогать, страдать. *М. жаждой. М. от жары. М. животом, кашлем* (страдать каким-л., обычно длительным, заболеванием). // с кем, с чем. Испытывать серьезные огорчения или затруднения из-за кого-, чего-л., не поддающегося воздействию. *М. с мужем-алкоголиком. М. с чертежами. Всю жизнь с тобой маюсь!*
2. Томиться, изнывать. *М. от бессмысленного ожидания. М. от безделья, бездельем. М. без дела. М. в ожидании собрания.*

МНИМЫЙ, – ая, – ое; мним, – а, – о.

1. Не существующий в действительности; кажущийся, воображаемый. *М-ые заслуги. М-ое преступление. М-ое число (матем.; корень чётной степени из отрицательной величины).*

2. Притворный, ложный. *М-ые друзья. М-ое раскаяние.* < Мнимо, нареч. *М. значительный вид. М. руководить чем-л.* Мнимость, – и; ж. *М. опасности. М. доброжелательности.* [1].

Вообще, в данном стихотворении активно используется анаграмматическая игра (от греч.

са – основной признак значения и второстепенные. При этом понятие основного признака не совпадает с понятием вещественной части слова так же, как понятие второстепенного с понятием формальной [Тынянов 2007].

anagrammatismos – перестановка букв): *минута* – *минующая* – *минешь* – *мнимый* – *разминовение*; *маятников* – *маета*; *мель* – *мелочь* – *мелящая* – *милостыня*; *мерящая* – *медлящая* – *мелящая*. Как отмечает В. А. Маслова, лирический сюжет данного стихотворения развивается путём поэтического сближения разных по происхождению слов, которые, дополняя друг друга, создают единое семантическое поле [7. С.52].

Итак, идея времени находит своё выражение в данном стихотворении на лексическом уровне и представлена различными частями речи:

1) существительными: *минута*, *мель* (мера времени), *малость*, *мелочь* (количество времени), *маятники*, *вечность* (предельная длительность или принципиальное отсутствие таковой, отсутствие измерения), *мнимость* (субъективная оценка времени);

2) глагольными формами: *минешь*, *пройдёт* (движение времени), *меряющая*, *обмеривающая* (измерение времени), *медлящая* (длительность).

3) наречиями времени *ныне* (сейчас), *завтра*, *ещё* и пространства *мимо*.

4) прилагательными: *циферблатных* – *циферблат* (прибор для измерения времени)

Среди глагольных форм есть антонимичные – *начиналось/кончилось*, указывающие на фазы времени; а их столкновение – на отсутствие длительности.

Значение наречия *ныне* дополнительно актуализировано в контексте стихотворения выделительно-ограничительной частицей *ж*, вносящей также и эмоциональный оттенок, связанный с характером призыва, выраженного в конструкции: *Да будет выброшено ныне ж...*

Наречие *мимо* имеет в контексте стихотворения одновременно несколько значений, не только пространственное, которое в данном случае не является доминирующим, но и другие; ср. его словарные значения:

МИМО. I. нареч.

1. Не останавливаясь, не задерживаясь, минуя. *Прохожие проходят м., не останавливаясь.*

2. Не попадая туда, куда следует, не задевая. *Стрела пролетела м. Выстрелить м. Песок сыпался м. // Разг. Не достигая какой-л. цели,*

безрезультатно. Все слова проходят м. Советы не помогли – они прошли м.

3. Разг. Минуя кого-, что-л. в самой непосредственной близости. *Проходил м., но в дом не зашёл. Гроза прошла м. II. предлог. кого-чего. [1].*

В приведённое выше перечисление частей речи не попали при этом перифрастические обозначения минуты – *водораздел души живой, милостыня псам*.

Обратимся к анализу глаголов и причастий.

МИНОВАТЬ, –*ну*ю, –*ну*ешь; минуя. св. и нсв.

1. (св. также *минуть*). кого-что. Пройти – проходить, проехать – проезжать и т.п., оставив позади или в стороне. *М. дом у дороги. М. острова. М. безводное пространство. М. двух охотников. // Не затронуть – не затрагивать собой, не задеть – не задевать; пройти, проехать и т.п. мимо кого-, чего-л. Пуля миновала важные для жизни органы. Поезд миновал железнодорожную станцию.*

3. *только св.* Пройти, окончиться (о событии, процессе, состоянии). *Кризис миновал. Опасность наводнения миновала. // кому. Разг. Исполниться (о возрасте). М. сорок лет кому-л. * А кой тебе годик? – Шестой миновал (Некрасов). /О времени, о каком-л. событии. Ночь миновала. Миновало два часа. ◇ Сия (эта) чаша минут (миновала) (см. Чаша). < Минуть (см.). [1].*

В русском языке представлены два глагола, составляющие видовую пару: *миновать* – НСВ (минующий, миновавший, минуемый) и *минуть* – СВ (минувший). В скобках обозначены все возможные причастия, которые можно образовать от данных глаголов. В начале стихотворения употреблены причастие *минуций*, являющееся окказиональным, авторским, и глагол СВ *минуть*, употреблённый в форме изъявительного наклонения, будущего времени, второго лица, единственного числа. Нормативная (узуальная) форма причастия *минующая* – была бы длиннее на одну графическую «ю» и две звуковых единицы «й», «у», а Цветаевой с самого начала необходимо подчеркнуть преходящесть, быстроту движения *минуты*, поэтому она и «укорачивает» форму причастия. «Благодаря этой окказиональной форме минута одновременно ощущается и как уже закончившаяся, и как ещё длящаяся», – замечает В. А. Маслова [7. С.54].

Минущая – *минешь* соотнесены по смыслу как настоящее и будущее. Настоящее длящейся минуты дано в ощущении малой протяжённости окказиональной причастной формы. При этом значение настоящего времени причастия *минущая* – это яркий вариант «нераскрытого настоящего», который интерпретируется Н. С. Поспеловым как «настоящее, вобравшее в себя частицу будущего» [8. С.85].

Минута как минимальная (малая по длительности) единица времени соотносится Цветаевой с *малостью*, *мелью*, *мелочью* и *мнимостью*. Через фонетическую игру (мал – мель – мел; мин – мни) смысловые соотношения становятся ещё более очевидными, а значение быстроты, недлительности времени, измеряемого в минутах – ещё более выпуклым, актуализированным. Основные смысловые нюансы, которые Цветаева стремится подчеркнуть, – малость количественная (минута – мель – мелочь) и в связи с этим нереальность, вернее выпадение за пределы реального времени – мнимость.

Минута характеризуется как *мерящая* (единица измерения), *обмеривающая* и *медлящая* (длительность), правда, *вскачь* (длительность очень быстрая). *Вскачь медлящая* – оксюморон. Оксюморонная форма подчёркивает диалектическое противоречие между длительностью, протяжённостью времени, которое обозначает минута, и одновременно его недлительностью.

Поскольку *минута* – единица измерения времени, с ней по смыслу соотносятся слова: *маятник*, *циферблат* (как части часов – механизма для измерения времени). При этом слово *маятник* соотнесено по смыслу и с *маятой* (*маетой*): то, что бесконечно повторяется – мает, мучает, утомляет человека: Поэтому *маятники рвут душу*.

МАЕТА – «тяжелый труд». От *маяться*, аналогично *суета́*. [17. т. 2. С.557].

Сравним также синонимы: *беспокойство*, *волокита*, *волынка*, *занятие*, *канитель*, *каторга*, *копотня*, *меледа*, *морока*, *мука*, *мука мученическая*, *мука мученская*, *мутота*, *мучение*, *мытарство*, *пытка*, *работа*, *страдание*, *терзание*, *хлопоты* [14]

Сопоставление *минуты* с *водоразделом* (*водораздел души живой*) позволяет представить

её как точку, разграничивающую время на «до» и «после», делящую его на порции, заставляющую воспринимать его, ощущаемое как неразрывное, континуальное, в дискретном ключе, что противоречит живому восприятию жизни.

В стихотворении представлены разные формы времени – большинство причастных форм не случайно употреблены в настоящем – *минущая*, *обмеривающая*, *мающая*, *медлящая*, *мельящая*. Все эти значения настоящего неактуальны, имеют характеризующее значение и в то же время актуальны, читатель ощущает их процессуальное течение. Именно причастия настоящего времени НСВ наиболее адекватно передают оба указанных значения времени (актуальное и неактуальное характеризующее), добавляя к смысловым ощущениям ещё и слуховые: повтор «щ» позволяет уловить «шум времени». Настоящее представлено в стихотворении и синтаксически: *Так мимо же, и страсть и друг! Кто ты... Водораздел Души живой? Минута: милостыня псам!* Глаголы *рвут* и *правит* в последней строфе имеют вневременное, постоянное значение настоящего неактуального.

Преходящесть минутного времени подчёркивается соотношением настоящего времени причастий с прошедшим и будущим временем глаголов: (*не*) *начиналось*, *кончилось*, (*не*) *имелось*, *пройдёт*, *минешь* и др. При этом прошедшее (как СВ, так и НСВ) в основном имеет аористическое значение констатирующего характера, а будущее СВ употреблено в значении конкретного единичного действия.

Заканчивая наши размышления о том, как на лексическом и грамматическом уровне отражена в стихотворении М. И. Цветаевой рефлексия над семантической категорией времени, нельзя не согласиться с мнением Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева (Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., 1992, с.236), что концепт времени в большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связан с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его ощущением времени. А для М. Цветаевой время – это не только вечность, но и «быстрый... поток, который ломает жизнь» [7. С.55].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.
2. Булыгина Т. В. Народная этимология: морфология и картина мира / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Славянские этюды. М., 1999. С. 103–115.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Темпоральный дейксис // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 236–242.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 379 с.
5. Гаспаров М. Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 136–149.
6. Кронгауз М. А. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 276–281.
7. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. М., 2004. 254 с.
8. Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды. Изд. 2-е. М., 2010. 182 с.
9. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М., 2011. 220 с.
10. Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования. Монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 200 с.
11. Северская О. И. Паронимическая аттракция как конструктивный принцип текста // Язык русской поэзии XX века. М., 1989. С. 128–137.
12. Смиренский В. Б. Звукосмысловые связи в поэтическом тексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия Языкознание. 2007, № 4. М.: ИНИОН РАН. URL: ruthenia.ru/volsky/etc/smirensky.doc.
13. Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. 448 с.
14. Толковый словарь В. И. Даля. URL: dic.academic.ru.
15. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2007. 184 с.
16. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
17. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс, 1986. Т. 2

УДК 81.373 (045)

Ю. А. Максимова, М. Г. Милютин

ОРГАНИСТИЧЕСКИЕ И МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РАБОТЕ Л. Д. ТРОЦКОГО «К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Удмуртский государственный университет

*Представлены основные виды антропоморфных и механистических метафор в работе Л. Д. Троцкого «К истории русской революции», выявлены основные особенности метафорики автора.***Ключевые слова:** политическая метафора, антропоморфная метафора, метафора механизма, понятийная область, слот, фрейм.

Yu. A. Maksimova, M. G. Milyutina

THE ORGANIC AND MECHANISTIC METAPHORS IN L. D. TROTSKY'S WORK "THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION"

Udmurt State University

*This article presents the main types of the anthropomorphic and mechanistic metaphors in L. D. Trotsky's work "The History of the Russian Revolution". The main metaphoric qualities of the author are revealed.***Keywords:** political metaphor, anthropomorphic metaphor, metaphor of mechanism, conceptual area, slot, frame.*Метафора как техника и метафора как идеология во многих исследованиях анализируются совместно**Н. Д. Арутюнова*

«Феномен метафоры изучается со времен Аристотеля, но, кажется, последнее слово о ней не будет сказано никогда», – утверждает И. М. Кобозева [15. С.136]. И это действительно так, ведь метафоры являются неисчерпаемым ресурсом не только для их исследования, но также

для понимания внеязыкового материала. А политическая метафора, будучи одним из средств воссоздания и выражения политических взглядов, общечеловеческих ценностей, ментальности, кроме того, помогает сконструировать образ политика (языковой личности), использующего её в своём языковом арсенале. О важности учёта человеческого фактора при исследовании метафоры пишет А. П. Чудинов в монографии «Ме-

тафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [24. С.15].

Благодаря работам А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова [5], А. П. Чудинова [23], [24] и его коллег сегодня выявлены основные модели⁵ метафорического представления современной действительности (1991–2000 гг. и далее). Россия конца XX века характеризуется А. П. Чудиновым как страна, пережившая величайшие социальные изменения [24]. Потрясения и преобразования революционной России до и после семнадцатого года (начало XX века) были не менее значительными. И тот и другой революционный периоды в истории России оказались «плодотворными» для функционирования метафор, поскольку, как известно, «мышление в кризисной ситуации» порождает метафорическое видение мира [3. С.17].

Как утверждает А. Н. Баранов, одной из важнейших целей изменения общественного сознания в период после октября 1917 г. была попытка совмещения **органистического** способа мышления (представленного метафорами ОРГАНИЗМА, РАСТЕНИЯ, ДЕРЕВА, ЧЕЛОВЕКА), которое имело глубокие корни в русском социуме, с **механистическим**, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах МЕХАНИЗМА, СТРОИТЕЛЬСТВА, МАШИНЫ, МОТОРА и пр. Требовалось по возможности снизить значимость органистической модели в общественном сознании, совместить ее с более креативными моделями, поскольку задачи индустриализации требовали мышления иного типа [4. С.156].

Рассмотрим, каким образом представлены метафорические модели, соответствующие двум обозначенным А. Н. Барановым способам мышления, в работе Л. Д. Троцкого «К истории русской революции». Л. Д. Троцкий, как известно, виднейший политический деятель, идейный вдохновитель и исполнитель русской революции 1917 года. «Историю русской революции» можно считать

⁵ В исследованиях, совмещающих семантический и когнитивный подходы к метафоре, под метафорической моделью понимается взаимосвязь двух понятийных сфер (сферы-мишени и сферы-источника) в когнитивном плане и их репрезентация в языке. Сфера-мишень – это результат метафорического переноса, сфера-источник – исходное значение, дающее стимул возникновению вторичного значения [16]. Мы придерживаемся в данной статье широкой трактовки когнитивной метафоры, обоснованной в работах А. П. Чудинова [24, с.53–55] и Арутюновой [1, с. 296–297].

центральной работой Л. Д. Троцкого по объему, силе изложения и полноте выражения его идей о революции. Как рассказ о революции одного из главных действующих лиц, этот труд уникален в мировой литературе – так оценил эту книгу известный западный историк И. Дойчер [11].

Конструирование «метафорической мозаики» с опорой именно на данную работу Троцкого представляется важным и интересным ещё и в связи с тем, что от интра- и экстралингвистических факторов, в том числе от истории и политической культуры данного общества, действующего в государстве общественно-политического строя и типа социально-экономических отношений, зависит набор когнитивных метафор, используемых в конкретном языковом узусе [25. С.30], а «целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка» [24. С.73].

Человек, социум, природа и вещи оказываются наиболее востребованными понятийными сферами-источниками для метафорической экспансии в современном отечественном дискурсе [20].

Известно, что антропоморфная метафора достаточно частотное явление в языке. Уже на начальном этапе развития различные свои чувства, свойства, действия человек старался осмыслить в связи с окружающей средой. При этом в пределах модели переноса «человек → мир» в высшей степени отражается мифологический принцип переживания мира, поэтому данная модель является одной из архаичных [14. С.79]. Не менее частотной является у Л. Д. Троцкого и другая метафорическая модель, отражающая органистический способ мышления и восприятия мира – зооморфная (6% от общего числа проанализированных единиц).

<...> Без вмешательства третьей силы – революции – Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть поделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций [21. С.127].

Анализ материала выявил в политическом дискурсе Л. Д. Троцкого активную эксплуатацию базовой метафорической модели «Политика – это человек» (21% от общего числа проанализированных единиц). Сферой образного, метафорического представления в такой модели является человек в различных его ипостасях – физической, эмоциональной, интеллектуальной, социальной и др. Данная модель представлена обычно четырьмя понятийными областями: «Человек биологический», «Человек анатомический», «Человек социальный» и «Человек функциональный» [19. С.48].

Под человеком биологическим мы вслед за В. В. Овсянниковой будем понимать человеческий организм как биологическое, живое существо, которому присущи определённые состояния и этапы развития [19]. Понятийная область «Человек биологический» объединяет фреймы «Зарождение», «Рост», «Смерть» и другие. По сути, мы наблюдаем полный жизненный цикл живого организма от рождения до смерти. Во всех случаях основанием метафорического переноса становится уподобление свойств, качеств, характеристик политических процессов разным типам процессов живого организма.

<...> Получив смертельный материальный удар в октябре, буржуазия пыталась ещё воскреснуть в январе, в призрачно-священной форме Учредительного собрания [21. С.208–209].

В данном случае источником для метафорического переноса служат фреймы «Смерть» и «Воскрешение». Данная метафора относится к понятийной области «Человек биологический», но несколько выходит за её пределы, поскольку переносное значение формируется также за счёт образной сферы «Человек как творение Божье».

В данном примере базой сравнения (сферой-источником метафорической номинации) является политически осмысляемый класс капиталистического общества – буржуазия, а результирующим образом (сферой-мишенью) человек как феномен биологический – он смертен – и как творение божье – он может воскреснуть. Прилагательное *призрачно-священный* подчёркивает этот аспект сравнения.

Наибольшее количество антропоморфных политических метафор возникает на основе

образного переосмысления строения человеческого организма. Понятийная область «Человек анатомический» репрезентирована обычно фреймами: «Внутренние системы», «Внутренние органы», «Проявление болезни, немощи», «Аномалии/отклонения в развитии/функционировании», «Приведение в норму, лечение».

Наиболее широко в политическом дискурсе Л. Д. Троцкого реализуются метафоры, в качестве сфер-мишеней которых выступают элементы фреймов «Проявление болезни/немощи» и, соответственно, «Приведение в норму, лечение» (10%). Такую разновидность антропоморфной метафоры называют также «медицинская метафора» [13] или «морбиальная метафора» (метафора болезни) [18]. Морбиальные метафоры обладают большим прагматическим потенциалом и используются сторонниками самых разных политических взглядов, особенно часто метафоры болезни активизируются в периоды политических кризисов. В русском языковом сознании метафорическая модель болезни, активизируясь, получает концептуальный вектор – отклонение от естественного порядка вещей.

<...> всякое «скопление» инакомыслящих элементов представляется явлением болезненным, чем-то вроде организационного нарыва, требующего вмешательства руки авторитетного оператора и применения ланцета [21. С.64].

<...> Нужно под сферой разлагающейся дисциплины найти такие реальные запросы и нужды движения, которые одинаково общи всем и вокруг обслуживания которых можно объединить и наиболее ценные и влиятельные элементы партии. По мере сплочения таких сил вокруг жизненных лозунгов движения раны, нанесённые с обеих сторон партийному единству, будут залечиваться, о дисциплине перестанут говорить, потому что её перестанут нарушать [21. С.74].

<...> Резолюция ЦК прямо говорит, что бюрократический режим в партии является одним из источников фракционных группировок. <...> Сказать, что нарыв явился результатом дурного кровообращения, вследствие недостаточного притока кислорода, вовсе не значит «оправдать» нарыв и признать его нормальной составной частью человеческого организма. Вывод только один: нарыв надо вскрыть

и дезинфицировать, а кроме того, и это ещё важнее, надо открыть окно, дабы свежий воздух мог лучше окислять кровь [21. С.180–181].

Терминами первого фрейма являются в основном существительные, обозначающие тип болезненного проявления человеческого организма *нарыв* – «локальное нагноение в ткани; гнойник» [6] и *рана* – «повреждение кожи или тканей тела от внешнего воздействия, поражения» [6]. Заметим при этом, что рана может быть гнойной.

Основанием для формирования второго фрейма – лечение – являются способы лечения с помощью прямого воздействия *вскрытие* и *дезинфекция* нарыва и с помощью дополнительного воздействия – свежего воздуха для лучшего окисления крови. Кроме того, активно используются термины, обозначающие врача – *авторитетный оператор* и инструмент – *ланцет*. Слово *оператор* употреблено здесь в устаревшем значении «медицинский хирург, или вообще, кто делает операцию» [10]. Особенно интересным является последний пример, представляющий собой развёрнутую креативную (индивидуально-авторскую) метафору, в «конструировании» которой задействованы различные фреймы.

В некоторых случаях сфера-источник (физиологические проявления работы человеческого организма, его жизнедеятельности) – *число ударов сердца* – совпадает со сферой-мишенью – *политический пульс*. В таком случае стимул для появления вторичного значения наиболее очевиден, а сама метафора *политический пульс* является максимально стереотипной и не принадлежит к разряду индивидуально-авторских, окказиональных.

<...> Мы думали не только о здоровье тов. Ленина – конечно, в первую голову мы были заняты в те минуты его пульсом, его сердцем, его температурой, – но мы думали также о том, какое впечатление это число ударов его сердца произведёт на политический пульс рабочего класса и нашей партии [21. С.241].

Для усиления эмоционального воздействия Л. Троцкий использует приём противопоставления метафор⁶:

⁶ В.П. Чудинов называет такой приём акцентированием метафоры [24, с.125].

Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутьё, которое в области общественной – то же самое, что и мышечное ощущение в физическом труде. Но революционное чутьё нельзя смешивать с демагогическим нюхом. Этот последний может давать преходящие успехи, и даже очень эффективные. Но это политический инстинкт низшего порядка [21. С.191].

Здесь антропоморфная метафора *чутьё* – «способность человека подмечать, понимать что-л.» [6] противопоставлена зооморфной метафоре *нюх* – «обоняние (обычно у животных)» [6]. Революционное чутьё как инстинкт высшего порядка находится в антитезе к демагогическому нюху как инстинкту низшего порядка.

Понятийная область «Человек социальный» (человек как член социума, входящий в то или иное сообщество) представлена слотом «Семья».

<...> Все мы сознаём теперь ярче, чем когда бы то ни было, что мы члены одной коммунистической советской семьи [21. С.240].

И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя [21. С.245].

В данном случае *семья* – «объединение людей, сплочённых общими интересами» [6]. Партия и рабочий класс предстают в данном контексте как дети, оставшиеся без отца. В монографии Л.В. Балашовой [2] на широком историческом фоне рассмотрен ряд моделей социальной метафористики. Автор отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и делает важный вывод о том, что «характерная особенность именно социальной макромодеи – тенденция к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [2. С.193].

Достаточно широко представлена понятийная область «Человек функциональный». Метафорические наименования, связанные с понятийной областью «Человек функциональный», возникают на основе уподобления признаку действия. Это отражается в частной метафорической модели «Признак деятельности политического объекта – признак деятельности человека».

*Русское государство, складывавшееся на первобытной экономической базе, вступало в отношения и приходило в столкновения с государственными организациями, сложившимися на более высоком и устойчивом экономическом основании. Тут были две возможности: либо Русское государство должно было **пасть в борьбе с Московским государством**, либо в своём развитии **обгонять** развитие экономических отношений и **поглощать** гораздо больше **жизненных соков**, чем это могло бы иметь место при изолированном развитии* [21. С.85].

В данной цитате мы наблюдаем очень часто встречающуюся особенность метафорики Л. Д. Троцкого: пересечение нескольких видов метафор в одном контексте. Здесь военная метафора *пасть в борьбе* («погибнуть, быть убитым» [6]) пересекается с метафорой движения *обгонять* («достичь больших по сравнению с кем-либо успехов, результатов» [6]), а также гастрономической метафорой *поглощать* *больше жизненных соков* («съесть или выпить много» [6]). Мы видим, что государство в данном случае полностью уподоблено человеку, который способен выполнять различные действия: вести борьбу, двигаться, употреблять пищу.

Далее Л. Д. Троцкий ещё больше усиливает воздействующую силу метафоры, уподобляя государство не просто человеку, но человеку-хищнику, человеку-завоевателю:

*В результате <...> давления Западной Европы государство **поглощало** непропорционально большую долю прибавочного **продукта**, то есть жило за счёт формировавшихся привилегированных классов, и тем задерживало их и без того медленное развитие. Но мало этого. Государство **набрасывалось** на «необходимый продукт» земледельца, **вырывало** у него источники его существования, **сгоняло** его этим с места, которого он не успел обогреть, и тем задерживало рост населения и тормозило развитие производительных сил* [21. С.86].

*Восстание победило. Но кому оно **передало вырванную у монархии власть*** [21. С.289].

*<...> Огромные сдвиги, происшедшие в массах за два с половиной года войны, оставались почти вне их поля зрения. Между тем **переворот не только вырвал их из изолированности,***

но и поставил, в силу авторитетности, на решающие посты в партии [21. С.327].

Государство-хищник проявляет особую агрессивность: *набрасывается* («бросившись, напасть на кого-нибудь» [6]), *вырывает* («резким движением, рывком удалить, извлечь, взять» [6]), *сгоняет* («гоня, удалить откуда-нибудь» [6]). Обе модели – зооморфная (хищник) и антропоморфная (человек-завоеватель) – в данном случае одновременно являются мишенями, которые активно эксплуатируются для формирования метафоры *государство-хищник*, *государство-завоеватель*. Причём, и та и другая модель, используемые для формирования метафорического образа государства, являются близкими по смыслу – это модели с «концептуальными векторами» агрессивности и соперничества [24. С.179–180].

*Русский марксизм поистине может **гордиться** тем, что он один уяснил направление развития и **предсказал** его общие формы, в то время как либерализм питался самым **утопическим «практицизмом»**, а **революционное народничество жило фантасмагориями и верой в чудеса*** [21. С.91–92].

Признаки живого существа приписываются не только государству, но и идеологии этого государства – марксизму. В данном случае марксизм представлен как человек, проявляющий свои способности в интеллектуальной области: он *гордится* («испытывать гордость от чего-нибудь» [6]), он уясняет («сделать ясным, яснее» [6]), он *предсказывает* («заранее сказать, что произойдёт в будущем» [6]). Очеловеченный марксизм противопоставлен животному либерализму, который *питается* («о живом организме: получать и усваивать вещества, необходимые для существования» [6]) «практицизмом». Здесь снова используется приём акцентирования метафоры – антитеза. Кроме того, *марксизм*, будучи уподоблен человеку, представлен как единственное правильно и реалистично думающее существо, в то время как *либерализм* и *революционное народничество* – суть неконструктивно мыслящие существа: они уподоблены особям с утопическим, фантасмагорическим типом мышления.

Таким образом, мы обнаружили, что органистическая метафора широко представлена в работе «К истории русской революции».

Л. Д. Троцкий конструирует сложные метафорические образы, опираясь на антропоморфные и зооморфные метафорические модели, при этом государство и его идеология наделяются человеческими качествами, способны мыслить и анализировать, в то время как оппозиционная идеология наделяется негативными признаками хищного агрессивного животного.

Метафора механизма. Ею буквально пропитан весь революционный и постреволюционный дискурс. Поскольку, как очевидно из работы М. Геллера, история формирования советского человека была связана с двумя основными метафорическими концептами – государства-машины и советских людей-винтиков: «Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий *государственный механизм*» (И. Сталин) [9].

Механистические метафоры относятся к фундаментальным в истории культуры и философии⁷, они универсальны, поэтому встречаются в разных языках. Кроме того, метафорическая модель данного типа считается базовой для тоталитарной культуры. Особое пристрастие к метафоре механизма в русском политическом общении советского периода С. И. Виноградов объясняет сакрализацией сферы материального производства, что было естественным следствием исповедания марксизма-ленинизма как новой религии [8]. Как отмечает О. Б. Леонтьева, механистическая метафора доводила до логического завершения то представление об объективно-закономерном ходе истории, которое было присуще традиции ортодоксального марксизма, проповедующего объективно-детерминистское видение истории как процесса, развивающегося независимо от сознательных человеческих стремлений [17]. Л. Д. Троцкий был убеждённым марксистом, принявшим эту идеологическую

и социально-экономическую доктрину с самого начала её появления (см. на сайте «Википедия» материал о Троцком). Поэтому логично предположить его пристрастие к использованию механистической метафоры (МЕХАНИЗМА, СТРОИТЕЛЬСТВА, МАШИНЫ). И действительно, анализ фактического материала показал, что данные метафоры составляют 32% от общего количества проанализированных единиц.

Революция – это открытое соразмерение социальных сил в борьбе за власть. Государство – не самоцель. Оно только рабочая машина в руках господствующей социальной силы. Как всякая машина, государство имеет свой двигательный, передаточный и исполнительный механизм... Смотри по тому, в чьих руках оно находится, оно (государство – М.Ю.А.) может быть рычагом глубокого переворота или орудием организованного застоя [21. С.94].

Перед нами развёрнутая метафора, построенная на базе модели МЕХАНИЗМ. Для контекстуального развития этой метафоры Л. Д. Троцкий употребляет как собственно метафору в узком смысле слова, так и сравнение, вырастающее в аналогию. В данном примере метафора помогает также выстроить антитезу. Автор демонстрирует, выстраивая структуру своего размышления по всем правилам риторической аргументации, почему он метафорически обозначил государство как *машину*. Потому что оно имеет такую же структуру и устройство – в машине есть *двигатель*, есть *коробка передач*. При этом важно, что каждая структурная составляющая механизма выполняет свою функцию – в этом сила государственной машины. Но сила эта может способствовать действию (*быть рычагом переворота*) или приводить к бездействию (*быть орудием застоя*). Л. Д. Троцкий опирается на различные обозначения механизмов – как сложно устроенных – *машина*, так и простых – *рычаг*. При этом он то называет конкретное техническое устройство – *машина*, *рычаг*, то использует самое общее инструментальное обозначение – *орудие*. Будучи инженером по образованию, Лев Давыдович постоянно использует не только терминологические метафоры из технической области, но и из области физики: *рычаг* и *сила рычага*. А в своих анало-

⁷ Первое механистическое представление о мире (понимание мира как машины, точнее, как гигантской системы тонко сконструированных машин) принадлежит философу Нового времени Р. Декарту. По его мнению, Вселенная – это огромный механизм, она изменчива и имеет историю своего развития. Такие мысли обрели распространение из-за технологического прогресса, происшедшего в те годы в Европе. Популярность техники заставила ученых рассматривать и живые организмы с точки зрения механики [22].

гических рассуждениях он постоянно опирается на принцип работы рычага⁸:

*Опираясь на молодой революционный пролетариат России, пользуясь богатым опытом мирового рабочего движения, превратив его идеологию в **рычаг действия**, эта фигура ныне поднялась на политическом небосклоне во весь рост. Это – фигура Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи [21. С.238].*

*<...> **Соотношение между партией и Советом выросло** из неизбежного в революционную эпоху несоответствия между колоссальным политическим влиянием большевизма и его узким организационным охватом. **Правильно примененный рычаг дает человеческой руке возможность поднять груз, во много раз превосходящий ее живую силу. Но без живой руки рычаг не больше, как мертвый шест** [21. С.375].*

Метафора «государство/общество – здание, сооружение» не является новой. Эта метафорическая модель использовалась уже А.С. Пушкиным (*И на обломках самовластья Напишут наши имена*), а также Герценом и Белинским (*общественное здание; здание буржуазного общества*). На это обращает внимание О.П. Ермакова [12. С.47–48]. Метафора здания, строения занимает очень важное место в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого.

Словом, всё здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несёт в себе ядовитое начало собственного разложения [21. С.116–117].

Нужно отметить, что государство и государственное устройство Л.Д. Троцкий представляет не как дом, что характерно для современного политического дискурса [24. С.154–156], а именно как здание, и это не случайно. Одним из значений слова «дом» является «Свое жи-

⁸ Рычаг – простейшее механическое устройство, представляющее собой твёрдое тело (перекладину), вращающееся вокруг точки опоры. Стороны перекладки по бокам от точки опоры называются плечами рычага. Рычаг используется для получения большего усилия на коротком плече с помощью меньшего усилия на длинном плече (или для получения большего перемещения на длинном плече с помощью меньшего перемещения на коротком плече). Сделав плечо рычага достаточно длинным, теоретически, можно развить любое усилие. Принцип работы рычага является прямым следствием закона сохранения энергии [7].

льё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство» [6]. А.П. Чудинов пишет о том, что понятийная сфера *дом* «имеет высокий эмоциональный потенциал: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные – все эти понятия способны пробуждать добрые чувства» [24. С.156–157]. А *здание* – это «Строение, сооружение, постройка (обычно больших размеров)». Эта понятийная сфера – сфера нейтральная с эмоциональной точки зрения, даже скорее эмоционально-холодная. В контекстах Л.Д. Троцкого метафора *дом*, обозначающее политику государства, его идеологию, не встречается ни разу.

Не менее активно задействованы метафоры, обозначающие процессы «строительства», «ремонта», «перестройки» здания и лиц, которые эти действия осуществляют. Например:

*<...> Сейчас могут быть две политики: идейное и организационное **разрушение** переживших себя фракционных **перегородок**, а значит, и разрушение самих основ ленинизма, который несовместим с партийно-политической организацией рабочих, но зато великолепно расцветёт на навозе фракционных межсезоний [21. С.117].*

Достаточно частотна у Троцкого модель, опирающаяся на составляющие слота «Конструкция дома». Например:

<...> русская общественность складывалась на более первобытном и скудном экономическом основании [21. С.84];

*Мы питаем твёрдую уверенность, что **разрушение** исторически возникшей организационной **стены** между двумя частями партии позволит сконцентрировать все силы её для дружной переработки нашей партийной практики, для совместного разрешения новых, выдвинутых нашим собственным политическим ростом тактических задач [21. С.65];*

*Приближение германских событий заставило партию встрепенуться. Именно в этот момент с особенной остротой обнаружилось, до какой степени партия живёт на **два этажа: в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях** [21. С.168].*

Поскольку в обозначенной работе Л.Д. Троцкого метафорическая модель механизма эксплуатируется также широко, как и антропоморфная

и природоморфная метафорические модели, можно констатировать, что анализ нашего материала подтверждает выводы А. Н. Баранова о том, что в политическом дискурсе той эпохи (после октября 1917 года) совмещаются две логически противоречащие друг другу метафорические модели – ОРГАНИЗМА и МЕХАНИЗМА, которые являются ведущими, доминирующими. Кстати, эти две метафорические конструкции, соединённые вместе, не всегда выглядят как стилистические монстры – так их называет А. Н. Баранов [4. С.35], приводя в пример знаменитые строки *Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор*. В следующем примере механистическая метафора здания довольно органично сочетается с органистической метафорой движения человека:

Иногда <...> оратор слишком стремительно взбегают по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу: это когда вывод ему слишком ясен и практически слишком неотложен и нужно как можно скорее подвести к нему слушателей. Но вот он почувствовал, что аудитория не поспевает за ним, что связь со слушателями разомкнулась. Тогда он сразу берёт себя в руки, спускается одним прыжком вниз и начинает своё восхождение заново, но уже более спокойным и соразмерным шагом [21. С.231].

Перед нами развёрнутая, креативная метафора, в которой ход мыслей оратора, последовательность и скорость его рассуждений уподоблены быстрому, стремительному перемещению человека по лестнице или же спокойному перемещению.

К тем выводам, которые уже были сделаны по ходу наших рассуждений, в заключении статьи необходимо добавить следующие: в работе Л. Д. Троицкого «К истории русской революции» прослеживается доминирование развёрнутых метафор, сочетающих в себе различные модели, фреймы и слоты; кроме того, можно констатировать наличие окказиональных, креативных метафор в проанализированной работе и активную эксплуатацию автором антитезы, усиливающей образно-экспрессивное воздействие используемых метафор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998. 216 с.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дис. на соискание учен. степ. докт. филол. наук. М., 1990. 38 с.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнёры, 1994. 330 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ». Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/>.
7. Википедия. Рычаг. URL: ru.wikipedia.org.
8. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. 1994. № 1. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ». URL: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gr>.
9. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/>.
11. Дойчер И. Троицкий: вооруженный пророк, 1879–1921. Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М.: «Центрполиграф», 2006. 527 с.
12. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
13. Зубкова О. С. Медицинская метафора и медицинская метафора-термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 140–145.
14. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kassirer_opit/.
15. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2001. № 6. С. 136–137.
16. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
17. Леонтьева О. Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса, 2004. URL: <http://publisher.samsu.ru/>.
18. Мишланова С. Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации // Сборник научных трудов «Теория коммуникации и прикладная коммуникация». 2002. С. 91–98.
19. Овсянникова В. В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе // Язык и культура. Научный периодический журнал. 2010. № 1. С. 48–57.
20. Складневская Н. Г. Метафора в системе языка. С-Пб.: Наука, 1993. 152 с.
21. Троицкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
22. Философская энциклопедия. Декарт. URL: <http://dic.academic.ru/Декарт>.
23. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
24. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

УДК 811.161.1

С. В. Рябушкина

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: СЛОЖНЫЕ И СОСТАВНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

В статье рассматриваются активные процессы в словоизменении русских числительных. Автор выявляет связь происходящих речевых преобразований со структурой имени числа и морфологическими особенностями его компонентов, констатируя, в частности, различное поведение имен «малых» (двести - четыреста) и «больших» (пятьсот - девятьсот) сотен в составе многокомпонентного числительного.

Ключевые слова: имя числительное, словоизменение, падеж, разговорная речь, активные процессы в современном русском языке.

S. V. Ryabushkina

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN MORPHOLOGY: COMPLEX NUMERALS

The Ulyanovsk State Pedagogical University Of. I. N. Ulyanov

The article highlights some active processes in the sphere of Russian numerals. The author links the speech variations in numerals to their structure and morphological peculiarities of the components, pointing out, in particular, different manifestations of the "hundreds" as a component in complex numerals.

Keywords: the Numeral, declension, the Case, spoken language, active processes in Modern Russian.

Имя числительное (далее ИЧ) – самая строгая по семантической организации лексическая группа, отражающая десятичную систему счисления и потому обладающая признаками терминологических систем (запрет полисемии, омонимии и синонимии; четкая семантическая и словообразовательная соотнесенность компонентов системы). Но в морфологической системе русского языка ИЧ оказывается одним из наиболее «неустойчивых» элементов: числительные, будучи разнородными по своим формальным свойствам, в употреблении, в склонении демонстрируют разрыв «между желаемым и действительным» – между требованиями литературной нормы и многообразием узуальных отступлений от нее. В сфере ИЧ проявляются важные механизмы организации языка и языковых изменений (например, аналогические взаимовлияния), обнаруживаются активные процессы, характерные для современной русской грамматики (например, стремление к аналитизму). Кроме того, в ИЧ, как в развивающейся части речи, идут свои собственные, нумеративные процессы (устранение внутреннего склонения неоднородных единиц, лексикализация сложных ИЧ и др.). Рассмотрим подробнее некоторые из этих процессов.

Рост аналитизма проявляется, в первую очередь, в ослаблении падежных функций, экспансии номинатива.

Аналитические тенденции реализуются в аппозитивных конструкциях, где ИЧ используется в «синтаксической изоляции» [14. С.133] – как несогласованное примыкающее определение:

1) в качестве индивидуализирующей части онима (прагмонима, эргонима и проч.) или номена (номенклатурного названия): *сериал «Улицы разбитых фонарей–1» (2, 3...); автомобиль ВАЗ-21144 (21154...); производственное автотранспортное предприятие ПАТП–1 (2, 3...); буровая самоходная установка УСГ-000;*

2) при параметрических существительных для количественной характеристики параметра, в том числе и с эллипсисом существительного: *[Озеро «Восток» в Антарктиде] спрятано на глубине почти четыре тысячи метров (Воскресное время. Первый т/к. 26.02.12); Где-то на пять тыщ метров самолет зашел за облака (Д/ф «Битва над океаном». Т/к «Россия». 15.07.08); Корпоративный долг вырос свыше четырехста пятьдесят миллиардов ... [через некоторое время повторяет еще раз, с параметрическим существительным:] Корпоративный долг вырос выше отметки четырехста пятидесяти миллиардов (Е. Примаков. – RenTV. 13.10.09).*

В паратактических конструкциях разговорной речи номинатив ИЧ часто используется как ситуативная метонимическая номинация предмета по количественному признаку (цена, время и проч.) – предикация вместо номи-

зывает *отчетливо-неадекватным* (знание, которое может быть объяснено лишь частично), хотя простое *умение говорить на определенном языке* граничит, с одной стороны, с *темным* знанием (включающим все то, что говорящий знает, но в чем сомневается), а с другой стороны, с *отчетливо-адекватным* знанием (знание грамматиста, то есть лингвиста, и самого говорящего, когда он выступает как грамматист)» [8. С.39]. При необходимости прояснить свое «темное» грамматическое знание – неосознанный навык словоизменения ИЧ – говорящий иногда терпит фиаско. Так, М.Я. Гловинская приводит фрагмент из воспоминаний А.А. Ахматовой: «У меня был Запад [профессор факультета журналистики] и сказал, что сегодня он проваливал медалистов, поступающих в университет. Я спросила его, трудно ли проваливать медалистов. Он ответил, что очень просто. Достаточно сказать: просклоняйте мне числительное «сорок». И как только он начнет говорить: «**Сорокью, сорокью, сорокью...**», его уже можно прогонять» (Цит. по: [4. С.426]). Двухпадежное ИЧ *сорок / сорока* отличник в стрессовой ситуации начинает изменять по более продуктивной трехпадежной модели склонения ИЧ ('5'–'20', '30'): *пять, пятью*.

Сложные и составные ИЧ, согласно требованиям литературной нормы, должны при склонении изменять каждую из своих частей, как-то: *со всеми шестьюстами двадцатью тремя тысячами тремястами девяноста семью рублями* (контекст И.А. Мельчука). Подобные громоздкие конструкции избыточны по выражению падежного значения – в приведенной словоформе ИЧ оно выражено девять раз! И если в обычной речи нам придется употребить такое ИЧ в косвенном падеже, то мы, скорее всего, упростим склонение за счет внутренних компонентов, не склоняя или «недо-склоняя» их. Наблюдение за употреблением сложных и составных ИЧ показывает, что способы упрощения зависят от структурных особенностей ИЧ и его компонентов.

Сложные ИЧ принципиально отличаются от прочих слов-композигов – это единственный в русском языке тип сложных слов, сохраняющих внутреннее склонение, лексикализация словосочетания не завершена. Точнее, она совершилась

в Им. – Вин., «однако семантическое единство форм им. и вин. и косвенных падежей должно вести к тому, что и косвенные падежи названий сотен превратятся из словосочетаний в слова. Действительно, в разговорном языке появляется признак такого перехода: распространение обобщенной формы косвенных падежей для единиц (*пятистами*) и замена множественного числа единственным для слова *сто (пятиста)*» [5. С.31].

Процесс постепенного превращения слова-синтагмы в цельное слово происходит на наших глазах: первый компонент сложного ИЧ в косвенных падежах оформляется по модели генитива, точно так же, как и отнумеративные производные (*двухъярусный, двугорбый, пятидверный, тридцатипятилетний*). Так формируется общая основа косвенных падежей.

Вероятно, впервые это аналогическое влияние, объединяющее в систему ИЧ и отнумеративные имена, было отмечено Г.П. Павским: «Вместо *пятьюдесятью* в разговорах чаще слышно *пятидесятью*. В этом случае, отступая от одного правила, держатся другого. Другое правило позволяет числительному имени, входящему в состав других имен, оставаться в родительном падеже» [10. С.229], поскольку «числительные имена входят в состав других имен по особым законам. Существительные и прилагательные имена, соединяясь с другими словами, теряют все признаки своего склонения и входят в состав с ними при помощи соединительной гласной *о* или *е*. А числительное количественное, исключая *один*, входя в состав другого, становится в родительном падеже и приносит с собою признак родительного падежа... *пятиугольный, пятиугольник, двухэтажный, трехугольный, четырехместный*» [10. С.215].

Среди сложных представлены ИЧ двух типов:

1) «малые» сотни ('200'–'400'), первый компонент которых – четырехпадежное ИЧ ('2'–'4'): *три* (Им. – Вин.), *трех* (Род. – Предл.), *тремя* (Дат.); *тремя* (Твор.);

2) «большие» десятки ('50'–'80') и «большие» сотни ('500'–'900'), первый компонент которых – трехпадежное ИЧ ('5'–'9'): *пять* (Им. – Вин.), *пяти* (Род. – Дат. – Предл.), *пятью* (Твор.).

Следовательно, для выравнивания основы косвенных падежей необходимо устранение внутреннего склонения у «лишних» форм (тех, чей первый компонент оформлен отлично от генитива), то есть в Дат. – Твор. у «малых» сотен и только в Твор. п. у «больших» десятков и «больших» сотен, что и происходит в узусе, например:

1) «малые» сотни, Дат. и Твор. п.:

– В ней описано более тысячи экслибрисов, созданных с 1910 года **двухстами художниками** для более 400-х владельцев книжных знаков (Учительская газета. 07.12.1999. № 49. – *Integrum*);

– Число многофункциональных аппаратов СДМ-Банка **приближается к двухстам** (Банковское обозрение. 01.06.2008. № 6. – *Integrum*);

– В то субботнее утро он пришел к Чекановым **за обещанными ему двухстами долларами** за то, что он должен доделать (Петровка, 38. 07.11.2001. № 44. – *Integrum*);

– В общем, учебная дивизия к лету 1991 года располагала **более четырехстами единицами бронетехники** (Завтра. 25.11.1997. № 47 (208). – *Integrum*);

– Количество фирм, потерпевших крах, **приближается к четырехстам** (С. Кургиян. – Суд времени. Пятый т/к. 08.11.10);

– По крайней мере **по двухстам миллионам** возникли вопросы (Счетная палата об итогах проверки бюджета олимпиады в Ванкувере. – Вести-Россия. Т/к «Россия-1». 11.01.11);

2) «большие» десятки и «большие» сотни, Твор. п.:

– Бобры нашли сумку **с семидесятью тысячами долларов** (Д. Захаров. – Их нравы. НТВ. 28.10.06);

– Я заслужил это право **пятидесятью годами** на сцене (С. Юрский. – Ночной полет. Т/к «Культура». 19.01.09);

– Дескать, **пятистами франками** больше или меньше – в его жизни совсем ничего не изменится, в то время как для рядового француза это существенная сумма, многим за нее приходится вкалывать... (Яндекс);

– Так поочередно происходит **со всеми пятистами из них** (Яндекс).

Имена сотен подвержены аналогическому влиянию другого вида. Распространенные в узусе

формы косвенных падежей имен сотен типа *двухста*, *пятиста* обусловлены внутрисистемной индукцией – создаются по модели двухпадежного ИЧ *сто / ста*: ... *продумать вопрос о лексикографических универсалиях / о международной семантической транскрипции / основывающейся на пятиста или тысячи пятиста отработанных значений* общего характера (В.М. Жирмунский. – Заседание Учёного совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 1970. – НКРЯ); *Штраф за незаконные sms-рассылки составляет от двухста до пятиста тысяч рублей* (Утро России. Т/к «Россия-1». 31.05.12); *Они дали работу трехста поэтам* (М. Амелин, поэт, переводчик, издатель. – Что делать? Т/к «Культура». 19.12.10); *Мы собрали более четырехста человек* (Профсоюзные вести. Радио России. 04.09.12); *Обвинение предъявляют тысяче восьмиста* (П. Скобликов, профессор Академии управления МИД РФ. – Открытая студия. Пятый т/к. 10.02.11); *Дошло до того, что на Северном Кавказе было более девятиста террористических актов* (В. Овчинский, экс-глава российского бюро Интерпола. – Профессия – репортер. НТВ. 29.01.11). При этом возможен «естественный прайминг» [11. С.10] – воздействие однотипного образования в ближайшем контексте: *За это правонарушение предусмотрен штраф: для физических лиц – от ста до пятиста рублей* (Корреспондент. – Вести-Ульяновск. ГТРК «Волга». 19.12.08); *Сказка просто скромно ушла в тень. Ей ли тягаться с продвинутыми потомками – мутантами в десятом поколении, о ста головах, о двуста языках, на крови и слезах хохочущих и льющихся отовсюду без перерыва на Презентацию...* (И. Славицкий (Oldboy). Сказка про сказку. – www.grafomanov.net/poems/view_роет/67368/); *Там идут штрафные санкции от пятиста до ста тысяч рублей* (Зам. председателя Правительства Ульяновской области. – Один на один. ТРК «Репортер» (Ульяновск). 31.07.12); – *Сколько стоит диск? – Триста рублей. – А с пятиста сдача будет?* (Запись 2007 г., покупатель – лингвист, канд. филол. наук, г. Москва).

Таким образом устраняется синтагматически связанное (только в составе сложных ИЧ) плюральное склонение *сто (двумстам, двумястами, о двухстах)* – парадигма сотен выравнивается по «первой сотне». И это тоже способ лексикализации, поскольку первый компонент оформлен генитивно.

Об активности варианта в живой речи свидетельствуют вопросы и метаязыковые комментарии на Интернет-форумах: «Постоянно в СМИ читаю и слышу: *пятиста книг, семиста шестидесяти тонн* и т. п. Насколько я знаю, правильная форма родительного падежа составных числительных ... *пятисот, восьмисот*... Или я отстала от жизни и утвердились новые нормы?» (Элен; вопрос задан 17.07.2012; <http://russ.hashcode.ru/questions/tagged/числительные/>; дата обращения – 04.08.12); «Итак, всё-таки *пятисот* или *пятиста*?»¹⁰ (<http://www.omedb.ru/forum/index.php?showtopic=7584&pid=>; дата обращения – 29.04.09); «Ведь я точно знаю, что нужно говорить «нет у меня ста рублей, нет семи рублей», так почему склоняют «семисот семидесяти семи рублей», а не «семиста семидесяти семи?»»

(<http://www.lagneo.ru/880802/1/Sklonienie-chislitelnih>; дата обращения – 11.08.12).

Варианты могут конкурировать внутри одного идиостиля – как, например, в следующем фрагменте из статьи Виталия Третьякова – автора, которого вряд ли можно обвинить в невладеии литературной нормой: «*Еще об одном нельзя не сказать – о дискуссии, вызванной двумя томами «Двухсот лет вместе». <...> Не произнесу ничего нового, если замечу, что любое касательство еврейского вопроса... а уж тем более «неправильная» его трактовка вызывают в первую очередь не полемику, не желание переубедить, доказать, изложить понимание «правильное»... а обвинение в антисемитизме. Вряд ли Солженицын не понимал этого, готовя к печати уже первый том «Двухста лет...»» (В. Третьяков. *Альтруизм Солженицына*. – *Российская газета*. 18.12.2003. № 254 (3368). – <http://www.rg.ru/2003/12/19/solz.html>; дата обращения – 04.08.12). Показательно,*

что контексты здесь однотипны, а следовательно, варианты равноправны.

Составные ИЧ в узусе также показывают отступление от нормы – упрощение склонения не-последних компонентов. Академические грамматики допускают «недо-склоняемость» как тенденцию устной речи: «склоняются: а) только начальные и конечные компоненты или б) только последний компонент составного числительного. <...> В устной речи возможны также такие случаи склонения составных числительных, когда кроме последнего компонента, называющего единицы, изменяются по падежам компоненты, называющие десятки и, реже, сотни, например род. п.: *тысяча девятьсот сорока пяти страниц* и *тысяча девятисот сорока пяти страниц*. В письменной речи должны склоняться все компоненты составного числительного» [12. С.578–579] (см. также [6. С.371]).

При упрощении или устранении склонения внутренних компонентов необходимые для грамматической связности текста значения выражены, но более экономно – составное наименование оформляется с помощью одной-двух падежных флексий, что, как представляется, идет на пользу и говорящему, и слушающему (эта антиномия сглаживается): легче и произнести сочетание слов, и воспринять количественно-числовую информацию.

Упрощение склонения, по мнению А. Богуславского, обусловлено семантически: нумеративная синтагма обозначает одно число, являясь отдельной номинативной единицей, поэтому и получает один показатель в конце: «*Jednakże omawiana tendencja ma również znacznie głębsze podłoże. Idzie o to, że liczebniki zestawione wyrażają jedną liczbę, tak samo, jak liczebniki niezestawione; ich poszczególne człony nie wyrażają bynajmniej tych liczb, jakie wyrażają przy użyciu samodzielnych, a nawet w ogóle nie znaczą same przez się nic. Ponieważ zaś najczęściej używane wykładniki poszczególnych liczb mają postać nie tylko jednowyrazową, lecz ponadto odmienną w jednym miejscu, i to mianowicie w części końcowej, oznaczenie liczb mniej zwykłych naturalną kolejną rzeczą musi podlegać presji ze strony tamtego dominującego wzorca. Jedyńą możliwością przystosowania się do niego stanowi właśnie*

¹⁰ Опрос-голосование на форуме Уральской государственной медицинской академии 26–27 сентября 2008 г.; инициатор – Antokoff. Всего проголосовало 16 человек: 10 – за *пятисот*, 6 – за *пятиста*.

ograniczenie odmiennosci członów do ostatniego (lub choćby do dwu ostatnich)» [17. С.199].

И. А. Мельчук отмечает употребление «неизменяемых» (оформленных номинативно – с *шестьсот двадцать три* рублями) и «частично неизменяемых» (оформленных генитивно – с *двухсот сорока дивизиями*) компонентов в косвенных падежах составного ИЧ, особенно в устной речи, и выявляет ряд факторов, способствующих этому [9. С.406–411].

М. Я. Гловинская, анализируя активные процессы в русской грамматике, делает вывод о том, что «в области числительных наряду с прежним движением к двухпадежной системе «прямой – косвенный падеж», которое существует на протяжении нескольких столетий», сейчас заметна «и новая тенденция – к полной несклоняемости. Обе тенденции проявляют себя в первую очередь в области сложных и составных числительных» [4. С.264–265]. Она также отмечает распространенность генитивного оформления частей многокомпонентных ИЧ (*по всем двухсот двадцати четырем округам*) и «экспансию родительного по отношению к другим косвенным падежам» (*в двухсот населенных пунктах*) [4. С.109]. При этом, по ее мнению, «все падежи могут заменяться формой РОД или ИМ, а иногда и тем и другим» [4. С.425], т. е. номинативная и генитивная стратегии конкурируют.

Действительно, генитивный и номинативный варианты имени сотни в составном ИЧ могут появиться в узусе рядом. Вот иллюстрации этому.

В речи Д. А. Медведева использовано генитивное оформление имени «малой» сотни: «Кроме того, предлагаю изменить систему выборов в Государственную Думу. Считаю целесообразным для укрепления связей депутатов с избирателями ввести пропорциональное представительство **по двухсот двадцати пяти округам**. Эта мера позволит каждой территории иметь своего непосредственного представителя в парламенте» (Послание Президента Федеральному Собранию. 22.11.2011. – <http://news.kremlin.ru/news/14088>). А в журналистском комментарии ИЧ прозвучало номинативно: «... предлагается ввести пропорциональное представительство

по двести двадцати пяти округам...» (НТВ. Сегодня. 24.12.11).

В речи В. В. Путина – также генитивное оформление для другого имени «малой» сотни: «Из всего проверенных 352 человек руководящего состава энергетического комплекса у 169 должностных лиц – практически у каждого второго – выявлена **аффилированность с трехсот пятьюдесятью восьмью коммерческими организациями**, кроме, конечно, тех, где они и так работают» (Заседание Правительственной комиссии по развитию электроэнергетики. – Время. Первый т/к. 19.12.11. – <http://premier.gov.ru/events/news/17435/>). А в пересказе корреспондента – также номинативный вариант: «... выявлена **аффилированность с триста пятьдесят восьмью коммерческими организациями...**» (Т/к «Россия–1». 19.12.11).

Можно дать еще один пример, свидетельствующий о давней конкуренции этих вариантов, и тоже из текста политического. Этот контекст ввел в научный оборот известный советский славист А. Е. Супрун: в книге, обращенной к учителям русского языка, указывая на чрезвычайную распространенность в устной речи неправильного склонения числительных, он вспоминает об одной такой ошибке, сделанной замечательным актером Н. К. Черкасовым [13. С.120].

После выхода на экран кинофильма «Сталинградская битва» (1949 г.), где актер исполнил роль Рузвельта, пришло письмо от зрителя: «Вы допустили элементарную неграмотность: вы громогласно вещаете с экрана, что «русские борются с **двухсот сорока дивизиями немцев**», когда до сих пор по-русски говорилось: «борются с **двумястами сорока дивизиями**». Стыдно, что в таком виде картина обойдет всю страну!» Н. К. Черкасов комментирует это так: «... мне пришлось краснеть. ... Ошибку эту я допустил во время ночной съемки, будучи нездоровым, что, разумеется, не касается зрителя. Меня не поправил ни режиссер, ни художественный совет студии, ни художественный совет Министерства кинематографии, но меня поправил зритель. Однако, к сожалению, он поправил меня поздно, т. к. фильм, отпечатанный в сотнях экземпляров, демонстрировался миллионному зрителю» [16. С.278].

В сценарии нумеративная синтагма выглядит иначе – эта фраза звучит в диалоге Рузвельта и журналиста, в устах последнего: «*Британцы хлопочут о дешевой победе. ... Они кричат о Северной Африке, словно там решается судьба войны. Они воюют с двенадцатью дивизиями Роммеля, между тем как русские воюют с **двести сорока дивизиями***» [1. С.16]. И здесь тоже нарушение нормы: Н. Е. Вирта оформил первый компонент творительного падежа составного ИЧ номинативом (*двести*), а Н. К. Черкасов предпочел генитив (*двухсот*). Факт пропуска грамматических ошибок очень показателен, особенно если учесть, что политические тексты того времени тщательно редактировались, а фильм был признан образцовым – удостоен Сталинской премии I степени (1950 г.)¹¹.

Анализируя фразу, И. А. Мельчук называет это выражение «абсолютно правильным» и продолжает: «... более того, в нормальной беглой речи я никогда и не сказал бы (хотя это до сих пор требуется официальной нормой) *с двумястами сорока дивизиями* – однако написал бы именно так» [9. С.410]. Рассматривая поверхностно-синтаксические отношения компонентов подобных синтагм, из двух возможных описаний – частично неизменяемый, несогласующийся компонент vs. новая форма всех косвенных падежей – он выбирает второй: «*двухсот...* может считаться твор. падежом и перед нами случай самого нормального полного согласования по падежу всех компонентов составного имени числа» [9. С.410]. А распространенные «смешанные» формы сложных типа *пятидесятью, двухстам, четырьхстами* «свидетельствуют, как кажется, что форма родительного падежа у не-первых компонентов сложных или составных имен числа все более воспринимается говорящими как универсальная форма всех косвенных падежей» [9. С.411].

М. Я. Гловинская также комментирует употребление: «Эта форма оценивалась по-разному: А. Е. Супрун в 1964 г. считал ее оговоркой и ошибкой, а И. А. Мельчук в 1985 г. оценивает ее уже как совершенно правильную и даже

¹¹ Ср. также еще контекст из газеты «Правда» чуть более позднего времени, принадлежащий перу признанного советского писателя: «... и они вместе с *двухсот тридцатью миллионами* других людей (К. Симонов, 20.08.64; www.nordpoisk.nrd.ru/glavnay/pochti vse o taimire/goroda/disk/vizitnay.html – Дата обращения 30.05.08).

единственно возможную для него в нормальной беглой речи, хотя в письменной речи в качестве допустимой он называет только *двумястами*». [4. С.111]. Но представляется все же, что объяснению правильности критерием временной изменчивости нормы следует предпочесть другое: книга А. Е. Супруна адресована учителям, а в 1960-е годы, несмотря на начавшуюся «оттепель», лингвометодические труды должны были быть ориентированы на строгую литературно-письменную норму, отступления от которой осуждались однозначно.

Какая же из распространенных в узусе стратегий оформления имен сотен в косвенном падеже составного ИЧ – номинативная или генитивная – более частотна и от чего зависит выбор?

Выявить узуальные варианты и оценить их продуктивность по простым наблюдениям за окружающей речью сложно, поэтому было проведено анкетирование студенческой аудитории нескольких вузов Ульяновска и Москвы (около 2200 участников). Такое исследование не просто удобно технически – оно позволяет получить интересные результаты, поскольку в речи образованной молодежи отражаются и традиционные языковые нормы, и новые актуальные тенденции; это в определенном смысле мостик между прошлым и будущим состоянием языка. Не углубляясь в статистические тонкости (вычисление дисперсии, расхождений между выборочными частотами и т.д.) и не разделяя анкеты по профилю получаемого студентами образования (эти ответы, конечно, несколько отличаются), проанализируем результаты как мнение «среднего носителя языка», некоей «усредненной языковой личности» (термин Ю. Н. Караулова – [7. С.776]).

Информантам был предложен ряд контекстов, в которых следовало записать числительные словами. Рассмотрим полученные речевые реализации одного из контекстов – несколько переименованной фразы из фильма: ***Мы победно наступаем с 240 дивизиями.***

Часть испытуемых (5% от общего количества ответов) «расшифровала» число с помощью порядкового (*с двести сороковой, с двухсот сороковыми* и под.), эти анкеты из дальнейшего анализа и подсчетов исключены.

Компонент ***сорок*** в большинстве анкет (88,22%) получил нормативное оформление *со-*

рока (омонимичная «общая» косвеннопадежная форма числительного с двухпадежной парадигмой). В ответах 10,59% респондентов обнаружилась гиперкорректная форма «Твор. множественного» *сороками*, образованная по аналогии с формой существительного (*с сороками дивизиями*): речевой сбой как результат прайминга или же «эффект сороконожки». Были отмечены также другие единичные варианты (*сорокью, сорок, сорокадесятью, сороковью* и др. – 1,19%).

В оформлении имени сотни реализовалось несколько моделей:

- 1) нормативный Твор.: *двумястами*;
- 2) упрощенный Твор. (с устранением «внутреннего» Твор.), с оформлением первой части по образцу Род.: *двухстами* или *двустами*;
- 3) Род.: *двухсот*;
- 4) Им.: *двести*;
- 5) образованные по аналогии с косвенными падежами числительного *сто / ста* формы с обобщенным первым компонентом: *двухста* или *двуста*;
- 6) прочие единичные образования типа *двестью, двумстами, двумя сотнями, двухстам, двухсотами* и др.

Представим количественное распределение вариантов в таблице, расположив их по порядку традиционной падежной парадигмы (см. Табл. 1).

Таблица 1

**Распределение речевых вариантов
Твор. п. числительного *двести***

(Мы победно наступаем с 240 дивизиями)

Тип словоформы	«200»	
	словоформа	кол-во употр.,%
Им.	двести	6,33
Р.	двухсот	39,35
Тв.	двумястами	30,33
Тв. упрощ.	двухстами	50,10
	двустами	
-ста	двухста	3,16
	двуста	
прочие	двестью, двумяста, двухсотами, двумя сотнями и др.	1,06

Нормативные формы Твор. представлены почти в трети анкет (30,33%), а упрощенный Твор. – в 1/5 части ответов (19,77%), что в сумме составляет половину (50,10%). Почти 2/5 респондентов предпочли генитивное оформление име-

ни сотни – в 6,2 раза больше, чем выбор номинативного (39,35% против 6,33%).

Вариант на *-ста* для «малой» сотни в составном ИЧ оказался непопулярным.

Таким образом, сравнивая возможность использования генитивной или номинативной стратегии для имени «малой» сотни, предпочтение следует отдать Род. п.

Но представляется, что номинативное или генитивное оформление внутреннего компонента составных ИЧ также может зависеть от его структурных свойств, поскольку «несклоняемость» сотен наблюдается в узусе довольно часто. Посмотрим, как функционируют в составных ИЧ разнотипные имена сотен, объединив их в следующем контексте анкеты: *Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня – с 570 избирателями.*

Здесь в Твор. п. использованы два двусловных ИЧ, каждое из которых состоит из двух сложных: «малая» или «большая» сотня и название десятка.

Имена сотен представлены в анкетах в следующих вариантах:

- 1) нормативный Твор.: *тремястами, пятьюстами*;
- 2) упрощенный Твор. (с устранением «внутреннего» Твор.), первый компонент оформлен по модели Род. («общий косвенный падеж»): *трехстами, пятистами*;
- 3) Род.: *трехсот, пятьсот*;
- 4) Им.: *триста, пятьсот*;
- 5) образованные по аналогии с косвенными падежами числительного *сто / ста* формы либо с Твор. первого компонента, либо с обобщенным его оформлением: *тремяста, пятьюста, трехста, пятиста*;

б) прочие единичные образования типа *трехстами, тристами, тремя сотнями, пятьюсот, пятьстами, пятьюсотами, пятью сотнями* и др.

Количественное распределение вариантов представлено в Таблице 2, порядок следования вариантов соответствует парадигме, что позволяет пронаблюдать тенденции и сравнить с данными Табл. 1. Оказывается, что «экспансия номинатива» действительно характерна для «больших» сотен, а «экспансия генитива» – для «малых».

Таблица 2

Распределение речевых вариантов Твор. п. числительных *триста* и *пятьсот* без учета контекста
(Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня – с 570 избирателями)

Тип слово-формы	«300»		«500»	
	словоформа	количество употреблений, %	словоформа	количество употреблений, %
Им.	триста	8,53	пятьсот	43,37
Р.	трехсот	42,00	пятисот	5,84
Тв.	тремястами	45,39	пятьюстами	46,80
Тв. упрощ.	трехстами		29,49	
			пятистами	19,69
-ста	тремяста	2,22	пятьюста	3,71
	трехста		0,04	
			пятиста	3,29
прочие	тремстами, трестами, тристами и др.	1,86	пятьюсот, пятисотами, пятьюсотами и др.	0,28

Владение литературной нормой продемонстрировала почти треть испытуемых: «правильный» Твор. – в 29,49% анкет для *триста* и 27,11% для *пятьсот*. Упрощенный Твор. – в 15,90% анкет для *триста* и 19,69% для *пятьсот*. В целом стратегию сохранения склонения выбрала почти половина информантов: 45,39% для *триста* и 46,80% для *пятьсот*.

Имя «малой» сотни *триста* получает форму Род. *трехсот* в 5 раз чаще, чем Им. (42,00% против 8,53%), а *пятьсот* – форму Им. в 7,4 раза чаще, чем Род. (43,37% против 5,84%); по количеству употреблений (немного меньше половины информантов) эти ненормативные формы вполне соотносятся с вариантами Твор.

Количество употреблений варианта на *-ста* близко к цифрам статистической погрешности,

несмотря на то что этот вариант все чаще слышен в устной речи и постоянно попадает на замечку ревнителям чистоты русского языка. Такое оформление имен сотен, как представляется, более характерно для однословных ИЧ.

Еще более наглядны цифры, характеризующие совместную употребительность вариантов (см. Табл. 3): сочетания «правильного» Твор. (18,86%) и различные комбинации упрощенных и нормативных форм Твор. (21,04%) количественно соответствуют друг другу (примерно по 1/5 употреблений), но контексты, соединяющие генитивное оформление «малой» сотни и номинативное оформление «большой» сотни, все же преобладают – 31,14%, т. е. практически треть испытуемых выбрала именно эту комбинацию.

Таблица 3

Распределение речевых вариантов Твор. п. числительных *триста* и *пятьсот* в совместном употреблении
(Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня – с 570 избирателями)

Тип сочетания и словоформ	«300» + «500»		
	словоформы	количество употреблений, %	
Им. + Им.	триста + пятьсот	7,00	
Р. + Им.	трехсот + пятьсот	31,14	
Р. + Р.	трехсот + пятисот	4,49	
Тв. + Тв.	тремястами + пятьюстами	39,90	
Тв. + Тв. упрощ.	тремястами + пятистами		18,86
Тв. упрощ. + Тв. упрощ.	трехстами + пятистами		8,16
Тв. упрощ. + Тв.	трехстами + пятьюстами		8,06
			4,82
-ста + -ста	трехста + пятиста	0,83	
прочие сочетания		16,64	

Итак, говорящие предпочитают «малые» сотни оформлять генитивно, а «большие» – номинативно. Имена десятков также реализуют несколько моделей (см. Табл. 4):

- 1) нормативный Твор.: *пятьюдесятью, семьюдесятью*;
- 2) упрощенный Твор.: *пятидесятью, семидесятью*;
- 3) Род.: *пятидесяти, семидесяти*;
- 4) Твор. множественный – гиперкорректные формы Твор., образованные по аналогии с существительным: *пятьюдесяtimi, пятьюдесятеми, пятьюдесятями; пятидесяtimi (-еми, –ями)*;
- 5) прочие единичные образования типа *пятьюдесяти, пятьдесятью, пятидесями, семьюдесяти, семьдесяtimi, семидесями* и др.

В единичных анкетах ИЧ были оформлены в Им. п. (респонденты не склоняли ИЧ), в таблице отдельной строкой номинативный вариант не выделялся, а включен в статистику среди «прочих».

Статистика показывает большую употребительность упрощенного Твор. п. по сравнению с нормативным Твор. п.

Анализ типов совместного употребления (см. Табл. 5) также демонстрирует большую частотность упрощенного Твор. (чуть больше половины ответов) по сравнению с обычным Твор. (чуть меньше трети ответов), а также возможность комбинации названных моделей.

Таблица 4

Распределение речевых вариантов Твор. п. числительных *пятьдесят* и *семьдесят* без учета контекста

(Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня – с 570 избирателями)

Тип словоформы	«50»		«70»			
	словоформа	количество употреблений,%	словоформа	количество употреблений,%		
Р.	пятидесяти	2,07	семидесяти	2,07		
Тв.	пятьюдесятью	37,40	семьюдесятью	29,93		
Тв. упрощ.	пятидесятью	54,55	семидесятью	62,15		
«Тв. мн.»	пятидесяtimi (-еми, –ями)	5,36	4,55	семидесяtimi (-еми, –ями)	5,22	4,91
	пятьюдесяtimi (-еми, –ями)		0,81	семьюдесяtimi (-еми, –ями)		0,31
прочие	пятьюдесяти, пятьдесятью, пятьдесят и др.	0,62	семьюдесяти, семьюдесятью, семьдесят и др.	0,63		

Таблица 5

Распределение речевых вариантов Твор. п. числительных *пятьдесят* и *семьдесят* в совместном употреблении

(Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня – с 570 избирателями)

Тип сочетания и словоформ	«50» + «70»		
	словоформы	количество употреблений,%	
Тв. + Тв.	пятьюдесятью + семьюдесятью	27,32	
Тв. упрощ. + Тв. упрощ.	пятидесятью + семидесятью	51,35	
Тв. + Тв. упрощ.	пятьюдесятью + семидесятью	12,16	9,59
Тв. упрощ. + Тв.			2,57
«Тв. мн.» + «Тв. мн.»	пятидесяtimi + семидесяtimi	3,87	
прочие сочетания		5,30	

Полученные результаты свидетельствуют о сформированной узуальной норме – преимущественном употреблении упрощенных форм творительного.

Но вернемся к номинативно-генитивным моделям оформления имен сотен. Почему именно такие варианты и такая комбинация вариантов оказалась столь популярной? Из каждой парадигмы была взята форма со слоговым ударным корнем –*сот*. Вероятно, что в таком виде этот компонент оказывается семантически более весомым – воспринимается как обозначение счетной единицы (ср. контексты типа *несколько сот человек, много сот тысяч лет назад*). Так говорящий маркирует в составном ИЧ разряд – сотни.

Таким образом, гипотеза о продуктивности для составных ИЧ генитивного оформления «малых» сотен и номинативного оформления «больших» нашла обоснование в результатах исследования. Думается, что этот факт важен для характеристики современной грамматической системы: пока нормативные и узуальные варианты конкурируют, но продуктивным кажется все-таки этот узуальный вариант.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вирта Н. Е.** Сталинградская битва: Литературный сценарий. М.: ОГИЗ, 1947. 272 с.
2. **Гловинская М. Я.** Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267.
3. **Гловинская М. Я.** Изменения в склонении числительных в русском языке на рубеже XX–XXI веков // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 106–116.
4. **Гловинская М. Я.** Противопоставленные тенденции в русском именном склонении в конце XX – начале XXI века // «Слово – чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 424–435.
5. **Глускина С. М.** Сложные числительные в истории русского языка // Ученые записки Псковского гос. пед. ин-та. Вып. 7. Псков, 1961. С. 5–34.
6. Грамматика русского языка: в 2 т. / АН СССР, Ин-т языкознания; под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. С. Г. Бархударова. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. Фонетика. Морфология. 720 с.
7. **Караулов Ю. Н.** Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности (Послесловие) // Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Соколин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 750–782.
8. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 204 с.
9. **Мельчук И. А.** Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16, 1985. 509 с.
10. **Павский Г. П.** Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2-е. Б. Отделение 2-е. Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях. 2-е изд. СПб., 1850. XXII, 314 с.
11. **Русакова М. В.** Речевая реализация грамматических элементов русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 51 с.
12. Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
13. **Супрун А. Е.** Имя числительное и его изучение в школе. М.: Учпедгиз, 1964. 160 с.
14. **Супрун А. Е.** О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 с.
15. **Супрун А. Е.** Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 232 с.
16. **Черкасов Н. К.** Актер и зритель // Черкасов Н. К. Записки советского актера. М.: Искусство, 1953. С. 270–284.
17. **Bogusławski A.** Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966. 279 s.

УДК 81.23 (045)

Е. В. Харченко

«У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ», ИЛИ ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕТЕОРИТ В НАИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛЯБИНЦЕВ

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)

В статье рассматривается проблема языкового сознания. Говорится о восприятии и осознании действительности в условиях неопределенности и о формировании образа события в наивном языковом сознании на материале комментариев очевидцев.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, восприятие, метеоритный дождь.

E. V. Kharchenko

«FEAR HAS BIG EYES», OR THE CHELYABINSK METEORITE IN A NAIVE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF ITS INHABITANTS

The south-ural state university (national research university)

The article considers the problem of language consciousness. It says about perception and awareness of the reality in conditions of uncertainty and the formation of the image of the events in the naive language consciousness on the material of the comments of witnesses.

Keywords: psycholinguistics, linguistic consciousness, perception, meteor rain.

Актуальность данного исследования обусловлено тем, что все чаще благодаря Интернету наряду с официальной точкой зрения мы можем познакомиться с мнениями обычных людей, которые оставляют свои комментарии к статьям и новостным материалам, участвуют в форумах и создают свои блоги. Для анализа мы использовали комментарии к новостям 15 февраля на сайте 74.ru. Этот материал был выбран в силу того, что именно здесь жители Челябинской области оставляли свои сообщения сразу после метеоритного дождя. Всего нами проанализировано 2815 комментариев на 87 страницах.

В этом случае мы сталкиваемся с мнениями носителей разных культур (национальных, гендерных, возрастных, корпоративных), то есть с межкультурным общением, при котором, по меткому замечанию Е. Ф. Тарасова, сознание функционирует в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов [7. С.30]. В своей работе мы придерживаемся термина «языковое сознание», поскольку без «овнешнения» (термин Е. Ф. Тарасова) сознания языковыми средствами трудно с определенной долей уверенности говорить о содержании сознания отдельного человека, а при отсутствии общности сознаний коммуникантов общение затруднено или невозможно.

Языковое сознание – термин, широко используемый психолингвистами, базируется

на теоретических обоснованиях, представленных в работах Л. С. Выготского, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой и других.

Л. С. Выготский в своих работах подчеркивал целостность сознания, рассмотрение которого он считал невозможным без включения языка в исследование. Он считал, что сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов (слово услышанное – раздражитель, слово произнесенное – рефлекс, создающий тот же раздражитель), поэтому его следует рассматривать как частный случай социального опыта [1. С.96–97].

Похожую мысль высказал и С. Л. Рубинштейн, согласно которому сознание всегда предполагает познавательное отношение к предмету, находящемуся вне сознания. Возникновение сознания как специфически человеческого способа отражения действительности неразрывно связано с языком: язык – необходимое условие возникновения сознания. Осознавать – значит отражать объективную реальность посредством объективированных в слове общественно выработанных обобщенных значений. Таким образом, ученый подчеркивает теснейшую связь между языком и сознанием, говоря о том, что без языка нет сознания, язык – это форма сознания человека как общественного индивида. Особо подчеркивается социальный характер

связи языка и сознания: «Не слово само по себе, а общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания. Слово существенно для сознания именно в силу того, что в нем откладываются, объективируются и через него актуализируются знания, посредством которых человек осознает действительность» [4. С.149–150].

А.Н. Леонтьев так же, как и С.Л. Рубинштейн, связывал сознание с деятельностью, которая, по его мнению, является единицей человеческого бытия, обладает целостностью и многоуровневой организацией. По его мнению, «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [3. С.167].

В.П. Зинченко поддерживает социальную сущность сознания: «Сознание человека развивается не в условиях робинзоны, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только усвоить, но и построить на его основе собственный опыт» [2. С.23].

Проблема изучения языкового сознания, по мнению Е.Ф. Тарасова, связана с тем, что данный термин в лингвистическом описании употребляется двояко. С одной стороны, оно используется для анализа образов (языкового) сознания, ассоциируемых с языковыми знаками и поэтому вовлекаемых в производство и восприятие речи, а с другой стороны, это понятие указывает на образы сознания, ассоциируемых с телами языковых знаний [7. С.301]. Е.Ф. Тарасов определяет языковое сознание как комплекс «образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей». При этом он подчеркивает, что главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание [7. С.24].

Важным является и замечание Н.В. Уфимцевой о том, что далеко не все хранящееся в сознании можно овнешнить, выразить с помощью речи: «Формирование сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани

движения и действия <...> Возникновение символической функции знаменует начало формирования рефлексивного слоя сознания... Таким образом, мы видим, что за телом знака (означающим) стоит сложная структура образа сознания, который заключает в себе не только рефлексивные знания (значение и смысл), но и биодинамическую ткань живого движения и действия и чувственный образ, возникающий на его основе <...> Знания, которые стоят за телом знака, формируются в действии с культурным предметом, не сводятся только к вербальным значениям, принадлежат не языку, а культуре и присваиваются конкретным индивидом в процессе аккультурации. Хочется еще раз подчеркнуть, что далеко не все знания, которые стоят за телом знака, овнешняются с помощью языка» [8. С.112].

Несмотря на это, мы считаем, что психолингвистический подход является наиболее точным при изучении сознания, без которого невозможно ни восприятие, ни взаимодействие. Согласимся с Т.Н. Ушаковой, что «понятие языкового сознания ухватывает важный аспект психолингвистических явлений, подчеркивая неразрывную связь лингвистических проявлений с содержанием сознания человека» [9. С.15]. Благодаря высказываниям мы можем «проникнуть» в сознание конкретного человека, воссоздать его образ мира. При анализе комментариев разных людей об одном событии выявляется общее и специфическое в осознании ситуации.

В комментариях по поводу челябинского метеорита (в них сохранены авторские орфография и пунктуация) можно выделить те, которые относятся 1) к описанию ощущений самого события, 2) попыткам объяснить произошедшее (сопоставить с предыдущим опытом, как правило, путем сравнения), 3) стремлению провести анализ и выдвинуть свою версию, 4) доказательству своей версии и 5) прогнозу дальнейших событий.

1. Описание. Приведем примеры описания восприятия ситуации. Отметим опору на органы чувств, в первую очередь зрительные и звуковые образы, выраженные глаголами, которые выделены нами в текстах: «*Все это видел своими глазами, как раз с машины вышел, **смотрю** летит огненный шар с клубами дыма!!! В момент пролетания мимо окон был выброс теп-*

ла от излучения объекта, даже при закрытых окнах, на расстоянии от них около 2 метров **почувствовалось**. Свет от объекта был настолько ярким, что, после его пролетания, аж в глазах потемнело! Свет был желто-красный. Кстати – хлопок сопровождался более тихими хлопками около полуминуты. Судя по всему – это болид, взорвавшийся в воздухе, что-то типа Тунгусского, но значительно меньше // Над Коркино пролетело, я **видел** как все это началось: сначала боковым зрением **увидел** что-то яркое (подумал солнце из-за туч вышло, потом какие тучи – небо ясное) свет был очень ярким, что **ослепило**. На улице стало светлее светлого, как фонариком в глаза».

2. Объяснение. Очень хорошо прослеживается сам процесс осознания и объяснения случившегося с опорой на предыдущий опыт, выраженный в утвердительных и описательных синтаксических конструкциях: «**Однозначно, не самолет, а что-то космическое**. Как раз, вышла на прогулку с собакой и вдруг...пошел поток нарастающего по яркости света. Успела промелькнуть мысль, что так же и ослепнуть можно?! Закрыла глаза и пригнула голову. Собака тоже взволнованно закрутилась на поводке. Я нагнулась к ней и по моей спине прошла волна чётко осязаемого тепла. Не просто тепла, а прямо мгновенно стало жарко, но не надолго. Буквально несколько секунд все это продолжалось. Рядом стоял ошарашенный мужчина. Я спрашиваю: – Может конец света наступил? Он отвечает: – Тоже об этом подумал! И тут же начались взрывы – стёкла из окон летят, машины орут, бродячие собаки летят не разбирая дороги... Взрывов было несколько и очень мощные – знаю о чем говорю, **4 месяца в Грозном во время боевых действий**, т. е., непосредственно в очаге событий **была**. Эти взрывы были очень мощные. Пожалуй, даже сильнее, чем при бомбежке или артобстреле. Только они одиночные, следующие подряд, один за другим. А если бы сразу да из всех орудий))) Мда, не смешно (((Живу на пос. Мебельном, городской бор через дорогу, так что и здесь «посчастливилось» побывать в непосредственной близости. Нееет, это не самолет, точно. Вы чё, с такой скоростью, можно сказать за секунды перемах-

нул Екатеринбург, Еманжелинск и проч. А главное – такой поток света с сопровождением весьма осязаемого тепла – неееет, даже даже, не человеческих рук творение было // **Служил в артиллерии**, но такого мощного и задорного хлопка еще не слышал! // **Видел в детстве как падал крупный метеорит**, совсем другая картина, совсем не похоже // **Мне однажды пришлось наблюдать** как доблесные электроталлурги вылили расплавленный металл в ковш со снегом. Взрыв при этом был очень похож на взрыв болида – сначала громкое шипение и затем такой же взрыв состоящий из нескольких взрывов и примерно такой же частотной составляющей и даже цвет вспышки похож».

3. Анализ. Большинство комментариев в первые часы содержат описание индивидуального восприятия случившегося. При интерпретации своих ощущений многие авторы опирались на известное (то, что есть в образе мира) и приводили сравнения: «**Ощущение** спросоня было ужасное... **как будто бомбардировка началась... казалось что что-то упало на наш дом... но мы далеко от городского бора... и огромный след на небе...// Ехал в автомобиле. На перекрестке Комсомольского и Каслинской в это время была мощная вспышка, примерно через 5 минут раздался сильный хлопок и у меня отключился мобильник. Сначала подумал что с самолета ракетами пуляют. Но следа от самолета не оказалось // Я вспомнил фильм армагеддон! а когда рвануло думал покрышки на машине лопнули! // Вообще похоже было на ядерную ракету, яркое свечение и затем грохот! // Я думала, что мой дом с нами внутри подорвали! Чувство прямо сказать ужаса! Пепел летал как **11 сентября в Нью-Йорке...** // Была вспышка яркая и как пишется буквально через 5 минут мощный взрыв и полоса эта. Думал самолет сверхзвуковой уводили от падения куда подальше // Соседи говорят видели стрелу огненную, и как будто скидывали что то (склоняются что это было топливо) // Я пока не знаю, что это... Яркая вспышка, сильная звуковая волна, на небе сгусток дыма и сильный шум – **будто ветер** (но ветра нет) и **звуки разбивающихся бутылок...** // Доброе утро! пролетело прямо над головой... **форма немного напоминала самолет!****

// На теплотехническом институте. дома увидела в зале вспышку света через ночные шторы, которая становилась все ярче и ярче. подошла к окну – в небе были клубы дыма, **как от самолета**, только во много раз крупнее. было такое ощущение, что объект летел с северо-запада на теплотех, а потом повернул обратно. образовалась воронка, **как при ядерном взрыве**. потом был сильный грохот и меня отбросило от окна на 3 метра. сильно запахло пылью, тяжело стало дышать // В Копейске пахнет порохом. **Похоже, что это ракета**. Пролетела прямо над головой на высоте 200–300 м. Сидел в машине, так оглушило, уши заложило. Перед этим была яркая вспышка, **как солнце озарило** // Сидели на уроке, вдруг увидели очень яркую вспышку света, стало темно... Все побежали к окнам, на небе была полоса **похожая на облако из дыма**, спустя минуту раздался резкий взрыв – **похожий на шипение** // Подошла к окну закрыть окно и увидела **шар**, он рос на глазах, потом яркий свет и ослепило, слезы из глаз... Потом через 5 минут взрыв. Открыло все окна, слетели цветы, по кабинету летали бумажки, **все как в фильме!** Глаза очень болят... голова раскалывается! // На небе тянулся шлейф, а в нем было **что то огненное**, а через несколько минут произошел такой взрыв, что меня как то чуть не прибило к земле, потом **как будто детонировали снаряды** // Кошмар, где то в 9.20 резко, **как будто – солнце встало и село** такая яркая вспышка была, через минуты 2 может как бабахнуло, **думала война что ли**, ощущение что что-то в воздухе разорвалось, видела **огненную воронку** потом бабахнуло где то, а след огненный был // В квартире резко стало светло, **будто бы включили свет**. Затем через несколько минут произошел взрыв, так что все стекла разбились // Прямо из-за горизонта вспыхнула **точка цветом электросварки**, ультрафиолетовым и быстро увеличивалась в размерах и в яркости осветив **всё значительно ярче солнца**. Первое, что пришло в голову: **ядерный взрыв**. Выскочили на улицу и увидели в небе двойную полосу **как от реактивного следа**, но почему-то двойную, вслед за этим услышали серию хлопков, **похожих на взрывы**. Полоса в небе была на отдельном участке, те обрезанная с обеих

сторон и цвета полосы в примешку с жёлто-коричневым // Я стоял у вокзала, решил посмотреть на часы, и увидел большой (просто громадный) **шар**, (свечения еще не было) потом он начал светиться, я отвернулся, чтоб не ослепило, свечение было мощное, жар чувствовался аж через куртку от свечения даже было не разобрать цвет машин, все слилось в один фон, а вот потом начались взрывы (видно скорость была мощная что звук дошел потом) ... однозначно **МЕТЕОРИТ...** но ощущения были просто не объяснимые...// Пролетело над домом **типо факела**...потухло над Шершьями... сфоткали след – **оч похоже на метеорит**: летел – глаз улавливает скорость! // Были слышны от 5 хлопков, по звуку **как выстрелы орудий**. Я сначала **думал что это склады взрываются** // Я тоже после основного слышала канонаду, **подумала, что упал самолет и это детонируют снаряды**. а от взрывной волны мне показалось что все внутренности сначала опустились, а потом их подняло снова вверх, даже как прибило немного в коленях, уши так заложило. вообще не приятное и страшное ощущение // В голове пронеслось, что всё происходящее **похоже на ядерный взрыв** только без огненной волны... // Вспышка была **как от световой гранаты**, через плотные шторы ослепила! **Прям над домом пролетел!**.

При интерпретации актуализируется не только личный опыт, формирующий индивидуальные знания, но и коллективный, передающийся с культурой предыдущих поколений: «Блин страшно, я **думала это война началась...** // У нас дом чуть не упал! Бр Кашириных 122. **Думал Все! Война!** // Ага на шагле **как война** была, жесть ... // Все произошло на моих глазах, **думал – всё, конец света наступил**, потом машину потрясло // Я **думала война** началась, окна и двери держали всей семьей // У нас в офисе полёт на соне кривой эвакуация лишь бы не ядерный, а то уж след очень **похож был на гриб** и летел бесшумно....».

Можно выделить и нестандартные версии произошедшего, связанные со спецификой места проживания: «В Сосновке все **трясло, думали взорвался хлор на очистных**. Взрывов было не меньше десятка, постепенно стихали // Вот и утро выдалось в курганской области был взрыв

слышен а потом какой-то гул. **думали что хим-завод влупил** // Все признаки **ядерного взрыва** – мощный свет, сильная ударная волна... дальше все осядет на землю... **1957 г.**».

Некоторые шуточные высказывания явно отсылают к сюжетам фантастических фильмов: «То был звездолет, летел он с Проксимы Центавра, его сбили 3 фотонные торпеды, у всех в солнечной системе вылетели окна, евра пакеты распахнулись // Вторжение началось! // Брюс Уиллис (Армагедон) видимо проспал!!!!!!! // Супермен с возвращением! Welcome back Superman! // это хищник прилетел // Еще видели в районе Чебаркуля голого мужчину, требовавшего у всех одежду и мотоцикл!».

После получения нового опыта, как правило, происходит корректировка старого представления: «Но зато **теперь все знают**, что это не так происходит как в голливуде: Увидели метеорит в небе, за это время оповестили город, собрали пожитки, забрали детей из школы, попрощались (не забыв про секс), потом помогли соседям, помогли президенту, губернатору и прочим лицам. Немного постояв в пробке все же покинули город по дороге звоня по мобиле дальним родственникам... =)))) На самом деле это **все происходит за минуты**. Наивные голливудские режиссеры =))))».

4. Доказательства. Многие пытались выдвинуть свою точку зрения и доказать ее: «Ну не забываем ещё, что Земля вокруг своей оси вращается и как бы снаряд в одну воронку не бьёт. А ещё я очень попрошу истеричных женщин, пишущих капсом, всё же отойти от компьютера. От вас столько паники и лишних слов, что ож дурно становится // Считаю у нас больше такого не повторится-минимум лет 100..Теория вероятностей...// Не 27 км, а 27600 км. Невооруженным взглядом его даже видно не будет. Люди, успокойтесь. Такое впечатление, что половина пишущих на этом форуме скупала спички, соль и свечи в ожидании 21 декабря. Кстати, стеклопакеты не повывлетали. Повывлетали старые дребезжащие стекла // Есть одна истина: беда не приходит одна!!!! ждите продолжение банкета // У всех людей в разных частях города и области ощущение что «прямо надо мной» – это значит очень далеко от земли! // Блин люди

ну включите мозг, найдите видео посмотри КАК разлетаются объекты в воздухе когда их взрывают, например ракеты когда в космос запускают и они взрываются. Если бы его взорвали было бы множественный разлет осколков, а тут одно тело вошло на огромной скорости в плотные слои атмосферы, и произошло выделения огромного тепла и света, как видно потом даже если он и раскололся на 2 части но они летели рядом, а не полетели в разные стороны».

5. Прогноз. Недоверие официальной информации привело к попыткам уточнения и прогнозирования ситуации, что проявилось в комментариях: «Люди, непонятно, что происходит, а если это радиация – нам никто не скажет. Давайте начнем спасаться сами – будем пить сорбенты, они выводят радиацию // друзья мои! а ведь попало еще в цинковый завод и были выбросы! за это стоит бояться, так как цинк очень вреден // Радиация есть! Измеряли знакомые! Пишут «сваливать из города». Голова болит! У меня в жизни она не болела! Куда ехать-то лучше??? // Когда волосы начнут выпадать тогда и узнаем точно был превышен радиационный фон или нет, а так правду все равно не скажут!!! // У кого-нибудь хронические заболевания обострились? Никогда еще не видел такое яркое солнце и чистейшее небо, но след от НЛО еще не совсем рассосался... // Люди запасайтесь питьевой водой. солнце как то странно сегодня ярко светит // На счет солнца, да действительно очень ярко светит при этом тепла не ощущается, а вот птиц я чего то до сих пор не обнаруживаю».

Особо хотелось бы выделить комментарии, транслирующие иную картину мира: «С эзотерической точки зрения падение метеорита в определенной местности – это некий знак, маркер. Тут важно отметить вибрационное число этого события. Если сложить число, месяц и год до однозначного числа (1+5+0+2+2+0+1+3), то получится 5. Это означает новый виток в развитии, выход на более высокий уровень. Челябинск является индустриальным центром, с развитой инфраструктурой, промышленностью, большой концентрацией учёных. Вполне логично предположить, что взрыв метеорита обозначил местность, где возможен новаторский прорыв, какое-то грандиозное открытие,

взлёт инженерной мысли. Учитывая все эти факторы, мы можем надеяться, что ещё услышим о Челябинске важные и приятные научные новости // астролог Александр Зараев не ждет никаких глобальных перемен и говорит о том, что сегодняшнее падение метеорита – следствие «астрального тумана», в котором люди находятся в последние несколько дней. Этот «туман» снизил деловую и творческую активность жителей Земли и должен «рассеяться» уже после 17 февраля. В то же время астролог предупреждает: в течение года возможно повторение периодов, когда возрастет вероятность катастроф и других явлений, которые трудно спрогнозировать». Подобные комментарии свидетельствуют о появлении сторонников альтернативной модели мира, по-иному интерпретирующей действительность и влияющей в том числе на вероятностное поведение человека, которое невозможно спрогнозировать без выявления ценностно-мотивационных установок таких теорий.

Очень интересны комментарии, вызывающие к здравому смыслу: «Ух! Сколько всяких предположений =). Хорошо то, что многие на самом деле заглянули в учебники и справочники, хоть как-то народ просветил сам себя! А если бы без повода еще занимались самообразованием, цены бы челябинцам не было, как населению в целом! Многие говорят про запах серы, гари и т. д., причем почувствовали его сразу после вспышки. М-да... Видимо я плохо физику учил в школе, раз упустил такой момент, а может прогулял урок, где нам рассказывали, что скорость света равна скорости распространения запаха =). Сейчас, конечно же, снова услышим: «Я склонен верить своему обонянию!». Попробуйте взять в расчет тот факт, что из-за стресса у организма (к примеру из-за вспышки) некоторые процессы начинают протекать быстрее, происходит выброс адреналина, обостряются некоторые чувства, да, и мозг «подкинуть-выкинуть» чего может =). Многие несовпадения, предположения и выводы очевидцев уж очень сильно коверкают реальную картину мира и физических процессов. Во истину: «У страха глаза велики!» // Попробуйте задать себе вопрос, что лично Вы знаете о сути явлений, которые проис-

ходят? какие источники читали, кроме интернета. чему учились в школе/институте. каждый является офигенным специалистом, но не в той области, в которой он работает. страна гениев-самоучек. честно, сначала смешно было читать про сочетание чисел, которое привело к событиям 15 февраля, про ракеты, летящие со скоростью метеорита, про зеленых человечков, небесные луны, фокусирующие солнечный свет на Челябинске, про подозрительно чистое небо, про солнечную активность... так называемые «альтернативные» версии, высказанные специалистами-уфологами, парапсихологами, мозговыносологами и пр. Честно плакать хочется. реально прав Задорнов, уровень образования катастрофически падает. от всей души поздравляю Вас с тем, что обошлось. удачи!»

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что взаимодействие пользователей интернета в чрезвычайных условиях во многом отразило стереотипы языкового сознания представителей различных культур и в то же время выявило специфику восприятия и интерпретации самого события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выготский Л. С.** Собрание сочинений в шести томах. Том 1. М.: Издательство «Педагогика», 1982. 484 с.
2. **Зинченко В. П.** Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
3. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
4. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. 720 с.
5. **Тарасов Е. Ф.** К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей. М., 1998. С. 30–34.
6. **Тарасов Е. Ф.** Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. статей. М., 2000. С. 24–32.
7. **Тарасов Е. Ф.** Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. С. 301–310.
8. **Уфимцева Н. В.** Динамика и вариативность языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
9. **Ушакова Т. Н.** Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей. М.: Барнаул, 2004. С. 6–17.
10. <http://chelyabinsk.ru/text/news/621775.html>.
11. <http://www.dogandcat74.ru/node/80495>.

УДК 821.161.1.09 (045)

Л. И. Донецких, А. С. Ныпадымка

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СЛОВООБРАЗА «БОЛЬ» В ПОЭТИКЕ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

Удмуртский государственный университет, Киевский государственный университет культуры и искусства

Через лингвостилистическое толкование представлены стержневой, резюмирующий, ядровый, кольцевой и текстовый типы репрезентации смыслового объема словообраза «боль» в поэзии Ю. Друниной.

Ключевые слова: авторская картина мира, ключи, соключи, словообраз, поэтическая формула, «сильная позиция», «архитектоника текста».

L. I. Donetskiikh, A. S. Nypadymka

BASING ON THE POETRY OF YU.DRUNINA KEY, SUMMARY, CORE, RING-SHAPED AND TEXT TYPES OF REPRESENTING SEMANTIC DIMENSION OF THE IMAGE OF THE WORD "PAIN" ARE REGARDED THROUGH LINGUO-STYLISTICS INTERPRETATION

Udmurt state university, Kiev state culture and art university

The article is devoted to the rich variety of aesthetic expression in reflecting the emotional and semantic key «anruish» in Y. Druninan's poetry.

Keywords: author's world-view; image of a word; poetic formula; text architectonics; strong position.

Создание художественного произведения – акт творческий. Он включает в себя выбор жанра, направления, темы, осмысления семантической и структурной композиции целого, адекватно отражающего авторское мировоззрение и его ментально-эстетические позиции. «Таинственна и неуловима связь между формой и содержанием поэтического произведения, – пишет Л. Г. Яцкевич, – Тонкость и одухотворенность строения поэтического текста поэт сравнивает со световой игрой прекрасного бриллианта, с ароматом красоты, который окружает цветок. И хотя тайны поэзии так же до конца не познаваемы, как и тайны природы, однако можем изучать и морфологию кристалла, и морфологию цветка, и морфологию поэтического произведения» [10. С.99].

Изучение целостности художественного мира в вербальной форме представляет огромную трудность, потому что требует в сложной и многокрасочной мозаике, образующей авторскую картину мира, найти те инкрустационные точки и линии, следование за которыми облегчает не только понимание единства поэтического феномена, но и отражает процесс художественного мышления. Эти точки в лингвопоэтике называются *ключевыми словами*. «Изучение ключевых слов – один из активных методов современного анализа художественных текстов всех жанров», – справедливо утверждает М. Б. Борисова [1. С.109].

Слова-сигналы, рассыпанные по всему тексту, представляют собой систему взаимосвязанных друг с другом смысловых и эмоционально-оценочных точек или рядов. Они поддерживают содержательную целостность художественного текста, «заставляют читателя все время держать их в памяти и следить за реализацией их смысла. Они устанавливают направление мысли, определяют ее развитие, что делает наше восприятие целенаправленным, активным» [7. С.4].

Композиционная расстановка эстетически значимых единиц художественного текста, способы их семантического обогащения, превращение в единицы обобщенного характера позволяют обозначить контуры как языкового образа автора, так и выстраиваемой им картины мира.

Многоплановая семантика полимотивированных ключевых слов, выполняющих эстетическую функцию в художественном тексте, связывает моделируемый по авторским законам поэтический мир с объективированной действительностью. Эти связи векторно направляют не только смысловое развитие языковой единицы, обобщая в ее объеме культурно-психологический опыт автора и человечества, но и эксплицируют поведение в формировании эмоционально-экспрессивного и ассоциативно-содержательного пространства текста, аккумулирующего идею, превращая ключевое слово

в **словообраз** [2]. Стилистически значимая, наделенная концептуальными свойствами, такая единица становится **идиоключом**, приметой индивидуального стиля художника.

Объектом исследования статьи стала эстетически значимая единица поэтики Юлии Друниной – словообраз «боль». Он выступает экспликатом традиционного и ментально-личностного осмысления в ее творчестве тем войны и мира.

В семантическом поле рождаются эстетические значимости Ю. Друниной. Особое место здесь занимает учет валентностных отношений в словосочетаниях и локальность словообразов в структурной плоскости художественного целого. Среди композиционных типов функционирования ключевых слов, участвующих в смысло- и темообразовании, один ведет себя особенно системно и ярко. Это **стержневой** тип, когда значение ключевого слова раскрывается прямо и опосредованно, проходя через весь текст, и зачастую обобщается в конце произведения в авторской поэтической формуле. Таковы стихотворения «Прощай, командир!», «Бинты», «Осколок» и др.

Движение вниз по вертикали обогащает ключевое слово, сближает его ассоциативно с индивидуально-авторскими значениями: 'горе', 'скорбь', 'тяжелое осознание утраты', 'страдание', 'сострадание', 'сопереживание', 'самопожертвование', 'память' и др.

Вектор движения может **начинаться** ключевым словом «боль», которое эстафетно передает свои смыслы, обрастая новыми в пути; может **ядерно** фокусировать авторскую значимость, испуская вверх и вниз композиционного пространства текста неожиданные эмоционально-смысловые флюиды; может **резюмироваться** в конце. Содержательное поле произведения всегда поддерживает симбиозные семантические и композиционные процессы.

'Горе как тяжелое осознание утраты и как самопожертвование' – таков индивидуально-авторский путь экспликации эстетических возможностей у словообраза «боль» в стихотворении **«Прощай, командир!»**.

Прощай, командир. Уходи из вагона.

– Пора! – говорит проводник.

Я ласково руку кладу на погоны:

Что головою поник?

Целую холодные сжатые губы,

Да ежик колючих волос.

... Заплачут ветров иступленные трубы,

«Прощай!» – закричит тепловоз.

Прощай же! Я жизни ничьей не разрушу ...

(Как сложно устроен наш мир!)

Ты – сильный. О слабых подумаем душах ...

Пора уходить, командир!

Ну, вот и конец. Вот и сдвинута глыба.

Боль позже очнется в груди...

Прощай, командир, и скажи мне «спасибо»

За этот приказ «уходи».

Стержневой тип функционирования ключевого слова поддерживается ассоциативно. В этом участвуют и лингвистический, и идейно-художественный, и культурно-исторический контексты. Лингвистический контекст раскрывает авторское значение в номинативно-метафорической плоскости текста.

Сфера ключевых и соключевых слов ассоциативно расставляет и содержательные, и эмоционально-оценочные акценты: приемом повтора, императивной формой глагола, восклицательной интонацией, обращениями: «Прощай, командир» – Прощай!» – «Прощай же!» – «Прощай, командир ...» – «Уходи из вагона» – «уходи» – «Пора!» – «Пора уходить, командир!» Повторная номинация создает атмосферу трагической напряженности. Эстетическое значение обнажает новые индивидуально-авторские грани, глубоко ментальные по сути: осознанность тяжелой утраты, ведущая к самопожертвованию.

Емкость значения словообраза «боль» помогает актуализировать взаимодействие идейно-художественного и культурно-исторического контекстов. Не просто отказаться от счастья, от любимого человека! Но героиня понимает, что это надо сделать во имя тех, кто ждет командира, во имя тех, чью жизнь «нельзя разрушить»: надо «о слабых подумать душах», о тех, для кого утрата «командира» сейчас, после войны, будет подобна смерти. Мужественно утверждается мысль: ты – солдат, ты – сильный и должен выдержать, устоять перед разлукой, должен подчиниться самоприказу и уйти. Героиня сознательно берет на свои плечи горе и боль, спасая тем самым счастье других. Только позже она почувствует, как невосполнима утрата любви, – тогда

и «очнется боль», очнутя застывшие от горя чувства. Эмоционально-оценочный срез углубляет содержание словообраза «боль»: «боль» *‘как самоотказ от возможного счастья во имя другого’, ‘как результат проявления силы и воли’*.

Прием недосказанности, недоговоренности мотивируется: «Я жизни ничьей не разрушу». Аура доверительности, интимной честности создается при помощи утверждения «ты – сильный» и просьбы – «о слабых подумаем душах»: «я» и «ты» – вместе.

Столкновение таких чувств, как боль и любовь, создает атмосферу грусти, безысходности, определяя минорную тональность стихотворения. Эти две линии получают свое символическое обозначение в словах последней строфы: «Ну, вот и конец. Вот и сдвинута глыба. Боль позже очнется в груди...».

Эмоционально-оценочный план стихотворения выразительно проявляет себя в звукословесной композиции, тоже проходящей по вертикали: сильные, трагические чувства передаются звонкими согласными, ассонирующей аурой гласных [а], [у], [о], а сострадательные – глухими согласными, мягкостью [э], [и].

Таким образом, эстетическое значение словообраза «боль», опосредованно возникшего, проходя через всю семантически построенную композицию, обобщается в конце, в заключительных строфах, становясь символом добровольной утраты, – *‘самопожертвования’ как ментально-гендерной константы в авторской языковой картине мира*.

Сложным архитектурным приемом в творчестве Ю. Друниной является **контоминация композиционных типов**, когда четко угадывается **стержень** эмоционально-смыслового пути словообраза «боль», где обязательно есть **резюмирующие поэтические формулы** и где сам **текст, сюжет** становятся фоном образования индивидуально-авторских значимостей. Интересны в этом отношении стихотворения «Бинты» и «Осколок».

Сильная позиция заглавия, образуя с **афористической формулой конца** идейно-поэтическое **кольцо**, не только символически обогатило словообраз «боль» – «память», соединяющая, вечная, но и ассоциативно сблизило заглавие

с новыми значениями: бинты – *‘мерило доброты’* при снятии боли, осколок – *‘горькая боль воспоминания’*.

Стихотворение Ю. Друниной «Бинты» сюжетно по своему характеру: перед нами сцена в военном госпитале. Раненый ожидает тяжелой перевязку. Эстетика трагической боли выражена метафоро-метонимическим образом, потрясающим по силе воздействия.

Бинты

*Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна присохшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем – так учили нас,
Одним движеньем – только в этом жалость ...
Но, встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решилась.
На бинт я щедро перекинь лила,
Пытаясь отмочить его без боли,
А фельдшерница становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться – беда,
Да и ему лишь прибавляешь муки».
... Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.
Не нужно рвать присохшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли...
Я это поняла, поймешь и ты ...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!*

Бинты (белые, присохшие, приросшие) становятся мерилем нравственно-физических сил человека. Стержнево проходя через все стихотворение, этот образ определяет и оценивает отношения между людьми: четко означает позицию автора, его симпатии и антипатии; обуславливает выбор языковых средств и пунктуационные отношения в композиции, вырастая до символа в резюмирующей формуле, ассоциативно образующей идеосмысловое кольцо текста.

«Бинты» как реальное, предметно-нормативное сигнализируют боль, физическую, в первую очередь, мучительную, невыносимую – отсюда выбор определений – «напружиненный», а не напряженный, «белый», а не бледный, со «страшным» взглядом «налитых» от слез глаз, едва перемогающих страдание. Эти определения причинно-следственно организуют употребление других языковых средств. Оппо-

зиционность, контрастность смысло- и эморегулирующие константы текста: «сорвать бинты» – «пытаясь ... отмотать без боли», «рвать бинты» – «щедро перекинь лила». Не сразу «бинты» становятся символическим аналогом боли.

Языковой контекст проецируется на идейно-художественный: образ молоденькой медсестры, пытающейся облегчить страдание раненых, вызывает огромную симпатию в противовес «фельдшернице», для которой формальное, бездушное отношение к человеку – норма.

Введенная в текст прямая речь «фельдшерницы» (автор свое негативное отношение выразила не только словообразовательно, но и подбором сниженной лексики) диссонирует с выбором позитивных семантико-стилистических средств, характеризующих медсестру, в руки которой всегда «метили» попасть раненые: она «щедро перекинь лила» на присохшие бинты, ее «медлительные руки» не рвут, как учили, бинты, а сострадательно, милосердно снимают. Не случайно этот эпизод в тексте начинается многоточием. Автор призывает этой пунктуационной инверсией читателя задуматься. Она усилена и противительным союзом «но».

Автор заставляет ощутить значительность, почувствовать глубину мысли не той, что утверждается, а другой – в действиях медсестры, которая затем выливается в поэтическую формулу: перевязка – урок доброты: умение снять бинты без боли, уменьшить боль.

Поэтесса на личном опыте – на войне, постигая «науку доброты», верит в силу примера: «Я это поняла, поймешь и ты». Только надо хотеть это понять! И помнить об этом!

Так словообраз «бинты», пройдя вертикально через текст, символически наложился на словообраз «боль», их ментальная близость позволила выделить авторские значения: *‘физические трудности надо преодолевать, не нанося страданий’*. *‘Сочувствие, сострадание, сопереживание как нравственная память о боли’* – это и есть *‘наука доброты’*. Не случайно в конце текста Юлия Друнина поставила восклицательный знак, единственный в тексте.

Уже в этом стихотворении **стержневое** употребление словообраз «бинты» – «боль», усиливается **кольцевым**. Опосредованная эстети-

ческая значимость «бинты», номинированная в тексте, завершает свой путь в символическом обобщении **резюмирующей афористической формулы**, где словообраз бинты, снимающие боль, превращается в символ – *‘наука доброты’*.

Еще более рельефно сложная композиционная работа демонстрирует себя в стихотворении «Осколок»:

Осколок

*Бывает так – почти смертельно ранит,
Но выживешь: выносив человек.
И лишь осколок – боль воспоминанья –
В тебе уже останется навек.
Навек... Нас друг от друга оторвало,
Кто знает, для чего и почему?..
В груди осколок острого металла –
Скажи, привыкнуть можно ли к нему?
Не знаю, путь мой короток иль долог,
Не знаю, счастлив ли, несчастлив ты...
Болят осколок, так болят осколок,
Кровь снова проступает сквозь бинты.*

Как и в тексте «Бинты», на повторяющемся стержневом векторе ключа «осколок» на номинативной основе появляется метафоро-метонимическая значимость, **ядрово** утвердившаяся в перефразе – «боль воспоминаний», а затем еще и усиленная идеостилистически **кольцом** конца текста:

*Болят осколок, так болят осколок,
Кровь снова проступает сквозь бинты.*

Идейно-художественный контекст обнажает авторские смыслы в содержании слова «осколок». Через сквозной повтор ключевого слова не только реализуется цель – наиболее адекватно выразить авторскую художественную мысль, но и обнажается как номинативное значение слова «осколок» – «отколовшийся от чего-либо кусок» [МАС 1986, т. 2. С.646], так и новое обобщенно-символическое значение. Эстетическое наполнение словообраза «боль» развертывается по ходу движения мысли: от конкретного – кусок снаряда – «... почти смертельно ранит... и лишь осколок... в тебе уже останется навек», через метафоро-метонимическое употребление – «что-либо сохранившееся от прошлого, исчезнувшего» [9, т. 2. С.646] – «в груди осколок острого металла», до символического обобщения – «осколок – боль воспоминанья».

В первой части стихотворения номинативное значение ключевого слова «боль» реали-

зается в лингвистическом контексте не только при помощи тематических слов – лексики «военного плана» («смертельно ранит», «выживешь», «осколок», «осколок острого металла»), но и рождением авторской перефразистической пары («осколок» – «боль воспоминанья»). На этом фоне минорный настрой произведения, навеянный расставанием с любимым, усиливается и предельно обнажается.

Эмоционально-оценочный план произведения реализуется через систему соключей: «смертельно ранит», «боль воспоминанья», «навек», «осколок острого металла», «болит осколок».

Переносное значение глагола «ранит» – «ранить душу кому-нибудь» [8. С.570], т.е. доставить кому-либо боль, страдание, – поддержано переносным значением стоящего рядом наречия «смертельно»: «очень сильно, крайне, предельно в своем проявлении» [8. С.638]. Словосочетание «смертельно ранит» приобретает контекстуальный смысл: «то, что приносит сильнейшую боль». Этот смысл подчеркивает ключевое слово «боль» и глагол «болит» в значении: «Испытывать страдание» [8. С.49].

Отвлеченное понятие «холод», «враждебность» наполняют не прямое, метафорическое значение слова «металл». Оно поддерживается и углубляется переносным значением зависимого от него прилагательного «острый»: «сильно, ясно выраженный, напряженный» [8. С.399]. Вот почему словосочетание «острого металла» оказывается семантически близким к устойчивому словосочетанию «острая боль».

Употребление высокого слова «навек» вместо нейтрального «навсегда» придает словосочетанию «боль воспоминания» черты возвышенности и исключительности, потому что не всем удается прожить жизнь с такой болью.

Первая строфа произведения является своеобразным обобщением опыта человечества, утверждением общеизвестной истины: воспоминания причиняют боль. На это указывает употребление безличных предложений («Бывает так», «смертельно ранит») и обобщенно-личных («Но выживешь»), собирательного существительного «человек» вместо существительного множественного числа «люди»; местоимения

«тебе», обращенного не только к близкому человеку лирической героини, но и к читателю. Не совершенный вид настоящего времени глагола «бывает», а также его лексическое значение – «быть часто, постоянно или иногда; случаться» – сообщают глаголу черты вневременности, а следовательно, и всему содержанию первой строфы.

Во второй строфе местоимение «нас» служит говорящему для обозначения себя и собеседника. Прямое обращение к участнику разговора – «скажи», отсутствие обобщенно-личных предложений говорит о том, что во 2-ой части стихотворения автор опускает проекцию общеизвестной истины на свой жизненный опыт.

Третья строфа – результирующая, в ней получает логическое завершение сюжетная линия поэтического текста «Осколок». Использование частицы «так» и несовершенного вида настоящего времени глагола «болит» («так болит») способствует ощущению нарастающей боли. Как выход внутренней напряженности чувств лирической героини, ее боли, – итоговая, последняя строка: «Кровь снова проступает сквозь бинты». Номинативные значения растворяются, подчиненные авторскому замыслу, переосмысливаются, на их базе рождаются новые эстетические значимости. И «кровь» – это не «обращающаяся в организме красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток тела» [8. С.264], а 'боль', которая вырывается изнутри, «проступает» на поверхность, причиняя душевные страдания и муки. Наречие «снова», в значении «еще раз, опять», подчеркивает неоднократность этих мучений: рана еще не затянулась, потому и боль не прошла. И «бинт» – это не «повязка, при помощи которой закрыто больное место», а – то, что «приросло», «присохло» к коже, сущности человека, что ему дорого – его 'память', блокирующая воспоминания. Этот ключ повторяется в произведении и становится носителем обобщения, проецирующегося на все творчество, стиль Друниной, отражающим ее видение мира.

Значение «боли» – 'мучительная физическая рана' от несостоявшейся любви, начавшись как заглавие, пройдя через весь контекст произведения, трансформировалось в конце в символ – 'память'.

В афористической формуле «Болит осколок, так болит осколок, Кровь снова проступает сквозь бинты», завершающей композицию стихотворения, заключена важная авторская мысль: память о прошлом не покидает лирическую героиню, причиняя ей душевные страдания. Параллель «война» – «разрыв с близким человеком» не случайна: и то, и другое несет в себе *'боль памяти'*.

Важную эстетическую роль в этом стихотворении выполняет пунктуация. Многоточие в начале второй строфы («Навек...») является показателем резкого перехода темы из общего плана («человек», «выживешь», «тебе») в более узкий, частный («нас»). Повтором оно выделяет слово «навек», акцентируя его смысловую весомость в контексте произведения: «осколок – боль воспоминаний» в тебе уже навсегда, потому что его невозможно извлечь.

При помощи многоточий создается смысловое кольцо, внутри которого помещена оппозиция «я – ты».

*... Нас друг от друга оторвало,
Кто знает, для чего и почему?
В груди осколок острого металла –
Скажи, привыкнуть можно ли к нему?
Не знаю, путь мой короток иль долог,
Не знаю, счастлив ли, несчастлив ты ...*

Тире на месте точки, двоеточия или запятой устраняет плавность развития сюжета, сообщая тексту эмоциональную напряженность и остроту:

*«Бывает так – почти смертельно ранит»,
«И лишь осколок – боль воспоминания –
В тебе уже останется навек»,*

Память для Ю. Друниной – мост между прошлым и настоящим. Сбереженное памятью прошлое не забывается, не дает исчезнуть важным событиям, горьким и счастливым минутам жизни, делая настоящее лучше и богаче, а будущее достойным. В этой роли память – воспитание чувств. Ю. Друнина так дала определение памяти: «Когда меня спрашивают, почему я до сих пор возвращаюсь в своих стихах к тому, что называется «темой войны», я только пожимаю плечами, – пишу об этом потому, что не могу не писать. Память сердца ... Катастрофический прыжок из беззаботности детства в гущу самой большой трагедии, какая только выпадала

на долю человечеств, – потрясение, которое невозможно забыть. Невозможно, если и хочешь это сделать. А я не хочу. По многим причинам. Во-первых, на мой взгляд, это было бы изменой не вернувшимся с войны, кто, если не мы, однополчане павших, должны сделать так, чтобы живые не забыли их? И еще: разве повествование о войне не призыв к миру? Не в этом ли один из аспектов связи «военной темы» с современностью?» [5. С.446]. Указанная значимость словообраза *'память'* соединяет его со словообразом «боль», указывая на особое место в поэтике Ю. Друниной. Не случайно они выступают в ее произведениях как символы-синонимы.

— Таким образом, филологическое толкование стихотворений Ю. Друниной, целостный подход к анализу текста позволяют сделать вывод о системном характере использования ключевого слова «боль», его смысловой и эмоциональной емкости, способности идеотрансформироваться, превращаться в словообраз – носитель концептуальной информации в авторской картине мира.

— Анализ эстетически значимых единиц подтверждает мысль Б. А. Ларина о том, что слово с эстетическим значением «не примыкает к ближайшим по смыслу», а лишь «служит намеком включенных мыслей, эмоций, волений» [6. С.33]. Ассоциативные возможности словообраза эстетически воспроизводятся и создаются в лоне структурно-семантической композиции целого.

— Анализ поэтических произведений Ю. Друниной свидетельствует о том, что ключевое слово «боль» в авторской картине мира выступает, с одной стороны, идентификатором общезыковых значений, а с другой, – источником приращения смыслов – идеозначимой единицей. Основой возникновения новых эстетических значимостей у ключевого слова «боль» является, прежде всего, нарушение привычных валентностных связей слова. Номинативное значение ключевого слова «боль, подчиняясь задаче идейно-эстетического замысла художника, трансформируется в переносное, образное и далее – в символическое. Этому типу значения свойственна высокая степень художественного

обобщения, идущая от всей речевой ситуации, высказанной автором мысли.

— Как единица индивидуально-авторского сознания ключевое слово «боль» воспроизводит или создает ассоциативный фон войны, центральный в ее мировосприятии, легко проецируясь в хронологическое пространство и взаимодействуя в структурно-семантической композиции целого благодаря продуманной типологизации архитектурных позиций словообраз «боль»: стержневого, начального и резумирующего, ядрового, кольцевого, текстового. Как категория авторского мышления словообраз «боль» в творчестве Ю. Друниной ментально опосредован. Национальный компонент в семной структуре представлен эстетическими значениями 'самопожертвование', 'память о прошлом'.

Концептуальные свойства словообраз «боль» позволяют говорить о нем как об идиостилевой примете художественного почерка автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Борисова М. Б.** Современные методы изучения художественной речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1982.
2. **Донецких Л. И.** Словообразы как основа архитектоники повествования в рассказах В. Астафьева // Женщины и общество: Вопросы теории, методологии и социальных исследований. Материалы традиционной (IV) Всероссийской конференции с международным участием, 12–13 февраля 1998 года. Ижевск, 1998.
3. **Друнина Ю. В.** На печаль я наложила вето: Сборник стихов. М.: ЗАО Изд-во ЭУСМО-Пресс, 1998. 528 с.
4. **Друнина Ю. В.** Избранное. М.: «Худ. лит.», 1977. 397 с.
5. **Друнина Ю. С.** Летопись народного подвига // Монологи и диалоги: По страницам журнала «Вопросы литературы» [Сб. статей в 2-х т.], Т. 2. М.: Известия, 1988. С. 446–447.
6. **Ларин Б. А.** Эстетика слова и языка писателя. Л.: ГИХЛ, 1974.
7. **Лелис Е. И.** Эстетические функции ключевых слов (на материале рассказов А. П. Чехова.) Автореферат дисс. канд. филол. наук. Казань, 2000.
8. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М., 1985.
9. Словарь русского языка /под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1982–1984.
10. **Яцкевич Л. Т.** Структура поэтического текста: Учебное пособие. Вологда, ВГПУ, изд. «Русь», 1999.

УДК 821.161.1.09 (045)

Т. В. Зверева

ВЕЛАСКЕС В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ К. БАЛЬМОНТА И П. АНТОКОЛЬСКОГО

Удмуртский государственный университет

В данной статье рассмотрена проблема экфрасиса в поэтическом тексте. Автором исследования предложен сопоставительный анализ стихотворений К. Бальмонта и П. Антокольского, обращенных к описанию картин Веласкеса. Предпринята попытка выявить параллелизм языка живописного и поэтического текста.

Ключевые слова: русско-испанские связи, взаимодействие поэзии и живописи, экфрасис, визуальный план, поэтические жанры.

T. V. Zvereva

VELASQUES IN K. BALMONT'S AND P. ANTOKOLSKY'S POETIC PERCEPTION

Udmurt State University

In given article the author investigates a problem ekphrasis in the poetic text. The author compares K. Balmont's and P. Antokolsky's poems, these poems are devoted Velasquez. In article the problem of parallelism of language of picturesque and poetic products is considered.

Keywords: the Russian-Spanish communications, poetry and painting interaction, ekphrasis, the visual plan, poetic genres.

Тема настоящей работы – всего лишь эпизод взаимоотношений между русской и испанской культурами. Речь идет о рецепции в русской поэзии начала XX века живописи Веласкеса. Напомним, что процесс усвоения испанской живописи в России, в отличие, например, от итальянской, был крайне медленным. Единственным именем,

которым была освещена русская классическая поэзия XIX века, было имя Мурильо, о чем мы уже писали в одном из своих исследований [7]. Подлинные масштабы испанской живописи были осознаны только в начале XX века, что связано с изменением культурной парадигмы [8]. Живопись Эль Греко, Веласкеса, Гойи, Ри-

бейры была не только погружением в опыт иной культурной ситуации, но и уточнением границ собственной. Следует также отметить, что на рубеже столетий господствующий прежде «рафаэлевский миф» утрачивает свою актуальность. На место обожествляемой русской литературой итальянской живописи приходит живопись Испании и Голландии.

Интерес Константина Бальмонта к испанской культуре очевиден («Из испанской поэзии», «Испанские народные песни», «Толедо», «Рибейра», «Испанский цветок», «Paseo de las delicias в Севилье», «Кальдерон», «Перед картиной Греко», «В окрестностях Мадрида» и т.д.). Исток подобного интереса – непосредственный контакт с Испанией. Поэт в буквальном смысле заворочен звучанием испанского языка: «самый певучий и красочный из всех европейских языков. Змеино вкрадчив и по-внезапному женственен. Женски лукав и рыцарски прям. Сладок, как скрипка или флейта, вдруг в нём бой барабанов. Влюбит – и стрелы пускает отравленные. Поцелует – и острым взмахнёт лезвием». Испанская литература оставила глубокий след в творчестве поэта. Благодаря переводам Бальмонта русский читатель открывал для себя творчество Кальдерона, Тирсо де Молина, Луиса де Гонгора-и-Арготе и пр. Вообще, применительно к поэзии Бальмонта можно с уверенностью говорить о наличии развернутого «испанского текста», проявляющего себя на различных уровнях художественной системы. Элементами этого сверхтекста будут и стихи, обращенные к испанским живописцам.

Имя «бессмертного» Веласкеса впервые появляется в 1897 году в знаменитых «Акордах»:

Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных грез, – Большая насмешка над жизнью, – над царством могилы вопрос. Мне снился бессмертный Веласкес, Козльо, Мурильо святой, Создавший воздушность и холод и пламень мечты золотой [5. С.69].

Впоследствии Бальмонт еще не раз будет обращаться к этому имени, но самым важным стихотворением в этом ряду является стихотворение «Веласкес, Веласкес, единственный гений...», написанное в 1901 году. Поскольку

далее мы обратимся к анализу данного текста, приведем его полностью:

*Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевший таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безумствует Солнце, всегда молодое!*

*С каким униженьем, и с болью, и в страхе,
Тобою – бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряжи,
В величьи рабочей своей красоты!*

*И этот Распятый, над всеми Христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!*

*И эти инфанты с Филиппом Четвертым,
Так чувственно-ярким поэтом-Царем, –
Во всем этом блеске, для нас распростертом,
Мы пыль золотую, как пчелы, берем!*

*Мы черпаем силу для наших созданий
В живом роднике, не иссякшем донныне,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.*

*Мы так и не знаем, какую же властью
Ты был – и оазис и вместе мираж, –
Судьбой ли, мечтой ли, умом или страстью,
Ты вечно – прошедший, грядущий и наш! [5. С.185]*

Безусловно, обращение Бальмонта к живописи происходило на путях осуществляемого русским авангардом синтеза искусств. А. Ханзен-Леве справедливо отметил, что Бальмонт «возвел синкретизм почти в ранг программы» [14. С.43]. Вместе с тем, теоретические установки, как правило, всегда вторичны по отношению к реальной поэтической практике. Представляется, что для Бальмонта гораздо важнее было выразить свое отношение к живописи Веласкеса.

Данное стихотворение декларативно по своей сути и композиционно восходит к структуре гимна: первая его часть связана с обращением и именованьем; во второй, самой развернутой части, обозначены признаки величия гения, его светоносная сила; заключительная часть текста является оперативной – в ней утверждается вечное существование художника. Как видим, трехчастное деление текста по строфам не совсем совпадает с трехчастной схемой гимна, но речь идет не о формальном, а содержательном членении. Попутно заметим, что Бальмонт был увлечен гимнами, о чем говорят и названия его книг («Литургия красоты. Стихийные гимны» <1907>, «Зовы древности. Гимны, песни, за-

мысли древних» <1908>) и названия отдельных стихотворений («Из Зенд-Авесты. *Гимн*», «Гимн Огню», «Восхваление Луны. *Псалом*», «Гимн Солнцу» и т.д.).

Если рассматривать гимн как «славословие» («Хвала есть слава – живое, живущее слово <...> Слава есть неумирающее, вечно живое слово, бессмертие» [12. С.78]), то становится понятным, что на глубинных уровнях стихотворение Бальмонта связано с древнейшими обрядами инвокации – обрядами воскрешения по имени. Показательно, что в тексте происходит смена прошедшего времени настоящим, причем речь идет о делящемся настоящим, одновременно включающем в себя и прошлое и будущее. По существу, Веласкес отождествляется Бальмонтом с животворящим источником, богом-Солнцем.

Одновременно с воскрешением имени Веласкеса поэт воскрешает и его полотна. Основная часть текста представляет собой контаминацию наиболее известных картин Веласкеса («Пряхи», «Распятие», «Копья» многочисленные портреты карликов, Филиппа IV и инфант). Отметим, что образный строй стихотворения не ограничивается названием тех или иных живописных полотен, потому что в подобных случаях вступают в действие ассоциативные механизмы. Перечисленные картины призваны стать выражением всего творчества Веласкеса. Поразительно, но Бальмонт как бы не ставит перед собой задачи постижения «тайны» творчества великого художника. В данном случае целью экфрасиса является не столько описание картин, сколько указание на них.

Зададимся вопросом, почему именно Веласкес провозглашается «вечно нашим» художником (например, стихотворения, посвященные Эль Греко или Рибейре, написаны в совершенно ином смысловом ключе)?

Несомненно, взгляд поэта опосредован культурной ситуацией рубежа веков. Ранним символизмом были востребованы «тайны» и «миражи», и сновидческий модус живописи Веласкеса не мог не привлечь внимания Бальмонта. Кисть великого художника развоплощала реальность, лишала действительность четких очертаний. «Это, конечно, не означает, что для Веласкеса реальность оказалась утраченной, что его мир это всего толь-

ко призрак, обман зрения. Во всяком случае, в золотистой атмосфере “Ткачих” как бы растворяется вещественность всех образов. <...> Это была находка художника, при помощи которой он мог правдиво выразить то представление о жизни, которое было для него правдой» [2. С.248], – писал о картинах Веласкеса Михаил Алпатов. Отчасти размытость живописных контуров, характерная для живописи Веласкеса, отражена в стихотворении Бальмонта. Словесным аналогом живописному приему лессировки являются сложные прилагательные – “утонченно-бледный”, “смирненно-победный”, “чувственно-яркий”. Любое определение уточняет существование вещей в мире, выделяя их по конкретному признаку. Однако у сложного прилагательного двойная функция. С одной стороны, оно действительно призвано дать более точный образ. С другой стороны, сложные прилагательные указывают на известное несовпадение между реальностью и словом, невозможность последнего стать отражением первой. Подлинные свойства предметов располагаются в «зиянии», обозначенным дефисом. Говоря о символической поэзии Бальмонт отмечал: «Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота» [4. С.77]. Именно благодаря сложным прилагательным Бальмонту удается достичь эффекта «неуловимой», «отвлеченной» действительности.

Чувство неопределенности, идущее от полотен Веласкеса, усиливается еще и благодаря тому, что их перечень в стихотворении принципиально неоднороден. Бальмонт называет только три конкретные картины («Пряхи», «Распятие» и «Копья»). В свою очередь «бессмертные шуты», «инфанты» и «Филипп IV» не могут быть отнесены к какому-либо определенному живописному источнику, поскольку это излюбленные модели Веласкеса, многочисленно воспроизводимые художником на протяжении всего творчества. Таким образом, вновь можно говорить о некотором отвлечении «имени» от «вещи».

В живописи Веласкеса Бальмонт угадывает и ее светоносную силу. Симптоматично, что гимн Веласкесу входит в самый известный поэтический сборник «Будем как солнце». Великий испанский художник проник в тайну света

и воздуха, а значит, в тайну существования мира. В стихотворении Бальмонта обнаруживается присутствие «светового сюжета», при этом можно говорить о его своеобразной динамике – «безумное Солнце» – «белеют» – «утонченно-бледный» – «чувственно-яркий» – «блеск» – «пыль золотая». Холодная палитра уступает место теплой, мир насыщается цветом и жизнью. Заметим, что данный сюжет формируется уже в ранней лирике Бальмонта (например, стих отворение «Я мечтою ловил уходящие тени...»), открывающее сборник «Безбрежность») и становится определяющим на протяжении всего его творчества.

Наконец, следует обратить внимание и на то, что Веласкес одним из первых европейских художников обращается к изображению мгновения. Мир, предстающий на его полотнах, дан в разрезе неуловимого движения – неуловимого поворота, как, например, поворот головы инфанты Маргариты на самой известной картине «Менины». Веласкесу важно запечатлеть само мгновение перехода из одного состояния в другое, отчего изображение и обретает внутреннюю динамику. Безусловно, что тайна движения тесно связана с тайной времени. Подобное восприятие мира определяет и поэзию Бальмонта: «Философия мига, внезапно возникшего и безвозвратно промелькнувшего мгновения, лежащая в основе импрессионистического искусства, сформировала творческую манеру Бальмонта» [10. С.45].

В то же время декларативность и четкость стиха Бальмонта противоречат той неопределенности и незавершенности, которые являются важнейшей составляющей живописи Веласкеса. Именно это свойство кисти великого художника позволило Х. Ортеге-и-Гассету сказать: «Он [Веласкес – Т.З.] сделал самое непопулярное открытие из всех: реальность отличается от вымысла своей незавершенностью» [11]. В какой-то степени, живопись Веласкеса так и осталась для Бальмонта «неразгаданным сном». Можно сделать вывод о том, что, декларируя «невидимое», поэт в своем стихотворении все же сосредоточился на описании видимого мира.

Совершенно иное видение живописи Веласкеса представлено в стихотворении Павла Антокольского «Портрет инфанты». Напомним,

что Павел Антокольский – поэт, чрезвычайно близкий миру живописи. Его высказывания о художественных полотнах носят профессиональный характер и часто цитируются в искусствоведческих исследованиях. Кроме того, Антокольский принадлежал к плеяде рисующих поэтов: он не только оформлял собственные книги, но и принимал участие в различных художественных выставках. Его поэзия в буквальном смысле пронизана живописной тематикой («Тамара Абакелия», «Экспрессионисты», «Нико Пиросманишвили», «Иероним Босх» и т.д.).

В отличие от К. Бальмонта П. Антокольскому не довелось побывать в Испании и познакомиться с ее живописью, но «Портрет инфанты» Веласкеса привлек внимание поэта в галерее Лувра:

*Художник был горяч, приветлив, чист, умен.
Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен – сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева,
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетия.*

*Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполох
И бич духовников. Он видел в ней итог
Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.*

*Дуэньи или гурьбой, как овцы. И смотрелись
В портрет, как в зеркало. Он услышал поток
Витиеватых фраз. Тонуло слово «прелесть»
Под длинным титулом в двенадцать ступеней.
У короля-отца отваливалась челюсть.
Оскалив черный рот и став еще бледней,
Он проскрипел: «Внизу накормят вас, Веласкец».
И тот, откланявшись, пошел мечтать о ней.*

*Дни и года его летели в адской пляске.
Всё было. Золото. Забвение. Запой
Бессонного труда. Не подлежит огласке
Душа художника. Она была собой.
Ей мало юности. Но быстро постареть ей.
Ей мало зоркости. И всё же стать слепой.*

*Потом прошли века. Один. Другой, И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.
Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала.
И ясно девочке по всем людским глазам,*

*Что ничего с тех пор она не потеряла –
Ни карликов, ни царств, ни кукол, ни святых;
Что сделан целый мир из тех же матерьялов,
От века данных ей. Мир отсветов златых,
В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то
На бронзовых часах. И снова – звон затих.*

*И в тот же тяжкий шелк безжалостно одета,
Безмозгла, как божок, бесспорна, как трава
Во рвах кладбищенских, старей отца и деда, —
Смеется девочка. Сильна тем, что мертва [З. С.91–92].*

Стихотворение было написано в 1928 году, и время написания наложило определенный отпечаток на идейную составляющую текста. Негативное отношение к прошлому, видение в ушедшей истории знаков тления и смерти – веяния той революционной эпохи, в которой довелось жить поэту. Однако гений Антокольского в значительной степени превосходит эстетические установки 1920–1930-х гг. В «Портрете инфанты» поэт открывает важнейшие аспекты живописи Веласкеса.

Название стихотворения указывает на главный объект описания – «Портрет инфанты Маргариты», размещенный в музее Лувра. При этом само изображение возникает только в заключительной части текста. В первой же части автор рисует ситуацию, предшествующую написанию знаменитого портрета. Заметим также, что поэтическое описание выстраивается таким образом, что в начале инфанта увидена глазами Веласкеса и дуэний, затем даны размышления собственно автора над запечатленным портретом, наконец, зритель оказывается в сфере взгляда смеющейся девочки. Эта смена точек зрения порождает атмосферу смысловой неопределенности, что соответствует атмосфере пространственной относительности, характерной для живописи Веласкеса. (Об этом точно пишет И. Е. Данилова в связи с главной картиной «Менины», являющейся квинтэссенцией творчества художника: «Игра пространственных иллюзий и мнимостей, в которую играют художник и его герой, и зритель, и в которой они утрачивают пространственную ориентацию. Неясно, кто кому позирует, и кто на кого смотрит» [6. С.43].

В основании данного текста лежит базовое противопоставление “живого” и “мертвого”.

Если для К. Бальмонта Веласкес был художником жизни, то для П. Антокольского живопись Веласкеса связана с тайной смерти. Тема времени/смерти реализуется не только через лексический план («сух и желт», «сны многих погребенных», «смерть», «пустой чертог» и т.д.), но и через другие уровни поэтического текста. Прежде всего, для уяснения авторской позиции оказывается важным исторический контекст. Излюбленная модель Веласкеса инфанта Маргарита принадлежала королевскому роду Филиппа IV. Наследники престола едва доживали до совершеннолетия. Историки объясняют это существующей в Испании традицией родственных браков среди членов королевской семьи. Маргарите была сужена очень недолгая жизнь, она умерла в возрасте 22 лет.

Развитие сюжета начинается с того, что художник прозревает смерть в «розовом застенчивом ребенке». Соединение «розового» (живого) и «желтого» (мертвого) в пределах одного синтаксического периода с самого начала задает тот смысловой контраст, который станет основой лирического конфликта. В дальнейшем образ «личины» усиливается фигурой «мертвого отца» («У короля-отца отваливалась челюсть. // Оскалив черный рот и став еще бледней, // Он проскрипел...»). Даже сама жизнь художника оказывается участницей «адской пляски», вызывающей в читательской памяти жанр «*dance macabre*». Мир же в целом является лишь отражением всепоглощающего времени: «Мир отсветов златых, // В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то // На бронзовых часах». Таким образом, тема смерти является ведущей в стихотворении о Веласкесе.

Реализация «сюжета смерти» происходит и на уровне жанра – «Портрет инфанты». Происхождение портрета, как известно, связывается большинством искусствоведов и культурологов с похоронной маской, т.е. портрет изначально несет в себе семантику смерти. Вместе с тем, Ю.М. Лотман говорит об исходной двойной функции живописного портрета: «он функционирует не только как нечто, заменяющее личность (или ее *обозначающее*),

но и как сама эта личность» [9. С.352]. Иными словами, в основании портрета всегда лежит сопоставление “живого” и “мертвого”. Антокольский обнажает это исходное противоречие, созданный им поэтический портрет живет на границе живого/мертвого. Представляется также возможным говорить о сюжете ожившего портрета. Задаваемый первой частью стихотворения образ «мертвой девочки» во второй части сменяется описанием ее портрета, на котором инфанте, напротив, атрибутированы «живые черты» – вначале она «смотрит», а затем «смеется». И здесь обнаруживается выход за пределы изображения, созданного Веласкесом, потому что на самой картине смех отсутствует. Поэтический портрет, таким образом, начинает жить собственной жизнью, окончательно разрушая границу между “живым” и “мертвым”.

Следует отметить, что автор уничтожает и границу, разделяющую мир картины и мир зрителя. Взгляд инфанты направлен на смотрящих посетителей Лувра, и реальность, предлагающая портрету, сама превращается в картину. Принципиальное тождество «иллюзии» и «реальности» («сделан целый мир из тех же матерьялов, // От века данных ей. . .») делает эти миры неотличимыми друг от друга. Наиболее последовательно данная идея реализована Веласкесом в «Менинах», на что в свое время обратил внимание Мишель Фуко: «Видимы ли мы или видим сами?» [13. С.43].

И все же стихотворение Павла Антокольского вырывается за пределы обозначенных выше смыслов. Художник, по Антокольскому, способен вырвать образ из рук времени и обеспечить ему вечное существование. Не случайно стихотворение «Портрет инфанты» включено поэтом в сборник «Действующие лица». Тема Антокольского – это еще и сам феномен существования, сама способность мира *быть* вопреки не только времени, но и пространству, не предоставляющему ни человеческому телу, ни окружающим его предметам достаточных опор. Подобное поэтическое видение в максимальной степени приближено к живописному видению Веласкеса.

Вероятно, стихотворения К. Бальмонта и П. Антокольского могут быть прочитаны еще

и под другим углом зрения. Эта принципиальная множественность прочтений заложена в самой фигуре экфрасиса. «Экфрасис больше чем какой-либо иной жанр провоцирует осмысление теоретических аспектов проблемы чтения и интерпретации. Являясь по определению текстом в тексте, интерпретацией интерпретации, экфрасис предполагает особый уровень читательской рефлексии над текстом» [1. С.126].

Чужая культура – это не только познание Иного, но в первую очередь, познание своего. Понять собственное Я можно только через Другого. Начиная с начала XIX века и по сей день, русская культура постоянно заглядывает в зеркало Веласкеса, уточняя границы собственного существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автухович Т.Е. Поэтический экфрасис: риторика чтения // Чтение: рецепция и интерпретация: В 2 ч. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. Ч. 1.
2. Алпатов М.В. О композиции картины «Менины» Веласкеса // Алпатов М.В. Этюды по истории западноевропейского искусства. М.: Изд. Академии Художеств СССР, 1963. С.243–254.
3. Антокольский П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982.
4. Бальмонт К.Д. Горные вершины. М.: Гриф, 1904.
5. Бальмонт К. Избранное. М.: Правда, 1990.
6. Данилова И.Е. «Исполнилась полнота времен...». М.: РГГУ, 2004.
7. Зверева Т.В. «Мадонны» Мурильо в контексте русской литературы 1840–1860 годов (В. Боткин, Д Григорович, Ап. Григорьев) // Проблемы современной филологии в вузовском образовании. Ижевск: ERGO, 2008. С. 147–154.
8. Лопес Крус Хосе Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX – начала XX веков: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. Москва, 2001. 311 с.: ил. РГБ ОД, 61 02–17/42–2.
9. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб: Академический проект, 2002.
10. Орлов В.Н. Бальмонт. Жизнь и поэзия // Бальмонт К. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969.
11. Ортега-и-Гассет Х. Веласкес. URL: <http://lib.ru/FIL.OSOF/ORTEGA/ortega.19.txt>
12. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: «Восточная литература» РАН, 1998.
13. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм. СПб.: Академический проект, 1999.

УДК 821.161.1.04 (045)

Е. А. Иваньшина

МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ»: БУЛГАКОВСКИЙ ВРАЧ КАК РИТУАЛЬНАЯ ФИГУРА

Воронежский государственный педагогический университет

В статье идет речь об общности функций врача и писателя, обусловленных их пограничным положением между миром живых и миром мертвых. На примере рассказа «Полотенце с петухом», пьесы «Зойкина квартира» и повести «Собачье сердце» показано, как врач участвует в ритуальном обмене между «своим» и «чужим».

Статья написана при поддержке РГНФ, проект 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII - начало XX вв.)».

Ключевые слова: «свое», «чужое», смерть, жрец, культурная память, ритуал, обмен.

Е. А. Ivanshina

BETWEEN «THEIR» AND «FOREIGN.»: BULGAKOV'S DOCTOR AS A RITUAL FIGURE

The article describes general functions of doctor and writer, due to their boundary position between the living world and the world of the dead. On the example of the short story "The towel with a rooster," play "Zoykina apartment" and the novel "Heart of a Dog" shows how a doctor involved in the ritual exchange between "their" and "foreign".

Keywords: "their", "foreign", death, priest, cultural memory, ritual, exchange.

Глобальная тема М. А. Булгакова, сближающая его с О. Э. Мандельштамом и Б. Л. Пастернаком, – тема творчества; основной булгаковский миф – миф творения. Практически все тексты писателя объединены профессиональной темой и представляют мир в образе мастерской (зоологической, медицинской, швейной, театральной, химической); все разнопрофильные мастерские являются иными формами творческой лаборатории мастера (писателя). В мастерской изготавливается некая «вещь», которая становится мостом, соединяющим настоящее с прошлым. Все памятные «вещи» соотносятся с текстом и представляют собой его аналоги.

Прошлое – мир культуры, которая актуализируется у Булгакова как область потустороннего или иностранного («чужого»). Все самое ценное в булгаковском мире так или иначе связано с «чужим». Врач традиционно осмысливается как «чужой», так как по роду своей профессиональной деятельности он связан со смертью. Социум относится к представителям медицинской профессии с «опасливым уважением», так как получение знания традиционно воспринимается как приобщение к потустороннему миру [15. С.223]. Социальная позиция врача сказалась на национальной специфике профессии. Традиционно врач – немец или другой иностранец [15. С.225]. Смерть, как известно, является местом зарождения культурной памяти: обретение памяти неизбежно связано с нисхождением в Аид. Посредником между тем царством и этим (в пространстве) и между прошлым и настоящим (во времени), подобно сказочному герою,

является пишущий (поэт, писатель) [18]. В отношениях со смертью у врача и писателя сходные функции. И тот, и другой – культурные герои, жрецы, в функции которых входит контакт с мертвыми. Через них осуществляется обмен между «своим» и «чужим».

«Свое» и «чужое» – две сферы актуального членения пространства в ритуале, где с помощью серии обменов восстанавливается утраченное равновесие между «своим» и «чужим», причем это восстановление является одновременно и преобразованием, которое чаще всего интерпретируется в традиционной ритуалогии как «смерть – возрождение» [3. С.148]. Равновесие между этими сферами поддерживается постоянным обменом различными ценностями [3. С.183]. Такой обмен – необходимая составляющая переходных обрядов [6], семантику которых и аккумулируют булгаковские сюжеты. Их скрытой интригой является путешествие в мир мертвых, который у Булгакова осмысливается как мир культуры. Отвечая за ритуальный обмен, врач и пишущий, с одной стороны, осуществляют победу над смертью, а с другой – становятся соприродными смерти.

Профессия врача подразумевает дар красноречия. Говоря о связи врачевания с красноречием, К. А. Богданов, в частности, отмечает, что само существование медицины предполагает реализацию ею риторических стратегий власти (стратегии произвола и принуждения, согласия и подчинения), которые [стратегии] непредставимы вне словесности. Риторико-коммуникативная специфика медицинской профессии яв-

ляется одной из предпосылок для объединения медицины и литературы [4. С.15–16]. Ещё одна предпосылка – театральность ремесла врача и писателя – подразумевает определённую степень артистизма.

Врач у Булгакова – одна из функций писательского «ремесла», то есть авторская маска¹². В булгаковских сюжетах разыгрывается универсальный мифологический комплекс «смерть – возрождение». Булгаковский художественный мир является миром пограничным. Врач встроен в булгаковскую систему персонажей как регулярный элемент, являющийся манифестацией границы (наряду со сторожем). Врач – проекция образа жреца (ср. с поваром и химиком). Смысл существования жреца – в обладании тайнами искусства, которому он служит [1]. Жрецы – булгаковские врачи и ученые; жрец – одна из трансформаций образа творца, в том числе творца произведений искусства. В функции жреца входит контакт с мертвыми.

Юный Врач – герой рассказа «Полотенце с петухом» – отправляется исполнять свой профессиональный долг в далекое Мурье, но пока не является врачом в практическом смысле этого слова. Он предчувствует встречу со смертью, которая в рассказах врачебного цикла будет являться ему в разных обликах. Первый потенциальный покойник – попавшая в мялку пациентка с изуродованными ногами, которой Юный Врач вынужден делать ампутацию. Тема рассказа – рождение врача, осуществляющееся через путешествие в царство мертвых. Родильная символика выражена здесь в образе сломанной ноги, которая традиционно интерпретируется как следствие контакта роженицы с иным миром [3. С.93]. Пациентка инициирует рождение врача, в то время как врач спасает (возрождает) пациентку.

Герой дарит изувеченной девушке жизнь и в качестве ответного дара получает от нее полотенце с вышитым на нем «безыскусственным красным <...> петухом», которое много лет хранится у него, странствует вместе с ним, пока не стирается и не исчезает, «как стираются и исчезают воспоминания» [5. Т. 1. С.82]. Полотенце здесь – аналог текста. Оно аккумулирует память; акт дарения – наделение Юного Врача

профессиональной памятью, которой он ранее не обладал, так как не был врачом. Вышившая и подарившая его доктору девушка – двойник автора, передарившего подобный артефакт (рассказ, название которого воспроизводит данную вещь и рассказывает о ее сотворении) читателю. Как оживленная девушка оживляет своим искусством съеденного в начале рассказа жертвенного петуха, так повествователь оживляет память о стершемся полотенце.

В лице девушки Юный Врач встретился со смертью и одолел ее. Фактически героиня не умерла, но сюжет «соткан» (рассказан) таким образом, что для читателя событие смерти становится пережитым фактом (ему соответствует пауза в рассказе между словами «... Сейчас постучат... Скажут “умерла”... Да, пойду и погляжу в последний раз... Сейчас раздастся стук» и словами «В дверь постучали»), хотя сразу же и отмененным: «Это было через два с половиной месяца» [5. Т. 1. С.82]. То есть в кругозоре читателя происходит смерть и воскресение героини (смерти соответствует цезура, оформленная графически как граница между рассказом и эпилогом), и в этом чуде замешан уже не Юный Врач, а писатель. Девушка – не только пациентка, но и муза.

Петух – не только жертва Асклепию, которому по ходу действия уподобляется Юный Врач, но и жертва Аполлону, так как врачу суждено стать писателем (автором «Записок...»). Девушка – двойник героя, его авторская ипостась. Одноногость, как и хромоногость, указывает на связь героини со змеей [12. С.184]. Змея – атрибут Асклепия, который являет собой образ целительной смерти-возрождения. Асклепий изображался с жезлом, обвитым змеею; сын Аполлона, бог врачевства и целитель болезней, он обладал силой молодить старых и воскрешать мертвых. Такому искусству его научили змеи [2. Т. 2. С.287].

Рыжая масть девушки позволяет соотнести её с петухом. С петухом традиционно связывается символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни. Змей и петух в этом рассказе сплетены воедино. Петух и змей у Булгакова – авторские эмблемы. «Гены» змея и петуха обнаруживают в булгаковском мире разные персонажи. Петух у Булгакова или преобразуется в змея, или «выступает» в паре с ним [11]. Сложенные воедино, змей и петух дают образ дракона.

¹² Другие профессиональные маски булгаковского автора – химик, повар, прачка, авиатор.

В пьесе «Зойкина квартира» роль доктора играет двусмысленный во всех отношениях Херувим. Будучи бандитом, Херувим выглядит как ангел, кроме того, он приносит для Обольянинова морфий, который, являясь орудием самоубийства, наделяется свойствами лекарства. Херувим совмещает мужские и женские черты. Но Херувим – не простой разбойник. Двуликость Херувима (бандит с ангельской внешностью) позволяет соотнести его с Янусом¹³. В некоторых аспектах символики Януса получила отражение общность двух властей – жреческой и царской [7. С.254, 259]. Янус – бог входов и выходов, дверей и всякого начала [16. Т. 2. С.683]. Библейский тезка китайца – ангел, поставленный сторожить древо жизни от нарушивших священное табу и изгнанных из рая людей. Потустороннее представлено в Херувиме как иностранное.

Херувим художник: он предлагает свой талант как рисовальщика. На его груди вытатуированы драконы и змеи, которые в мифологии традиционно выполняют сторожевую функцию. «Есть бесчисленные мифы, рассказывающие бедственную повесть о том, как Змей украл бессмертие, данное Человеку Богом. Но это – позднейшие варианты первобытного мифа, в котором Змей (или Морское чудовище) сторожил священный источник бессмертия (Древо Жизни, источник юности, золотые яблоки)» [20. С.163]. На сторожевую функцию дракона указывает и Ж. Ле Гофф [13. С.150]. Крылатые драконы традиционно являются охранителями порога [6. С.25]. Облик дракона принимают Асклепий и Гиппократ [6. С.152]. Этот факт соотносится с целительной функцией Херувима, который оказывает неоднозначные «медицинские» услуги Обольянинову.

Квартира Зои Пельц – фабрика-кухня, в которой идет процесс преобразования «чужого» (Москва) в «свое» (Париж). Оппозиция «свое/чужое» моделируется в сюжете ЗК с помощью одежды. Намереваясь перебраться в Париж, Зойка превращает свою квартиру в подобие Парижа. Образ Парижа актуализируется в платьях. Херувим приходит в квартиру из китайской прачечной. Этот гений присвоения является универсальным

зеркалом, отражающим всех прочих персонажей пьесы, и перенимает инициативу Зойки. Он тоже преобразует «чужое» в «свое», но для него «свое» – не Париж, а Шанхай. Херувим – двойник Газолина, укравший у него чесучу и затем унесший с собой его невесту. Херувим удваивает Гуся в своем стремлении обладать красавицей: он меняется с ним местами, когда, убивая его, берет его деньги. Наконец, Херувим меняется с Зойкой, когда, взяв деньги Гуся, сбегает в Шанхай (Зойка собиралась на те же деньги сбежать в Париж). Херувим присваивает всё: и деньги Гуся, и девушку Газолина, как еще раньше присвоил себе квартиру. Авторские компетенции распределяются между Зойкой и Херувимом. Квартира – аналог текста, как и полотенце в раннем рассказе. Но это – тема другой статьи [9].

В квартире Преображенского («Собачье сердце») идет процесс переделки «старого» в «новое». Как и квартира Пельц, это пограничная «застава», разделяющая и одновременно соединяющая области жизни и смерти как симметричные. В повести «Собачье сердце» два доктора – профессор Преображенский и его ассистент Борменталь. Но и пёс обнаруживает определенную осведомленность в медицине: находясь «на пороге» собачьей жизни, страдая от боли в обваренном боку и размышляя о возможности выживания, он занимается диагностикой. Авторские компетенции здесь распределены между Преображенским, Шариком и Борменталем. Преображенский соотносим с Зойкой, Шарик – с Херувимом. В мифологии собака (Кербер) охраняет границу, разделяющую мир живых и мир мёртвых. Как Херувим закрывает Зойке доступ к Парижу, так собака как бы не пускает учёного в мир вечной молодости. Оба существа, будучи маргиналами, поселяются в хозяйских квартирах и наблюдают, что в них происходит, оба становятся двойниками своих хозяев¹⁴.

Ритуальную ситуацию в СС можно обозначить как «чужое в своем», как в случае смерти или рождения ребенка: смерть представляет Чугункин, который воскресает в результате египетского опыта Преображенского; ребенком является Шариков. «Своему» в этом случае от-

¹³ Еще один пример двуликости – кукла Китаец, «правой стороной – старик, а левой – юноша» – встречается в описании русского кукольного представления, оставленного Н. Бертрамом [17. С.85].

¹⁴ О Шарике как пародийном двойнике профессора с его жреческо-хирургическими замашками и причастностью к насильственному преобразению мира пишет А. Жолковский [8. С.153].

водится функция защиты границ. «Чужое» либо выпроваживается (вынос покойника), либо превращается в свое (превращение новорожденного в человека). «Свое» – квартира Преображенского, обособленностью напоминая остров. «Чужое» появляется в квартире сначала в лице Швондера и его шайки; «чужим» становится дом, перешедший в управление Швондера, так что «свое» пространство окружено «чужим» и угрожающе сужается (уплотнение). Одной из причин совершения ритуала как раз и является сужение своего пространства, размывание границ между своим и чужим, стремление «чужого» поглотить «свой» мир [3. С.187].

Научный эксперимент Преображенского выполняет ритуальную функцию, разрушая границу между «своим» и «чужим» мирами (впускает смерть), что совершенно «законно» как раз в период основного годового ритуала, когда картина дезорганизации и бесструктурности создавалась намеренно (в частности, с помощью ряженя), как ситуация временного хаоса, необходимая для обновления мира, разделения сфер и упрочения границ между ними [3. С.133]. В событийной цепочке СС происходит нарушение границы, а затем и ее восстановление. Первая операция нарушает исходный порядок: совершается подмена живого («своего») мертвым («чужим»). В лице Шарикова происходит вторжение «чужого» (смерти) в пределы «своего», что и означает продолжение (усугубление) кризисной фазы: квартиры Преображенского тоже получает признаки чужести, которые еще раньше получил калабуховский дом. Это негативное, обратное по сути действие имеет важное ритуальное значение, являясь «негацией негативного» (погашением нежелательного) и обеспечивая возврат к ближайшему генерационному узлу, из которого начнется правильная генерация [19. С.50–51]. Изначальные действия Преображенского (операция) как бы дублируют действия вредоносных сил (Швондера), но фактически (если исходить из ритуальной логики) направлены против них. Первая операция соотносима с изготовлением ритуального символа (куклы, чучела), который, пожив немного, будет уничтожен второй (обратной) операцией; уничтожение символа означает завершение кризиса и восстановление порядка в квартире (возвращение к изначальной ситуации), которое,

в свою очередь, должно способствовать восстановлению порядка в доме (одолению Швондера). Дом – модель истории. Как и подобает жрецу, Преображенский все делает правильно, то есть в соответствии с ритуальной логикой [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Агранович С.З.** Рассовская Л.П. Генезис и эволюция образов трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» // Содержательность художественных форм: межвуз. сб. – Куйбышев: КГУ, 1987. С.3–24.
- 2. Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: «Современный писатель», 1995.
- 3. Байбури А.К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: «Наука», 1993.
- 4. Богданов К.А.** Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005.
- 5. Булгаков М.А.** Собр. соч.: в 5-ти томах. М.: «Худ. лит.», 1989–1990.
- 6. Геннеп А. ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература», 1999.
- 7. Генон Р.** Символика креста. М.: «Прогресс-Традиция», 2008.
- 8. Жолковский А.К.** Блуждающие сны и другие работы. М.: «Восточная литература», 1994.
- 9. Иваньшина Е.А.** Облечение Венеры: о dress-коде в «Зойкиной квартире» М. Булгакова // Кормановские чтения: Вып. 8. Ижевск: УдГУ, 2009. С. 203–216.
- 10. Иваньшина Е.А.** Carnavala@net: о «преображенской» специфике «Собачьего сердца» // Кормановские чтения: Вып. 9. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 300–312.
- 11. Иваньшина Е.А.** Орнитологический код памяти в творчестве М.А. Булгакова // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. 2011. Вып. 4. С. 70–77.
- 12. Лаушкин К.Д.** Баба-Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография. Л.: «Наука», 1970. С. 181–186.
- 13. Ле Гофф Ж.** Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: УрГУ, 2000.
- 14. Лотман Ю.М.** Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001.
- 15. Лотман Ю.М.** История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002.
- 16. Мифы народов мира.** Энциклопедия: в 2 т. М.: «Рос. энциклопедия», 1997.
- 17. Некрылова А.Ф.** Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: «Азбука-классика», 2004.
- 18. Топоров В.Н.** Об «этропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 25–42.
- 19. Фарино Е.** Паронимия – анаграмма – палиндром в поэтике авангарда // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 21. С. 37–63.
- 20. Элиаде М.** Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: «Ладомир», 1999.
- 21. Яблоков Е.А.** Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

УДК 82-3 (045)

Е. Ю. Куликова

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЭКЗОТИЧЕСКОГО СЮЖЕТА: «МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ» Э. ПАРНИ И «МАЛАЙСКИЕ ПАНТУНЫ» Ш. ЛЕКОНТА ДЕ ЛИЛЯ

Институт филологии СО РАН

*В статье рассматривается эволюция экзотического сюжета от второй половины XVIII в. к концу XIX в. на примере сопоставления десятой «Мадагаскарской песни» Э. Парни и «Малайских пантунов» Леконта де Лиля.**Статья написана в рамках проекта «Эволюция повествовательных жанров в русской литературе: от Средневековья к Новому времени» (направление 5 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33).***Ключевые слова:** экзотизм, пантун, лирический сюжет.

E. Y. Kulikova

IT IS ABOUT DEVELOPMENT OF EXOTIC SUBJECT: «MALAYAN SONGS» BY E. PARNY AND «MALAYAN PANTUNS» BY LECONTE DE LISLE

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

*The article is considered development of exotic subject from the second half of XVIII to the end of XIX century, using the comparison of the tenth "Malayan songs" by E. Parny and "Malayan pantuns" by Leconte de Lisle.***Keywords:** exoticism, pantun, lyrical subject.

На рубеже веков (XVIII–XIX и XIX–XX) в искусстве наиболее востребованной становится «экзотическая» тематика. В начале XIX в. возникает очевидное тяготение к литературным мистификациям, направленным на воспроизведение старинной народной поэзии (обязательно «иной», связанной с отдаленными странами, для западных европейцев – не только восточной, но и южно-славянской): восхищение оссиановскими «переводами» Дж. Макферсона, позже – сборником П. Мериме «Гузла» и «Песнями западных славян» А. С. Пушкина, создается ряд переложений «Мадагаскарских песен» Э. Парни русскими поэтами – П. А. Пельским, П. Львовым, И. Дмитриевым, К. Батюшковым, А. Илличевским, Е. Познанским, Е. Туманским (см. об этом: [4]). Во второй половине XIX–начале XX вв. обостряется интерес к «инородному», «модернизм был эпохой повального увлечения экзотикой» [3. С.14]. Свидетельством этому служит внимание А. Рембо, К. Бальмонта («Индийские травы») и Н. Гумилева («Абиссинские песни») к Африке (и – шире – Востоку), «в “Скифах” Блока прочитывается опыт культурной авто-экзотизации или даже авто-варваризации» [3. С.20]. И в музыке, и в живописи отчетливо проявляется данная тенденция: вспомним «Африку» К. Сен-Санса, «Мадагаскарские песни» М. Равеля на стихи Парни, «Негритянскую рапсодию» Ф. Пуленка, увлечение африканскими

мотивами многих французских художников (А. Матисса, П. Гогена, П. Пикассо).

«L'exotisme en effet est un des aspects favoris du XIX siècle» («Экзотизм, действительно, был одним из любимых мотивов XIX в.») [7. С.4], пишет Б. А. Ашнадель Амин Илми в монографии, посвященной творчеству Леконта де Лиля: «Le XIX siècle s'avérait comme le siècle le plus exotique de tous les autres» («XIX век – это век, в котором более всего преобладала экзотика») [7. С.10]. Исследователь выделяет четыре этапа развития экзотической темы в XIX в.: «la vague romantique qui déferle sur l'Europe, l'exotisme de l'Afrique du Nord, l'appel des Parnassiens aux îles et l'étape moderne comprenant les dilettanti et les coloniaux avec leurs souvenirs» («Можем разделить развитие экзотики в XIX в. в четыре этапа: романтическая таинственность, которая бушует в Европе; экзотика Северной Африки; призыв парнасцев на острова и современный этап – дилетанты и колонисты с их воспоминаниями») [7. С.11].

По мнению М. Волошина, «экзотизм в романтическом искусстве был голодом по пряностям. Художник, пресыщенный отслоениями красоты в музеях и бытом отстоявшейся культуры, искал новых вкусовых ощущений – более терпких, более – острых. Экзотика чаще служила художнику ядом сознания, возбудителем чувствительности, чем здоровой пищей духа. Эта экзотика девятнадцатого века явилась перенесением в об-

ласть мечты и слова той страсти к географическим приключениям, которыми ознаменованы первые века новой истории. Когда иссякли века путешествий и открытий, тогда все, что было деянием, стало только мечтой, претворилось в литературу» [1].

Один из экзотических сюжетов, чрезвычайно привлекательных для романтической и постромантической литературы, – дикарка, изменившая своему возлюбленному и погибшая от его руки. Мы хотели бы сопоставить два таких сюжета, обработанных французскими поэтами: Э. Парни, в 10-й «Мадагаскарской песне» описавшим ситуацию измены и мести (1787), и Ш. Леконтом де Лилем, почти на сто лет позже создавшим модернистскую вариацию в «Малайских пантунах» (цикл «Трагические стихотворения», 1884). Оба поэта родились в городе Сен-Поль на острове Реюньон (бывший Бурбон) и, видимо, ощущали экзотический восточный (африканский) мир иначе, чем французы, жившие в Париже. И лирика Парни не могла не оказать определенного влияния на творчество Леконта де Лиля¹⁵. Отметим также параллелизм названий: «Мадагаскарские песни» / «Малайские пантуны» – обозначение жанра, украшенное экзотическим эпитетом. «Песни» Парни написаны прозой (в предисловии поэт указывает: «Они не в стихах. Поэзия их – обработанная проза» (пер. Е. Г. Эткинда) [б. С.193], «Это не стихи; поэзия туземцев – лишь аккуратная проза» (пер. Е. Чагаевой) [6]). Леконт де Лиль использует один из интереснейших жанров малайской народной поэзии – пантун («импровизированные четверостишия (обычно с тематическим параллелизмом), иногда соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы» [2. С.195]). Элемент мистификации отчасти присутствует и у Парни, и у Леконта де Лиля. Между тем ошибиться невозможно: сюжет 10-й «Мадагаскарской песни» и «Малайских пантунов» чрезвычайно популярен в романтической литературе.

¹⁵ В 1994–1995 гг. на почте города Сен-Поль на острове Реюньон применялся почтовый штемпель «Сен-Поль», на котором изображены портреты Парни и Леконта де Лиля на фоне тропического пейзажа, а Сен-Поль назван «городом поэтов» («ville de poètes») (URL: <http://www.philatelia.ru/pict/cat5/stamp/22388s.jpg>).

Если в «балладе» Парни (так называет 10-ю песню Ю. Б. Орлицкий) нет главного героя европейца, губящего прекрасную наложницу (сюжет развернут между царем, его возлюбленной и юношей, с которым она ему изменяет), то в «Малайских пантунах» виновником трагедии оказывается именно гяур. Впрочем, образ европейца является центральным в 1-й, 2-й, 5-й и 9-й из «Мадагаскарских песен» Парни. В первых двух «белый» является гостем, которого принимают с добротой и любовью («Esclaves, posez une natte sur la terre, et couvrez-la des larges feuilles du bananier. Apportez du riz, du lait, et des fruits mûris sur l'arbre» (1-я песня) – «Рабы, положите циновку на землю и покройте ее широкими листьями бананового дерева. Принесите риса, молока, и плодов, выношенных на дереве»; «Belle Nélahé, conduis cet étranger dans la case voisine» (2-я песня) – «Прекрасная Нелаэ, веди чужеземца в хижину»¹⁶); в 5-й и 9-й песнях подчеркивается хитрость и жестокость чужеземцев: «Méfiez-vous des blancs, habitants du ravage» (5-я песня) («Остерегайтесь белых, жители побережья»); «Une mère traînait sur le rivage sa fille unique, pour la vendre aux blancs» (9-я песня) («Мать на берег ведет единственную дочь, чтоб продать ее белым»). Заданный Парни во 2-й песне любовный сюжет туземки и «белого» остается неразвернутым в трагическую историю, ограничиваясь описанием традиционного малагасийского гостеприимства.

В «Пантунах» Леконта де Лиля любовный треугольник *туземец – европеец – туземка* приобретает особое значение. «Повествователем» становится обманутый любовник, поскольку французский поэт стремится глубже проникнуть в национальную поэзию Востока (создать своего рода «мистификацию» на уровне сюжета) и превратить предмет наблюдения (экзотического персонажа) в лирического героя¹⁷. Парни имитирует свои «Песни» под национальный

¹⁶ Здесь и далее перевод «Мадагаскарских песен» Е. Чагаевой, см.: [Чагаева].

¹⁷ По мнению В. Сегалена, взгляд наблюдателя пронзает экзотическое пространство и тем самым изменяет (в некоторых случаях разрушает) его [см.: Segalen, 1994]. Поэтому в «Малайских пантунах» выделение нового героя (вместо европейца – туземца) создает иной фон, сдвигает точку зрения.

малагасийский фольклор, поэтому чужеземцы даны более отстраненно, они словно не могут проникнуть в любовный сюжет героев, хотя мотивы вторжения белых в мир жителей Мадагаскара, в том числе колониальные, обнажены.

Хотя «Пантуны» Леконта де Лиля претендуют на приближенность к малайской лирике, сам текст нельзя назвать в прямом смысле слова «подделкой»: это, скорее, *переживание* малайского фольклора в творчестве французского поэта. Психологический параллелизм, свойственный устному творчеству, организует композиционную структуру стихотворения. Между тем в «Пантунах» можно увидеть и отчетливый процесс интериоризации, что акцентирует авторское начало и не позволяет обмануться насчет «народных» корней произведения, где лирический герой слегка отстранен от природных явлений: он существует внутри пейзажа, и пейзаж словно бы «зависит» от его чувств, но сравнением данный прием назвать невозможно, так как герой хоть и близок природе, но самостоятелен сам по себе. В литературе такое обособление практически невозможно: у Леконта де Лиля параллелизм стремится стать уподоблением.

Сюжетная коллизия «Малайских пантунов» прямо связана с 10-й «Мадагаскарской песней», однако в последней, 12-й песне Парни, можно увидеть счастливую «предысторию». Возможно, вершинная и отрывочная композиция «Мадагаскарских песен» дала Леконту де Лиллю идею о создании целостного текста, в котором будут соединены эпизоды любви и измены, мести и гибели героев.

Ночное свидание в 12-й песне Парни – кульминация любовного сюжета всего цикла, а мотив смерти намечен именно как мотив смерти от любви, от переполюющего счастья («tes caresses brûlent tous mes sens; arrête, ou je vais mourir. Meurt-on de volupté, ô belle Nahandové?» – «Поцелуи твои проникают мне в душу, обжигает ласка твоя: остановись, или я умру. Умирают ли от желания, Нагандов, о прекрасная Нагандов?»).

Отметим переключки в описании Парни и Леконта де Лиля:

12-я «Мадагаскарская песня» Парни

Le lit de feuilles est préparé; je l'ai parsemé de fleurs et d'herbes odoriférantes, il est digne de tes charmes, Nahandové, ô belle Nahandové!

(Ложе из листьев я усыпал цветами и душистыми травами, и оно достойно твоей красоты, Нагандов, о прекрасная Нагандов!)

«Малайские пантуны» Леконта де Лиля

[Подстрочник «Малайских пантунов» здесь и далее мой. – Е.К.]

Sur ta natte de fine écorce

Tu rêves...

Dans la case que tu parfumes.

(На своей циновке тонкой коры

Ты мечтаешь...

В хижине, которую ты наполняешь ароматом)

12-я «Мадагаскарская песня» Парни

j'entends le froissement de la pagne qui l'enveloppe

(слышу шелест ее покрова)

«Малайские пантуны» Леконта де Лиля

La mousseline autour des hanches.

(Муслин вокруг бедер)

12-я «Мадагаскарская песня» Парни

ton regard est enchanteur...

Le plaisir passe comme un éclair

(Как чарует твой взгляд!)

Настигает блаженство, как молния)

«Малайские пантуны» Леконта де Лиля

Tes longs yeux sont un double éclair

(Твои длинные глаза как двойная молния)

В 12-й песне Парни любовная сцена не омрачена дополнительными трагическими штрихами, как в «Пантунах», а «молния», промелькнувшая у Леконта де Лиля, – сложная цитата из текста Парни: она несет двойной смысл, совмещая в себе и порыв страсти, и будущую гибель героев, в то время как у Парни молния обозначает пик наслаждения. Другое эротическое описание мы встречаем во 2-й «Мадагаскарской песне»: здесь тоже упоминается хижина («la case»), расстеленная на земле циновка («une natte»), ложе из листьев («un lit de feuilles») и блаженство, которое достигнет героя («tout le plaisir qu'il aura goûté»).

Леконт де Лиль почти переплетает счастливые эротические эпизоды со сценами убийства – гяура и неверной возлюбленной, с мотивами разъяренной стихии, тонущей лодки: одно пространство словно вставлено в другое, воспоминания создают сладостный фон, и на этом фоне разворачиваются кровавые картины мести и смерти героев.

В «Мадагаскарских песнях» эти пространства разделены, четко обозначены отдельными главами, кроме двух песен, где сюжеты смерти и любви оказываются сплетенными воедино – 6-й и 10-й. В 6-й песне Ампанани благородно отпускает прекрасную пленницу Ваину, любящую другого воина, несмотря на свое влечение к ней («Va, belle Vaïna. Périssent le barbare qui se plaît à ravir des baisers mêlés à des larmes!» – «Ступай, прекрасная Ваина. Да сгинет жестокий, что насладится поцелуем, смешанным со слезами»). В 10-й песне вождь убивает свою возлюбленную Яуну и ее любовника.

10-я песня самая сложная по композиции и сюжетному построению. Если другие песни могут претендовать на определенную близость к малагасийскому фольклору, то эта существенно отличается от них: в финале появляется некий лирический герой, близкий автору, выражающий отношение к происходящему: «J'ai entendu ce cri: il a retenti dans mon âme, et son souvenir me fait frissonner» («Тот крик я слышал, он пронзил мне душу, и содрогаюсь я, когда вспоминаю о нем»); «Infortunés! dormez ensemble, dormez en paix dans le silence du tombeau» («Несчастные! Покойтесь вместе, покойтесь с миром в глухой могиле»).

Откуда звучит этот авторский голос? Он нарушает прежнее равновесие и целостность псевдонародных песен, объективность и отстраненность взгляда повествователя. Современная переводчица «Мадагаскарских песен» Елена Чагаева заключает фразу «Тот крик я слышал...» в скобки, как бы подчеркивая ее выделенность и непохожесть на весь текст [5]. Финальная строка «Несчастные! Покойтесь вместе, покойтесь с миром в глухой могиле» тоже идет не от обманутого вождя-убийцы, а от лица сочувствующего автора.

10-я часть выделяется в общей композиции «Песен» Парни как наиболее лирическая и наименее «мистификационная», не случайно ис-

пользованный в ней сюжет оказался так близок романтической литературе, не является случайной и переключка «Малайских пантунов» с этим текстом.

С самого начала описание дается с точки зрения вождя, потерявшего свою возлюбленную: «Où es-tu belle Yaouna? Le roi s'éveille, sa main amoureuse s'étend pour caresser tes charmes; où es-tu, coupable Yaouna?» («Где ты, прекрасная Яуна? Пробудился вождь, протянул он страстную руку, чтоб ласкать тебя. Где ты, преступная Яуна?»). Характерно повторение фразы с использованием синтаксического параллелизма, но с изменением эпитета: *belle – coupable* (*прекрасная – преступная*).

Такой же прием использует и Леконт де Лиль в «Малайских пантунах». Подробно перечислив прелести красавицы, герой обвиняет ее: «Ta bouche a le goût du miel vert des ruches... / Ton rire joyeux est un chant d'oiseau, / Tu cours et bondis mieux que les gazelles... / Mais ton cœur est traître et ta bouche ment!» («Твой рот вкуса зеленого меда из ульев... Твой веселый смех как пение птички, / Ты бегаешь и прыгаешь быстрее газели... / Но у тебя сердце предательницы, и рот твой лжет»). «Рот вкуса меда» оказывается лживым, и прежние сравнения как бы опрокидываются, их значение опровергается под обвинениями героя.

В песне Парни используется еще один эпитет: «la *tendre* Yaouna» («*нежная* Яуна»), именно так смотрит героиня на своего возлюбленного, который должен убить ее по приказу вождя, взгляд Яуны «слаще, чем весенний мед» («plus doux que le miel du printemps»). В переводе Е. Чагаевой остается только «сладостный взор», для нас же важно сравнение с медом, оно повторится в «Малайских пантунах», где «вкус меда» обретет рот героини.

Бешенство обманутого возлюбленного у Леконта де Лиля («Notre fureur est assouvie» – «Наша ярость утолена») напоминает реакцию вождя «Мадагаскарской песни»: «Le roi furieux saisit la zagaie redoutable et la lance avec vigueur» («В гневе схватил вождь копье и метнул его с силой»). Характерно, что описания убийства у Парни не детализованы, достаточно обобщены и переданы более через переживания героев и внезапно выступившего из тени

автора: «Yaouana frappée chancelle; ses beaux yeux se ferment, et le dernier soupir entr'ouvre sa bouche mourante. Son malheureux amant jette un cri d'horreur: J'ai entendu ce cri: il a retenti dans mon âme, et son souvenir me fait frissonner. Il reçoit en même temps le coup funeste, et tombe sur le corps de son amante» («Сраженная, покачнулась Яуна, закрылись ее прекрасные очи, последний вздох слетел с ее губ. И несчастный ее возлюбленный закричал в ужасе. (Тот крик я слышал, он пронзил мне душу, и содрогаюсь я, когда вспоминаю о нем). В тот же миг смертельный удар поразил его, и упал он на тело своей возлюбленной»). Нет ни одного конкретного образа, показывающего, каким образом были убиты Яуна и ее любовник, кроме упоминания губельного удара и брошенного копья.

В «Пантунах» Леконта де Лиля гяура и героиню поражает «медный клинок», отчасти напоминающий копье, но только отчасти: это клинок пылающий, похожий на огненный меч («Ma lame de cuivre à mon poing flamboie»). Если о смерти европейца сказано только, что «свежая кровь струится, пунцовая, / На мосту бледного гяура... / Мертвые глаза смотрят на луну, / Дикую в глубине небосвода» (Un sang frais guisselle, écarlate, / Sur le pont du blême gjaour... / Des yeux morts regardent la lune / Farouche au fond du firmament»), и покрыто тайной остальное (был ли поединок, или обманутый герой заколол гяура в спину), то гибель обманувшей красавицы описана детально.

Во-первых, с самого начала возникает ряд ассоциаций, наводящих на то, что герой отсечет голову своей возлюбленной. Это упоминания о шее героини: «Voici des perles de mascate / Pour ton beau col, ô mon amour!» («Вот жемчуга из Маската / Для твоей прекрасной шеи, о моя любовь!»); «Dors, les mains derrière le cou» («спи, руки за головой (букв.: сзади шеи)»). В первом случае Леконт де Лиль использует слово «col», главные два прямых значения которого «воротник; воротничок» и «горлышко (бутылки); горловина, сужение». Конечно, в контексте «ton beau col» приоритетным становится именно понятие «шея» – «прекрасная шея» возлюбленной. Во втором случае взято основное прямое значение: «le cou» (шея). Но в переводе на русский язык лучше сказать «руки за головой», поэтому

слово «шея» как будто отодвинуто, однако у Леконта де Лиля оно звучит отчетливо.

Во-вторых, «казнь» героини дана параллельно с охотой тигра на лань, что усиливает драматический эффект:

*Mais ton coeur est traître et ta bouche ment!
Il a vu jaillir deux jaunes prunelles;
Un frisson de mort l'étreint brusquement.
Mais ton coeur est traître et ta bouche ment!
Ma lame de cuivre à mon poing flamboie.
Un frisson de mort l'étreint brusquement:
Le royal chasseur a saisi sa proie.
Ma lame de cuivre à mon poing flamboie;
Nul n'aura l'amour qui m'était si cher.
Le royal chasseur a saisi sa proie;
Dix griffes d'acier lui mordent la chair.
Nul n'aura l'amour qui m'était si cher,
Meurs! Un long baiser sur tes lèvres closes!
Dix griffes d'acier lui mordent la chair.*

*Но у тебя сердце предательницы, и рот твой лжет,
Мой медный клинок в кулаке пылает,
Ее вдруг охватывает смертельная дрожь
Король-охотник хватает свою добычу,
Мой медный клинок в кулаке пылает,
Никогда не будет любви, которая была бы мне так дорога,
Король-охотник хватает свою добычу,
Десять стальных когтей впиваются в ее тело,
Никогда не будет любви, которая была бы мне так дорога,
Умирай! Долгий поцелуй на твоих сомкнутых губах!
Десять стальных когтей впиваются в ее тело*

В 5-й части герой-убийца, сделавший из мачты своеобразный «гроб» для головы своей возлюбленной, любит ее мертвым лицом: «Ô mornes yeux! Lèvre pâlie!.. / Voici sa belle tête morte! / Je l'ai coupée avec mon kriss... / Elle saigne au mât qui la berce... / Son dernier râle me poursuit» («О, тусклые глаза! Бледные губы!.. / Вот ее прекрасная мертвая голова! / Я ее отрезал своим малайским кинжалом... / Она кровоточит на мачте, которая стала ее колыбелью... / Ее последний хрип меня преследует»).

Неоднократное упоминание в «Пантунах» крови, ее цвета, запаха, акцент на беспощадности героя, свирепо мстящего изменившей ему возлюбленной и сопернику, контрастирует с близким, но воплощенным совершенно по-другому сюжетом Парни. Некоторая условность происходящего в «Мадагаскарской песне», трагедия, выраженная скорее через чувства персонажей (в том числе и внезапно выступившего из тени автора) – ужас («un cri d'horreur»), страх

(«la frayeur»), сочувствие и сожаление («се cri... a retenti dans mon âme»), чем через конкретные описания, отличаются от яркой и практически фантазмагорической предметности Леконта де Лиля. Между тем 5-я часть «Пантунов» более символична, мистична и ирреальна, чем первые четыре, скорее, орнаментальные и изобразительные. Но этот символизм не превращается в абстрактное риторическое повествование, а остается в рамках парнасской поэтики Леконта де Лиля с присущими ей вещественностью и осязаемостью образов.

Отсылка к 10-й «Мадагаскарской песне» Парни дает «Малайским пантунам» Леконта де Лиля как бы второе измерение: романтический сюжет обыгран в другом ключе, а обращение к экзотической тематике приобретает иное наполнение, создавая эффект зеркального ряда со все новыми и новыми отражениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волошин М. Клодель в Китае** URL: <http://omiliya.org/article/pol-klodel-maksimilian-voloshin.html>.
2. **Гаспаров М.Л.** Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993. 272 с.
3. **Геллер Л.** К описанию экзотизмов. Предложения // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 2008. Вып. 27. С. 5–31.
4. **Орлицкий Ю.Б.** «Мадагаскарские песни» Э. Парни в русских переводах. К истории цикла прозаических миниатюр // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 117–128.
5. **Чагаева Е.** Мадагаскарские песни. Эварист Дезире де Форж де Парни. Перевод с французского URL: http://vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/deParni.htm.
6. **Эткинд Е.Г.** Поэзия Эвариста Парни // Парни Э. Война богов. Л.: «Наука», 1970. С. 182–227.
7. **Ashnadelle Amin Hilmy, B.A.** L'orientalisme de Leconte de Lisle / A Thesis in French. Submitted to the Graduate Faculty of Texas Tech University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of arts, 1970. 170 p.
8. **Segalen V.** Essai sur l'exotisme. Une esthétique du divers / Préface d'Annie Joly-Segalen. Textes présentés et annotés par Dominique Lelong. Montpellier: Fata Morgana, 1994. 96 p.

УДК 82-14

Н.Г. Медведева

«УЕХАТЬ, ЧТО ЛИ, В ИСПАНИЮ...» («ИСПАНСКАЯ» ТЕМА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ИОСИФА БРОДСКОГО)

Удмуртский государственный университет

В статье предлагается рассмотрение малоизученной темы поэзии Бродского; несколько стихотворений анализируются в контексте его мироотношения и творчества.

Ключевые слова: фламенко, коррида, поэтическая метафизика, система оппозиций, концепция человека, концепция времени.

N. G. Medvedeva

«UYEKHAT, CHTO LI, V ISPANIYU...» (“SPANISH” THEME IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF JOSEPH BRODSKY)

Udmurt State University

The article gives a review of insufficiently explored theme of Brodsky's poetry; several poems are analyzed in the context of his attitude and creativity.

Keywords: flamenco, bullfights, poetic metaphysics, the system of oppositions, conception of human, conception of time

И. Бродскому, как и Пушкину, свойственна была поистине «всемирная отзывчивость»; однако, в отличие от нашего первого поэта, в его творческом сознании Испания занимает мало заметное, если не сказать маргинальное, положение. Пушкин, как известно, за границей не бывал, Бродский же объездил полмира: Италия, Англия, Швеция, Мексика, Голландия, Германия, Швейцария, Польша... Все это многократно отраз-

илось в его творчестве, («писатель – одинокий путешественник», по его собственному выражению), преобразившись из травелогов в разноплановые – философские, историософские, биографические – эссе, а также стихотворения разных жанров. Испанию он посетил лишь однажды, в январе 1993 года, – по приглашению Барселонского университета выступил с лекцией и чтением стихов (текст лекции о русской поэзии, запи-

санный А. Латышевой, был опубликован позднее в берлинском журнале «Зеркало загадок»).

Используя тот же «количественный» критерий, легко заметить, что в обширном круге литературных, философских, музыкальных, живописных предпочтений Бродского Испании также принадлежит скромное место. Разумеется, Сервантес; из философов – Ортега-и-Гасет [10. С.203]. «Я ничего не знаю о поэзии на испанском языке, – признается Бродский в интервью Еве Берч и Дэвиду Чину, однако тут же добавляет: – Кроме Хорхе Манрике, Гонгоры, Св. Иоанна с Креста и Мачадо. По сравнению с Мачадо Лорка и другие кажутся тусклыми» [3. С.70]. В этой же беседе Бродский называет Хорхе Манрике «величайшим испанским поэтом, я думаю, всех времен» [3. С.60]. Правда, в «Диалогах» с С. Волковым Бродский, противореча себе, утверждает, что «лучший испанский поэт – Антонио Мачадо, а не Лорка» (и, таким образом, не Хосе Манрике) [4. С.170]. И Мачадо, и Лорку исследователи упоминают в числе тех, кто повлиял на Бродского в период его «интенсивного ученичества». Например, о поэме «Холмы» (1962) Л. Лосев пишет: «Сюжет стихотворения позволяет предположить источник его ритмической структуры – испанские “романсеро” в русских переводах (Мачадо, Лорка)» [10. С.190].

Еще более значимо то, что в «Мексиканском дивертисменте» Бродский, по собственному признанию, «пытался использовать традиционные испанские метры». «Первая часть, о Максимилиане, начинается как мадригал. Вторая, “1867” – где о Хуаресе, – сделана в размере чокло, то есть аргентинского танго. “Мерида”, третья часть, написана размером, который в пятнадцатом веке использовал <...> Хорхе Манрике. Это имитация его элегии на смерть отца. И “Романсеро” – традиционная испанская вещь, эти тетраметры. Есть приближение к современным стихам в главе “К Евгению”. <...> В конце концов, это называется дивертисмент. Он должен иметь дело с манерами, со стилями, которые там используются. Если можно так выразиться, это дань культуре, о которой идет речь» [3. С.60–61].

Имеет смысл вспомнить, что Уистен Хью Оден – поэт, к которому Бродский питал особую любовь и которого считал величайшим

умом XX века, – во время гражданской войны в Испании служил в санитарном батальоне республиканской армии и посвятил этой стране одно из лучших своих стихотворений – «Spain» (1937), что, несомненно, могло вызвать отклик у Бродского.

Обратимся, наконец, к собственному творчеству Бродского в поисках заявленной нами «испанской» темы. Формально она начинается очень рано – в 1959 году: это «Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами» и «Определение поэзии» («Существует своего рода легенда...»), посвященное памяти Федерико Гарсия Лорки. В поэме «Зофья» ключевая тема одиночества лирического персонажа выразительно обозначена не только по-английски, но и по-испански: «Не чувствуя ни времени, ни дат, / всеобщим Solitude и Soledad...». Затем следует очень большой перерыв – длиной почти в творческую жизнь. В 1992 году написано послание «Михаилу Барышникову», строчку из которого мы выбрали в качестве заголовка настоящей работы, и чуть позже – «Испанская танцовщица». Вот, пожалуй, и все, если не считать появления темы Испании в эссе «Коллекционный экземпляр» (1991), где в связи с судьбами знаменитых теперь разведчиков вновь вспоминается гражданская война 1936–1939 гг.

Таким образом, предлагаемая нами тема – Бродский и Испания – может, на первый взгляд, показаться довольно странной. Мы убеждены, однако, что в творчестве столь значительного поэта, каким был Бродский, фактор частотности той или иной темы, мотива, образа, взятый сам по себе, не определяет их смыслового содержания и степени важности соответствующих текстов для поэтической системы в целом. «Испанская танцовщица», уже неоднократно проанализированная, и стихотворение «Михаилу Барышникову», до сих пор, насколько нам известно, подробно не рассматривавшееся, принадлежат к числу шедевров Бродского, и их интерпретация в заявленном нами аспекте может послужить более глубокому пониманию мироотношения и поэтики автора.

Юношеские «Стихи об испанце Мигуэле Сервете» Бродский не включил в свой первый «настоящий» сборник «Остановка в пустыне»

по причине их очевидной незрелости, понятно, что и внимания исследователей они не вызывают. Д. Горбатов считает даже, что этот текст «заслуживает хлесткой критики» – и задачу эту осуществил, подчеркнув грубые фактические ошибки, допущенные автором, и указав, насколько лучше в этом же девятнадцатилетнем возрасте писал Пушкин [5]. Действительно, испанский теолог, естествоиспытатель и врач Мигель (не «Мигуэль»!) Сервет был сожжен по приговору женеvской консистории 27 октября 1553 года (а не 1653, как у Бродского). Не принимая разоблачительный пафос заметок Горбатова, трудно согласиться и с поверхностным выводом о том, что «стихи Бродского о Сервете – не столько художественная, сколько гражданская поэзия» (там же).

Одна из немногих попыток серьезного прочтения этого текста (вкупе с «Определением поэзии») – в книге Д. Лакербая «Ранний Бродский: поэтика и судьба», автор которой стремится рассмотреть ранние опыты в контексте будущей концептуальной системы поэта. «Пересечение тем креста и расстрела Лорки – метафора Голгофы как неизбежности на пути Человека и Поэта. <...> В отличие от Сервета, сгоревшего “между полюсами века” (ненавистью и невежеством), но так и не обратившего “свой взор к небу”, <...> Лорке, поэту, эта обращенность дана изначально. Остальное в Сервете – образец для Бродского, который подчеркивает таким примером необходимость духовной вертикали» [9. С.23]. Л. Лосев справедливо замечает, что, в отличие от многих молодых стихотворцев, Бродский не «застрял» на «абстрактно-романтическом» этапе; более того, «уже лет в девятнадцать он начал догадываться, что стихи делаются не из эгоманиакальных мечтаний, а из жизни как она есть. Когда его стали таскать в КГБ, он уже знал, как следует вести себя на допросах» [10. С.61] – далее Лосев цитирует фрагмент из «Определения поэзии». К этому можно добавить, что именно в стихах о Сервете впервые возникает столь значимый далее для поэта образ «маятника». Так ранние «абстрактно-романтические» стихи становятся фундаментом, на котором вырастает метафизическая поэтика Бродского.

Образцом такой поэтики является «Испанская танцовщица», эпиграфом к которой могли бы быть знаменитые строки Лорки:

*Танцуй перед народом
с собой наедине.
Ведь танец идет по водам
и не горит в огне (пер. А. Гелескула).*

«Танцовщице» в критике повезло несравнимо больше, чем «Сервету». Назовем прежде всего прекрасные работы Лили Панн «Альтранатива Иосифа Бродского» [12] и «Побег из тела в пейзаж без рамы. “Испанская танцовщица” Рильке и Бродского» [13], где сравниваются образы «раскаленной красоты» – танцовщицы фламенко и стихии самого танца у двух поэтов, а стихотворение Бродского прочитывается в контексте идей, сформулированных в его эссе «Altra ego». Как известно, метафизика любви и смысл поэтического творчества иллюстрируются здесь метафорой танца: «... любовь есть отношение к реальности – обычно кого-то конечного к чему-то бесконечному». «Другими словами, любовь – дело метафизическое, чьей целью является либо становление, либо освобождение души, отделение ее от плевел существования. Что есть и всегда было сутью лирической поэзии». И далее: «Часто поэтическая деятельность, если поэт живет достаточно долго, выглядит жанровыми вариациями на одну тему, что помогает нам отличить танцора от танца – в данном случае любовное стихотворение от любви как таковой» [2. Т.VI. С.75, 73].

Л. Панн также обращает внимание на связь этого стихотворения с другим текстом Бродского – «Горением», написанным в 1981 году с посвящением М. Б. Как пишет о «Горении» И. Шайтанов, «Бродский щедро нанизывает ассоциации, подсказанные образом, вынесенным в название стихотворения, пока пляска огня в камине полностью не замещается танцующей фигурой, яркой, безудержной, разрушительной» [19]:

*Пылай, полыхай, грехи,
захлебывайся собой.
Как менада, пляши
с закушенной губой.
Вой, трепещи, тряси
волю плечом худым... [2. Т.III. С.214]*

Чаще всего в критической полемике внимание сосредоточено на вызывающем контрасте

языческой и христианской символики с пародированием последней (пародия *sacra*); нам же в данном случае важно отметить несомненную близость с «Испанской танцовщицей» в создании образа страстного танца (как и там, неназванного фламенко) – одной из важных констант поэтики Бродского, безусловно, смыслообразующей в контексте нашей темы.

Мы полагаем, что образ Испании в сознании поэта создается в синтезе двух основных составляющих – фламенко и корриды, какой бы банальностью это ни выглядело на первый взгляд. Используя подобный минимум изобразительных возможностей, Бродский создает стихотворение, впечатляющее своей метафизической глубиной. Мы имеем в виду послание, озаглавленное «Михаилу Барышникову» (в его датировке есть разночтения – 1992 или 1993 г.; мы вслед за Л. Лосевым ориентируемся на первую дату), созданное позже «Горения», но, видимо, *до* поездки в Барселону и «Испанской танцовщицы».

*Уехать, что ли, в Испанию, где испанцы
увлекаются боксом и любят танцы,
когда они ставят ногу, как розу в вазу,
а когда убивают быка, то сразу [2. Т.IV. С.120–121].*

Сравним с «Испанской танцовщицей»:

*И черный туфель
на гладь паркета
стучит; это
как ветер в профиль [2. Т.IV. С.152].*

(Далее в описании фламенко увидено еще и «стремление розы / вернуться в стемель». Близость двух текстов не исчерпывается указанными деталями, но вернемся к этому позже). Нам представляется, что акцентирование особенностей постановки ноги в танце (с поразительной точностью сравнения «ставят ногу, как розу в вазу», то есть по вертикали, сверху вниз и слегка наискосок), очевидно, существенное для Бродского, позволяет поэту имплицитно сблизить танец и корриду, что и проявлено в первом из названных стихотворений. Во фламенко, как известно, ритм отбивается каблуками, причем в современном исполнении это характеризует не только мужской, но и женский танец. «Сначала постановка корпуса, затем изучение положения рук и ног, тщательная отработка движения кистей рук. Затем важный этап работы – постановка удара стопы и каблука, так называемого

сапатеадо (настоящий танец фламенко каблук может извлекать пять разных звуков)» [18]. Движения матадора во время корриды также требуют особой постановки ноги в те или иные моменты действия, которое в целом очень артистично: «Тореро в бою демонстрирует красивое искусство, подобное балету (словарь Королевской Академии наук Испании определяет тавромахию как искусство)» [8].

Здесь уместно вспомнить, что стихотворение адресовано великому танцовщику и одному из близких друзей Бродского – Михаилу Барышникову. В один из дней рождения Барышникова, 27 января 1993 года, примерно тогда же, когда создавалось и выбранное нами стихотворение, поэт на подаренной другу книге написал полушутливое поздравление, в котором были строчки «пускай рукой я не умею, / чего ты делаешь ногой» [20. С.146]. Многозначительное высказывание на «балетную» тему содержится в книге С. Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским». Признаваясь, что балет его «никогда особенно не интересовал», Бродский в Барышникове улавливает близкую творческую личность: «... надо сказать, когда я вижу на сцене Барышникова, то это ощущение совершенно потрясающее. Я даже думаю, что это вообще уже даже и не балет – то, чем он занимается. <...> На мой взгляд, это чистая метафизика тела» [4. С.296].

Итак, ключевое слово «метафизика» в данном случае объединяет те формы творческого самовыражения, которые «перерастают» формальные границы своего жанра, будь то танец или поэзия. Безусловно, фламенко и коррида в изображении Бродского значимы не столько своей визуальной, фигуративной выразительностью, несмотря на выверенность жестовых деталей, сколько своими «метафизическими» смыслами, как и создаваемый ими образ «Испании». Подобно тому, как фламенко в поэзии и прозе Бродского становится «моделью» соотношения любви, возлюбленной и Музы, образ корриды моделирует проблематику жизни, боли и смерти. Если отвлечься от суггестивного сближения корриды с танцем, которое мы описали выше, единственная строка о корриде метонимически выражает мысль всего стихотворения: «когда убивают быка, то сразу».

А. Клява, автор одной из немногих работ, где это стихотворение анализируется, считает, что в нем «скрывается одна очень важная фактическая ошибка»: «смерть быка на арене – это медленная и мучительная смерть. Какое уж там “сразу”!» [7]. Существует, как известно, и другое мнение: «Убийство всегда реализуется лицом к животному и целью является ввести шпагу в отверстие между передними ребрами, чтоб попасть в сердце и вызвать как можно более быструю смерть» [8]. Мы ссылаемся на общедоступный источник (Википедию) и не входим сейчас в обсуждение вопроса о гуманности или же антигуманности корриды, поскольку наш объект – не сама коррида, а ее словесный образ, своего рода экфрасис (в котором имеет эстетическое значение и вокализм нескольких ударных А), и волею автора в нем проявляются особые смысловые аспекты. Впрочем, и А. Клява в той же работе пронизательно заметил: «Тут дело не в быке».

Поэзия Бродского 90-х годов – неотступное размышление о близости конца, неизбежности ухода из мира, формирующее совершенно особую концепцию и мира, и человека, стоящего «бездны на краю». При этом мысль о смерти становится доминантой его поэтического мира уже в ранних стихах. В данном случае мы обратимся к «Песне невинности, она же – опыта», написанной в 1972 году и вместе с интересующим нас стихотворением «Михаилу Барышникову составляющей так называемую «двойчатку»; на это обстоятельство указал (без развернутого анализа) в своей книге А. Ранчин [16. С.21]. Стихотворению предпосланы эпитафии из У. Блейка, но и без этого очевидно, что Бродский создает свой текст как вариацию знаменитого цикла английского поэта. «Песни неведения и познания», «вершинное творение Блейка как лирика» [6. С.26], разделены на две части, «показывающие два противоположных состояния человеческой души» [1. С.63], при этом первая часть включает в себя 19 стихотворений, а вторая – 27, и эта диспропорция сама по себе уже свидетельствует о соотношении детской невинности и взрослого опыта в жизни человека. Бродский «сворачивает» эту мысль, концентрируя ее в одном, но тоже двухчастном, тексте, причем эти части одинаково

вы по объему. Создается строго симметричная, зеркальная композиция, в которой эпитафией к первой части поставлены строчки «On a cloud I saw a child, / and he laughing said to me...» («Дитя на облачке узрел я, / оно мне молвило, смеясь...»), а к части второй – призыв «Hear the voice of the Bard!» («Слушайте глас певца!»). Однако итоговый смысл текста и здесь не менее ясен, чем у Блейка, поскольку автор по определению находится в позиции «певца».

*Почему все так вышло? И будет ложью
на характер свалить или Волю Божью.*

Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи [2. Т.III. С.33].

В послании Барышникову заметно прежде всего ритмическое дублирование «Песни...»; сравним:

Раньше мы поливали газон из лейки.

В комара попадали из трехлинейки.

Жука сажали, как турка, на кол.

И жук не жуужжал, комар не плакал.

Перед нами тот же дольник с парной женской рифмой (AABB), единственное различие – в графическом оформлении четвертой строки. Но «двойчатка» также и семантическая, поскольку в обоих текстах обсуждается одна проблематика.

Итак, первая строфа – взгляд в прошлое, воссоздающий детски-невинное состояние души. Вместе с тем начинает выстраиваться временная оппозиция, соответствующая поэтике контрастов, что вновь напоминает «Испанскую танцовщицу» с ее антитезами вечернего покоя и экстатической пляски, тишины и ударов бубна, Рая и бездны. «Раньше» имели место такие ныне исчезнувшие из обихода предметы, как «трехлинейка» (пусть и упомянутая в метафорическом смысле) – так в просторечии называлась винтовка, созданная конструктором С.И. Мосиным в 1891 году и использовавшаяся вплоть до конца Великой Отечественной войны. «Лейка» как средство полива газонов также ушла в прошлое, но осталась в детском, игрушечном варианте. Хвастливая гипербола «в комара попадали из трехлинейки» свидетельствует о присущей ребенку зоркости, позднее утраченной, – лирический герой Бродского в других текстах упоминает о своей близорукости. Так хронологическая

оппозиция включает в себя противопоставления «раньше / теперь» и «детство / зрелость». Детское любопытство и детская же неосознаваемая жестокость, проявленные в расправе с жуком, свидетельствуют о невинности мучителя, не подозревающего о страдании жертвы: «жук не жужжал, комар не плакал» (отметим и глагол «плакал», характерный в подобных случаях именно для детского восприятия, – вообще-то комару свойственно пищать).

Вторая строфа воссоздает состояние «теперь», становясь, таким образом, аналогом «песни опыта»:

*Теперь поливают нас, и все реже – ливень.
Кто хочет сует нам в ребро свой бивень.*

В глаголе «поливают» очевиден сдвиг от прямого значения к переносному (поливать грязью, сокращенно просто «поливать» = бранить, незаслуженно оскорблять). В следующей строке происходит мена категорий активности / пассивности: «мы» из субъекта действия превратились в его объект, в данном случае – стали жертвой, и поскольку речь идет уже не о детских шалостях, то это уподобление – не жуку, а матадору, рискующему получить рану от удара быка (бивень здесь = рог). Человек Бродского часто отождествляется с представителями фауны (рыбой, птицей, собакой) – здесь это происходит не с говорящим, а с теми, кто его («нас») окружает как конкретные недоброжелатели или враждебная среда вообще. В то же время в результате смысловой инверсии и лирический герой (тот, кто говорит с другом, объединяясь с ним в общее «мы») оказывается в положении быка на арене, поскольку «бивень» замещает шпагу тореро (вспомним описание третьей терции корриды!). По Бродскому, «человек есть испытатель боли» [2. Т. II. С. 362].

Как всегда, поэт возводит ситуацию в метафизический план, к онтологическому статусу бытия:

*Видно, время бежит, но не в часах, а прямо.
И впереди, говорят, не гора, а яма.
И рассказывают, кто приезжал оттуда,
что погода там лучше, когда нам худо.*

К этим оппозициям (круг / прямая, верх / низ, настоящее / будущее) далее добавляется

еще одна – статика / динамика: возникает образ музея, идея которого – консервация прошлого – основана на отсутствии всякого движения: «Отчего не назвать музеем / то, на что мы теперь глазеем?». Первая реакция на эту мысль – порыв к идеалу: «Уехать, что ли, в Испанию...». В противоположность тому, что названо «музеем», эстетизированная «Испания» – живая жизнь, воплощенное движение (бокс, танцы, коррида), насыщенное эмоциями, – «увлекаются», «любят», испытывают сострадание к жертве («когда убивают быка, то сразу»). Эстетика, как видим, гармонично сочетается с этикой. Бег времени, приводящий мир в неподвижное состояние, над «Испанией» не властен; недаром в ее словесном портрете использованы глаголы несовершенного вида («увлекаются», «любят» и т.д.), свидетельствующие о длящемся настоящем времени, которое *semper idem* (всегда одно и то же) и в котором жива традиция. (В следующей же строфе, характеризующей мир за пределами «Испании», появляются глаголы совершенного вида и прошедшего времени: «замер», «окаменели»).

Это утопическое пространство, однако, недостижимо. Причин здесь, по меньшей мере, две. Во-первых, нет «технической» возможности попасть в «Испанию»: «говорят, что пропеллер замер». Вторая, более важная, причина – в том, что сам человек необратимо меняется со временем: тело тяжелеет, превращаясь в камень, мрамор, становясь неподвижным. Собственно говоря, причина одна – остановка жизни как таковой, ее обездвиживание.

«Дыхание небытия, могильный холод обезличивает человека, превращает его в неодушевленную вещь, уподобляет статуе» [15. С. 231]. Подобная концепция свойственна поэзии Бродского, что описано разными исследователями; примеры же столь многочисленны, что нет смысла их здесь приводить. Подчеркнем в анализируемом стихотворении иную деталь:

*столько раз отталкивались от панели
каблуком, что в итоге окаменели.*

«Каблук» возвращает нас к прослеженному выше мотиву танца и подобным танцу движениям матадора; кроме того, значима переключка со стихотворением «Как давно я топчу, видно по каблуку» (1987). В вещной детали обнаружи-

вается свойство, присущее не исключительно танцовщице-байлаоре и матадору, но всякому человеку, человеку вообще. Речь идет, таким образом, не только о «нас» в значении «я и ты», но и о «нас» всех (экстраполяция, опять-таки чрезвычайно характерная для Бродского). Отсюда – вывод: решение «остаться», отказавшись от «танца» жизни, «лечь, постелив на сене»: как обычно, человек Бродского выбирает стоическую позицию. «В своей вовлеченности во время, дематериализующее пространство, убегающее из него в никуда, лирическое “я” не имеет никакой иной экзистенциальной опоры, кроме неплотского самосохранения – дисциплинированного презрения к любым напастям. Как свод жизненных правил поэзия Бродского полностью отвечает моральным наставлениям стоиков», – пишет И. П. Смирнов в работе, специально посвященной этой проблеме [17].

Финальная часть стихотворения вводит в него новые образные мотивы. При отсутствии комментариев мы вступаем в область предположений о фактической основе изображаемого. Все же такие детали, как «сено» и «теплый бассейн», наводят на мысль о загородном пространстве, где не «сходят с ума машины для подражания» жуку (автомобили?). В этом пространстве комфортно даже тому, кто утратил способность передвижения. Л. Штерн в книге воспоминаний о Бродском подробно рассказывает о расположенном в штате Коннектикут поместье близких друзей Бродского и Барышникова Алекса и Татьяны Либерман. Она пишет, в частности, что рядом с домом, где и Бродский, и Барышников были частыми и желанными гостями, был расположен «бассейн с подогретой соленой водой, именуемый Татьяной на итальянский манер – “писиной”» [20. С.186]. Вполне возможно, что именно его имеет в виду Бродский, с теплотой вспоминая отсутствующего друга:

*чтобы плававший при свечах в теплом, как суп,
бассейне,
чью каплю еще хранит ресница,
знал, где найти нас, решив присниться.*

Еще одна биографическая деталь может просвечивать в той небесной (в прямом смысле!) образности, которая формируется в финальной

части стихотворения: «пропеллер замер», «видимо, низкая облачность может вправду смутить пилота». Аналогичным образом завершается стихотворение «Назидание» (1987):

*Когда ты стоишь один на пустом плоскогорьи, под
бездонным куполом Азии, в чьей синеве пилот
или ангел разводит изредка свой крахмал...*

[2. Т.IV. С.15)

«Детскую мечту стать летчиком Бродский попытался осуществить в Америке, но после первых уроков в летной школе выяснилось, что его вестибулярный аппарат не приспособлен к управлению самолетом. От этой типичной для ребенка сороковых годов мечты остались интерес к моторной авиации и теплые воспоминания о книгах писателя-летчика Антуана де Сент-Экзюпери» [10. С.24]. Очевидно, однако, что в стихотворении «Михаилу Барышникову» самолет – не средство реального перемещения в идеальную страну Испанию, и сетования на замерший пропеллер и низкую облачность – «объективный коррелят» (по Т.С. Элиоту) безнадёжности status quo.

Мы упоминали выше о присущем поэтике Бродского принципе «маятника», который обычно не позволяет его поэтической мысли абсолютизировать ни один из полюсов той амплитуды мировоззренческих позиций или философских суждений, между которыми он «раскачивается». Так происходит и в данном случае. В старости («столько лет отталкивались от панели...») тело превращается в камень, становится «тяжелей, чем мрамор». То, что мы «в итоге окаменели», означает еще и утрату способности чувствовать, проявлять эмоции (ср. выражения «окаменеть от горя», «окаменеть от испуга» и т.п.).

Но, как часто у Бродского, всеразрушающей силе Времени противостоит многое, что человек «хранит». Так, ресница лирического субъекта еще хранит каплю из того бассейна, где и он плавал вместе с другом. Друг может оказаться рядом, «решив присниться». Эта мысль возвращает нас к упомянутому выше стихотворению «Как давно я топчу, видно по каблуку...», опровергая высказанное в нем утверждение, что «уже ничего не снится, чтоб меньше быть, / реже сбываться...». Последняя строфа текста, объеди-

няющая прямые и тропеические значения, обращает нас к небу:

Видимо, низкая облачность может вправду смутить пилота:

*как будто там кто-то стирает что-то,
не уступающее по силе
света тому, что в душе носили.*

«То, что в душе носили» – свет и тепло любви и дружбы – быть может, сильнее времени и смерти, ибо смертный человек исчезнет, но небо над нами – останется.

В связи с «испанской» темой в заключительной части стихотворения улавливается еще один подтекст строки о пилоте и низкой облачности, который может быть задан известным паролем – позывным «Над всей Испанией безоблачное небо». Это – «вошедшая в историю Европы кодовая фраза, переданная 18 июля 1936 г. радиостанцией г. Сеута (в те годы испанское Марокко) и послужившая сигналом к началу государственного переворота в Испании. Возглавил заговор против законного республиканского правительства генерал испанской армии Франсиско Франко. 23 июля 1936 г. в г. Бургосе он сформировал правительство из своих приверженцев, и это стало фактическим началом гражданской войны в Испании» [11]. У Бродского речь не идет, конечно, о политических симпатиях или антипатиях. Фраза «Видимо, низкая облачность может вправду смутить пилота», опровергая знаменитое заявление о «безоблачном небе», вновь запускает механизм «маятника». Утопическая «Испания», ставшая в стихотворении смысловым и композиционным центром, тем самым в значительной мере теряет свой идеальный ореол. Но, с другой стороны, облака в текстах Бродского связаны именно с идеальным началом, как в одноименном стихотворении: «Лучше вас в мире этом / я не видел пока». Е. Петрушанская цитирует частное письмо В. Полухиной, которая свидетельствует, что «на облаках ИБ был помещан» [14. С.166]. Так что «маятник», качнувшись в противоположную сторону, возвращает нас к образу света – интимно-душевного и всеобщего, небесного одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блейк В. Стихи / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1978. 325 с.
2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
3. Бродский И. А. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 702 с.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Издательство Независимая газета, 1998. 328 с.
5. Горбатов Д. Джозеф Бродский и Мигуэль Сервет. URL: <http://www.lebed.com/2005/art4403.htm>.
6. Зверев А. Жизнь и поэзия Блейка // Блейк В. Стихи. С. 5–32.
7. Клява А. Иосиф Бродский – некоторые размышления к годовщине смерти. URL: <http://aklyon.livejournal.com/185238.html>.
8. Коррида // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%F0%F0%E8%E4%E0>.
9. Лакербай Д. Л. Ранний Бродский: поэтика и судьба. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. 163 с.
10. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; вып. 1020).
11. Над всей Испанией безоблачное небо. URL: http://waffen.ucoz.ru/news/nad_vsej_istaniej_bezoblachnoe_nebo/2011-08-28-5607.
12. Панин Л. Альтранатива Иосифа Бродского // Иосиф Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда», 2000. С. 54–64.
13. Панин Л. Побег из тела в пейзаж без рамы: «Испанская танцовщица» Рильке и Бродского // Новая Юность. 2001. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2001/3/pann.html.
14. Петрушанская Е. М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Журнал «Звезда», 2007. 360 с.
15. Разумовская А. Статуя в художественном мире Иосифа Бродского // Иосиф Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. С. 228–242.
16. Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.
17. Смирнов И. П. По ту сторону себя: стоицизм в лирике Бродского // Звезда. 2010. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/8/sm15.html>.
18. Чернэ О. Фламенко: сайт. URL: <http://www.olegcherne.ru/statyi/88-flamenco>.
19. Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными (Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский) // Вопросы литературы. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/>.
20. Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М.: Издательство Независимая газета, 2001. 272 с.

УДК 821.161.1-2 (045)

Г.В. Мосалева

МЕНТАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО МИРА В НАЦИОНАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ЭПОСЕ А.Н.ОСТРОВСКОГО

Удмуртский государственный университет

Творчество А. Н. Островского рассматривается как национально-поэтический эпос, отразивший онтологические константы русского национального самосознания.

Ключевые слова: поэтика А. Н. Островского, национально-поэтический эпос, сакрализация слова, поэтизация жанра, героя, пространства и времени, быта.

G. V. Mosaleva

MENTAL CONSTANTS OF THE RUSSIAN WORLD IN A.N. OSTROVSKY'S NATIONAL AND POETIC EPOS

Udmurt State University

A. N. Ostrovsky's Creative Work is being analyzed as a national and poetic epos. In this epos ontological constants of Russian national self-consciousness are reflected.

Keywords: A. N. Ostrovsky's poetics, national and poetic epos, the sacralization of the Word, poetization of the genre, of the character, of the Space and the Time, of the Mode of Life.

1. Поэтизация жанра комедии. Роль поэтизации в жанрово-родовой трансформации пьес А. Н. Островского.

Выбор Островским жанра для большинства произведений весьма знаменателен: скорее всего, под «комедией» художник подразумевал драматургическое произведение, пьесу (наподобие «Божественной Комедии» Данте) и не делал особого акцента на «комическом». Многие комедии драматурга («Доходное место», «Воспитанница», «Шутники», «Пучина», «Сердце не камень», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые»...) внутренне драматичны и лишь с большой долей условности могут обозначаться этим жанром.

«Комическое» у Островского многоаспектно и глубинно. Его «комизм», как и «комизм» Гоголя, по определению А. Григорьева, «космичен» и связан, без сомнения, со **сферой идеального**, а не только со сферами социально-критического и сатирического. «Комично» в произведениях драматурга то, что противоречит Идеалу, красоте. Юмористически окрашенное восприятие героями Островского себя и жизненных ситуаций объясняет специфику их собственного национально-культурного бытия. «Идеальный» герой в произведениях драматурга относится к людям и миру с мягким, никого не оскорбляющим юмором. Напротив, «герой-хищник» использует в своей речи и поведении самые сильные (жесткие) оттенки комического (злую иронию и сар-

казм). К таким «шутникам» относятся Филимон Протасьич Хрюков – «богатый купец»; Недоносков и Переростков – «молодые люди, одетые по последней моде», для которых подшучивание – сродни убийству: «... Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить...» [5, II, 519]. «Шутовство» бедного «отставного чиновника» Павла Прохоровича Оброшенова иного рода. Выставляясь «шутком», Оброшенов глумится не над кем-то, а над собой, поэтому его «шутовство» является самоуничижением и служит средством спасения его дочерей.

А. И. Журавлева в работе «А.Н. Островский – комедиограф» обратила внимание на интерес Достоевского к «новому слову» (А. Григорьев) Островского, сутью которого является гениальное *совмещение комического и трагического, комического и идеального* [3, 337]. Вопрос о влиянии сущностных принципов драматургии Островского на романы Достоевского еще ждет своего исследователя, но следует заметить, что следы поэтики Островского обнаруживаются в жанрово-родовом строе произведений Достоевского.

Совершенно очевидно, что с момента появления в русской литературе драматургии Островского, последняя начала существенно влиять на современную и последующую прозу смелым опытом совмещения трех родовых начал. Островский создатель эпических, лирических или лирико-эпических пьес по преимуществу.

Его ранние произведения – это пьесы-картины, пьесы нравов в поэтическом воплощении.

«Комедиография» Островского **поэтична**. Одним из ярких проявлений «поэтического» в пьесах Островского является архетипичность его сюжетов. Наиболее распространенный из них – сюжет «сватовства» или «женитьбы». Назовем лишь те пьесы, в которых этот сюжет обозначен уже в названии: вся «бальзаминовская трилогия», венцом которой является пьеса «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»), «Богатые невесты», «Бедная невеста», «Бесприданница». Герои этих пьес архетипичны, часто они «сироты» или «жертвы»: «В чужом пиру похмелье», «Воспитанница», «Лес», «Без вины виноватые», «Последняя жертва». Архетипическое событие часто сочетается в сюжете с мотивом «чудесного обогащения» («Доходное место», «Не сошлись характерами», «Бешеные деньги», «Не было ни гроша, да вдруг алтын») или с мотивом «чудесной (избавляющей от зла) любви» («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «Горячее сердце», «Тяжелые дни», «Поздняя любовь», «Правда – хорошо, а счастье – лучше»).

Е. Г. Холодов пришел к выводу о том, что в драматургии надо видеть «не жанриста, но поэта» – «создателя эпического театра» [7, 523]. Одной из самых «главных эпических тем драматургии Островского», по его мнению, является «жизненный компромисс и бескомпромиссное следование своему пути» [7, 523]. При изображении героев-хищников А. Н. Островский, естественно, прибегал и к комическим приемам как к средству создания художественного образа, но преувеличивать их значение нет никаких оснований.

Еще одним поэтическим способом перевода драматургического события в эпическое является включение Островским во внешне бытовую сюжет пьесы *русской песни*, способствующей *универсализации сюжета*.

2. Поэтизация и сакрализация слова

Как известно, в качестве названий для многих своих пьес А. Н. Островский использовал русские пословицы или поговорки [1]. Ярким и убедительным свидетельством **поэтического мировосприятия** драматурга является его пристрастие к фольклору, в котором концентри-

руется народная мудрость. А. Белецкий прав, утверждая, что «философия Островского – это философия пословицы» [1, 59]. Естественно, что драматург не ограничивается только философией пословицы. Она для него является одним из существенных поэтических средств, позволяющих емко передать национальный уклад жизни.

Островский явился, по сути, создателем национально-поэтического космоса России, сплетенного, сотканного из народных речений и выражений, образующих и направляющих сюжеты его пьес. Использование паремий как определяющего повествование поэтического приема характерно уже для прозы А. С. Пушкина, затем – Н. В. Гоголя, а через их опыт и для А. Н. Островского и Н. С. Лескова. Последние особенно ярко отразили «национальный образ» в его исторической, психической и ментальной специфичности. Не сюжет «говорит», а народное речение образует сюжет, представляющий собой непрерывный, неостановимый в своих творческих возможностях процесс поэтического поименования изображаемого мира.

Причем, если в первых пьесах название-паремия связано с социально-бытовой ситуацией, с человеческими взаимоотношениями («Свои люди – сочтемся!», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок»), то уже в пьесах 1850-х гг. в самом названии-паремии воплощается христианское мировосприятие автора. Название пьесы «Не так живи, как хочется» имеет и вторую часть «а так, как Бог велит», как, впрочем, и название пьесы «Не все коту масленица», имеющее продолжение – «бывает и Великий Пост». Поговорка или пословица отражает универсальное содержание, национальную мудрость жизни.

Название-паремия эпично. Подобная универсальность, эпичность, или соборность мышления, приводит к **сакрализации слова**, и тогда, как следствие благоговейного отношения Островского к Слову, появляется название «Не от мира сего», имеющее, как известно, евангельский источник. В название пьесы положен ответ Иисуса Христа «Царство Мое не от мира сего...», последовавший за вопросом Пилата: «не Царь ли Он Иудейский?»: (Ин., 18, 36). Своим ответом Иисус ясно указывает на разделен-

ность земного и небесного. Островский со своими героями всегда в идеале устремлен к миру небесному. Эта устремленность к горнему миру проявляется через чувство покаяния, присущего большинству героев его пьес.

Основной конфликт в произведениях драматурга построен на ситуации выбора между добром и злом, который совершает герой. В этом типе конфликта отражается мысль о дихотомии мира. Мир земной наполнен трудами, испытаниями, скорбями, что отражают названия пьес («Тяжелые дни», «Трудовой хлеб», «Бесприданница»). Идеальность небесного мира чаще всего передается словом Священного Писания и Предания («Не от мира сего»). Уже современники видели в А. Н. Островском не сатирика и бытописателя, а поэта. Тяготение к универсальному мышлению, поэтизации и сакрализации речи – это путь, присущий русской классике – от Пушкина и Гоголя через Островского к Лескову, Достоевскому, Чехову и Шмелеву.

3. Поэтизация имени

Про-речение о мире у Островского начинается с обозначения особого статуса имени героя. Имена героев его пьес воспринимались социальной критикой социально-детерминированно как факт причастности к купеческой среде или как показатель социальной атактичности или культурной ущербности: Антип Антипыч Пузатов, Нил Борисыч Неуеденов, Карп Карпыч Толстогораздов...

«Говорящие имена» Островского рассказывают не столько о купеческой среде, сколько об удивительном разнообразии и красочности мира, увиденного драматургом. И часто «имя» героя очерчивает национально-культурные границы сюжета. В имени героя-военного «из отставных кавалеристов» или просто «из отставных», как правило, есть указание на «легковесность», импульсивность: Виктор Аркадьевич Вихорев, Ион Ионович Турунтаев, Егор Васильевич Курчаев, Аполлон Викторович Мурзаецкий. В именах героев-чиновников ощущается связь звуковой оболочки имени с «книжной» семантикой: Максим Беневоленский, Аким Юсов. А в именах городничих и квартальных «звериный» орнамент соединяется с мотивом «грубой силы»: Тигрий Львович Лютов, Серапион Мардарыч Градобоев.

Флористические и зоолого-орнитологические мотивы в именах героев Островского ярко выражены. *Флористически* окрашены имена если не положительных, то, во всяком случае, незлобивых героев: Анна Петровна Незабудкина, Михайло Дмитрич Бальзаминов, Анна Прокловна Пионова, Савва Геннадьевич Васильков. Напротив, *фауносоставляющая* проявляется в именах героев-хищников: Беркутов, Цыплунова, Галчиха. Появление «сказочных» персонажей в драматургии Островского (Иван-царевич, Снегурочка, Лель, Берендей) знаменует новый этап его творчества – поворот от преимущественно сюжетной драматургии к поэтической (исторической, стихотворной).

Поэтичен уже сам «социальный» состав персонажей Островского, включающий в себя «всю Россию» – представителей самых разнообразных социальных слоев: купцов, чиновников, дворян, людей духовного звания – «подвижников веры», юродивых; свах, скоморохов, актеров, царей и царедворцев, военных, студентов, исторических и сказочных персонажей, народных героев, крестьян, мещан, гусяров, представителей делового люда – калачников, кузнецов, бирючей, берендеев... Островский размыкает границы драматургического пространства, почти повсеместно нарушая классицистические принципы единства времени и места. Национально-эпический театр Островского, проявляющий свои национально-эпические свойства уже через имя и статус героя, поистине уникален и всеобъемлющ.

В одной из первых пьес драматурга сваха Устинья Наумовна в ответ на исправление Липочкой искаженного свахой слова «брюнет» («брюле») с достоинством отвечает: «Как сказалося, так и живет». В этом ответе-поговорке сближены лексемы: **слово** и **жизнь**. Это, на наш взгляд, отражает один из главных принципов художественного сознания Островского – безыскусственность слова. Слово драматурга сказывается **само собой** и тем самым обретает право на жизнь.

Имена героев в пьесах Островского 1840–1850-х гг. ориентированы на поэтику антропонимов. В пьесе «Свои люди – сочтемся!» своеобразную эволюцию героини передает как раз ее имя: нейтральное и полное имя дочери купца Большова – Олимпиада Самсоновна. Домашние

называют ее Липочкой. В произношении Устины Наумовны и Подхалюзина ее полное имя превращается в Алимпияду Самсонову: вторая часть данного слова изменяется с *-ад* на *-яд*, что придает героине зловещий смысл. Выйдя замуж, она меняет и фамилию, становясь Алимпиядой Самсоновой Подхалюзиной.

В имени Лазаря Подхалюзина содержится непрягая авторская оценка героя. Евангелие знает двух Лазарей – ученика Христа, брата Марфы и Марии из Вифании и евангельского бедняка-прокаженного, лежащего у дома богатого и равнодушного к его страданиям господина, а затем за терпеливое перенесение страданий попавшего в рай. Лазарь Островского не оправдывает евангельского имени. Будучи слугой, он грабит Самсона Силыча, своего господина и благодетеля и даже отказывает ему в просьбе о помощи. Бывший господин оказывается в положении жалкого раба, которому грозят каторгой и Сибирью. Подхалюзин носит имя Лазаря не законно (не на евангельском основании): Большов сравнивает себя и Подхалюзина с Иудой. Однако в отличие от Подхалюзина, Большов раскаивается в своих поступках: «Знаешь, Лазарь, Иуда – ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем...» (5, I, 147).

В пьесах 1860-х гг. – в своей стихотворной исторической драматургии Островский поэтизирует «историческое имя» (Минин, патриарх Гермоген, Прокопий Ляпунов, Св. Сергей). В это время Островский находит для своего читателя и зрителя идеал человека в большой Истории и художественно воплощает его образ. Историческое имя идеального героя находится в поле святости. В исторической драматургии Островского идеальный герой, как правило, **иконичен**.

В пьесах 1870-х гг. драматург все больше тяготеет к поиску для героя имени-метафоры: Снегурочка, Красавец-мужчина, Бесприданница... В этом поиске видно стремление Островского к поэтизации и метафоризации, что повлекло за собой появление в художественном мире Островского символических образов. Наконец, в пьесе «Не от мира сего» символом имени-судьбы героини становится евангельское слово.

Островский – создатель благородных и поэтичных характеров, не все его образы идеаль-

ны, но почти все герои жаждут идеала. Давая высокую оценку пьесе «Бедность не порок» и ее неидеальному герою Любимому Торцову, Ап. Григорьев подчеркнул: «Любим Торцов возбуждает глубокое сочувствие не протестом своим, а могучеством натуры, соединенной с высоким сознанием долга, с чувством человеческого достоинства, уцелевшими и в грязи, глубиной своего раскаяния, искреннею жаждою жить честно, по-божески, по-земски» [2, 242]. В каждой пьесе Островского есть герой или героиня, в той или иной степени наделенные идеальными чертами. Это Марья Андреевна в «Бедной невесте», Иван Петрович Бровкин в пьесе «Не в свои сани не садись», Людмила Шаблова в «Поздней любви», Анна Павловна в «Шутниках», Вера Филипповна Каркунова в пьесе «Сердце не камень». Это смиренные и любящие люди, сохраняющие христианское достоинство в любых обстоятельствах. Их имена часто оказываются ключом к прочтению произведения. Так, имя *Вера* определяет онтологический статус главной героини в сюжете пьесы «Сердце не камень».

4. Поэтизация пространства и времени

Пространство в пьесах Островского неоднородно: оно и *реально* (в картинах «московской жизни», в сценах «из деревенской жизни», «из захолустья», «на постоялом дворе»; в губернских и уездных городах (Бряхимове, Калинове, Черемухине); вместе с тем оно и *волшебное* в «весенней сказке», и *исторично*, и *сакральное* (в особенности в исторической стихотворной драматургии, где действие происходит возле монастырей и храмов, а подчас и в них самих).

Островский «вывел на сцену» всю Россию, наиболее значимые ее топоры: Московское и Замоскворецкое царства с их семейно-бытовым укладом, монастырями и храмами; Россию сельскую, поместно-усадебную; Россию народную с ее историческими центрами и захолустьями; Россию театральную и чиновничью. Островский показал невероятное разнообразие семейных укладов и отношений: помимо купеческих домов, чиновничьи комнаты и коморки, съемные квартиры; дворянские особняки и гостиные; царские палаты. Дом для героев Островского является продолжением Храма, малой церковью. В каждой своей пьесе он изображает нераз-

дельно-цельный мир русской жизни. Свойства целостности этого мира Островский передавал определениями: Царство веры, Царство покаяния, Русь святая. Во всех произведениях автор предстает как певец русской жизни. Не найдется ни одной пьесы, где бы свет евангельской Истины так или иначе не осветил сердца его героев.

Островский показывает своих героев и в общении с **Природой**. Здесь он предстает глубочайшим новатором русской драматургии, расширяя ее пространственные возможности, посягнув на эпическую территорию – введя в драму цельный мир природы: лесное (берендеево царство), волжские просторы, купеческие и постоялые дворы, дворянские сады и поместья.

Русский мир Островского представлен и в динамике: читатель-зритель оказывается и в «доисторическом» («Снегурочка») и в «волшебном-сказочном» («Иван-царевич») и праздничном («Не так живи, как хочется») временах, наконец, в большом времени Истории – в эпоху великой Смуты и самоопределения нации.

Наиболее распространенное время в пьесах Островского – *природное* (биологическое). Чаще всего между первым и последним действиями проходит несколько дней, а то и месяцев («Тушино»), иногда даже и лет («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»). **Смутное время** в исторической драматургии Островского – это время конфликта, требующего обязательного разрешения, что и определяет сюжет. Это время испытания героев. Смутному времени противопоставлено время мира и ясности. Смутное время апокалиптически, является символом наказания за грехи, среди которых тяжелейший – вероотступничество. Поэтому оно требует духовного отношения – покаяния и молитвы. В пьесе «Не так живи, как хочется» действие происходит в **праздничное время** – в XVIII в. на Масленицу перед Прощеным воскресеньем и Великим Постом. События здесь развиваются таким образом, что в финале произведения «греховность» главного героя Петра преодолевается его покаянием.

Духовная жизнь героев Островского протекает в соответствии с **церковным календарем**, хотя Островский в своих пьесах довольно редко напрямую связывает с ним события. В произведении «Бедность не порок» (1853) события при-

ходятся на святки – время от Рождества до Крещения.

6. Поэтизация быта.

Пожалуй, больше всего обвинений от критиков-демократов пришлось выслушать Островскому в связи с характером изображения «быта». На этот факт в отношении пьесы «Бедность не порок» одним из первых указал Ап. Григорьев: «Быт, составляющий фон широкой картины, взят – на всякие глаза, кроме глаз теории, – не сатирически, а поэтически, с любовью, с симпатией очевидными, скажу больше – с религиозным культом существенно-народного. За это даже вооружились на Островского во дни оны. Поэтическое, то есть прямое, а не косвенное отношение к быту и было камнем преткновения и соблазна для присяжных ценителей Островского» [2, 243].

Создателей «теорий минуты» [2, 239] задевали не столько бытовые «уродства» и «карикатуры», сколько стремление Островского, как им казалось, идеализировать быт. Об этом писал Н. Н. Страхов, отмечавший, что критика в свое время так же негативно восприняла попытку Пушкина идеализировать быт.

Быт в русской литературе никогда не изображается сам по себе. Для человека-христианина он одухотворен и освящен, «самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства» [4, 17]. Цельность христианской жизни обеспечивает в русской культуре связь практической и духовной жизни человека, быта и бытия.

Быт в пьесах Островского не тождествен действительности, а скорее, является символом ее красоты и поэзии. Он «картинен», «этюден», «живописен» (свои пьесы драматург с самого начала называл «картинами», «сценами», «этюдами»). А. Григорьев писал об Островском как о «живописце русского быта».

«Картины быта» в пьесах драматурга символичны постольку, поскольку опозтезированы. В отношении Островского будет излишним привести размышления одного из значительных философов XX века – Мартина Хайдеггера – самого оригинального немецкого мыслителя-почвенника. Размышления М. Хайдеггера об искусстве и его истоке связаны с картиной

Ван Гога «Башмаки»: «Картина Ван Гога есть раскрытие, растворение того, что поистине есть изделие, крестьянские башмаки. Сущее вступает в несокрытость бытия. Несокрытость бытия греки именовали словом *aletheia*... В творении, если в нем совершается раскрытие, растворение сущего для бытия его тем-то и таким-то сущим, творится совершение истины... Бытие сущего входит в постоянство своего свечения. <...> ... в творении речь идет не о воспроизведении какого-либо наличного существа, а о воспроизведении всеобщей сущности вещей. <...> Художественное творение раскрывает присущим ему способом бытие сущего. В творении совершается это раскрытие-обнаружение, то есть истина сущего. <...> Искусство как творящаяся в творении истина есть поэзия. <...> Сущность искусства есть поэзия. А сущность поэзии есть учреждение истины...» [6, 264]. Художник, утверждает М. Хайдеггер, не воспроизводит какую-то конкретную вещь, а раскрывает сущность вещи, «истину сущего». Искусство символично, следовательно, изображение быта никогда не означает его механистического копирования.

В ранних пьесах Островского вещь выступает в качестве символа а импортированной культуры, что указывает на границу состоявшегося в купеческой среде перехода к инациональной ценностной системе. Пьеса «Свои люди – сочтемся» открывается монологом Липочки, которой она произносит, сидя у окна с книгой в руке. Пушкинская героиня с книгой в руке – это символ адекватного освоения европейской культуры дворянским образованным обществом. Героиня Островского с книгой в руке – проявление иронического отношения автора к «пошлому повтору» героем культурного символа. Островский никогда не изображает купеческий быт как грубый и примитивный, он лишь иронизирует по поводу стремления некоторых героев отказаться от самобытности и бездумно копировать мир чужой культуры. Липочка не раз сравнивает и себя и своего идеализированного жениха с «журнальной картинкой»: «Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, – вся в цветах, разодела, как игрушка али картинка журнальная...» (5, I, 86); «... чтоб и одет был по-журнальному» (5, I, 94). Липоч-

ка держит книгу в руках, но «образовывается» она по иллюстрированным журналам, вошедшим в моду. Быть «дурой необразованной» для героини означает «не уметь танцевать». «Плоды образования» нужны ей для того, чтобы выйти замуж за благородного: «Не пойду я за купца, ни за что ни пойду. – За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного» (5, I, 93).

Посещение Собраний, чтение иллюстрированных журналов, обучение французскому языку, игре на музыкальном инструменте и танцам – символы культурного переворота Петровской эпохи, требование которой Липочка формулирует для себя так – «блеснуть очаровательнее». Липочка – чересчур старательная жертва иллюзионистской эпохи, в которой все усилия направлены на создание «впечатления» – зрительного и слухового: «Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает – чудо! Любоваться – мило-дорого!» (5, I, 86). «Разрисовывание», «любование» – вот то качество жизни, о котором она мечтает и которое обещает ей дать влюбленный в нее Подхалюзин: «Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных...» (5, I, 130).

Речь Липочки обнаруживает лишь внешнее уподобление «иному культурному пространству», проявляющееся через совмещение просторечия и «предметно-культурной» лексики: «... он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают... Душка, милашка!» (5, I, 88). Выйдя замуж и переехав из отеческого дома в дом Подхалюзина с «богато мебелированной гостиной», героиня меняет свой образ. Она по-прежнему сидит у окна, но уже без книги, «в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона...» (5, I, 131). В финале пьесы Олимпиада Самсоновна с удовольствием перечисляет Устинье Наумовне свои наряды, которые сваха называет «модными проказами»: «... подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных – это будет четыре; два газовых да креповое, ши-

тое золотом, – это семь; три атласных да три грогровых – это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь – это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинеро-ялевых ...; крепрашелевых четыре... Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов – не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила» (5, I, 141). Вещи сами по себе свидетельствуют о богатстве и красоте материальной культуры России. Но в данном контексте вещь служит свидетельством вытеснения духовного содержания личности пристрастием к материальным ценностям. Даже Подхалюзину становится «неловко» в последний приход Большова в его дом, когда он то умоляет «детей» помочь ему, то грозит и, наконец, смиряется и просит Лазаря не платить за него ничего. Лазарь обращается к дочери Большова за советом, словно ожидая ее сострадания и поддержки, но наталкивается на полное равнодушие к судьбе отца: «Как хотите, так и делайте – ваше дело» (5, I, 149). Даже в Лазаре остается крупца сострадания, и он, несмотря на безучастность своей жены, решается отправиться «поторговаться с кредиторами».

Оспаривая взгляд Добролюбова на драматургию Островского как на сатиру, Ап. Григорьев применяет любопытный прием для установления истинности этого взгляда: он будет истинен, если «из-под его широкой рамки» не будут «выбиваться никакие черты того мира, к которому оно служит ключом» [2, 241]. Последовательно проверяя истинность этого взгляда на материале более десяти пьес Островского, Ап. Григорьев приходит к выводу: «темное царство» и «самодурство» – «это только накипь, пена, комический отсадок», «не оно – ключ к его [Островского] созданиям!» [2, 242].

По определению Ап. Григорьева, «Свои люди – сочтемся» – это «прежде всего картина общества, отражение целого мира, в котором проглядывают многообразные органические начала, а не одно самодурство» [2, 241]. «Всю несостоятельность теории» Добролюбова, по мнению Ап. Григорьева, «в особенности» обличает «Гроза»: «Одними сторонами своими эта драма как будто и подтверждает остроумные идеи автора «Темного

царства», но зато с другими сторонами ее теория решительно не знает, что делать; они выбиваются из ее узкой рамки, они говорят совершенно не то, что говорит теория» [2, 245]. По мнению Ап. Григорьева, мерка, с которой нужно подходить к измерению искусства Островского, – *народный поэт*. Именно эта мерка является ключом к пониманию его художественного мира.

Островский как воссоздатель национального Быта и Бытия России, воздвигнувший ей, по словам И. А. Гончарова, «тысячелетний памятник», конечно же, запечатлевал Россию, в которой существует осознание греховности и жажда идеала. В творчестве драматурга реализуется оппозиция, свойственная народному, религиозному сознанию: «в миру» – «в монастыре», в соответствии с которым «грех да беда на кого не живет» (как и называется одна из пьес Островского). «В миру» от греха не уберечься, поэтому почти каждый персонаж Островского ощущает свою личную вину и готовность простить другого, такого же, как и он, грешного.

Типичную Россию Островский изображает именно как Царство покаяния. Чувство покаяния, осознание греховности и поврежденности сердца свойственно героям всех пьес. Поэтически изображенный быт выступает, как правило, атрибутом святости и красоты. В этом смысле Островский сродни древнерусскому книжнику с его любовным всеобъемлющим и целостным отношением к миру: любовь к Творцу приводит и к любви к его творению – природе, людям, вещам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белецкий А.** Мудрость пословицы // Островский. К столетию со дня рождения. М., 1923.
2. **Григорьев А. А.** После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986.
3. **Журавлева А. И.** А. Н. Островский – комедиограф. М., 1981. С. 337.
4. **Киреевский И. В.** В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М.: Правило веры, 2002.
5. **Островский А. Н.** Полное собр. соч.: В 12 т. / Под общей ред. Г. И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина и др. М.: Искусство, 1973–1980.
6. **Хайдеггер М.** Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 264–312.
7. **Холодов Е. Г.** Мастерство Островского. М., 1963.

УДК 82-14

Л.В. Сафронова

ОБРАЗ ПОЭТА И ПОЭЗИИ В «ИСПАНСКОЙ ТАНЦОВЩИЦЕ» И. БРОДСКОГО

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Образ поэзии и поэта в стихотворении совпадают с образом танца и танцовщицы, бессознательно воспроизводящей в своей телесной импровизации сценарий «престола небесного». В ритмической агонии Фламенко воссоздается мученический путь Христа и стремление к Вознесению как избавлению от мук. Страстные ритмы испанского Фламенко контрастируют с «равнинным» русским ритмом. В структуре текста как бы скрыт ритмический и графический Крест, «месть вертикали горизонтали»: крестный ход любой жизни и перекресток культур и религий.

Ключевые слова: образ поэта и поэзии, семантика танца, перекресток культур

L. V. Safronova

THE IMAGE OF THE POET AND POETRY IN "SPANISH DANCER" I. BRODSKY

Kazakh National Pedagogical University named after Abai

The image of the poet and poetry in the poem coincide with the image of dance and dancers, unconsciously reproducing in your body improvisation scenario "throne of heaven." In the throes of rhythmic Flamenco recreated martyrdom the way of Christ and the desire to ascend as a deliverance from suffering. Passionate Spanish Flamenco rhythms contrasted with the "plain" Russian rhythm. In the structure of the text as it is hidden rhythmic and graphic cross, "revenge vertical horizontal": the procession of all life and the crossroads of cultures and religions.

Keywords: image of the poet and poetry, semantics dance, crossroads of cultures

Л. Панин, сопоставляя двух «испанских танцовщиц» Рильке и Бродского, говорит о танце последнего как об «автономном существе», вслед за автором различая танцовщицу и танец [6]. Очевидно, что образ поэта и поэзии спроецирован у Бродского на женский образ танцовщицы и ее танца, бессознательно воспроизводящей в своей телесной импровизации сценарий «престола небесного»: в «ритмической агонии» Фламенко воссоздаются муки Христа («по сути / спуск бедер голых / на парашюте» [2]) и страстное инстинктивное стремление к вознесению как к избавлению от мук («Стремление розы / вернуться в стебель»).

В стихотворении «Испанская танцовщица» И. Бродского, таким образом, концептуализируется человеческая жизнь как невольное формульное воспроизведение божественного сценария. Эта концепция бесспорным образом коррелирует и с его пониманием роли поэзии и поэта, ведомого языком.

Например, в аналитической прозе И. Бродского, сборниках «Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе» и «Поклониться тени», язык одновременно – объект описания и Автор (не-что, что старше Бога, судьба, подсознание). Язык, как и Бог, становясь предметом описания, всегда остается и субъектом, творящим это описание, будучи Автором авторов. Такая трактовка

языка, по-видимому, восходит к гипотезе Сепира-Уорфа об изоморфности языка и действительности, об обусловленности сознания языковыми структурами [11].

Живучести языка, подпитывающегося поэтами («Он <поэт> тот, кем жив язык» [4]), способствует его склонность к мутациям. Язык – мутант, некое монструозное существо, поглощающее автора, которому Бродский-поэт по-настоящему так и не объяснился в любви, как не смог он и в «Испанской танцовщице» согласится с глухотой Бога-отца к страданиям его сына:

*Меня окружают молчаливые глаголы,
похожие на чужие головы,
глаголы,
голодные глаголы, голые глаголы,
главные глаголы, глухие глаголы [5].*

«Учитывая эпидемический характер, присущий всякой культуре» [5. С.183], язык у Бродского предопределяет судьбу человека, судьбу нации и судьбы мира. «Биография писателя – в покое его языка» [5. С.69]. «Я родился в России и в ее языке» [5. С.137]. «Я – жертва географии» [5. С.226]. Подобный «имперский дискурс» поэта-эмигранта, носителя не одной, а одновременно нескольких субкультур, сублимирует и экзальтированную физиологичность, «упоенную эротичность» [6] испанских ритмов Фламенко (ориентацию на ритм тьенто и чече-

точный ямб, их завышенную ударность сильных стоп в кульминационных строфах):

*В нем чувство брезжит,
что мирозданье
тк'ань не удержит
от разрастанья.
О, этот сполох
шелков! по сути
сп'уск бедер голых
на парашюте.
виденье Рая,
ф'акт тяготенья,
чтоб – расширяя
свои владенья -*

Перемешивая «испанскую» составляющую ритма с дольниками и заниженной ударностью слабых стоп, как бы «равнинным» русским ритмом

*Умолкает птица.
Наступает вечер.
Раскрывает веер
испанская танцовщица [6].
Там – больше места!
Знай, сталь кинжала,
кому невеста
принадлежала¹⁸.*

сталкивая спондеи и пиррихии, И. Бродский как бы ритмически овеществляет в тексте «месть вертикали горизонтали», где «пытка взгляда/зигзаг разряда / казнит равнину/сквозь туч рванину»¹⁹, акцентируя отстукивающий четкой метром гибели человеческой – «Рассказ светила /о том, что было, /чего не станет».

В структуре текста, таким образом, материализуется имплицитный крест, символика которого на содержательном уровне интерпретируется как крестный ход любой жизни, а на уровне формы – как перекресток культур и религий, ритмизованным слогом всегда повествующих об одном – бренности птицы/танцовщицы/души, по сути, рвущейся из тела ввысь из-за невыносимой телесной и душевной боли.

Исследователи отмечают эксперименты с графической формой стиха в творчестве И. Бродского, его тематические графические импликации. Данное стихотворение состоит из двадцати катренов, в восьмом из которых и можно обнаружить подобный скрытый графический рисунок,

¹⁸ В последнем стихе строфы – пиррихий на первой стопе, что выбивается из общего чистого ямба логаздической формы.

¹⁹ Порядок слов в стихотворной строке изменен. – Л.С.

имплицитную перекладину, ритмический перекресток, выраженный прежде всего на рифменном уровне, где на фоне преобладающей перекрестной рифмовки и кольцевых рифм в четырех начальных строфах, как бы замкнутых на себе, только подготавливающих смысловое расширение и эмоциональную градацию, единственный раз в тексте стихотворения встречается сплошная смежная рифма – практически учетверенная, действительно словно «накаленная»:

*В его накале
в любой детали
месть вертикали
горизонтали.*

Ритмическая унификация, как известно, замедляющая темп, призвана акцентировать ключевые моменты текста. Рифменный накал, таким образом, сигнализирует, что это именно та – ключевая, «завязочная» строфа, где впервые имплицитно задается тема Христа на Кресте и его жизненного крестного хода, крестной ноши, а также несогласия, протеста, постмодернистского антибожественного бунта, накладывающегося у Бродского на протест против власти Языка.

С одной стороны, утрата контакта со словесностью равносильна смерти в творчестве Бродского, потому что только слова и оказываются способными к вечности, так как они этой вечности соприродны. Однако пребывание в языке – это форма несвободы. Соответственно, и «глубинная грамматика», по И. Бродскому, соотносена с фундаментальными структурами бытия, с космоустройством в целом.

И. Бродский как бы продолжает развивать идеи Р. Барта о двух типах языков – энкратических (властных), и акратических (формирующихся вне власти). Русский, по мнению поэта – энкратический: «... не будем забывать, что искусство – не демократическое мероприятие» [5. С.135]. А английский и арабский для него – языки акратические: «... память о деталях, фрагментах, не говоря уже о воспоминаниях, написанных по-английски, не в интересах государства. Уже одно это заставляет меня продолжать» [5. С.61]. За арабской вязью, например, он находит «внушенное ощущение, что все в этой жизни переплетается, что все, в сущности, есть узор ковра» [5. С.217]. И. Бродский отмечает

антидиктатичность языков Востока, возникающую за счет орнаментальности, ритмичности, повторов – то есть абстрагирования от единожды уже выраженного.

Испанский танец Фламенко – своеобразное объединение культурных традиций Запада и Востока, рудимент арабской культуры. В переводе с арабского «фламенко» обозначает – беглый, свободный крестьянин. Отсюда, видимо, и возникает в стихотворении тема души-беглянки поэта, крепостной Языка, ее «побега из тела в пейзаж без рамы» – «Давно хотела!». А также – темы поэта и поэзии и степени свободы поэта, выражаемой в свободолобивых испанских (цыгано-арабских) ритмах и мотивах.

На протяжении всего своего творчества Бродский апробирует разные «языковые формы жизни», обращаясь к этнолингвистике, трактовке языка как инстинктивного самоосознания народа (Г. Штейнгам), предсказывая исторические и личные жизненные «ходы» посредством языковой аналитики. «Задача художника – рассказать историю не по ее, а по своим правилам» [5. С.104]. «Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то формой защиты от порабощения» [5. С.303]. В том числе – от божественного промысла – запрограммированного на конечную трагедию танца человеческой судьбы, по сути – танца гибели.

И чем анархичнее ритм, тем свободнее автор. Но чем ближе автор к ритмической, божественной гармонии вселенной – тем он правдивее и тем несвободнее. Этот лингвистический натурализм И. Бродского реализован и в данном тексте – в неизменном его логоэде, лишь изредка взрываемом конвульсивным ритмом спондеев – изначально обреченной на поражение формой сопротивления уготованной судьбе жертвы божественного заклания. И только в процессе неоконченного еще говорения/танца, в состоянии процессуальности речи/танца индивид оказывается свободной личностью, не знающей о своем поражении в конце фразы/танца/жизни. Этот момент и определяет смысл жизни.

В любимой И. Бродским Древней Греции у стоиков в концепции языка узловый являлась так называемая «философия имени» (или «философия предиката»). Имя и соответствующий ему фрагмент действительности представляли в нерасчленном виде, и человек должен был только правильно подбирать названия, стараться не ошибиться в «установлении имени» мира. У имени была изначальная онтологическая заданность, и познание мира было равноценно перечислению его составляющих. «Александрийская традиция была традицией греческой: традицией порядка (космоса), пропорциональности, гармонии, тавтологии причины и следствия (Эдиповский цикл) ...» [5. С.189].

В переводе с латинского языка фламенко – значит огонь, пламя. И в этой стихотворной интерпретации Бродского Фламенко – танец-протуберанец, «часть речи» Светила (Языка/Бога). Лейтмотив слияния человека с пейзажем («так сросся с бездной / испанский танец») в творчестве поэта есть также завуалированное выражение на уровне формы текста темы смерти, изначальной неизбежной трагедии человека, уготованной ему Богом:

*так рвется пламя,
сгубив лучину,
в воздушной яме,
топча причину,*

Именно эта панъязыковая позиция постмодернистов приводит их к концепции «смерти субъекта», через которого говорит язык (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт) и смерти читателя, в конце концов. Язык/танец подсказывает или даже диктует поэту/испанской танцовщице стихотворные строки/танцевальные ритмы. «Конечно же, человеку естественней рассуждать о себе не как об орудии культуры, но наоборот, как о ее творце и хранителе. Но если я сегодня утверждаю противоположное, то это не потому, что есть определенное очарование в перефразировании на исходе XX столетия Плотина, лорда Шефтсбери, Шеллинга или Новалиса, но потому, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования» [5. С. 310–311]. Ведь на самом деле единственный Автор всего – Слово, и мир – его текст, и «любой язык есть

только перевод с языка небесного», а Бог и поэт только его исполнители, персонажи-марионетки. «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, – пишет И. Бродский, – и называется поэтом» [5. С.313].

Обращение к танцу, ритуальному искусству, напрямую проясняет и проблему авторства, актуальную для постмодернистского письма как формы манипулятивной власти. Р. Раппопорт предложил толковать Высшее существо (=Бога/ Автора) как продукт обрядовой деятельности, смешивающей отправителя информации с сообщением, не позволяющей – в своей автореференциальности – участникам перформанса увидеть себя и потому адресуемый в запредельность [12]. К Творцу всего, говорит Р. Раппопорт, нельзя философски приблизиться вне и помимо обращения к обрядовой креативности. Теряя идентичность, но получая взамен власть над универсумом, постмодернистский автор-творец перестает быть подчиненным только течению личной жизни, но чувствует в себе магические возможности распоряжаться космическими, общеродовыми ритмами.

Текст стихотворения является, таким образом, своеобразным «бродским» аналогом программного пушкинского «Пророка», выражением его современного поэтического кредо. Это рассказ о том, что поэт также ведом Языком, как испанская танцовщица – танцем, а сын божий – Богом, и об изначальной несправедливости и безучастности Автора их судеб.

Танец, как форма ритуала, по мысли И. П. Смирнова, всегда «ведет человека в загробное царство, в зону продуцируемой смерти» [7], поскольку в определенном смысле всякий социально-экзистенциальный обряд – похоронный. В ритуальном танце, каким отчасти и является Фламенко, путь для индивидуальных инноваций заперт. Кого бы ни имитировал участник обрядового танцевального спектакля, подражание сводится к изображению агонизирующего тела. Отсюда такое мучительное выражение лиц танцующих – женщины танцуют смертную свою жизнь, отмечает и Л. Панн [6]. В основе всей ритуальной хореографии – лежат конвульсии умирающего, в основе обряда посвящения (любовных испытаний) – изошренный садизм.

Изначальная функция ритуально-формульного танца Фламенко, таким образом, устрашающая, дисциплинирующая, упорядочивающая людские действия, властная – божественная. В переводе на постмодернистский дискурс – тираническая.

Испанская танцовщица, таким образом, и есть ритмическая самоидентификация русского поэта, и этот «факт тяготенья» зашифрован, прежде всего, в идентичности их жизненных ролей – творческого сгорания ради того только, чтобы «престол небесный / одеть в багрянец», выполнения своей божественной физиологической функции, инстинктивно предзаданной человеческому существу.

«Ветер ей в профиль!»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахалкин Д. Иосиф Бродский – поэзия грамматики // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: АОЗТ «Журнал Звезда», 2000. С. 269–276.
 2. Бродский И. «Пейзаж с наводнением». Dana Point, ARDIS. 1995, С. 20–22.
 3. Бродский И. Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе. М.: Слово, 1992. С. 72–78.
 4. Бродский И. Поклониться тени. Эссе. СПб.: Азбука, 2000. 314 с.
 5. Глаголы. Иосиф Бродский // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: АОЗТ «Журнал Звезда», 2000. С. 268.
 6. Панн Л. Побег из тела в пейзаж без рамы: «Испанская танцовщица» Рильке и Бродского // Новая Юность. 2001, № 3 (48). С. 166–171.
 7. Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с.
 8. Уланов А. Язык как судьба // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: АОЗТ «Журнал Звезда», 2000. С. 276–282.
 9. Улыбина Е. Язык вне речи: текст без автора и адресата // Улыбина Е. Эмоциональная поглощенность как смерть объекта: депрессивное обаяние Катерины // Мир психологии. 2002. № 4. С. 135–152.
 10. Уорф Б. Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 96–125.
 11. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 88–96.
 12. Rapoport R. A. Ritual and Religion in the Making of Humanity. Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 1999.
- Статья написана в рамках Гранта Фонда «Русский Мир» на издание национально-ориентированного учебно-методического пособия «Россия-Испания: диалог культур». Заявка № 444.

УДК 821.161.1.18(045)

К.А. Нагина

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И АВТОРЕФЕРЕНТНЫЙ ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Воронежский государственный университет

В статье рассматривается связь пространственных универсалий с автореферентным героем Л. Н. Толстого, репрезентирующим самого автора. «Путь жизни» такого персонажа представляется как движение сквозь универсалии дома, сада, гор, пустыни и метели к обретению истины.

Работа выполнена в рамках проекта 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII - начало XX вв.)», поддержанного грантом РФФИ.

Ключевые слова: пространственные универсалии, Л. Толстой, автореферентный герой, характерология.

K.A. Nagina

SPATIAL UNIVERSALS AND SELF-REFERENTIAL CHARACTER IN THE WORKS OF LEO TOLSTOY

Voronezh state university

The article explores the relationship of spatial universals with self-referential character of L. N. Tolstoy, representational of the author. «The way of life» of such a character is represented as a movement through the universals of the house, the garden, the mountains, the desert and the snowstorm to the uncovering of the truth.

Keywords: spatial universals, L. Tolstoy, self-referential character, characterology

В русском литературном процессе творчество Л. Толстого занимает особое место, определенное масштабом личности писателя, выступающего не только в роли гениального художника слова, но и в роли философа, учителя-миссионера. Этой «поливалентностью» бытийной роли Л. Толстого объясняется уникальное многообразие жанровых форм его творчества, в то же время не противоречащее удивительной целостности художественного мира, которую на протяжении долгого времени было принято игнорировать или отрицать. Парадигматичность, составляющая основу этой целостности, связана с идеей спасения / воскресения, сопряженной с поиском путей в утраченный рай, пространственным коррелятом которого является сад, а временным – детство, когда ребенок ощущает свое единство с большим миром и чувствует себя защищенным Матерью – проводником Божественного или одной из инкарнаций Бога. Автопсихологический, автореферентный герой Толстого, попадая в пространство гор, степи, леса и дома, проходит ряд инициационных испытаний, чтобы познать себя и смысл жизни, владение которым ведет к обретению радости бытия и ощущению присутствия в мире Божественного начала.

Обветшание дома совпадает с периодом сомнений, предвещающим отпадение авторефе-

рентного персонажа Толстого от веры. Распадающийся дом не в состоянии питать энергию чувств «героя оценки», и он выходит в большой мир, все еще ощущая несомненное родство с ним, подтверждающееся в ходе акта самоидентификации. Экстатическое состояние, неизменно сопровождающее мгновения эпифании, дает герою возможность открыть свою тождественность с другими живыми существами, с Богом и миром в целом, что позволяет осознать свое предназначение: «вылущивать» духовное «я», всемерно способствовать его росту и следовать по пути Божественной любви. Подобные экстатические состояния переживают практически все автореферентные герои Толстого, начиная с Николеньки Иртеньева («Юность») и заканчивая Дмитрием Нехлюдовым («Воскресение»); этой же модели, наиболее подробно описанной в финале раннего рассказа «Утро помещика», в своих прозрениях следуют «эмблематические» (2. С.203) персонажи писателя в его позднем творчестве: Василий Андреич Брехунов («Хозяин и работник») и герои трех «сказочек» в «восточном духе»: «Карма», «Ассирийский царь Асархадон» и «Это ты». В трех последних произведениях с поразительной настойчивостью Толстой эксплуатирует один и тот же сюжет, демонстрируя уникальный путь познания: «перенесение себя в другое живое существо». Истина, достигаемая на этом

пути, заключается в признании безусловной неразделенности отдельного человека со всем людским сообществом: «Все человечество составляет одно существо» (7. Т. 34. С.140).

Наиболее выпукло этот сюжет представлен в сказке о царе Асархадоне. Асархадон, желающий уничтожить Лаилиэ, с помощью мудреца переносится в тело своего врага и становится им. Поддаваясь чарам носителя сакрального знания, персонаж вступает в контакт с сакральным миром, следствием чего становится выход с профанического, конкретно-исторического пространства, на космический уровень. Экстатическое чувство единства с Целым, пережитое Асархадонем, заставляет царя стать странником, проповедником, то есть взять на себя функции мудреца, осуществляющего связь между историей и метаисторией, заставляющего сквозь временное увидеть вечное.

В этой сказке персонажу достаточно окунуться в воду, иными словами, сорвать «покрывало Майи», чтобы открыть другого и обнаружить, что «он это я». Этому мгновенному чудесному перенесению одного человека в сознание другого предшествуют развернутые и психологически достоверные описания эпифанических мгновений в «большом» художественном творчестве Толстого, подкрепленные философскими размышлениями писателя, отраженными в дневниках. Подобные экстатические прозрения всегда имеют пространственную «привязку»: чаще всего их инициирует сад, связанный с идеей восходящей любви (от сыновней через платоническую к всеобщей) и с Женским мифом Толстого.

Утверждая системный характер экстатических прозрений персонажей Толстого, мы можем говорить о художественной эпистемологии писателя, отличающейся глубоким своеобразием. Еще с подачи Б. М. Эйхенбаума было принято отмечать теснейшую связь Толстого с культурой XVIII столетия, а также его художественную и философскую укорененность в столетии XIX. «Выходы» Толстого в XX век традиционно связывались лишь с открытой им текучестью характера и «диалектикой души», трансформировавшейся в «поток сознания»

модернистского романа. Теперь со всей очевидностью мы можем указать на художественные открытия писателя, востребованные литературой модернистской эпохи. Апробированный и утвержденный им в своем творчестве способ познания и самопознания не только предвосхитил мистические откровения Серебряного века, но и задал новый вектор движения разрешению проблемы авторской самоидентификации, связанной с процессом «размывания» рамок традиционных характеров, устойчивых для XIX века.

Теснейшая связь эпистемологии Толстого с универсалией сада определила исключительность развертывания этой универсалии в его творчестве. Многократно акцентированная связь садового локуса с Божественным началом, так и не получившая в творчестве других писателей классического периода русской литературы столь развернутого воплощения, наконец обнаруживает себя в образе Горнего сада, расцветшего в поэтических текстах первых десятилетий XX столетия во всей полноте.

Метафора «Горний сад» рождается на символическом пересечении «текстов» «гор» и «сада», до этого развивающихся параллельно в творчестве писателей XVIII–XIX веков. В Толковом словаре Даля это сад «вышний, верхний», «небесный», «до мира духовного относящийся», одно из обозначений Эдемского сада, где первые люди находились в состоянии блаженства, и места пребывания отошедших в вечность, мира иного. В этом значении Горний сад соприкасается с Горним Иерусалимом, в виде которого иконописная традиция представляет Царствие Небесное. В поэзии Вл. Соловьева возникает образ Рая как пространства «нездешних цветов», к которому путь преграждают «неприступные горы». «Визионерские образы горнего мира» узнаваемы в поэзии А. Блока и А. Белого, однако особенно часто образ Горнего сада встречается в стихах К. Д. Бальмонта. Визуальное воплощение Горнего сада – как сада в горах – предоставляет стихотворение «А что вверху?», в основе которого лежит образ горы Сион, противопоставленной Голгофе. В Святом Писании Сион называется «горою святою», «жилищем и до-

мом царственным», «городом Божиим», «принимается за самый Иерусалим». «У пророков имя Сион часто обозначает царство Божие во всей его полноте, на земле и на небе. Сион представляется как место жительства Божия на небесах, как место высочайшего откровения славы Его»: «Оттуда является Бог во славе своей (Псал. XLIX, 2–4); туда придут искупленные Господа, и радость вечности на главе их (Исаии)» (9). Эту библейскую семантику поэт сращивает с садом, возделанным Богородицею (здесь не лишним будет вспомнить, что монастырские сады – *hortus conclusus* – соединялись с образом Богородицы, собственно, как и у Толстого сад соединялся с материнским – а через него и с Божественным – началом). Активно эксплуатируя семантику Горнего сада в других текстах, К. Д. Бальмонт выстраивает свой образный ряд: «сад с неомраченными цветами» – Вертоград – Небесный Иерусалим – Царствие Небесное. И хотя образ Горнего сада в поэтических текстах Серебряного века получает свою оригинальную транскрипцию, семантика сада как места встречи с Богом отсылает к Толстому, который чуть ли не первым в русской литературе столь развернуто и отчетливо закрепил эту связь.

В позднем творчестве писателя экстатическим прозрением заканчивается житейский (а иногда и жизненный, как в «Хозяине и работнике») путь персонажа, и начинается бытийный. В раннем и зрелом творчестве подобное прозрение отнюдь не является финальной точкой, напротив, это лишь точка отсчета, начала Пути. Познание истины в художественном мире Толстого не исключает колебаний, нравственных падений и даже отступлений от истины. Познанная в юности, она будет забыта в молодости, но напомним о себе в зрелости, иногда после длинной череды ошибок и разочарований. «Герой оценки», вышедший из Сада в большой мир, подобно первому человеку, покинувшему небеса и вступившему на землю, в глубине своего духовного «я» хранит это тайное знание, чтобы вернуть его вновь, через ряд инициационных испытаний.

Локусом испытаний являются инкарнации пустыни – степь и лес. Вступая во взаимодей-

ствии с бурей, пустыня претерпевает метаморфозы, трансформируясь в особый пространственно-временной топос – метель. Время метели – ночь, это «нерассветное» пространство, иницирующее два варианта развития событий: инфернальный и провиденциальный, соответственно связанные с хтоническими или Божественными силами, но равно с Роком и Судьбой. Развертывая «метельную» универсалию, Толстой во многом опирается на творчество своих предшественников, в первую очередь С. Т. Аксакова и А. С. Пушкина, но тем интереснее его «выходы» в «метельное» пространство XX века. Не забывая о родстве «метельных» текстов Толстого и Блока, обратим внимание на то, как процессы, носящие у Толстого негативный характер, в творчестве Блока, как, впрочем, и других поэтов Серебряного века, преобразуются в позитивные. Разрушение дома и метельное кружение уже вызывают не тоску и страх, а восторг. Лирический герой Блока «целиком растворен в стихии: не остерегается ее, не противостоит ей одинокой волей упрямого путника или тихой привязанностью к домашнему уюту, не страшится в ней чего-то дикого, враждебного человеку, но воспринимает ее как желанное, влекущее, свое, как закон собственной души» (4. С.107).

Иную свою ипостась метель демонстрирует в стихотворениях Брюсова, выступая спутницей могучих героев, чьи гимны весне сливаются с пением вьюги, олицетворяющей их бесстрашие и гордое презрение к смерти. Это скифы, возлюбившие «буйство и войну». Вновь, как и в «метельном» цикле Блока, вьюга соседствует с вином, только герои Брюсова хмельны не полетом в «миллионы бездн», а упоением битвы. Собственно, оба опьянения имеют родственную природу: лирического героя «Снежной маски», как и викингов и скифов Брюсова, охватывает восторг у «смерти на краю», знакомый Пушкину и Тютчеву и воплощенный Толстым в «метельных» переживаниях Анны Карениной. Метель – национальный вариант бури / стихии – как нельзя лучше соответствует брюсовской поэтике разрушения. Сочетаясь с «варварскими» мотивами, она в очередной раз становится не только символом

«революционного шквала», но и символическим выражением национального характера.

В статье «Безвременье» Блок находит «выход из современной “паучьей” жизни – это уход в народ, в бескрайние поля России» (1. Т. 5. С.72). В «Песне судьбы» современный человек Герман противопоставлен Фаине, одновременно цыганке и русской раскольнице. Путь Фаины соотносится с «вьюжным путем» из статьи «Безвременье»: «Исчезает лицо, и опять кутается в снежное кружево, и опять вздыхает мечтой о бесконечной равнине. Мелькающий взор, взор цыганки, чей бубен звенит, чей голос сливается с песнями вьюги, зовет в путь бесконечный» (там же). «Фаина-Русь, – подытоживает Ю. М. Лотман, – великая в своих возможностях, ищет, но не находит жениха» (4. С.636). И в этом случае искания Блока созвучны исканиям Толстого, у которого в метельных пространствах всегда присутствует тот, кто способен оказать помощь автореферентному персонажу: «герой существования, которое не подлежит оценке» (3. С.386). Однако поиски опоры в народе ведутся Толстым и символистами на разных путях.

Толстой всегда ощущал себя Гражданином Мира, чья миссия – не разъединять, а объединять, обнаруживая истинную сущность человека. Все внешнее – в первую очередь, национальное, затем псевдокультурное – для него просто «шелуха», скрывающая «сердцевину целого», «внутреннего человека», способного с помощью любви захватить в орбиту своего притяжения множество живых существ. Одна из главных задач Толстого – напомнить *всем людям*, что «они дети человеческие, что они братья» (7. Т. 12. С.39). В этом смысле путь Толстого пролегает сквозь национальное к общечеловеческому, а потому и метель у него отчасти «денационализируется», принимая иногда характер отвлеченно-эмблематический, что с особенной очевидностью отражается в позднем рассказе «Хозяин и работник».

Напротив, символисты увязывают метель с поиском национальной идентичности. Те же скифы и викинги у Брюсова, возвращенные метелью, отождествляются с русским человеком – современником поэта, участником великого бунта.

В этой перспективе «метельность» как знак принадлежности к русской ментальности парадоксально оказывается связана в творчестве символистов не с Толстым, а с тенденцией, заявившей о себе в XVIII веке в творчестве Ломоносова, Державина и Львова, а в XIX веке – в творчестве Языкова и Кюхельбекера. Восприятие метели отражает специфику национального характера; вьюга не страшит северного человека, напротив, укрепляет его дух. Сама природа вьюги утверждает ее в роли символа национального характера, главным качеством которого, особенно в переходные эпохи, видится стихийность. Так что путь к народу у символистов связан с поиском национально-идентичного, тогда как у Толстого – с утверждением общечеловеческого. Не случайно среди толстовских «героев существования, которое не подлежит оценке», встречаются мудрецы, бессознательно владеющие той истиной, которую носители сакрального знания в восточных «сказочках» раскрывают профану: «... благо отдельного человека только тогда истинное благо, когда оно благо общее» (7. Т. 31. С.47), а «тот, кто помогает другому, помогает себе» (Там же. С.56). «Герои существования» помогают «герою оценки» либо преодолеть метельные пространства («Метель»), либо подняться над ними, жертвенным актом утверждая взаимосвязь всего сущего («Хозяин и работник»).

Неизменным ориентиром в «нравственных скитальчествах» автопсихологическому герою Толстого служат горы, утверждающие присутствие Божественного в бренной человеческой жизни. В произведениях Толстого на них смотрят издали; в каком-то смысле они подобны героине Женского мифа писателя, в любви к которой нельзя переходить заветные границы. Далеко не случайно в повести «Казачьи горы» соотносятся с неприступной Марьяной, гордой «царицей» среди женщин. Диалектика удаления / приближения равно важна Толстому в обоих случаях: и горы, и Женский миф выступают в качестве критерия на пути приближения к идеалу. Лишь только Болконским дозволено стать обитателями «дома на горе»: на своем Пути восхождения Андрей Болконский достигает макси-

мальных высот, а за ним следует его сын, Николушка, духовный преемник отца.

Если бытийный Путь автореферентных героев Толстого связан с возвращением к забытому или утерянному тайному знанию, тесно сращенному с детством, то этот путь должен превратиться в поиски утраченного рая – сада и дома. Персонажи Толстого действительно возвращаются в сад, что демонстрирует роман «Воскресение», в котором универсалия сада поддержана детской, а через нее и библейской темой. Однако возвращение в дом оказывается невозможным. Ни одна из пространственных универсалий в творчестве Толстого не претерпевает столь сокрушительных трансформаций, как универсалия дома. Превращаясь у позднего Толстого в антидом, она не сопрягается даже с подобием каких-либо ценностей, пусть даже иллюзорных, до того отвратительно все, что с ней связано: само пространство дома насквозь пропитано дурными запахами и дурными помыслами.

Тема распада, утраты дома естественно вписывается в исторические процессы, происходящие в России конца XIX – первых десятилетий XX века, на которые остро реагирует литература. К примеру, эта тема настойчиво звучит в творчестве Б. Пастернака, во многом наследующего толстовской традиции. В романе «Доктор Живаго» взаимопроницаемость дома и внешнего пространства, соотношенная с темой метели, особенно очевидна. В стихотворении «Зимняя ночь» метель не связана напрямую с мотивом угрозы / возмездия, но традиционный, пушкинский, мотив судьбы ей сопутствует и омрачает «метельное» будущее влюбленных. Эмблематичны послания судьбы, среди которых не только символ вписанности в бесконечный круг бытия, но эмблема зловещая: стрелы, которыми могут быть пронзены не только сердца любящих, но и их судьбы. «Зимнюю ночь», «Рождественскую звезду» и «довольно много других стихотворений близкого рода» Юрий Живаго записал в Варыкине, в последние дни его жизни с Ларой. В главах, описывающих эту «торжествующую чистоту существования» (8. Т. 3. С.430), мотив «потерянного дома» звучит

особенно ясно. Общей для Толстого и Пастернака оказывается именно тема утраты дома, но раскрывают ее писатели абсолютно по-разному. Для Пастернака, в отличие от Толстого, дом не утрачивает своих позитивных ценностей, оттого и «метание» обитателей, выброшенных судьбой за порог когда-то вполне надежного жилища, носит трагический характер. Для персонажей Толстого, напротив, само нахождение в стенах дома оборачивается трагедией и приводит к преступлениям, поэтому те из них, в которых еще осталась хоть какая-либо энергия нравственного чувства, покидают жилище, что становится чуть ли не главным символическим актом на их Пути восхождения.

Последние герои Толстого не обременены семейными связями или утрачивают их, потому что бегут любви избирательной, уясняя главную истину: «Я не хочу быть “я”, не хочу ничего преходящего, хочу быть безвременным, безличным...» (7. Т. 34. С.140). Это бытийное устремление теснейшим образом связано со знаменательным процессом «размывания» рамок характеров, когда авторское «я» идентифицируется с разными, временами далеко отстоящими друг от друга героям: с Николенькой Иртеньевым, Пьером Безуховым, Андреем Болконским, Константином Левиным и другими. «Текучесть» душевного «вещества» порождает способность к перевоплощению, расширительному движению «я», иными словами, к «захвату» *другого* – как в случае с Дмитрием Нехлюдовым, в сконструированной им самим реальности ставшим крестьянином Илюшкой. По открытому Толстым пути устремились поэты Серебряного века: Блок, Гумилев, Бальмонт, Белый и другие. Отраженная в их творчестве мысль о «проницаемости всего сущего для субъекта» (8. С.117) имеет безусловное родство с эпистемологией Толстого, в соответствии с которой «я» может ощутить другого как самого себя. Однако и здесь этот путь привел к иному, чем у Толстого, результатам – к появлению героев-двойников, множества личин, завладевающих авторским «я» и ставящих под сомнение его суверенность (см. там же. С.113–122). Для толстовского автореферентного героя весь мир

Божий превращается в сад, а в каждом дальнем или ближнем он видит самого себя: «Как ты во мне и я в тебе, так и они да будут в нас едины...» Иоанн. XVII, 21» (7. Т. 31. С.47). Так история отдельного человека смыкается с историей всего человеческого рода, при этом Путь восхождения героя Толстого пролегает через дом, сад, горы, пустыню и метель, которые оказываются универсалиями и в том смысле, что позволяют обнаружить всеобщие, следовательно, универсальные законы жизнестроительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / А.А. Блок. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
2. Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого / Р.Ф. Густафсон. СПб.: «Академический проект», 2003. 480 с.
3. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. С. 380–394.
4. Лотман Ю.М. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство-СПб.», 2001. С. 599–653.
5. Минц З.Г. Лирика Александра Блока. СПб.: Изд-во «Искусство-СПб.», 1999. 728 с.
6. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. / Б.Л. Пастернак. М.: «Худ. лит.», 1989–1992.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбил. изд. М.; Л.: «Худ. лит.», 1928–1958.
8. Фаустов А.А. Самоидентификация лирического субъекта в русской поэзии (набросок типологии) // Универсалии русской литературы. 4. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 102–123.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон», 1890–1907. URL: <http://be.ski-lib.com/article094018.html>

УДК 82-311.6

Е.А. Подшивалова

ОБРАЗ ИСПАНИИ В «ИСПАНСКОМ ДНЕВНИКЕ» М. КОЛЬЦОВА

Удмуртский государственный университет

В статье рассматривается «Испанский дневник» М. Кольцова как многожанровый текст, в котором образ Испании создается с учетом поэтики используемых автором речевых жанров.

Ключевые слова: образ Испании, жанр, система субъектных форм, путевые заметки, военная хроника, характерология.

Е.А. Podshivalova

THE IMAGE OF SPAIN IN "SPANISH DIARY" OF M. KOLTSOV

Udmurt State University

The article considers "Spanish Diary" of M. Koltsov as a multi-genre text? which creates the image of Spain taking into account the poetics of the author's verbal genres.

Keywords: the image of Spain, genre, a system o subject forms diary, traveller's notes, war chronicle, characterology.

В истории русской литературы оценка книги М. Кольцова «Испанский дневник» все еще нуждается в уточнении. В ней преимущественно видели хронику Гражданской войны в Испании, созданную человеком, выполнявшим специальное военно-политическое задание [См.: 2; 4; 8; 12; 13; 14]. Однако М. Кольцов по складу личности и по содержанию своей многогранной деятельности не был «сталинским соколом», прилетевшим в далекую страну экспортировать революцию. Он примыкал к европейскому интернационалистскому движению, активизировавшемуся в преддверии II Мировой войны,

и ощущал себя частью не столько радикальной, сколько творческой интеллигенции, а точнее – имел безусловный авторитет и тесные дружеские связи в среде европейских интеллектуалов. Лучшим свидетельством его культурной роли в социально-историческом процессе 1930-х годов является «Испанский дневник», по справедливому замечанию А. Н. Толстого, книга мужественная, страстная, великолепная и поэтическая [б. С.337]. У нее, как и у автора, драматичная судьба. Будучи впервые опубликованной в 1938 г. одновременно в трех изданиях – журнале «Новый мир», роман-газете и издательством «Художествен-

ственная литература», она канула в Лету вместе с автором, расстрелянным по разным источникам либо в 1940, либо в 1942 гг. Его реабилитировали в 1954, переиздание «Испанского дневника» началось с 1957 г. Но до сих пор книга расценивается преимущественно как сплав военно-политической хроники, вдумчивого анализа событий, происходивших в Испании в 1936–38 гг., и размышлений о судьбах испанского и других народов накануне общеевропейской исторической катастрофы [См.: 1; 3; 5; 8; 9; 11]. Чтобы оценить этот свидетельский документ с точки зрения его духовно-эстетической значимости для отечественного культурного развития, представляется необходимым вписать «Испанский дневник» в русский историко-литературный процесс и рассмотреть, как созданный в этом произведении образ Испании развивает испанскую тему (или испанский текст) русской литературы. Это и является целью статьи.

Творческое наследие М. Кольцова (а он, помимо «Испанского дневника» оставил множество фельетонов, собранных в книги «Крупная дичь», «Хочу летать») можно отнести не столько к исторической, сколько к художественной публицистике. В «Испанском дневнике» он продолжил ту традицию русской литературы, которая сложилась в 1914–19 гг., когда писатели, откликнувшись на трагедию 1 Мировой войны и последовавших за ней революции и гражданской войны, обратились к публицистике как к жанру, позволявшему фактографически точно и лично пристрастно изобразить трагические события, которые, с их точки зрения, требовали свидетельствования, чтобы не стереться из памяти потомков. Так возникли книги З. Гиппиус «Петербургские дневники» и И. Бунина «Окаянные дни». Обе оформлены дневниковой прозой, где от записи к записи разворачивается драматический сюжет отчуждения автора от отечества, сменившего в революционные годы лик на личину и ставшего по этой причине чужеродным. В этом сюжете акцент сделан не на картинах распадающегося мира, а на напряженной духовной работе личности, которая проходит путь противостояния переживаемому в современной истории крушению национальных святынь и общечеловеческих ценностей. Дневниковая проза

И. Бунина и З. Гиппиус написана лирическим типом слова, что и позволяет писателям уйти от прямой публицистической оценки изображаемого и сделать дневники явлением национально-духовной, а не политической жизни [10. С.22–36].

Дневниковым жанром в литературе начала XX в. оформлены такие произведения о войне, как «Красный смех» Л.Н. Андреева, «Красная корона» М.А. Булгакова, «Дневник 1920 года (конармейский)» И.Э. Бабеля, «Дневник» барона А. Будберга, «Поход и смерть генерала Корнилова», «Очерки русской смуты. Брешь генерала Корнилова. Август 1917- апрель 1918» А.И. Деникина. Несмотря на единство жанровой модели, эти тексты различны по авторским задачам и способу речевого оформления. В «Красном смехе» Л. Андреева и «Красной короне» М. Булгакова дневник наиболее адекватно воплощает форму личного документа и через эмоционально-оценочное слово автора записей воспроизводит картину психического состояния человека, пораженного войной. В «Дневнике 1920 года» И. Бабеля записи оформлены не только словом автора произведения. К тексту основного субъекта речи активно подключены высказывания конармейцев, что делает жанр дневника открытым жанром сказа и позволяет через специфику речи не только воспроизвести характеры героев-рассказчиков, но и делегировать им субъектную функцию. В дневниках А. Будберга и А. Деникина также преодолевается жанровая форма личного документа. Слово автора в каждом из них отражает не взгляд на мир, принадлежащий частному человеку, а опыт исторической личности, стоящей у кормила эпохальных событий. Поэтому хроника гражданской войны соединена здесь с социально-историческими очерками и слово автора не столько оценочно, сколько аналитично, отражает самый процесс исследования события «русской смуты».

У нас нет данных о том, знал ли и учитывал ли М. Кольцов при написании «Испанского дневника» эти тексты, но так или иначе проявленные в них художественные тенденции отразились в его произведении. Культурная парадигма, в которой находился писатель, определяла законы его творческого самовыражения.

Описывая гражданскую войну в Испании в форме дневника, М. Кольцов, как и его предшественники, раздвигает рамки жанра, включает в него иножанровые образования. Дневник как личный документ соединяется здесь с хроникой военных событий, путевыми заметками, характерологией. Это определяет специфику субъектной организации произведения. Разножанровые модели, составляющие текст, организованы несколькими субъектными формами: хроника военных событий – корреспондентом газеты «Правда», путевые заметки – путешественником, характерология – писателем. Однако в дневнике как личном документе эти неоднородные субъекты речи и сознания объединены лирическим типом слова. Лирический характер слова определяется не содержанием, не интонацией, а прямой, открытой оценочностью [7. С.173–179]. Все, что попадает в поле зрения автора дневников, в какой бы ипостаси он не предстал (корреспондентом, путешественником или писателем), описывается не бесстрастно-эпическими, а в соотнесенности с его аксиологической системой. Через оценку зафиксированных в дневнике событий «чужой» гражданской войны запечатлена история личности, которая за короткий период участия в военных действиях и в повседневной жизни «чужого» народа духовно постигла Испанию как страну, где свобода и достоинство человека являются главным национальным достоянием. Через актуализацию этой семантики в эпоху «большого» террора в СССР (1937–38 гг.) и в период утверждавшихся в европейских странах тоталитарных режимов, автор Дневника позиционирует себя не столько посланцем страны Советов – «старшим братом» испанского пролетариата, борющегося за политическую свободу, сколько художником-гуманистом, озабоченным сохранением онтологических основ жизни. В свете этого очевиден и выбор жанра. В отличие от параллельно создаваемых газетных репортажей, написанных для «Правды», в «Испанских дневниках» М. Кольцов создает совершенно иной авторский образ. Для него опыт испанской войны – это возможность самореализации в пространстве свободы. Таким образом, семантика генерального жанрового обозначения – дневник (что актуализиро-

вано и в названии произведения), – фиксирует читательское внимание на суверенной авторской личности, выразившей себя в дневниковом тексте. Наименование жанра и одновременно произведения, уже в предпозиции задают тексту традиционно-культурный смысл. Эта семантика несколько трансформируется и одновременно поддерживается определением Дневника – «испанский». Имя Испания советскому читателю 1938 г. транслировало прежде всего смыслы сталинской пропаганды, трактовавшей ведущуюся там гражданскую войну как знак мировой революции. Однако за этим исторически локальным смыслом мерцал и другой, наработанный культурно-исторически. «Испанская» тема была возвращена в литературу 1920-х годов М. Светловым, который в стихотворении «Гренада» (1926) через экзотическое имя («Красивое имя, высокая честь...») и притягательную энергию далекой страны («Он песенку эту твердил наизусть. / Откуда у хлопца испанская грусть?»), воспетые в свое время еще А. С. Пушкиным, обратил читателя к романтическому мироощущению. Но «Гренада» М. Светлова – амбивалентный текст, в котором поэтизируется и одновременно политизируется традиционный романтический испанский локус («Я хату покинул, пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»), что не могло не повлиять на восприятие написанного спустя десять лет произведения М. Кольцова. Эта сформированная в советской литературе семантическая двойственность определения «испанский» в наименовании Дневника М. Кольцова устраняется определяемым. Лексема «дневник» самим обозначением жанра личного документа поддерживает и укрепляет романтическую окрашенность слова «испанский». Словосочетание «испанский дневник» наводит читателя на мысль, что он берет в руки записки путешественника по далекой стране человека. И в качестве претекста здесь следует упомянуть прежде всего «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, автор которых, тоже побывавший на краешке Европы, в своем путешествии духовно осваивает этот новый для русского локус.

Данный разворот семантики заглавия произведения М. Кольцова как раз и находит продол-

жение в характере его субъектной организации. Человек, отраженный в дневниковых записях, внутренне многомерен. Позиционируя себя как корреспондента советской партийной газеты, передающего репортажи из Испании, он нацелен на изображение объективной, поспевающей за быстро развивающимися событиями гражданской войны информации и на оказание международной помощи республиканцам. Заявляя о себе как о путешественнике, он интересуется людьми, бытом, природой, культурой незнакомой страны. В этом качестве автор Дневников работает в другом жанровом поле – создает путевые этнографические очерки, очерки нравов и характеров, что позволяет воспринимать его еще и как писателя. В результате текст «Испанского дневника» обретает многомерность и амбивалентность. Он и советский по ожидаемому от него идейно-эмоциональному смыслу, и одновременно преодолевающий «советскость» как идеологическую зашоренность. В оценках людей и событий, в самом отборе объектов изображения автор проявляет свою индивидуальность, а потому способен вывести читателя в пространство духовных смыслов, формируемых историческим творчеством людей. Амбивалентные художественные структуры были свойственны литературе 1930-х годов. Их создавали те писатели, которые искали в рамках тоталитарного режима возможности для самосохранения культуры. Примером может послужить диалогия И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», где социализм одновременно объект сатиры и невоплощенная мечта человечества [15], комедия Н. Эрдмана «Мандат», где герои осмеиваются и вместе с тем являются выразителями негативной авторской оценки постреволюционного мира.

Вписав «Испанский дневник» М. Кольцова в литературный контекст, сосредоточимся на созданном здесь образе Испании. Это позволит уяснить, как данным произведением продолжен «испанский» текст русской литературы.

Различные ипостаси автора, организующего текст (корреспондент газеты «Правда», боец интербригады, сражающийся на стороне республиканцев, путешественник, писатель) получили воплощение в двух статусно различных образах. Корреспондентом, путешественником

и писателем является человек, наименованный в произведении Кольцовым, что отражает установку текста дневника на автобиографичность, ибо данный субъект речи неискушенным читателем может восприниматься как сам М. Кольцов. Участником военных действий на стороне республиканцев изображается его альтер-эго – герой произведения Мигель Мартинес, «небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону» [6. С.12–13]. Такая дифференциация необходима для того, чтобы функционально отделить в авторе Дневников солдата от частного человека и человека творческой профессии. Испания, увиденная внимательным глазами корреспондента, писателя и путешественника, отличается от Испании, в которой действует боец интербригады. Первый представлен культурно ангажированным. В дневниковых записях он стремится создать целостную картину неизвестного ему ранее мира. И хотя его путь пролегает по территориям, на которых действовали республиканцы (Каталония, Андалусия, страна Басков), тот, кто в тексте назван Кольцовым, воспринимает эти земли не только как арену военных действий. Его зрение отмечает природные и географические различия этих территорий, этническую и психологическую специфику живущих на них людей. Второй – боец интербригады, «мексиканский коммунист» – представлен политически ангажированным. Он решает практическую задачу – осуществляет военную помощь республиканцам. Используемый в произведении прием авторской раздвоенности объясняется не только художественными задачами, но еще и социально-историческими причинами: военные специалисты из Советского Союза командировались в Испанию под видом туристов, писателей, соборов, что служило формальным прикрытием прямого экспорта революции и советского патронирования республиканского движения в стране. Зависимость от политических игр Сталина заставила М. Кольцова делегировать Мигелю Мартинесу те внеличностные политические обязанности, которые он получил, уезжая в Испанию, и оставить Кольцову внутриличностные обязательства, с которыми он устремился в эту страну.

Образ Испании в Дневнике создается субъектом речи и сознания – Кольцовым по мере освоения этой страны, потому данный образ равноценен создаваемому тексту. Прирастая от записи к записи, текст Дневника все более отчетливо прочерчивает контуры его автором мира. Проследим самый процесс формирования образа Испании в тексте Дневника и соответственно в духовном пространстве Кольцова.

Дневник начинается с описания Московского митинга в поддержку республиканцев. И уже в этой первой записи Кольцов текстуально стирает границы между русским и испанским мирами: «Демонстранты шли веселые, по-летнему нарядные, почти все в белом. Шесть стройных, загорелых девушек пришли в коротких спортивных туниках – видно, прямо со стадиона. Они держались за руки и кричали по слогам: «Фран-ко до-лой! Фран-ко долой!» [б. С.6]. Лексемы «веселые», «по-летнему нарядные», «стройные», «загорелые» сигнализируют о романтизированном, праздничном образе пространства, в котором происходит действие. И хотя нет прямой проекции этого пространства на Испанию, но читательское сознание улавливает культурные сигналы, традиционно используемые для описания этой страны. И в первой, и во второй записях дневника через погодные маркеры Кольцов неоднократно подчеркивает присутствие Испании в России: «Жара» [б. С.6]; «После митинга все полтора-два тысяч человек двинулись пить прохладительное» [б. С.7]; «На аэродроме, на Ленинградском шоссе, рано утром косили высокую траву, она уже начала желтеть от зноя» [б. С.7]; «У Ржева чудесные колхозные льны боролись со зноем». [б. С.7]. Второй приметой стирания пространственных границ является описание эмоциональной атмосферы: в Москве люди ведут себя так же спонтанно и раскованно, как и в «неистовой Барселоне»: «Демонстрацию не подготавливали (...) И – за несколько часов – сколько успели сделать плакатов, надписей, огромных карикатур на испанских мятежников!» [б. С.7]. И, наконец, идеологическая проекция России на Испанию возникает у Кольцова при виде карикатурных образов, которые несут демонстранты: «Франко изображен с длинной седой бородой и в русской генеральской форме; рядом

с ним несут попов-иезуитов» [б. С.7]. Стиранию пространственных границ между Россией и Испанией в начальных записях Дневника способствует прокламируемое интернационалистское сознание, позволяющее воспринимать испанцев вненационально, как братский революционный народ: «Мы шлем наше слово братской солидарности, наш пролетарский привет испанским рабочим и работницам, испанским женам и матерям, всему испанскому народу» [б. С.6–7]. Но для Кольцова, как и для собравшихся на площади людей, это не мертвые слова официальной пропаганды, а теплое человеческое чувство. Таким образом, текст свидетельствует об открытости субъекта речи испанскому миру. Лишь в одной из записей прорывается чувство отчуждения: «ТАСС передает о занятии правительственными войсками какого-то Састаго на севере страны». Но оно соединяется с чувством тревоги и человеческого участия в судьбе Испанской республики: «Что за селение Састаго, важно ли оно? Кто хозяин в Севилье, фашисты или рабочие? Мятежники в пятидесяти километрах от Мадрида, а где правительство Республики?» [б. С.7].

Перемещение в Испанское пространство сопровождается символическим космогоническим явлением: «Почти над самой границей нас нагнала гроза» [б. С.7]. Гроза становится метафорической проекцией последующих испытаний, пережитых Кольцовым в Испании и вместе с Испанией. Граница между мирами таким образом преодолевается не только благодаря общности политических процессов, там происходящих, эмоциональных и природных состояний, но и онтологически.

Если в первых дневниковых записях Россия для Кольцова отмечена чертами Испании, то в последующем тексте обнаруживается, что, попав в эту страну, он находит там приметы России: «Самолет коснулся земли (...) Навстречу бежали и приветственно размахивали руками люди. Тяжелый густой зной опалил глаза, стиснул горло» [б. С.8]. Кольцов в ипостасях путешественника и писателя, как правило, обозначает отсутствие пространственных границ метафорически – с помощью актуализации культурной памяти, и ассоциативного восприятия. В приведенной цитате уподобление Русского и Ис-

панского миров друг другу возникает благодаря ассоциативному механизму. Но помимо этого, он использует традиционные поэтизмы для создания единого безграничного мифопоэтического образа России-Испании. Обе страны в дневнике феминизированы, представлены образом женщины и составляющими женского мира – красотой, декоративностью, эмоциональностью, любовью, материнским чувством и т.д. Об этом свидетельствует первая же дневниковая запись: «Шесть стройных, загорелых девушек пришли в коротких спортивных туниках – видно, прямо со стадиона. Они держались за руки и кричали по слогам: «Фран-ко до-лой! Фран-ко долой!» [б. С.6]. Россия как политический партнер испанских республиканцев здесь метанимически представлена «стройными загорелыми девушками». И далее описано, что на митинге братское чувство к испанскому народу высказано женщиной-работницей. Она обращается не к абстрактным иностранным пролетариям, а к «испанским рабочим и работницам, испанским женам и матерям», что окрашивает ее речь родственным чувством.

Испания, как и Россия, метафорически представлена в Дневнике женским образом и женским миром. В первой же после прибытия в Барселону записи Кольцов сопрягает войну и женщину в ее роли жены и матери: «На некоторых баррикадах едят – женщины принесли обед, тарелки расставлены на камнях, детишки в промежутке между ложками супа ползают по бойницам, играют патронами и штыками» [б. С.8]. О Барселоне говорится, как о женщине: «Самая нарядная красавица Средиземного моря» [б. С.9]. Революция в Дневнике представлена не только бойцами. Она – дело семейное: «Матери, невесты и маленькие братья провожают (бойцов – *Е.П.*) (...) Один парень взял на руки маленькую, седую, сухонькую мать и несет ее, покраснев от напряжения, смущенно улыбаясь» [б. С.20]. Республиканская Испания ассоциируется с Долорес, которая ведет себя не только как политик, умеющий своими речами разжигать революционный пыл солдат. Кольцов описывает ее материнское чувство к бойцам и их сыновнее отношение к ней: «Бойцы облепляют Долорес со всех сторон, обгорелые от солнца, обросшие,

частью перевязанные. Тормошат ее, окликают сразу со всех, сторон: – Долорес, выпей из моей кружки! – Нет, из моей! – Долорес, возьми письмо для моей матери! – Долорес, посмотри мои раны – они почти зажили за четыре дня... – Долорес, я тебе дарю на память мой шарф. Смотри не брось его! – Долорес, попробуй мой пулемет, что за дивная машина! Долорес пьет из кружки, она берет письма, она щупает раны, она надевает солдатский шарф и смотрится в зеркальце, она прижимается своей черной с проседью головой к пулемету и выпускает очередь [б. С.52–53].

Объединяющая Россию и Испанию мифопоэтическая проекция на женский образ укрепляется, благодаря еще одной детали: из одного мира в другой переносится букетик цветов. Улетая из России, Кольцов «У самолета нарвал полевых цветов» [б. С.8]. Прилетев в Барселону и «Заражаясь все больше (...) настоящим в воздухе волнением», он отмечает в уличной толпе «женщин с цветами в волосах» [б. С.9]. Мигель Мартинес, перелетая из Франции в Испанию, в самолете встречает девушку «в белом резиновом плаще, загорелую, с букетом цветов» [б. С.14]. Если учесть, что этот герой – второе «я» автора, то получается, что в образе этой девушки Россия транспортируется в Испанию: цвет ее кожи и одежды напоминает об облике демонстранток с Красной площади. Благодаря такой детали, как букет цветов, девушка становится симулякром Кольцова. И, наконец, образ полевых цветов объединяет Кольцова и Долорес: «Бойцы подают Долорес букет. Это цветы не из магазина. Они собраны на склонах скал, под фашистским огнем [б. С.54]. Так букет полевых цветов, собранный Кольцовым на поле аэродрома в России, трансформируется в символ испанской революции, имеющей в его восприятии женский лик.

Отсутствие границ между Россией и Испанией проявляется и в характере политической жизни. Отмечая это, Кольцов проявляет себя как революционный наставник и корреспондент газеты «Правда», занимающий учительную позицию по отношению к испанским революционерам. В этом случае он не прибегает к ассоциативным ходам, а прямо уподобляет действия испанских и советских социальных преобразователей: «Если бы не триста черных беретов,

не бумажные веера у мужчин, можно бы поверить, что мы в кубанской станице» [6. С.14]. Однако он романтизирует революцию, потому описание кинокартины «Чапаев», демонстрируемой республиканцам, сделано духе светловской «Гренады», где Испания переносится на Украину: «Василий Иванович Чапаев в широкой бурке мчится по холмам, и холмы похожи на здешние, арагонские. Смертельно раненный русский большевик тонет в реке Урал, похожей на реку Эбро» [6. С.34] / «Он пел, озирая родные края / Гренада, Гренада, Гренада моя. (...)»; «Ответь, Александровск и Харьков, ответь / Давно ль по-испански Вы начали петь?» (Светлов М.). Как в «Гренаде» песня украинского хлопца имеет испанское происхождение, так в Дневнике песня революционных испанских бойцов имеет русское происхождение: «Под окнами молодежь поет песни (...) звенят незнакомые кастильские слова «Приамурских партизан» [6. С.34].

Различие между Российским и Испанским мирами отмечено в Дневнике крайне редко. Оно ощущается Кольцовым в период усталости, тоски по дому: «А в Москве, в Ленинграде – повсюду на родине сегодня День авиации. По московскому времени сейчас восемнадцать часов. Сотни самолетов, тысячи парашютистов, десятки тысяч людей на Тушинском аэродроме (...) И свежо, есть чем дышать, не то что в этом рыдване над кастильской каменной сковородкой» [6. С.44]. Граница между мирами пролегает и в языке. Употребляя испанские слова Кольцов, как чужестранец-путешественник почти всегда дает их русский перевод. Эта особенность текста свидетельствует о субъекте речи и как о писателе, который внимателен к звучанию и значению иноязычной речи.

Как путешественника и писателя Кольцова интересует сама душа Испании. Потому он описывает не только уклад национальной жизни, но и национальный характер. Он сравнивает различные регионы страны, составляя впечатление об их своеобразии.

Барселона и Каталония в целом, с его точки зрения, слишком декоративны, кипучи. Не случайно Барселону Кольцов называет «самой нарядной красавицей Средиземного моря» [6. С.9]

и зрением путешественника отмечает ее «ослепительные пальмовые бульвары, ее гигантские проспекты и набережные, фантастические виллы» [6. С.9]. Он дает городу психологическую характеристику – «неистовая Барселона» [6. С.9]. И эта характеристика является не столько оценкой топоса, сколько отражает темперамент населяющих его людей, которых Кольцов воспринимает как «раскаленную человеческую лаву» [6. С.9], обуславливающую «кипение огромного города» [6. С.9]. Барселона антропоморфна, находится на пределе эмоционального накала: Все сейчас наводнено, запружено, поглощено густой, возбужденной людской массой, все всколыхнуто, выплеснуто наружу, доведено до высшей точки напряжения и кипения» [6. С.9]. Человек здесь мироподобен: Кольцов продвигается «в сплошной толчее», «Заражаясь все больше этим настоящим в воздухе волнением, слыша, как тяжело колотится собственное сердце» [6. С.9]. Барселона, по его наблюдениям, переживает «дни высшего подъема, счастья и безумства» [6. С.9], и потому люди в ней необузданны: «Шофер Хосе, молодой парень с нежным тихим лицом и глазами газели ездит, как все здесь, т.е. как буйно-помешанный» [6. С.42]. Не случайно именно в Каталонии Кольцов замечает численное преобладание анархистов. Это для него означает не только преимущественную политическую принадлежность каталонцев, но главное – характер их темперамента, особенности их психики. Поэтому он довольно внимательно наблюдает за представителями анархической партии – подробно описывает колоритную фигуру знаменитого ее вождя Дурутти: «Он одет в синее холщевое моно (комбинезон), шапка сшита из красного и черного сатина; высок, атлетического сложения, красивая, чуть седеющая голова» [6. С.36]. Дурутти декларирует идею абсолютной свободы и Кольцов излагает его опасение, связанное с тем, что Советы ограничат беспредельную свободу каталонцев: «У вас там диктатура, в Красной армии заведены полковники и генералы, у меня в колонне нет ни командиров, ни подчиненных, мы все равны в правах, мы все солдаты, я тоже солдат» [6. С.36]. Каталонцы активно защищают анархическое движение

и гордятся тем, что центр его ныне не в России, а в Испании. Кольцов приводит страстную речь начальника милиционных частей Гарсиа Оливера: «Почему в России пренебрегают Бакуниным? Испания отдает Бакунину долг и за себя, и за Россию» [6. С.21]. Данные высказывания Кольцов оставляет без комментариев. Это способ самозащиты от возможных негативных политических оценок его дневникового текста. Как писателю-психологу ему любопытна демонстративная декоративность анархистов и умение эффектно вписывать себя во внешнюю среду. «Смуглого, красивого, со шрамом на лице» Гарсиа Оливера он находит «в богатом кабинете, среди ковров, статуй» [6. С.20]. И последующие характеристики героя: «кинематографичен, хмур, огромный парабеллум за поясом» [6. С.20], – добавляют в искреннее любопытство Кольцова оттенок легкой иронии. Как психолог за внешне эффектными и смелыми лозунгами Дурутти («Умрем или возьмем Сарагосу!») он видит внутренне уязвимого человека, у которого эффектное слово может расходиться с поступком: «Властен, подавляет окружающих, но в глазах что-то чересчур эмоциональное, почти женское, взгляд иногда раненого животного. Мне кажется – у него недостаток воли» [6. С.36].

Центральная Испания более, чем другие территории, оказывается в поле зрения Кольцова. В отличие от Каталонии и страны Басков, она представлена в подробностях и разнообразии социальной и бытовой жизни, человеческих судеб и типов. Автор Дневника прежде всего отмечает отличную от Барселоны атмосферу жизни в административном, правительственном Мадриде: «... здесь спокойнее, обыденнее. Меньше декоративности, флагов, плакатов. Автомобили не измазаны огромными лозунгами, на улицах сравнительно нормальное движение» [6. С.45]. Упорядоченная картина жизни в Мадриде выглядит как прелюдия к типу андалусского характера.

Андалуссия предстает в записях Кольцова через разнообразие человеческих типов. Андалузцы, в его восприятии, чувствительные, благородные и героические натуры. От каталонских анархистов здесь отличаются даже ак-

тивные левые республиканцы. Ближайший друг президента Асаньи Хосе Хираль «по основной профессии (...) ученый-химик (...). Он старается не поддаваться стихийности обстановки, владеть собой и направлять события, хотя это плохо удается» [6. С.45].

Жители центральной Испании связаны друг с другом не столько разыгрываемыми социальными ролями, сколько давно сложившимися человеческими отношениями. В Андалусии человек включен прежде всего в родовые связи, даже если их разрушила война. Андалусец, идя в бой, помнит о том, что он чей-то брат, отец, сын. Описывая борьбу за Толедо, Кольцов особенно подчеркивает эти человеческие связи. Стремясь любой ценой взять Алькасар, толедцы не столько отстаивают свои демократические права, сколько воюют за освобождение жен и детей, взятых мятежниками в заложники. Их отчаянной борьбой движет чувство любви, а не умозрительная, как у Дурутти, идея абсолютной свободы, основанная на стремлении самоутвердиться в новой социальной роли самовластного вождя анархистов.

Толедо, в восприятии Кольцова, особый испанский город – здесь законсервирована национальная культура с ее магической притягательной энергетикой. Социальная драма гражданской войны не перекрывает назначения Толедо – представлять об испанском наследии в истории мировой духовной культуры. Город описан автором Дневника через восприятие Мигеля Мартинеса – мексиканского солдата-интернационалиста, который именно в Толедо обнаруживает свою тонко чувствующую искусство поэтическую душу: «Крутые и узкие улицы были прелестны, но, поднимаясь по ним, Мигель забыл, что это и есть улицы Толедо, заманчивого, тревожного сна его юности, трагического Толедо инквизиторов и озорных гуляк со шпагами, прекрасных дам, лиценциатов, еврейских мучеников на кострах, хранилище самого таинственного, что он знал в искусстве, – магнетической силы продолговатых, чуть-чуть припухлых юных и старческих лиц на полотнах Греко, его кавалеров и отроков в стихарях, гипнотизирующего взгляда их не-

парных различных глаз. Всегда казалось, что, если он каким-нибудь чудом окажется в Толедо, он, как паломник, не оглядываясь, пройдет к заветному дому, изученному по альбому и снимкам, минует низенький сухой сад, разостланный по жесткой кастильской земле, через двор и старую галерею с узкими колоннами в простую прохладную студию непонятого художника...» [б. С.87]. Автор Дневника не случайно передоверяет восприятие города своему двойнику-герою, а не основному субъекту речи Кольцову. Зрением путешественника, писателя или корреспондента официальной советской газеты Толедо воспринимался бы объектно. Мигель выразил чувство частного человека и город предстал не чужестранным топосом, а частью его души. Так именно в Андалусии через мировосприятие героя устанавливаются отношения глубинного духовного родства между автором Дневника и Испанией. Толедо, ее древняя столица, через запечатленные в искусстве образы становится «сном юности» Мигеля Мартинеса. А Кольцов – репортер, писатель и путешественник – ощущает неразрывное единство с Мадридом, где в кипении политической жизни создается история новой Испании: «Стрелки на ручных часах (...) показывают десять часов сорок пять минут. Через час с четвертью будет седьмое ноября. Нет, в эту ночь нельзя покинуть тебя, милый Мадрид» [б. С.112]. Он смотрит на город уже не взглядом иностранного путешественника, а как человек, вписанный в бытовой уклад Испании: «Раньше в этих кварталах Мадрида даже в самую страшную жару неудобно было показаться без пиджака, жилета, галстука, без шляпы. Сейчас вся столица разгуливает в моно и в альпаргатах, с непокрытыми головами – милисианос, разносчики воды, дамы, почтенные старцы» [б. С.45–46].

Поскольку Андалусия воспринимается как край, где скрепленные родственной общностью люди живут в пространстве многовековой культуры, описывая этот мир и людей, Кольцов оперирует традиционными национальными мифологемами и образами. Испанские женщины привлекают его внимание подчеркнутой эстетизацией облика, совершенством которого демон-

стративно преподносится окружающим: «По широкому тротуару стучат высокими каблучками прибранные синьориты. Платья, пояса, юбки, сумки прилажены как всегда, до последней складочки, прически напомажены, отлакированы, каждая кудряшка, каждый завитой волосок укреплен воском, чтоб не открутился, не отстал в этой сумасшедшей жаре. Лицо, губы, реснички, уши, ногти тщательно раскрашены – есть ли что-нибудь более законченное, чем испанская женщина на улице на прогулке» [б. С.73]. Притягательная красота женщин заставляет Кольцова наблюдать и за поведением мужчин: «Одинокие прохожие, бездельники в кафе, шоферы в ожидании пассажиров задевают женский пол восторженными восклицаниями: «О, гуаппа!», «О, морена!», «О, рубия!» (О, красивая! О, брюнетка! О, блондинка!)» [б. С.73]. В описании облика женщин и поведения мужчин угадывается проекция на образы Кармен и Дон-Жуана. Эти образы не названы прямо, но проявлены в тексте ассоциативно.

Коррида как часть национально-исторической жизни Мадрида описывается Кольцовым с любопытством путешественника: «Представление начинается по всей форме» Внутри традиционного действия он отмечает новые черты, внесенные революционным временем: «Но когда средневековая процессия проходит вокруг арены к президентской ложе, верховые герольды в черных кафтанах переключают трубы в левую руку, а правой, сжав кулак, делают «Рот фронт!». Шесть тореро маршируют, одетые по ритуалу и при косичках, но вместо треуголок на них пролетарские кепки. [б. С.61]. Эти нововведения воспринимается Кольцовым естественно, что выдает его политические пристрастия.

Центральная Испания во главе с правительственным Мадридом является для него территорией, где революционно-демократическая идея воплощается наиболее полнокровно. Повествователь описывает людей, занимающих ключевые посты в правительстве. Он по сути пишет очерки о Кабальеро, Индалессо Прието, Асанье, Пепе Диасе и др. При этом он проявляет себя как тонкий наблюдатель-психолог и как писатель, создающий галерею характеров:

«Левые республиканцы из группы Асаньи все похожи на Хиралья и друг на друга. Это радикальные интеллигенты, очень образованные, по стилю – люди кабинета, но не кабинета министров, а ученого, профессорского кабинета, склонные к широчайшим обобщениям (вообще испанская черта), расплывчатые и медлительные в конкретных решениях». [6. С.48]. Члены Республиканского правительства внутренне близки Кольцову. Они не профессиональные революционеры, не самозванные политики а, как и он, люди творческих профессий, интеллектуалы, взявшие на себя ответственность за будущее страны: «Судьба жестоко подшутила над спокойными докторами химии, археологами и литературоведами, бросила их в котел гражданской войны, революции, интервенции. Они пока не противятся этой судьбе; они хотят, сколько хватит сил, бороться с фашизмом – в этом их, леворадикальных буржуазных интеллигентов, правильно понятая историческая роль и несомненная заслуга» [6. С.48]. Кольцов отмечает новую роль интеллектуалов перед надвигающейся опасностью фашизма. Они – заслон от коричневой чумы и духовная опора Европы и Азии: «За тихим доктором химии Хиралем (...) в тылу – пролетарии и крестьянство Испании, радикальные китайские профессора и студенты, встревоженные чехословаки, британские лейбористы» [6. С.48]. Подводя итог созданной характерологии, Кольцов как писатель-очеркист и человек, составляющий этнографические записки, отмечает: «В этой горсти людей представлены разные характеры и темпераменты, разные индивидуальности, разные народные областные типы Испании» [6. С.48].

Но в очерках есть еще один скрытый, ассоциативно возникающий смысл. Кольцов создал коллективный портрет руководства правящей партии Испании, где действует совсем другая модель человеческих отношений, нежели в сталинском правительстве. Здесь люди эмоциональны, но расположены друг к другу и демократичны, доброжелательны: «Всем хочется сделать приятное Пепе Диасу, не для того чтобы заслужить его благодарность, а просто чтобы порадовать его, увидеть его улыбку или хотя бы довольное пока-

чивание головой» [6. С.48]. Кольцов как писатель изобретает новые приемы создания эстетической коммуникации. Он позволяет читателям Дневника сопоставить революционные процессы, происходящие в Испании и России. При этом он избегает прямых оценок, но текст не оставляет сомнений в позиции автора. Следует обратить внимание, например, на описание методов коллективизации: «Они (испанские революционеры – *Е.П.*) добиваются, во-первых, немедленной коллективизации всех крестьянских хозяйств, во-вторых, реквизиции урожая с помещичьих полей в распоряжение сельских комитетов и, в-третьих, конфискации земли у средних крестьян, имеющих по пять-шесть гектаров. Приказами и угрозами было создано несколько подобных коллективов» [6. С.31]. Антисталинская позиция Кольцова в отношении методов организации крестьянских коммун проявлена в тексте Дневника и через «чужое» слово. Косвенной речью оформлено выступление испанского оратора на собрании по организации колхоза. И в этом «чужом» слове выражена авторская оценка: «Никто не может навязывать арагонским крестьянам свою волю. И в отношении коммуны – это дело могут решить только крестьяне, никто, кроме них, никто за них. Колонна, в лице военного комиссара, может только обещать, что оградит крестьян от чьих бы то ни было насильственных мероприятий» [6. С.32]. Характеризуя схожие в Советском Союзе и Испании социально-политической ситуации, путешественник-корреспондент трансформирует описание в диалог – передает слово героям-испанцам. Их речь, подменяющая его слово, выглядит как интервью. В результате в Дневник попадают разнообразные оценки представителей демократических сил Испании. За ними скрыта позиция автора, а его взгляд на те или иные социально-политические явления становится объемным, многомерным, идеологически незашоренным: «Президент Каталонии сеньор Компанис и он, Казановас, приложат все усилия и обеспечат единство вокруг правительства. В отношении быстрой ликвидации мятежа – он совершенно в ней убежден. Но это будет не сразу. Недели? Да, если хотите, недели. Во всяком случае, не дни». [6. С.22–23]. «Чужое» слово оказывается необходимым Кольцову-пи-

сателю и в случае освоения испанского языка. Изображая процесс освоения испанского языка переведенным на русский словом испанца, Кольцов, с одной стороны, прибегает к самоиронии, а с другой, показывает экспрессивный испанский психотип: «Капитан пожал плечами. Противник потому и называется противником, неприятелем, энемиго, что не сообщает о своем расположении, о своих силах. Иначе он был бы не неприятель, не энемиго, а приятель, амиго! [б. С.22–23].

Чуткий к «чужому» слову писатель и путешественник стремится использовать в Дневнике как можно больше имен людей, названий населенных пунктов. Это придает тексту непривычное для русского уха экзотическое звучание и позволяет добиться поэтического эффекта. Он создает картины повседневной испанской жизни, своего рода этнографические очерки: «Утром ездили по рабочим кварталам в порт. Все та же обнаженная, дикая нищета, какую встретишь в Европе только на Балканах и здесь. Вся жизнь напоказ: половина – на тротуаре, остальное – через раскрытые окна и двери. Тучи ребятишек ползают по асфальту, играют мусором, дерутся и поют. Хозяйки готовят обед – оливки, бобы и похлебку из бобов на оливковом масле. Картофель дороже, едят его меньше. Мяса едят совсем мало, оно дорого. Вместо него бакалао – треска, привозная, сушеная, часто тухлая» [б. С.19]. Подобные очерки выполнены в традициях «натуральной школы», что подтверждается открытым изображением чувства социальности.

В тексте Дневника есть еще одна Испания, описанная пером Кольцова – хроникера военных событий. Она растерзана гражданской войной, измучена непосильным солдатским трудом. Но Кольцов предпочитает не останавливать внимание на драматических батальных сценах. Он создает отчет о военных операциях, характеризует условия, в которых ведутся военные действия: «Борьба затруднена сильно пересеченной местностью, частью переходящей в горный рельеф. Из артиллерии с обеих сторон действуют скорострельные пушки «виккерс» калибра сто пять миллиметров, горные орудия типа «шнейдер» испанского производства и французские семидесятипятимиллиметровые. У мятежни-

ков есть несколько крепостных орудий и танки. У правительственных войск есть бронепоезд. Пехота с обеих сторон вооружена винтовками «маузер» и отчасти ручными гранатами. Есть отдельные минно-подрывные команды. Есть несколько легких разведывательных самолетов. Средства связи и управления ничтожны. Бои ведутся за обладание отдельными естественными рубежами, высотами и населенными пунктами. Саперных полевых работ не производится, окопов нет» [б. С.26]. Как видим, этот образ Испании создается протокольным языком отчета без каких-либо художественных излишеств. Но когда Кольцов осмысляет динамику гражданской войны, когда он формулирует ее концепцию, очерковая описательность сменяется экспрессивным внутренним монологом, о чем свидетельствуют интонация, синтаксис, а главное – вербально переданное состояние человека, который осмыслил, прочувствовал и выразил состояние уязвленного войной мира: «Подавление мятежа вылилось в гражданскую войну, гражданская война превращается в борьбу с иностранной интервенцией, со вторжением иностранных фашистских войск. Неужели это именно так? Я не верю самому себе. Но «юнkers» в окне на горизонте подтверждает, и сирены плачут» [б. С.76]. Оксюморонным словосочетанием «сирены плачут» Кольцов изображает войну, которая проходит по радиусу души человека. Таким образом, хроника войны сочетается с лирикой, а субъект речи предстает интеллектуально бесстрашным художником-гуманистом, что вписывает его в контекст созданной в Испании антифашистской литературы.

«Испанский дневник» свидетельствует о том, что его автор – не только лицо, активно действующее на социально-политической арене современной европейской жизни, но человек, впитавший отечественную художественную культуру, направляемый выработанными ей духовными ценностями и изысканный на ее эстетическом языке. Документальное свидетельство М. Кольцова одинаково противостоит и фашизму, и сталинизму своей духовной свободой и гуманистическим актом духовного делания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров И. Очерковое творчество Михаила Кольцова: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1967.
2. Вережкин Б.П. М.Е. Кольцов. М.: Изд-во «Мысль», 1977.
3. Ефимов Б.Е. Десять десятилетий. М.: Изд-во «Вагриус», 2000.
4. Ефимов Б.Е. Судьба журналиста. М.: Изд-во «Правда». Библиотека «Огонек», 1988. № 35.
5. Ефимов Б.Е., Фрадкин В.А. О временах и людях. URL: <http://1001.vdv.ru/books/efimov/?page=044>
6. Кольцов М.Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября – 30 дек. 1936 г.). Т. 2. Испанский дневник. Кн. 2 (1 янв.– 10 апр. 1937 г.). Кн. 3. Корреспонденции. Репортажи. Очерки. М.: Политиздат, 1987. // Составитель, автор комментариев Е.М. Тепер.
7. Корман Б.О. Опыт описания литературных родов в терминах теории автора // Б.О. Корман. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 173–179.
8. Макаревич Э.Ф. Испанские страсти: Журналисты и разведчики // Журналист, 2004, № 8–11.
9. Михаил Кольцов, каким он был: Воспоминания, 2-е доп. изд. М.: Изд-во «Советский писатель», 1989.
10. Подшивалова Е.А. Лекции по литературе 1920–30-х годов. Ижевск, 2010. С.22–36.
11. Рубашкин А. Михаил Кольцов. Критико-библиографический очерк. – Л.: Изд-во «Художественная литература», 1971.
12. Скороходов Г.А. Михаил Кольцов Критико-библиографический очерк. М., 1959.
13. Сопельняк Б.Н. Пуля для Михаила Ефимовича // Родина. 2004.1.1 ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 96. Вечер. 1918. Киев.
14. Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М.: Изд-во «Вагриус», 2002.
15. Щеглов Ю.К. Романы И. Ильфа и Е. Петрова. Спутник читателя // Wiener Slawistischer Almanach/Sonderband 26/1. Wien, 1990.

УДК 82-1.19(045)

И.В. Стрелкова

ОТБОР СОДЕРЖАНИЯ И ОСВОЕНИЕ СТУДЕНТАМИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Удмуртский государственный университет

В статье представлен опыт отбора и организации учебного материала для элективного курса по изучению русских поэтических направлений XX века. В качестве примера освоения содержания этого курса студентами приведён опыт изучения темы «Концептуализм: эстетические программы и художественная практика». Утверждается положение, что реализация преподавателем текстоцентрического и культурологического подходов в процессе анализа текста позволяет читателю-студенту обнаруживать смысловую ёмкость произведения.

Ключевые слова: элективный курс по литературе, картина мира, эстетические программы русского концептуализма, поэтическая традиция.

I. V. Strelkova

CONTENT SELECTION AND STUDENT ASSIMILATION OF EDUCATIONAL MATERIAL OF THE ELECTIVE COURSE IN LITERATURE

Udmurt State University

The article presents an experience of selection and organization of educational material for an elective course in Russian poetic movements of the XX century. Research experience of topic 'Conceptualism: aesthetic programs and artistic practice' is listed as an example of this course contents assimilation by students. A clause is asserted that a teacher's implementation of text-centered and culturological approaches during the process of text analysis lets reader - a university or school student - to discover the semantic capacity of the piece.

Keywords: elective course in literature, world view, aesthetic programs of Russian conceptualism, poetic tradition.

«Литература – неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста культуры данной эпохи,» [1. С.329] – говорил М.М. Бахтин, отвечая на вопрос редакции журнала “Новый мир” о состоянии современного ему литературоведения. Эпоха уже завершившегося XX века вбирает в свою характеристику такие понятия, как “драматизм”, “катастро-

фичность”. Однако, как пишет В.С. Библер, ” в перипетиях бытия XX века, в онтологизации все нарастающей всеобщности смыслов культуры трудно и мучительно назревает особый тип сознания человека... Складывается Разум культуры... В самом движении «от бытия к мышлению» органично включено движение «от мышления к бытию» [2. С.258].

Рубеж XX–XXI веков так же, как и рубеж XIX–XX веков, сопровождается социальными, духовными, историческими потрясениями, которые, по утверждению В. С. Библера, “могут быть поняты как смещение всего человеческого бытия – к полюсу культуры” [2. С.3].

По определению Ю. М. Лотмана, “культура – определенное количество унаследованных текстов...” [6. С.6]. Содержательным наполнением элективного курса “Поэтические направления в русской литературе XX века” стали эстетические программы (статьи, декларации, манифесты) и художественная практика символистов, акмеистов, футуристов, имажинистов, экспрессионистов, заумников, ничевоков, обэриутов, концептуалистов, метареалистов.

Методологически значимыми для организации внутренней логики специального курса явились идеи русской философской мысли рубежа XIX–XX веков о смысле творчества, назначении искусства, роли художника, функционировании слова.

Смысл искусства, проблема творчества (в том числе поэтического), роль художника (поэта), функционирование слова рассматриваются в трудах русских философов, поэтов-мыслителей рубежа XIX–XX веков С. Соловьева, Н. Бердяева, А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова, О. Мандельштама, Н. Гумилева, В. Хлебникова и др. Искусство как форма творчества видится в начале XX века как выход к инобытию, но выход этот становится возможным при непрременном условии свободы творчества. Художник в процессе творчества уподобляется Творцу, создающему мир из ничего. Слово в тексте приравнивается к библейскому Первослову, сотворившему мир.

Таким образом, парадигматическим стержнем элективного курса определена триада: искусство-художник-слово, которая задает обучающимся угол зрения на материал изучения. Толкование определения искусства, роли художника, функционирования слова как материала искусства приводило авторов эстетических программ поэтических направлений к формулированию общей концепции поэтического на-

правления. Задачей обучающегося ставится постижение смысла теоретико-художественного определения указанных понятий в рамках заданного поэтического направления, что позволяет реализовать синхронический аспект изучения материала. Сравнивая положения теоретических деклараций с художественной практикой конкретного поэтического направления, студенты получают возможность обнаружить «картину мира», явленную художниками данного направления, обосновать причины нежизнеспособности или вторичности отдельных поэтических направлений. В процессе перехода от характеристики одного направления к характеристике последующих осуществляется диахронический аспект исследования, позволяющий выйти к осмыслению явления «самосохранения» искусства в программах поэтических направлений.

Обучающимся обнаруживается необходимость преодоления противоречий между культурой в целом и личностной культурой: приятием текста как «картины мира», созданной не столько произвольным желанием, прихотью художника, сколько объективно вызванной внешними и внутренними движениями культурной эпохи, современной художнику. Задачей филологического анализа текста видится проявление и сохранение его возможных смыслов, даже если они противоречат этическим, эстетическим или мировоззренческим установкам конкретного студента. От студента-филолога требуется выстроить личностное отношение к явлениям культуры, произведениям искусства, поскольку именно «всякое принципиальное отношение носит творческий продуктивный характер» [1, с.8], позволяет сохранить для себя и сформировать у будущих учеников «устойчивую определенность мира» [2, с.290].

Анализ текста, к которому мы обращаем студентов на занятиях элективного курса «Поэтические направления в русской литературе XX века», не рассматривается нами только как самоцель или самоценность. Для нас приоритетен «процесс развития и становления личности,... определенный уровень овладения культурой (образованности), развитие личности в контексте культуры» [3. С.4].

При *отборе содержания учебного материала* мы учитывали ниже перечисленные требования:

– *культуроведческое наполнение* элективного курса «Поэтические направления в русской литературе XX века», которое обеспечивается широким охватом доступных и значимых для нас источников, включенных в учебное пособие – хрестоматию «Эстетические программы и художественная практика русской поэзии XX века» [8];

– *информационную ценность* для формирования у обучающихся целостного представления об определенных нами темах (поэтических направлениях), соответствие материала тематическим блокам, представляющим адаптированную систему знаний о мире;

– *воспитательную ценность* представленного в хрестоматии материала, которая, с одной стороны, заключается в этической проблематике источников, отсылающей читателя к проблемам свободы творчества, личностного самовыражения художника, функционирования слова в различные культурные эпохи; с другой стороны, требует от читателя самоорганизации при восприятии текста;

– *дополняемость содержания* учебного материала, которая может быть реализована за счет расширения числа лирических текстов, появляющихся в печати или электронном ресурсе новых источников, труднодоступных или не публиковавшихся ранее;

– *«диалогичность»* представленных нами текстов предполагает множественность интерпретаций в процессе их осмысления. Каждый заданный нами текст потенциально содержит проблему для обсуждения, или создания коммуникативной ситуации.

«Диалог», в частности «диалог культур», является сегодня универсальной категорией, первоначально востребованной и в русле элективного курса: диалог мыслителей начала и конца XX века; диалог художников-теоретиков, практиков, представляющих разные поэтические направления; диалог учащегося с автором читаемого текста, преподавателем, самим собой, наконец.

Содержание современных школьных программ по литературе отражает сложную ситуа-

цию становления общественного взгляда на процесс постижения школьниками литературы. Студент-филолог поставлен перед неизбежностью определения собственной преподавательско-мировоззренческой концепции. Система филолого-педагогических, этико-эстетических взглядов будущего учителя выстраивается в период обучения в вузе. Применительно к литературе XX века от студента-филолога, по утверждению Н. Л. Лейдермана, требуется «через анализ поэтики, выявление «окаменевшей» в ней семантики, через изучение целостного образа мира, созданного писателем», найти и дать «наиболее объективное объяснение сути эстетической концепции действительности, в нем во-площенной (то есть обретшей плоть, осязаемость, зримость) и одновременно оценить меру убедительности и глубины художественной философии автора» [4. С.6].

Таким образом, культурным контекстом изучения русских поэтических направлений видится уже целостный XX век со всей «полифонией» (М. М. Бахтин), «трудным сближением (- и вновь отталкиванием) бытовых и бытийных болевых точек в жизни людей... эпохи» [2. С.265].

Сквозной задачей цикла занятий элективного курса «Поэтические направления в русской литературе XX века» ставится стремление представить обучающимся логику смены поэтических направлений, обусловленную ходом историко-литературного процесса. Цель занятий – формирование филологически культурного чтения текстов различных историко-литературных эпох посредством выявления обучающимися этических смыслов при эстетическом анализе художественного текста.

Тема «Концептуализм: эстетические программы и художественная практика» следует за темой «Эстетические программы и художественная практика ОБЭРИУ», которая позволяет подвести обучающихся к пониманию зафиксированного в творчестве художников-обэриутов факту абсурдности современного им мира, его расчлененности, разрыву привычных человеку причинно-следственных связей, то есть хаоса. Введение в новую тему мы начинаем с изучения

статьи С. Гандлевского «Разрешение от скорби», опубликованной в литературно-художественном альманахе «Личное дело №» в 1991 году [5] и воспроизведённой в хрестоматии – учебном пособии [8. С.238–244].

Представим, как проходит обсуждение указанного источника в студенческой аудитории. Поскольку в рамках элективного курса изучались содержательно и формально разнообъёмные эстетические программы символистов, акмеистов, футуристов, имажинистов, экспрессионистов, заумников, ничевоков, обэриутов, алгоритм работы с теоретическим документом студентом осваивается. Первичное прочтение статьи обучающимся осуществляется дома, поэтому первым задается вопрос о тематических, лексических, стилистических особенностях источника. Студентами, как правило, отмечается отсутствие эпатажа, агрессии (в отличие от футуристических, имажинистских деклараций), литературный язык автора, однако более полно охарактеризовать содержание статьи у них не получается. Обычно студенты пропускают эпиграфы, название статьи, торопясь обратиться непосредственно к её содержанию. В таком случае преподаватель предлагает вернуться к началу документа и оценить его внешний вид. Совместно обнаруживается, что эпиграфы размещены до названия. Выясняем, с какой целью, зачитывая их, выясняя попутно, что студенты знают об авторах цитат.

*Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.*

Е. Баратынский

*Всё мне дорого здесь,
всё мне дорого здесь,
ничего мне не дёшево здесь...*

Т. Кибиров

Обучающиеся отмечают, что язык первого эпиграфа поэтический, посредством высокой лексики («душа», «скорби») обращённый к бытийному, скорее всего, относится к 19-му веку. Второй эпиграф обытовляет, упрощает, обесценивает лирическое переживание, похоже, это 20 век. Выясняем, какой смысл рождается сведением языка эпохи «золотого века» русской

поэзии с языком конца 20-го века: эпиграфами определено двухвековое культурно-историческое пространство русской поэзии, с первой трети 19 века, пушкинской эпохи, по настоящее для автора время – конец 1980-х годов; задана тема, звучащая в названии «Разрешение от скорби».

Напоминаем обучающимся латинскую поговорку: *dixi et animam levavi* – я сказал и облегчил душу. Далее задаём традиционный, предваряющий анализ каждого текста вопрос: о чём этот текст? На данном этапе работы студенты не просто повторяют заглавие статьи, а пытаются расширить его смысл: «О назначении поэтического творчества», «о необходимости найти нужные слова для более точного выражения мысли». Фиксируем внимание обучающихся на продолжении осмысления темы поэтического творчества, заданную всеми предшествующими поэтическими направлениями, то есть на сохранении традиций. Далее, используя метод медленного чтения, стараемся приблизить текст к читателю, сделав востребованным его личный опыт. Например, отвечая на вопрос о тайне лирической поэзии, студенты цитируют статью: «У разных поэтов разные тайны», «Тайна 1910-х годов, особенный воздух той поры...», «Есть и такая тайна: весна. Вымыты окна. Чирикают во дворе воробьи. ... Праздник – и на дворе сыр и шпроты, впереди – целый день. Готовы для выхода берет, короткие штаны, белые гольфы с кистями. Коммунальные склоки побоку и соседи поздравляют друг друга. 1 мая, счастье.» Несмотря на заданную жанром статьи объективность изложения, «проза поэта» предполагает необходимость её эмоционального освоения. Для студентов приведённый автором пример уже не является узнаваемым, поскольку изменилось время, исчез и сам «сиротский праздник 1 мая», и сопровождавшие его бытовые реалии. Впервые столкнувшись с таким «непроживанием» первомайской демонстрации собеседниками, мы сочли возможным обратиться к их собственному пониманию праздника: «С чем связано предчувствие праздника для вас?» Именно с этого вопроса обсуждение становится всеобщим. «Праздник – это волнение накануне, желание,

чтобы всё прошло хорошо»; «Если Новый год – запах ёлки, мандаринов»; «Фейерверк...»; «Нарядная одежда...». То есть праздник, по определению студентов, – это предчувствие особых света, цвета, запаха.

– Изменилось ли что-то в вашем ощущении праздника по сравнению с детством? Мечтали ли вы тогда о каком-то особенном подарке? Сбылась ли эта мечта? Так ли для вас дорога вещь, обладателем которой вы стали?

Заметим, что ответы на эти вопросы не обязательны, достаточно размышлений собеседников, которые подводят через осмысление своего опыта к пониманию опыта другого человека. «Что делать лирическому поэту с тайной, если она опозорена?» – задаётся вопросом автор статьи. Осмысление вариантов ответов становится для студентов небезучастным. Предлагаемые С. Гандлевским доводы позволяют обучающимся прийти к следующим выводам. Культурный контекст, заданный упоминанием имён Пушкина, Ахматовой, Г. Иванова, Набокова, помогает оттенить эпоху, проживаемую автором: «кровь, ложь, общее оскотинение». В статье проявляется тоска по утраченному бытию, продумываются возможности самосохранения личности поэта. Волевая реакция на осквернение тайны своего поколения, насмешка над тайной отрицаются Гандлевским как противостественные. «Смешно – смеюсь, горько – плачу или негодую» – выбор автора, отметившего, что «мир изменился, и его «верх», «низ» и «середина» перетасованы самым причудливым образом». Тем не менее по-прежнему «поэту указ ... – гармония». На данном этапе обсуждения делаем вывод о востребованности возможности выбора, свободы, естественности поэтического высказывания во всё ещё перевёрнутом мире. Поскольку представления об эстетической норме в статье заданы упоминанием значимых для русской литературы имён, отмечаем наличие в концептуализме бытового и бытийного начал.

Обращаемся к финальным фразам статьи: «Нашему времени нужно оправдание гармонией не меньше, а больше, чем многим другим временам, потому же, почему врач нужен не здоровым, а больным».

Значит, снова постылое «нужно», снова исправление нравов? Да нет, ведь художник не лечит, а лечится...»

Предлагаем студентам продолжить незаконченное последнее предложение. Варианты ответов обучающихся: «Лечиться – бесполезно...»; «Лечиться – нужно» или «Здесь опечатка, должно быть: художник не лечит, а лечится».

Напоминаем стихотворение Н. Некрасова «Поэт и гражданин», слова Поэта, обращённые к самому себе:

*Бедняк! И из чего попросил
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты – сын больной больного века? [7. С.95].*

Приложима ли такая характеристика к самохарактеристике автора статьи «Разрешение от скорби»? Как видим, каждый поэт прочитывает своё время как больное, обострённо переживая его.

Заключительный этап работы – составление опорной схемы «Картина мира в концептуализме». Какой видится картина мира, явленная автором?

Варианты ответов студентов: «Мир по-прежнему хаотичен»; «Хаотичность мира принимается художником как данность»; «художник тоскует по утраченной гармонии, он считает, что творчество может гармонизировать мир».

Закольцовываем обсуждение повторением вопроса: о чём этот текст? – и получаем качественно новые ответы: «О верности поэтической традиции»; «О продолжении поэтического диалога о назначении искусства, роли художника».

Таким образом, через осмысление собственного опыта, студенты выходят на новый уровень понимания текста эстетической программы концептуализма, которая, в свою очередь, в силу смысловой ёмкости становится составляющей их филолого-педагогической культуры.

Вторая часть практического занятия отводится анализу художественной практики поэтов-концептуалистов Д. А. Пригова. С. Гандлевского. Обращение к концептуалистскому лирическому тексту обусловлено стремлением представить обучающимся, как реализуются в художественном творчестве положения, обо-

снованные в эстетической программе поэтического направления.

Представим опыт рассмотрения стихотворения С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...» со студентами третьего курса института иностранных языков и литературы УдГУ.

Стихотворение читается преподавателем:

Сергей Гандлевский

*Устроиться на автобазу
И петь про черный пистолет.
К старухе матери ни разу
Не заглянуть за десять лет.
Проездом из Газлей на юге
С канистры кислого вина
Одной подруге из Калуги
Заделать сдуру пацана.
В рыгаловке рагу по средам,
Горох с треской по четвергам.
Божиться другу за обедом
Впяять завгару по рогам.
Преодолеть попутный гребень
Тридцатилетия. Чем свет
Возить «налево» лес и щебень
И петь про черный пистолет.
А не обломится халтура —
Уснуть щекою на руле,
Спросонья вспоминая хмуро
Махаловку в Махачкале [5. С.25].*

Несмотря на то, что у обучающихся на момент разговора уже имеется опыт знакомства с художественной практикой символистов, акмеистов, футуристов, имажинистов, экспрессионистов, заумников, обэриутов, данное стихотворение, прослушиваемое студентами, вызывает, как правило, у них озадаченность. Сначала выясняем значение непонятных слов: рыгаловка — столовая, завгар — заведующий гаражом, возить «налево» — зарабатывать незаконно, махаловка — драка, Газли и Махачкала — названия южных населенных пунктов. Затем начинаем беседу традиционным вопросом: «О чем это стихотворение?» — и получаем ожидаемые ответы: «О жизни»; «О свободе». Далее представим наш диалог с обучающимися:

— О чьей жизни? Кто герой стихотворения? Какую можно дать ему характеристику?

Как правило, в начале разговора мы получаем только пересказ, связанный с освоением текста:

— Он — водитель (шофер, дальнобойщик), ездит по стране, поет «про черный пистолет».

Выясняется, что некоторой части студентов текст песни В. Высоцкого еще знаком, но общими усилиями вспоминается только припев: «Где твои семнадцать лет?! На Большом Каретном./ Где твои семнадцать бед?! На Большом Каретном./ Где твой черный пистолет?! На Большом Каретном./ Где тебя сегодня нет?! На Большом Каретном.» Просим оценить музыкальные пристрастия героя стихотворения С. Гандлевского.

— Ему нравится чувствовать себя мужественным (бесшабашным). — Он любит уголовную романтику. — Песня напоминает ему о юности.

— Что представляет собой жизнь героя? — Это дорога, путь.

— Тема пути, путешествия традиционна для литературы. Известны устойчивые выражения «путь-дорога», «дорога жизни». Путешествуя, встречаясь с людьми, разными системами опыта, человек обычно приобретает опыт свой. Какой жизненный опыт есть у нашего героя?

— «К старухе матери ни разу не заглянуть за десять лет...»; «... заделать сдуру пацана...»; «... вспоминая хмуро махаловку...» (Очень редко герой Гандлевского сравнивается студентами с героем «Калины красной» В. Шукшина, обычно тип героя не улавливается) — негативный опыт.

— Какие этические ценности есть у героя? Есть ли у него дом, семья? Значимы ли для него родственные отношения, любовь к кому-либо?

— Нет, он какой-то странный: живет как будто проездом, для него все события одинаковые. — Он бездуховный, у него все какое-то материальное.

— Можно ли назвать его странником? (Вспоминаем «Очарованного странника» Лескова, горьковского Луку; поиск странником себя в Боге, Бога в себе)

— Нет, странник чего-то ищет, а этот герой, похоже, и не подозревает о подобном пути.

— Каков возраст героя? — «Преодолев попутный гребень тридцатилетия», то есть немного за тридцать.

– Этот возраст называют возрастом Христа. Предполагается, что человек «за тридцать» должен уже определиться, состояться. Наш герой позволяет себе задержаться во времени, оставаться подростком, не взрослеть, не брать на себя ответственность даже за свою жизнь. Такой герой уникален?

– Нет, таких много. – Почему? – Так жить проще...

– Что понимается героем под целью жизни? Деньги – популярная сегодня цель – он зарабатывает: «возить «налево» лес и щебень». Оказывается, этого недостаточно. Перемещение героя происходит по горизонтали, это только смена географических пунктов. Духовного роста нет, а в таком случае дорога жизни становится «дурной бесконечностью», которая, тем не менее, может в любой момент прерваться гибелью героя в бессмысленной «махаловке». Герой живет «спросонья», «сдуру», то есть не думая. Тоска по ушедшей юности свойственна человеку, не сумевшему состояться, воплотиться в зрелости. К какому историческому времени принадлежит герой?

– Время здесь какое-то застывшее, события происходят, но ничего не меняется, все как всегда: «в рыгаловке рагу по средам, горох с треской по четвергам». (Студенты определяют время как «советское»)

– Какому времени принадлежит творчество В. Высоцкого? Когда оно было наиболее востребовано? В эпоху 1970-х – 80-х годов. Это же период создания стихотворения С. Гандлевского – эпоха «застоя», эпоха бездуховности, опошления идеалов, опустошенности, цинизма. Автор в данном тексте равен своему герою?

(Надо отметить, что этот вопрос оказывается сложным для обучающихся, не специализирующихся по литературоведению, как студенты филологического факультета, которые разводят понятия «автор» и «герой» произведения.)

– Можно ли назвать героя культурным человеком? – Нет, он грубо говорит: «рыгаловка», «махаловка», «впясть по рогам». – Способен ли он на творчество? – Маловероятно. – спосо-

бен ли он к рефлексии, переживанию по поводу пережитого? – Не заметно.

Обращаем внимание обучающихся на форму текста. Студенты самостоятельно отмечают инфинитивные синтаксические конструкции, но не вписывают это явление в рамки литературной традиции. Напоминаем: Шекспир – «Быть или не быть...»; Блок – «Грешить бесстыдно, беспробудно...»; Пастернак – «Февраль! Достать чернил и плакать...». Кто обладает культурной памятью – автор или герой? – Автор. (На данном этапе студенческая аудитория отмечает иронию или даже сарказм автора, то есть улавливает некую авторскую эмоцию.) – Как воспринимается автором мир: как хаос или космос? – Хаос. – Комфортно ли ему в этом мире? – Нет.

Закольцовываем обсуждение повторением вопроса: «О чем это стихотворение?»

– О времени, обезличивающем человека, лишённого потребности думать, задавать себе вопросы, искать на них ответы, допускающего возможность «скоротать жизнь» в бессмысленном, хаотичном движении.

– Соответствует ли этот текст положениям эстетических программ концептуалистов? – Да, в статье «Разрешение от скорби» С. Гандлевский пишет: «Нашему времени нужно оправдание гармонией не меньше, а больше, чем многим другим временам, потому же, почему врач нужен не здоровым, а больным» [5. С.231].

– Л. Рубинштейн в статье «Что тут можно сказать...» говорит: «Концептуализм ... работает не столько с языком, сколько с сознанием. Вернее, со сложными взаимоотношениями между сознанием индивидуально-художественным и сознанием общекультурным. Отсюда это мерцающее ощущение своего-чужого языка, присутствия-отсутствия автора в тексте...» [5. С.233].

– Мы видим, что слово в концептуализме отражает мир, не преобразуя его. Автор помнит об «утраченной гармонии», напоминая о ней читателю, как в свое время это делал Н.А. Некрасов: «Ты сын больной большого века». Только С. Гандлевский убежден в том, что «художник не лечит, а лечится...» [5. С.231].

Таким образом, в процессе размышления над содержанием эстетической программы поэтического направления, над содержанием лирического текста определённой культурной эпохи студенту предоставляется возможность учиться обнаруживать связь этики и эстетики, обратиться к осмыслению слова как адеквату мира, пытаться – в дальнейшем – объективно относиться к любому тексту, моделирующему мир, мысля себя в пространстве культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979. 502 с.
2. **Библер В. С.** От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990. 413 с.
3. **Загвязинский В. И.** Теория обучения: Современная интерпретация. М., 2001. 192 с.
4. **Лейдерман Н. Л.** Русская литературная классика XX века. Екатеринбург, 1996. 308 с.
5. **Личное дело №** : Литературно-художественный альманах. / Сост. Л. Рубинштейн. М., 199. 272 с.
6. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре. СПб., 1994. 399 с.
7. **Некрасов Н. А.** Стихотворения и поэмы. М, 1971.
8. Эстетические программы и художественная практика русской поэзии XX века: Хрестоматия / Сост. И. В. Стрелкова. Ижевск, 2008. 344 с.

УДК 81.161.1 (045) +811.111 (045) +811.134 (045)

Д. Н. Полякова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «КОСМОС» (НА ПРИМЕРЕ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ С КОЛОРОНИМАМИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются основные теоретические предпосылки исследования и подходы к структуре лингвокультурного концепта, которую автор предлагает дополнить профессиональным компонентом, исследуются примеры вербализации концепта «космос» с помощью профессионально маркированных единиц с колоронимами и анализируются основные лингвистические процессы, характеризующие развитие терминосистемы данного языка для специальных целей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, язык профессиональной коммуникации, профессионально маркированные единицы, колороним.

D. N. Polyakova

PROFESSIONAL COMPONENT OF THE 'SPACE' CONCEPT VERBALIZED IN THE ASTRONOMIC PROFESSIONALLY MARKED LEXICAL UNITS WITH COLOR NAMES

Chelyabinsk State University

The paper discusses major linguistic approaches to the structure of a cultural concept, which can be supplemented by a professional component as suggested by the author. Some examples of professionally marked units with coloronyms verbalizing the concept of 'space' are studied alongside with major linguistic processes and phenomena characterizing the development of the astronomic term system.

Keywords: cultural concept, professional language, professionally marked lexical units, coloronym.

Следуя необходимости учитывать семантику, то есть отношение между языком и описываемой им областью предметов, современная наука оперирует активно развивающимся понятием «концепт». Концепт в философии и лингвистике – это смысловое значение имени или знака, содержание понятия. В отличие от самого знака и от соответствующего ему реального предметного значения (денотата, объёма понятия), концепт – это абстрактный объект, выражающий то, как мы воспринимаем то или иное понятие.

Лингвоцветовой концепт как любой культурный концепт является многомерным феноменом. Согласно В. И. Карасику и Г. Г. Слышкину, лингвокультурный концепт представляет собой условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры [1. С.75–80]. В. А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [2. С.48].

Наибольший интерес всегда представляли концепты, занимающие важное место в жизни этноса, хотя проблемы их исследования в современной лингвистике являются весьма сложными. Сегодня их рассматривают как многоуровневые ментальные сущности, вербализующие информацию различных уровней: фактическую,

оценочную, фигуративную, ассоциативную, эстетическую, национально и индивидуально специфическую и т.д. В числе наиболее значимых – концепты «космос» и «цвет», формирующие элементы языковой картины мира.

В структуре концепта выделяют общечеловеческий, или универсальный, национально-культурный, социальный, групповой и индивидуально-личностный компоненты [3. С.40–41].

Мы предлагаем включить в структуру лингвокультурного концепта еще один компонент, который, на наш взгляд, играет важную роль в формировании концептосферы взрослого человека. Этот компонент дополняет одновременно и индивидуально-личностный, и социально-групповой компоненты концепта. Мы назвали этот компонент «профессиональный». На наш взгляд, на формирование многих концептов может повлиять профессиональная специализация человека, его представления об окружающем мире через призму не только своего образования, но и сферы профессиональной деятельности. Всю жизнь индивид приобретает, хранит, использует и передает знания. Очевидно, что этот сложный процесс невозможен без концептуализации. Именно поэтому в последние десятилетия общепринятой стала практика изучения языковых явлений в их реальном функционировании

в различных сферах человеческой деятельности. Это дает возможность исследователям, выделяя новые понятийные единицы (концепты), анализировать специфические процессы их вербализации и отражения в языке.

В процессе профессиональной коммуникации используется специальный язык, отличный от языка бытового общения. Его систему образуют сложные связи и отношения различных элементов: терминов, устной профессиональной лексики (профессионализмов), профессиональных жаргонизмов и номенклатуры (номенов). В настоящее время принято выделять также группу «профессионально маркированных» идиоматических выражений. Последние, по мнению Е. И. Шестак, представляют собой сверхсловные устойчивые образования, обладающие свойством идиоматичности, которые... объективируют знание, полученное в рамках профессионального опыта в типовых ситуациях профессиональной деятельности. В них отражаются сложные с точки зрения познания объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием [4. С.10].

По содержательным свойствам и преимущественной сфере употребления фразеологизмы квалифицируются, по мнению исследователя, как термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. «С помощью профессионально маркированных ФЕ объективируется комплексная информация о профессиональных объектах, воспринятых номинатором в их нерасчлененной целостности... При переходе профессиональной единицы в общее употребление обыденное и специальное знание меняются местами: актуальным, выделенным оказывается обыденное знание, а профессиональное отходит на периферию» [4. С.5–6].

Обозначая базисные теоретические предпосылки, необходимые для анализа лексического материала по теме статьи, мы считаем необходимым указать на интегративное научное направление – лингвистику цвета, в рамках которой было проведено исследование. Объединив все элементы языка профессиональной коммуникации под термином «профессионально маркированные единицы» (далее ПМЕ), среди которых можно

выделить одно-, двух- и многокомпонентные, мы исследуем двух- и многокомпонентные профессионально маркированные устойчивые выражения с колоронимами. В их составе, в основном, базовые колоронимы (т.е. лексические единицы первого и второго уровней лингвоцветовой системы), а также широкоупотребительные колоронимы-гипонимы базовых цветовых наименований (колоронимы третьего уровня). Именно базовые колоронимы благодаря своей многозначности актуализируют различные компоненты лингвоцветовых концептов в составе терминов, профессионализмов, жаргонизмов, номенов и профессионально маркированных идиом.

В данной статье мы рассмотрим используемые в языке астрономии и астрофизики примеры двух- и многокомпонентных ПМЕ с колоронимами, являющихся элементами терминологической системы, вербализирующей концепт «космос».

В процессе своего формирования и развития ПМЕ в языках для специальных целей подвергаются влиянию различных языковых процессов, например, процессов **терминологизации, конкретизации, детерминологизации, идиоматизации** и феноменов. Определенное выражение с компонентом-колоронимом может использоваться в различных профессиональных сферах в качестве термина. Оно также может постепенно перейти в общее употребление, а затем заимствоваться в другие языки профессиональной коммуникации в качестве профессионального жаргонизма. При этом значение этой лексической единицы будет сужаться и конкретизироваться и иметь нюансы значений в различных терминосистемах.

Рассмотрим, например, выражение *черная дыра* (англ. *black hole*, исп. *agujero negro*), точный автор которого неизвестен. Оно возникло изначально как идиоматический профессионализм для обозначения области в пространстве-времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть её не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света. Само словосочетание было популяризовано Джоном Арчибалдом Уилером и впервые публично употреблено в популярной лекции «Наша Вселенная: известное и неизвестное» (англ. *Our Universe: the Known and Unknown*) 29 декабря 1967 года [5].

Постепенно оно стало восприниматься как термин, синонимичный использовавшимся ранее лексическим единицам «сколлапсировавшие звёзды» или «коллапсары» (от англ. collapsed stars), а также «застывшие звёзды» (англ. frozen stars). С течением времени в русском языке данный термин в результате процессов **детерминологизации** и **вторичной идиоматизации** вошел в общее употребление и приобрел переносное значение: *черная дыра* – воображаемое место, где пропадают или теряются все вещи.

На примере этой же ПМЕ можно рассмотреть процесс **вторичной терминологизации** и **конкретизации**, позволивших ей стать элементом различных языков профессиональной коммуникации. Так, после введения данного термина в общее употребление его стали активно использовать представители других профессий. В частности, в английском языке ПМЕ *black hole* можно встретить как жаргонизм в сфере экономики в значении «убыточное предприятие, поглощающее финансовые ресурсы», в сфере авиации в значении «полная темнота, отсутствие ориентиров во время полета или захода на посадку», а также в тюремном жаргоне в значении «тюрьма, гауптвахта». В английском языке можно выделить профессионально маркированный фразовый глагол *to black hole*, используемый в сфере безопасности в значении «остановить кого-либо при разглашении данных, предотвратить распространение информации», а также в сфере компьютерной безопасности в более специализированном значении «отключать поступление данных, посланных на определенный электронный адрес или с данного адреса, в частности, адреса, используемого спаммером».

Наличие парных лексических единиц *черная дыра* и *белая дыра* (среди астрофизических терминов служит примером **терминологической антонимии**). На традиционной оппозиции черного и белого цвета, являющих собой концептуальные противоположности, строятся многие мифологические представления и культурные концепты (например, мужское-женское; свет-тьма; добро-зло). В подобных случаях мы имеем дело с противопоставлениями на основе особенностей устройства цветового зрения человека (интенсивность

света), которое стало основой для дальнейших символических и переносных значений.

Оппозиция *черный – белый* актуализируется в данной паре на основе противопоставления тьма – свет. Теоретически предполагается, что белые дыры образуются при выходе из-за горизонта событий вещества чёрной дыры, находящейся в ином временном пространстве. Они являют собой гипотетическую особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве, с одной стороны которого находится черная дыра, всасывающая материю, а с другой – белая дыра, выбрасывающая во вселенную вещество и потоки излучения. Однако даже при наличии цветовой оппозиции, астрофизический термин *белая дыра* (англ. white hole, исп. *agujero blanco*) в значении «гипотетический физический объект во Вселенной, в область которого ничто не может войти; временная противоположность чёрной дыры» не стал широкоупотребительным и не имеет переносного значения.

Интересным примером нетрадиционной оппозиции в языке астрофизики можно считать антонимичные термины *красное смещение* (англ. red shift, RED, Einstein shift, исп. *desplazamiento al rojo*) и *фиолетовое смещение* (англ. violet shift, исп. *desplazamiento al azul*). В результате эффекта Доплера и/или эффектов общей теории относительности частота излучения от удалённых объектов, например, звёзд, может изменяться (понижаться или повышаться), а линии соответственно будут смещаться в красную (длинноволновую) или синюю (коротковолновую) часть спектра, сохраняя, однако, своё неповторимое относительное расположение. *Красное смещение* определяется как эффект изменения частоты испущенного некоторым источником света (собственно, любых электромагнитных волн) по мере удаления от массивных объектов (звёзд и чёрных дыр) и проявляется как сдвиг спектральных линий химических элементов в красную (длинноволновую) сторону. Это метагалактическое красное смещение, наблюдаемое для всех далёких источников (галактики, квазары) понижение частот излучения, – свидетельство нестационарности (расширения) Метагалактики и динамического удаления источников друг

от друга и, в частности, от нашей Галактики. Сдвиг спектральных линий в фиолетовую (коротковолновую) сторону называется фиолетовым смещением.

В процессе изучения лингвистического материала нами было выделено активное использование различных колоронимов в ПМЕ, построенных по одной словообразовательной и лексико-семантической модели, которое мы назвали «**палитрой колоронимов**». В подобных выражениях актуализируется как прямое, так и переносное значение лексем, номинирующих цвет и его ассоциаты.

Заслуживает внимания пример использования колоронима в составе ПМЕ для обозначения непосредственной длины световой волны, которая отображается в виде цвета. Можно выделить группу ПМЕ, построенных по модели колороним+шум. Так, в астрофизике (а также в акустике и электронике) для обозначения типа звукового сигнала, исходящего от объекта (в том числе космического) часто используется абстракция цветной шум (англ. *colour noise*, исп. *ruido de color*) – шум сигнала цветности. Это система терминов, приписывающая некоторым видам шумовых сигналов определённые цвета исходя из аналогии между спектром сигнала произвольной природы (точнее, его спектральной плотностью) и спектрами различных цветов видимого света.

Широко известен так называемый белый шум (англ. *white noise*, *Random noise*, *pure noise*, исп. *ruido blanco*) – стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону задействованных частот. Название получил от белого света, содержащего электромагнитные волны частот всего видимого диапазона электромагнитного излучения. Сейчас данный термин перешел в широкое употребление и связывается с феноменом электронных голосов, однако, уже за рамками официальной науки.

Помимо белого, ученые выделяют красный (броуновский) шум (исп. *ruido rojo/Browniano*) – шумовой сигнал, который производит броуновское движение. В практике перевода на русский и испанский языки его часто ошибочно называют коричневым шумом из-за того, что его англий-

ское название – *Brown (Brownian) noise*. Акустический красный шум, в сравнении с белым или розовым шумом, слышится как приглушённый. Розовый шум, также Фликкер-шум (фликкерный шум, 1/f шум; англ. *pink noise*, исп. *ruido rosa*) – шум, спектральная плотность которого изменяется с частотой f по закону $1/f$. Иногда розовым шумом называют любой шум, спектральная плотность которого уменьшается с увеличением частоты. Наиболее ярким примером розового шума может служить шум пролетающего вертолета. Серым шумом (англ. *grey noise*, исп. *ruido gris*) называют шумовой сигнал, соответствующий психоакустической кривой постоянной громкости по всем частотам, то есть для человеческого уха он имеет одинаковую громкость на всех частотах. Выделяют синий шум (англ. *blue noise*, исп. *ruido azul*) – вид сигнала, чья спектральная плотность увеличивается на 3 дБ на октаву, а также фиолетовый шум (англ. *violet noise*, *purple noise*, исп. *ruido violeta*) – вид сигнала, чья спектральная плотность увеличивается на 6 дБ на октаву. Существуют и другие, «менее официальные» цвета: оранжевый шум – квазистационарный шум с конечной спектральной плотностью; красный шум – естественный шум, характерный для больших водоемов – морей и океанов, поглощающих высокие частоты; зеленый шум – шум естественной среды, подобен розовому шуму с усиленной областью частот в районе 500 Гц; черный шум. Последний термин имеет несколько значений: тишина; ультразвуковой белый шум (с частотой более 20 кГц), аналогичный т.н. «черному свету» (с частотами слишком высокими, чтобы его можно было воспринимать, но способному воздействовать на наблюдателя или приборы); шум, спектр которого имеет преимущественно нулевую энергию за исключением нескольких пиков и др.

Аналогичная «палитра колоронимов» может быть приведена и для лексических единиц, представляющих собой наименования различных типов звездных объектов. Рассмотренные далее примеры ПМЕ были построены по модели (интенсификатор) + колороним+тип звезды.

Среди звезд-карликов выделены белый карлик (англ. *white dwarf*, *WD*, исп. *enana blanca*) – астрофиз. компактная звезда, лишённая собственных

источников термоядерной энергии: они светят только за счет запасенного тепла. Масса белых карликов сравнима с массой Солнца, но с радиусом в ~100 раз меньше солнечной. По численности белые карлики составляют по разным оценкам от 3 до 10% звёздного населения нашей Галактики. Создание теории белых карликов, отмеченное Нобелевской премией, стало одним из наиболее значимых открытий в астрономии. Существуют также тип чёрный карлик (англ. *black dwarf*, исп. *enana negra*) – астрофиз. остывший за триллионы лет и вследствие этого не излучающий (или слабоизлучающий) в видимом диапазоне белый карлик, представляющий собой конечную стадию эволюции этого типа звезд. Однако в настоящее время в астрономической литературе этот термин используется крайне редко.

Название красный карлик (англ. *red dwarf*, *red dwarf star*, исп. *enana roja*) получила относительно холодная звезда главной последовательности, диаметр и масса которой не превышает трети солнечной. Звезды этого типа испускают очень мало света, иногда в 10000 раз меньше Солнца. Благодаря медленной скорости сгорания водорода, красные карлики имеют очень большую продолжительность жизни – от десятков миллиардов до нескольких триллионов лет. Существует также голубой карлик (англ. *blue dwarf*, исп. *enana azul*) – гипотетический класс звезды, которая развивается из красного карлика после сгорания большей части водорода. Поскольку красные карлики сжигают свое топливо очень медленно, то настоящий возраст вселенной не достиг достаточного уровня для развития этого типа звездных объектов. Их существование основано на теоретических моделях. Голубые карлики со временем преобразуются в белые, как только водород будет полностью исчерпан.

Жёлтый карлик (англ. *yellow dwarf*, исп. *enana amarilla*) – тип небольших звёзд главной последовательности, имеющих массу от 0,8 до 1,4 массы Солнца. Время жизни подобных звезд составляет в среднем 10 миллиардов лет. Самым известным жёлтым карликом является Солнце. Соответственно своему названию, такие звезды имеют жёлтый цвет, а основным источником энергии является термоядерный синтез гелия из водорода. После того, как весь запас водоро-

да сгорает, звезда во много раз увеличивается в размерах и превращается в красный гигант.

В среди ПМЕ с палитрой колоронимов присутствует также коричневый, или бурый карлик или «субзвезда» (англ. *brown dwarf*, исп. *enana marrón*) – субзвёздный объект от 13 до 75~80 масс Юпитера, в недрах которой, в отличие от звёзд главной последовательности, не происходят реакции термоядерного синтеза (превращение лёгкого изотопа водорода в гелий). Коричневые карлики первоначально назывались чёрными карликами, и классифицировались как тёмные свободно плавающие в космическом пространстве субзвёздные объекты, имеющие слишком малую массу, чтобы поддерживать стабильную термоядерную реакцию. В систему звездных объектов включены и холодные формирования, по массе лежащие ниже предела коричневых карликов. Это субкоричневые карлики, или коричневые субкарлики (англ. *brown subdwarf*). Их в большей мере принято считать планетами. Научное сообщество пока не пришло к окончательному заключению о том, что считать планетой, а что – субкоричневым карликом и можно ли считать процесс формирования планет критерием для классификации.

В составе звездных объектов, помимо звезд-карликов, существует и тип звёзд со значительно большим радиусом и высокой светимостью, чем у звёзд главной последовательности. Звёзды со светимостью большей, чем у гигантов, носят название сверхгиганты и гипергиганты. Они имеют радиусы от 10 до 100 солнечных радиусов и светимости от 10 до 1000 светимостей Солнца.

Горячие и яркие звёзды главной последовательности могут быть отнесены к белым гигантам (англ. *white giant*, *white supergiant*, исп. *gigante blanco*, *supergigante blanco*). В отдельную группу выделяют красные гиганты и сверхгиганты (англ. *red giant*, *red supergiant*, исп. *gigante rojo*, *supergigante rojo*) – звёзды поздних спектральных классов с высокой светимостью и протяжёнными оболочками. Характерные радиусы красных гигантов и сверхгигантов составляют от 100 до 800 солнечных радиусов, максимум их излучения приходится на красную и инфракрасную области спектра. В этом классе звездных объектов выделяют также красные гипергиганты

(англ. *red hypergiant*, исп. *hipergigante rojo*) – звезды огромной массы и размеров, имеющие класс светимости 0, спектральный класс L-T.

Существует также класс *голубых гигантов* и *сверхгигантов* (англ. *blue giant*, *blue supergiant*, исп. *gigante azul*, *supergigante azul*). Это редкие и загадочные звезды, одни из самых молодых, крупнейших и самых ярких объектов в изученной области Вселенной: их масса варьируется от 10 до 70 масс Солнца, а светимость в тысячи и десятки тысяч превышает солнечную. Голубые сверхгиганты находятся в определённой фазе процесса «умирания», температура их поверхности достигает 20000–50000 °С. Особо яркие сверхгиганты часто классифицируются как *голубые гипергиганты* (англ. *blue hypergiant* исп. *hipergigante azul*) – звезда огромной массы и размеров, имеющая класс светимости 0, спектральный класс от O до A. Их радиусы превышают 1000 солнечных.

Здесь интересно отметить такой языковой феномен, как **омонимия**, поскольку обозначение *голубой гигант* может относиться не только к звезде определенного класса: прозвище *большой голубой гигант* среди астрономов получила планета Нептун из-за своего характерного синего цвета, который объясняется наличием следов метана во внешних слоях атмосферы. Кроме того, выражение голубой гигант используется не только в астрофизике: голубой гигант (англ. Big Blue) – распространённое полуофициальное прозвище компании IBM.

Наиболее редкими среди крупных звезд являются *желтые гипергиганты* (англ. *yellow hypergiant*) – звезда огромной массы и размеров, имеющая класс светимости 0, спектральный класс G. Эти звезды крайне неустойчивы: здесь происходят непрекращающиеся взрывные процессы. По размерам они иногда не больше сверхгигантов, однако, имеют значительно большую массу, приближающуюся к теоретическому пределу, являющемуся критическим, на грани перехода к формированию чёрной дыры.

В нашей Галактике массивных звёзд класса гипергигантов насчитывается всего около десятка. Они определяются как самые мощные, самые тяжёлые, самые яркие (более 500 тысяч, порой миллионы светимостей Солнца) и одновременно

самые редкие и короткоживущие сверхгиганты: из-за огромных масс продолжительность их жизни – от 30 до нескольких сотен миллионов лет. В этой фазе интенсивность протекающих в ядре звезды термоядерных реакций снижается, что приводит к сжатию массивной звезды. В результате происходит превращение относительно холодного красного сверхгиганта в горячий *голубой*. Возможен также обратный процесс: превращение *голубого* сверхгиганта в *красный*.

Колоронимы в этих астрономических терминах соответствуют объективным данным, обозначенным в спектральных таблицах и выверенных профессиональных диаграммах, однако приносят дополнительный смысловой оттенок, способствуя лучшему пониманию природы физических процессов, постоянно происходящих внутри соответствующих звездных объектов. Жизнь астрономических объектов протекает по определенным законам, обозначенным во всех своих стадиях терминами с использованием прямых цветономинаций. Все звезды с массой в десять солнечных масс и выше после того, как в них выгорит весь водород, становятся *красными* сверхгигантами, а когда выгорает весь гелий, некоторые из них проводят несколько миллионов лет в фазе *красного постсверхгиганта* или *желтого гипергиганта*. Короткий нестабильный период их жизни, которому астрономы дали наименование «*желтая эволюционная пустота*», характеризуется быстрым разогревом звездной поверхности.

Этот короткий период заканчивается в мощной вспышке сверхновой. Но есть и другой вариант: сразу же после стадии «*желтой пустоты*» они могут переродиться в другой, исключительно редко встречающийся звездный тип – более горячих переменных звезд. Большинство гипергигантов классифицируются как *яркие белые переменные* звёзды (англ. *luminous white variable*, исп. *variable luminosa blanca*) – очень крупные звезды, имеющая класс светимости 0, спектральный класс от A до F, звезды, блеск которых изменяется со временем в результате происходящих в их районе физических процессов.

Согласно современным теориям, переменные – всего лишь стадия эволюции очень массивных звёзд. Одной из них является *яркая голубая*

(иногда *синяя*) *переменная* (англ. *luminous blue variable* исп. *variable luminosa azul*) высокой светимости – очень крупная пульсирующая звезда класса «гипергигант», имеющая класс светимости 0, спектральный класс от О до А. Они показывают неправильные (иногда циклические) изменения блеска с амплитудой от 1 до 7 м. Яркие голубые переменные могут сиять в миллион раз сильнее, чем Солнце и их масса может составлять 150 солнечных. Обычно, это самые яркие голубые звезды галактик, в которых они наблюдаются. Время жизни таких звёзд очень мало: максимум несколько миллионов лет. Пройдя через несколько стадий, звезда заканчивает существование взрывом сверхновой.

Таким образом, развитие астрофизических ПМЕ с колоронимами характеризуется различными языковыми процессами, такими как терминологизация общеупотребительных лексических единиц, конкретизация, идиоматизация ПМЕ, вторичная терминологизация, образование антонимов, омонимов и использование

готовых моделей для образования новых ПМЕ с колоронимами (палитра колоронимов). Термины, профессионализмы, жаргонизмы и другие специальные языковые единицы, которыми оперируют астрофизики, представляют профессиональный компонент концепта «космос» и, находясь на периферии, дополняют структуру этого общекультурного концепта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карасик В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 75–80.
2. **Маслова В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.
3. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика. М.: Тетра-Системс, 2004. 256 с.
4. **Шестаков Е. И.** Профессионально маркированные фразеологические единицы в когнитивно-коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2008. 24 с.
5. Чёрная дыра. Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/astronomiya/CHERNAYA_DIRA.html.

УДК 81.255.2 (045)

Т. М. Рогожникова

ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУГГЕСТИИ

Уфимский государственный авиационный технический университет

В статье на примере анализа различных переводов одного стихотворения обсуждается суггестивный потенциал поэтического текста, анализируются психологическая (ассоциативная) цветность и фоносемантическая «аура» эмоционального образа вербальной модели, рассматривается современный инструментарий, позволяющий проводить подобное исследование.

Ключевые слова: суггестия, ассоциативная цветность, признаки текста, суггестивный код, вербальная модель

Т. М. Rogozhnikova

TRANSLATION OF THE POETIC TEXT THROUGH SUGGESTION

Ufa State Aviation Technical University

The suggestive potential of the poetic text is discussed through the analysis of different translations of the same poem. The psychological (associative) color and phonosemantics «aura» of verbal models emotional images are analyzed. The article also considers modern tools that allow conducting such investigation.

Keywords: suggestion, associative color, translation, text features, suggestive code, verbal model

Суггестия в тексте может быть причислена к интересным и социально востребованным проблемам, которые активно изучаются сегодня в рамках лингвистики и психолингвистики. Анализируя текст как пространство взаимодействия, мы можем судить о качестве и уровне психического воздействия, направленного на челове-

ка, декодировать латентные «помимовольные» (в терминологии Е. Д. Поливанова) импульсы, которые воспринимаются человеком без критической оценки и не осознаются, поскольку психологические механизмы суггестии в значительной мере лежат в сфере бессознательного.

Психофизиологический механизм суггестии был описан создателем учения о высшей нервной деятельности академиком И. П. Павловым. Как было установлено, в ответ на положительное психологическое воздействие в организме человека происходит активизация защитных ресурсов, при этом уровень активизации может быть высоким. Отрицательное психологическое воздействие, наоборот, ослабляет защитные свойства организма. Сильные эмоциональные переживания человека, часто находящие выход в потоке слов и действий, убеждают человека в их реальности. Воздействие вербальной модели реализуется через те эмоциональные, сенсорные, ментальные (интеллектуальные) состояния, которые данная модель вызывает в слушателе. В этом контексте поэтические тексты («рифмованная суггестия») занимают совершенно особое место, отличаясь высоким уровнем реализации суггестивной функции.

Исходя из того, что для понимания законов действия слова и суггестивных свойств языка необходимо научиться анализировать то явное и скрытое воздействие, которое оказывается на человека, мы сформулировали для себя несколько важных задач, которые требуют решения, и выявили несколько существенных опор, которые могут послужить фундаментом для создания инструментария в наших поисках. Для решения этих задач были проведены психолингвистические эксперименты с последующим анализом материала и его классификацией. Значительная часть экспериментального материала, полученного в период с 1978 по 2008 годы на материале разносистемных языков и в различных условиях, опубликована в коллективной монографии [1].

В данной публикации мы будем опираться на экспериментальные материалы и результаты анализа, полученные в ходе работы с разными переводами одного стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль». В пользу выбора именно этого произведения было несколько соображений:

1) многочисленные переводы на русский язык (мы работали с переводами Л. Мартынова, Д. Бродского, Д. Самойлова, Б. Лившица, П. Антокольского, Е. Витковского, Н. Стрижевской, М. Кудинова, А. Гилярова, В. Эльснера);

2) некоторая уверенность в том, что испытуемые (а ими были студенты технического вуза) не были знакомы с творчеством А. Рембо; впоследствии оказалось, что в этом смысле эксперимент был «чистым» и произведение воспринималось впервые;

3) «достаточная степень трудности» для того, чтобы способствовать попыткам рационального моделирования сюжета стихотворения, с одной стороны, и активизации эмоционального, языкового, когнитивного опыта – с другой.

Организация эксперимента с использованием этого поэтического произведения предполагала решение нескольких задач: исследовалось влияние контекста, рассматривались индивидуальные ассоциативные поля испытуемых (регистрировались все пришедшие в голову контекстные реакции (цепочка реакций) на предложенные слова–стимулы, записывались общие впечатления от произведения, а также то, как оно было понято), анализировался суггестивный потенциал каждого авторского перевода. Формат статьи позволяет нам детально обсудить лишь одну из заявленных задач: авторские переводы как суггестивные феномены.

Стихотворение «Пьяный корабль» по своему объему большое, поэтому ниже для сравнения переводов будут приведены лишь фрагменты из оригинала и известных нам переводов. Отметим только, что это «рассказ о том путешествии, в которое намерен отправиться поэт “ясновидец” ...; “видится” в данном случае некий корабль, пускающийся в плавание по беспокойному морю, быстро теряющий экипаж, и руль, в конце концов, готовый пойти на дно... В стихотворении возникает двойной образ “корабля–человека”, двойной судьбы – и разбитого корабля, и разбитого сердца поэта. Не корабль погружается в море, а душа – в океан, в океан бытия, где стихия впечатлений, необыкновенных ощущений нарастает мощными волнами, захлестывая разбитую душу поэта... В момент создания “Пьяного корабля” Рембо не было 17 лет [12. С.29–30]. Эта справка по поводу содержания и интерпретации стихотворения приводится для того, чтобы возможно было сравнить впечатления от разных переводов, взяв эту трактовку в качестве своеобразной условной исходной единицы.

Напомним небольшой фрагмент стихотворения А. Рембо, переводы разных авторов приводятся ниже вместе с результатами анализа:

*Mais, vrai, j'ai trop pleuré! Les Aubes narvantes.
Tout lune est atroce et tout soleil amer:
L'âcre amour m'a gonflé de torpeurs enivrantes.
O que ma quill éclate! O que j'aille à la mer!*
[19. С.262].

Из результатов постэкспериментальных опросов участников экспериментов (с каждым переводом работала группа из 10 студентов, которые затем читали переводы других авторов) следует, что все переводы воспринимались как совершенно разные поэтические произведения. Информация о том, что это одно стихотворение, переведенное разными авторами, вызывала крайнее удивление и недоверие. Даже когда предлагалось обсудить сюжет произведения, сформулировать его содержание, обратив внимание на передаваемое своими словами сходство, сомнения испытуемых не рассеивались, что свидетельствует о совершенно разном качестве воздействия одного и того же содержания, переданного различными комбинациями вербальных моделей. Поскольку различные вербальные продукты воздействуют на человека с разной силой, мы можем говорить о степени выраженности и проявленности их суггестивных признаков. В этом контексте слово/текст сами становятся теми инструментами, с помощью которых возможно заранее задать суггестивный вектор, а результаты прогнозировать с высокой степенью вероятности. Но до сих пор все еще открытыми остаются вопросы о том, как измерить силу воздействия и как установить его качество? С помощью каких единиц мы можем подойти к решению этих вопросов?

Ранее мы писали о трех направлениях, которые, на наш взгляд, позволяют исследовать идиосостояния семантики с психолингвистических позиций [14. С.2010]. **Первое направление** увязывается с изучением результатов альфа- (бета- дельта -тэта) – активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов. Сознание человека функционирует в широком диапазоне ритмов мозга. Высококачественная бета-активность мозга, характерная для состояния бодрствования, выстраивает наше ви-

дение предметного мира, формирует образ мира и ту «боевую готовность», с которой человек с миром взаимодействует. Есть и другие виды ритмической активности, идущие по каналам альфа, тэта и дельта- ритмов. Частота и амплитуда волн зависят от синхронной работы нервных клеток. Длинноволновой диапазон возможен при синхронной работе клеток, в этом случае мозг становится чувствителен и к слабым сигналам. Наиболее подходящим примером является состояние медитации, при котором наступает остановка внутреннего монолога. Такое же состояние наступает и в момент глубокой молитвы, при этом индикатором такого состояния может служить электрическая активность мозга (низкочастотные дельта-ритмы). Различные вербальные модели (полярные в особенности) являются уникальным источником, активизирующим весь диапазон восприятия человеком мира [13].

Второе направление, представляющееся нам столь же перспективным, связано с исследованиями психосемантики цвета и потенциала звукоцвета. Если у человека возникают определенные состояния, связанные с воздействием на него звукоцветовых гамм (психологические основы символики цветов были разработаны еще И. В. Гете, установившем группы цветов по психическому положительному и отрицательному воздействию), то нет особых проблем с выбором базисных состояний и описанием работы сознания в терминах вектора состояний. Анализ цветовой ассоциативности звуков, опирающийся на экспериментальную проверку получаемых результатов, уже имеет свою историю и традиции. Палитра звуковой ткани языка изучается А. П. Журавлевым, И. Ю. Черепановой, Л. П. Прокофьевой, Н. В. Серовым, А. Эткиндо. Исследования Л. П. Прокофьевой звуко-цветовой ассоциативности художественных произведений продемонстрировали специфические многоаспектные отношения между смысловой структурой текста в денотативной основе и его фоносемантическим уровнем. Автор обнаружила несколько уровней сложного взаимодействия универсальных законов восприятия, национальных особенностей цвето-звуковой ассоциативности и индивидуальных проявлений синестетических феноменов восприятия и репродукции [9, 10].

В работе Н.В. Ефименко анализируется психологическая структура цветового значения звукобукв русского языка, исследуется взаимосвязь звука и его ассоциативного цветового окружения, а также проводится сопоставительный анализ цветового наполнения текстов образовательного характера на русском и английском языках [5].

В ходе экспериментальных исследований [16; 17; 18] было установлено, что анализ звуко-цветовых соответствий позволяет эксплицировать латентную информативность и экспрессивность вербальной модели. Среди вопросов, на которые искали ответы, особо следует выделить проблему поиска универсальных семантических закономерностей индивидуального шкалирования цветов и установления инструмента измерения фонетической значимости звуков и их колористического наполнения. К принципиально важным аспектам анализа относятся и математические расчеты для получения коэффициента ожидаемой частоты совпадений цветовой оценки звукобукв.

Третье направление исследований увязывается с описанием «вектора состояний» индивидуального ассоциативного поля, который возможно описывать через анализ единиц ядра идиолексикона человека методом фоносемантической оценки слов. Подобное исследование провела Р.А. Даминова, которая обнаружила, что единицы ядра ментального лексикона, функционируя с положительной фоносемантической оценкой, удерживают вокруг себя ассоциативную оболочку с отрицательной оценкой [3. С.2010]. Таким образом, описание психологической структуры семантики слова можно вести в рамках конечного пространства состояний определенной размерности. Индивидуальная семантика ограничена числом допустимых для нее состояний, при этом развитие семантики становится реальным именно благодаря потенциалу, содержащему возможности для расширения своего пространства состояний.

Сегодня к названным трем направлениям исследования суггестивного потенциала вербальных моделей мы можем добавить еще два. **Четвертое направление** связано с ранжированием признаков звукобукв и выделением особых языковых единиц текста, которые с наибольшей степенью вероятности кодируют и декодируют

суггестивный заряд данной вербальной модели. В качестве рабочего названия для подобного рода языковых единиц возможно предложить термин «текстофонема». Интересное исследование провела Д.С. Ищенко, исследовавшая закономерности авторской организации вокалической и консонантной структуры стиха и репрезентации его фонемного состава [8]. Автор использовала данный термин для выявления лингвоэстетических принципов фонетической организации поэтической речи В.Я. Брюсова и для экспликации особенностей фоносемантических и цветофоносемантических ассоциаций, проявляющихся в результате корреляций авторских звуковых смыслов с содержательной стороной стихотворений.

Пятым направлением мы обозначили для себя суггестивные возможности ритмической организации текста. Поскольку работа над этой компонентой суггестивного воздействия нами только начата, в данной публикации мы не будем использовать уже полученные предварительные результаты.

Остановимся на алгоритме анализа, который был проведен с каждым авторским переводом стихотворения. Во-первых, изучались комбинации ритмов мозга; во-вторых, ранжировались доминантные признаки текста; в-третьих, рассматривалась психологическая (ассоциативная) цветность модели; в-четвертых, делались заключения о степени и качестве суггестивного воздействия перевода того или иного автора.

В ходе анализа использовались программные продукты, позволяющие анализировать вербальный материал с разных точек зрения зрения. Компьютерная программа ВААЛ (авторы В.И. Шалак, М.Н. Дымшиц) позволяет прогнозировать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры слов на человека, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданными фоносемантическими параметрами, выявлять психологические качества авторов текста, проводить контент-анализ текстов. Аналитическая программа DIATONE, разработанная в лаборатории профессора И.Ю. Черепановой, способна определять подсознательные реакции человека на текстовую или вербальную информацию.

Программа ЗВУКОЦВЕТ (авторы профессор Л. П. Прокофьева, программист Т. В. Миронова, канд. физ. – мат. наук И. Л. Пластун) представляет собой универсальную русско-английскую программу для выполнения ряда задач. Программа рассчитывает частотность графонов русского и английского прозаического, поэтического и драматургического текстов; определяет цветность текстов на основании рассчитанной частотности звукобукв; определяет наличие приемов аллитерации и ассонанса в тексте; анализирует каждый абзац текста и текст целиком, благодаря чему достигается эффект динамики звуко-цветовой ассоциативности. Компьютерная программа автоматизированного анализа текста «БАРИН», разработанная коллективом авторов (руководитель проекта Т. М. Рогожникова, программист С. А. Воронков, аспиранты Н. В. Ефименко, Р. В. Яковлева) выполняет интерпретацию звуко-цветовых соответствий в тексте (художественно-графический образ текста), устанавливает динамику цветового наполнения слова и текста, регистрирует ведущий цвет текста, ранжирует монохромную ядерную зону и многоцветную периферию цветового значения вербальной модели. С помощью данной компьютерной программы мы получаем цветовой образ слова и текста, который возможно интерпретировать, используя таблицы цветовых сублиматов. Корректируя значение, заложенное на уровне звуко-цветовой ассоциативности, исследователь может прогнозировать появление определенной эмоциональной реакции на текст и усовершенствовать вербальную модель (текст, высказывание, словосочетание, слово) с целью повышения ее информативности на фоносемантическом уровне.

Используя разные компьютерные программы, мы выделили те опоры, которые позволяют нам проводить сопоставительный анализ материала. Мы остановились на трех: **качество воздействия** (определялось через установление доминирующего при восприятии того или иного псевдонима ритма мозга). Идея изучать суггестивные возможности текста через обращение к ритмической активности мозга принадлежит И. Ю. Черепановой, которая уже в своей докторской диссертации говорила о необходи-

мости изучать латентные языковые закономерности с помощью специально ориентированных на исследование суггестии методов [20]. В новой версии программы, созданной в лаборатории И. Ю. Черепановой, улучшены параметры всестороннего фоносемантического анализа и встроена дополнительная функция анализа – влияние текста на ритмы мозга. Технически с помощью названного инструмента возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» или «-», в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» и позиция жесткого воздействия со знаком «-». Преобладание определенного ритма, выявленное при работе со стимулом, означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению того или иного эмоционального состояния, связанного с данным явно выраженным ритмом. Таким образом, анализируя варианты переводов сквозь призму возникающих при их восприятии мозговых волн, мы приписываем им определенное качество воздействия на человека.

Второй опорой для нас явились наборы **характеризующих и определительных признаков**, которые описывают фоническую оболочку слова. Носители языка не осознают и не анализируют ее как содержательно значимую, однако, как установлено в многочисленных экспериментах, именно она устанавливает вектор процесса понимания, превращая неосознанно воспринимаемые звуки и их комплексы в содержательные. Еще в 60-е годы прошлого века Илья Наумович Горелов проводил эксперименты с псевдословами [2]. Результаты экспериментов позволили поставить вопрос о национальной и языковой зависимости перцептивной деятельности человека. Работы в области фоносемантики убеждают нас в том, что признаки незвукового свойства подобно ауре окружают слово, создавая его звуковой облик. Именно этот звуковой «клик» слова ассоциативно увязывается с разнообразными чувственными представлениями. Для установления признаков, наполняющих звуковой облик слова, можно использовать принцип семантического

дифференциала Ч. Осгуда, основная идея которого заключалась в том, что значение можно оценивать, помещая его в любую точку шкалы между двумя антонимичными стимулами. Размерность пространства, образованного векторами, соответствующими предъявляемым стимулам, равна трем, а базисными векторами пространства являются такие комбинации шкал семантического дифференциала, которые интерпретируются как: Оценка (шкала «хороший-плохой»); Сила – «сильный-слабый»; Активность-«активный-пассивный». А. П. Журавлев применил принцип семантического дифференциала для выявления содержательности языковой формы на фонетическом уровне [6; 7]. Л. П. Прокофьева [9] отмечает, что при наличии разнообразных дополнительных методик основным методом является выявление и подсчет значимых отклонений от нормальной частотности звукобукв в речи и тексте, соотношение их с матрицей оценок звукобукв русского языка по 25 бинарным шкалам и вычисление на этой основе максимально значимых для данного текста признаков. Классификации, которые строились на основании фонетической значимости звуков, оказались классификациями по их физическим характеристикам. Информант, отвечая на вопрос «нежный это звук или грубый?», бессознательно опирается на физические свойства звуков. Это означает, что фонетическая значимость звуков речи основана на их физических характеристиках и, следовательно, каждой признаковой шкале можно найти соответствие среди этих характеристик.

И, наконец, третьей опорой послужила информация о **цветовой ассоциативности слова**. Ассоциативная структура цветового значения позволяет нам размышлять над проблемой воздействия психологического (ассоциативного) цвета на эмоциональное состояние человека.

Итак, перевод Л. Мартынова:

*Но, впрочем, хватит слез! Терзают душу зори.
Ужасна желчь всех лун, горька всех солнц мездра!
Опойно вспучен я любовью цепкой к морю.
О, пусть мой лопнет киль! Ко дну идти пора
[12. С.391].*

При восприятии данного текста доминирует *альфа-минус* ритм, свидетельствующий о возбужденном состоянии и влечении к ненужному

риску, к нарушению норм поведения. Доминирующими признаками являются: *тихий, злоеущий, печальный, тоскливый, минорный*. Текст нейтральный и не относится к суггестивно сильным. Это текст-экстраверт, причем доброжелательный, несмотря на трагичность описываемого события. Ритмичность текста высокая.

Ассоциативная цветность текста Л. Мартынова: *ядерная зона* – белый, синий, красный, зеленый цвета; *периферия* – серый, черный, коричневый, чернильный.

Перевод Д. Бродского:

*Впрочем, будет! По-прежнему солнца горьки,
Иступлены рассветы и луны свирепы,–
Пусть же бури мой кузов дробят на куски,
Распадаются с треском усталые скрепы
[19. С.305].*

При восприятии данного перевода активизируются *дельта-минус* и *тэта-минус* ритмы. На внешнем уровне это может проявляться бессознательным гневом, раздражением, потерей воли. Доминирующими признаками являются: *злоеущий, темный, печальный, тихий*. Ритмичность текста высокая. Текст жесткого кодирования, вызывает отрицательные эмоции. Текст-интраверт, при этом – «агрессивный».

Ассоциативная цветность текста Д. Бродского: *ядерная зона* – синий, красный, белый; *периферия* – черный, серый, зеленый, коричневый, хаки, цвет морской волны, желтый, малиновый (периферия более богата оттенками).

Перевод Д. Самойлова:

*Я изрыдался! Как ужасен ход времен.
Язвительна луна и беспощадны зори!
Я горечью любви по горло опоен.
Скорей разбейся, киль!
Пусть я кану в море [11. С.181].*

Текст способствует доминантности *тэта-плюс* ритмов, ответственных за возникновения чувства сонливости и покоя. Доминируют признаки: *яркий, радостный, светлый, прекрасный, бодрый*. Ритмичность текста высокая. Мягкое гипнотическое воздействие текста.

Ассоциативная цветность текста Д. Самойлова: *ядерная зона* – красный, синий, белый, зеленый; *периферия* – голубой, серый, черный, желтый, оттенки голубых и темных синих цветов, цвет морской волны, оранжевый.

Перевод Б. Лившица:

*Я вдоволь пролил слез. Все луны так свирепы,
Все зори горестны, все солнца жестоки,
О, пусть мой киль скорей расколется буря в щелы,
Пусть поглотят меня подводные пески [II. С.393].*

Текст активизирует *дельта-минус* ритм, уязвляющийся с проявлением отрицательных эмоций. Доминирующие признаки: *стремительный, зловецкий, тихий, минорный, темный, устрашающий*. Текст «агрессивный и недоброжелательный», причем показатели этих характеристик самые высокие из всех переводов, которые мы анализировали. Ритмичность текста низкая.

Ассоциативная цветность текста Б. Лившица: *ядерная зона* – синий, белый, зеленый, красный; *периферия* – черный, хаки, вишневый, серый, оранжевый, голубой.

Перевод П. Антокольского:

*Слишком долго я плакал! Как юность горька мне,
Как луна беспощадна, как солнце черно!
Пусть мой киль разобьет о подводные камни,
Захлебнуться бы, лечь на песчаное дно [II. С.397].*

Текст жесткого кодирования, вызывает *альфа-минус* ритмы, способствующие возникновению возбужденного состояния, влечению к ненужному риску, к нарушению норм поведения.

Признаки: *суровый, зловецкий, прекрасный, печальный*. Анализ категории акцентуации указывает на присутствие в авторском тексте таких характеристик как «возбудимость», «депрессивность».

Ассоциативная цветность текста П. Антокольского: *ядерная зона* – красный, белый, синий, черный, зеленый, темно-синий; *периферия* – коричневый, хаки, серый, сиреневый, цвет морской волны.

Перевод Е. Витковского:

*Но – я исплакался! Невыносимы зори,
Мне солнце шлет тоску, луна сулит беду;
Острейшая любовь нещадно множит горе.
Ломайся, ветхий киль, – и я ко дну пойду
[II. С.400].*

Тэта-минус текст, вызывающий бессознательный гнев, раздражение, панику.

Признаки текста: *медлительный, темный, зловецкий, печальный*. В тексте регистрируются высокие показатели таких акцентуаций как «депрессивность», «возбудимость», «паранойяльность».

Ассоциативная цветность текста Е. Витковского: *ядерная зона* – синий, белый, красный, зеленый, темно-синий, черный; *периферия* – цвет морской волны, хаки, малиновый, оранжевый, голубой, желтый (палитра цветов равномерная и радужно богатая).

Перевод Н. Стрижевской:

*Я долго слезы лил! Довольно! Горьки зори!
Все солнца как полынь! Все луны заодно!
Я съеден ржой любви, опоен брагой горя!
Пусть трещит мой киль! Скорей бы лечь
на дно! [II. С.403].*

Дельта-плюс и *тэта-плюс* ритмы способствуют возникновению легкого позитивного транса, расслабленности, вызывают состояние глубокого покоя, наслаждения, сонливости. По своим признакам текст: *яркий, бодрый, радостный, светлый, сильный*. «Экстраверсия» и «агрессивность» текста взаимодействуют с такими категориями как «возбудимость», «паранойяльность», «гипертимичность». Сложный текст, в котором «идет борьба» ритмов, признаков и характеризующих категорий.

Ассоциативная цветность текста Н. Стрижевской: *ядерная зона* (весьма большая для этого текста) – белый, синий, красный, зеленый; *периферия* (довольно скудная по количественным показателям) – темно-синий, черный, голубой.

Перевод А. Гилярова:

*Но, поистине, я слишком много плакал. Зори раздирают душу,
всякая луна жестока, и всякое солнце горько.
Острая любовь
меня вспучила упоительными оцепенениями. О,
пусть разлетится
мой киль! О, пусть я пойду в море! ... [II. С.377].*

Тэта-плюс ритм, вызываемый текстом, способствует наступлению состояния сонливости и покоя. По признакам текст: *светлый, нежный, тихий, медлительный*. Если в переводе

Н. Стрижевской регистрировалась «экстравертная агрессивность» текста, то у А. Гилярова текст-интраверт передает нам информацию об утрате «независимости» и «самоконтроля».

Ассоциативная цветность текста А. Гилярова: *ядерная зона* – синий, белый, красный; *периферия* – серый, темно-синий, оранжевый, голубой, цвет морской волны, хаки, коричневый, желтый, малиновый.

Перевод М. Кудинова:

*Но слишком много слез я пролил! Скорбны зори,
Свет солнца всюду слеп, везде страшна луна.*

*Пусть мой взорвется киль! Пусть погрузюсь
я в море!*

Любовью терпкою душа моя пьяна [11. С.84].

Бета-плюс ритм – ритм физической и умственной активности, бодрого состояния. По признакам текст: *темный, злоециый, медлительный, нежный*. Текст «доброжелателен» и «неагрессивен», при этом высоки показатели акцентуации «возбудимость», «депрессивность».

Ассоциативная цветность текста М. Кудинова: *ядерная зона* – белый, синий красный; *периферия* (насыщенная и разнообразная) – голубой, серый, зеленый, черный, оранжевый, малиновый, цвет морской волны, хаки, коричневый, сиреневый.

Перевод В. Эльснера:

*Но слишком устал я чудесным томиться,
Нирваною холода, пыткой огня ...*

*Так пусть же мой киль на куски раздробиться
И море бесследно поглотит меня! [11. С.379].*

Текст *жесткого комплексного воздействия*, возбуждающего отрицательные эмоции.

По признакам перевод: *тихий, минорный, печальный, темный*. Текст-интроверт, при этом неагрессивный, но и недоброжелательный.

Ассоциативная цветность текста В. Эльснера: *ядерная зона* – синий, белый, красный; *периферия* (разнообразная и равномерная) – темно-синий, зеленый, черный, цвет морской волны, голубой, серый, хаки, коричневый, оранжевый, малиновый.

Итак, 2 текста активизируют альфа-минус ритм, 1 текст – дельта-и-тэта- минус ритмы, 2 – тэта-плюс ритм, 1 – дельта-минус ритм, 1- тэта-минус ритм, 1- дельта- и -тэта-плюс ритмы, 1 – бета-плюс ритм, 1 текст с жесткой формой комплексного воздействия (синхронизация потенциалов со знаком минус). Всего: 6 текстов с минус- ритмами и 4 перевода с плюс-ритмами. Мы видим, что ритмическая палитра разнообразна. Одно и то же содержание, представленное разными вербальными моделями, вызывает различные эмоции и по-разному воспринимается. И теперь мы можем объяснить и обосновать полученные нами отклики участников эксперимента на данные тексты как на разные произведе-

дения, вызывающие различные эмоции и эмоционально-лексические оценки. Это объяснение основывается не на нашей интуиции и «языковом чутье», а на результатах анализа, полученных с помощью 4 компьютерных программ. Эти программные продукты созданы разными авторами, работающими независимо друг от друга. Результаты этого анализа можно повторить и перепроверить, а алгоритм дополнить и улучшить.

К нашему сожалению, сегодня нет инструментария, с помощью которого мы могли бы сравнить полученные данные с оригинальным текстом на французском языке. Ведь только подобное сравнение позволило бы нам выявить наиболее близкий на глубинном уровне перевод, наиболее удачно передающий «эмоциональное состояние» оригинального текста. И мы смогли бы доказательно утверждать, что тот или иной автор-переводчик заслуживает предпочтения в случае необходимости выбрать лучший вариант перевода. На материале французского языка эту часть анализа мы делать пока не можем. В нашем арсенале имеются 4 языка, на материале которых подобный анализ возможен: русский, английский, татарский, башкирский языки.

Мы рассмотрели 10 вариантов перевода одного стихотворения, приведя примеры анализа 10 четверостиший. Для более детального рассмотрения «ауры» эмоционального образа вербальной модели попробуем создать еще более жесткие условия анализа. Выберем две фразы, которые на семантическом уровне возможно рассматривать как корреляты, объясняя одну через другую. «*Я долго слезы лил!*» [пер. Н. Стрижевской] и «*Но, поистине, я слишком много плакал!*» [пер. А. Гилярова]. Наша наивная картина мира, а также имеющаяся в индивидуальном сознании система семантических связей позволяют нам создавать осмысленный набор понятий и отношений между ними, осознавая их адекватность реальной жизни. «Долго слезы лить» – это значит «слишком много плакать». При этом мы имеем две грамматически сопоставимые структуры (грамматическая основа предложения: предложения простые, двусоставные, распространенные, полные; сказуемые в форме прошедшего времени). Эти две похожие на по-

верхностном уровне вербальные конструкции разительно отличаются друг от друга на глубинном неосознаваемом уровне. Предложение «Я долго слезы лил» нейтрально по качеству своего воздействия (ритмы мозга синхронизированы); ассоциативная цветовая палитра: синий, голубой, белый, черный, зеленый, оранжевый (ядро – синий цвет, составляет 35,71%), фоносемантические признаки: сильный, яркий, прекрасный. Предложение «*Но, поистине, я слишком много плакал*» вызывает дельта-минус ритм, появление которого сопровождается отрицательными эмоциями, безвольным подчинением. Цветовая палитра: ядерный цвет синий (27,59%), другие цвета – белый, красный, темно-синий, серый, черный, голубой, зеленый, коричневый, оранжевый. Фоносемантические признаки: темный, суровый, тоскливый, тихий, медленный, злоеший.

Это свидетельствует о том, что эмоциональные ассоциативные образы этих моделей значительно отличаются друг от друга. В психологическом плане одна модель не может заменять другую без серьезных изменений в коммуникативном пространстве.

Сегодня мы можем декодировать суггестивный потенциал слова, расшифровать его суггестивный код, степень и качество воздействия на человека конкретной вербальной модели, рассмотреть цветность ассоциативной ауры слова, создать статический и динамический образы слова, основанные на его фоносемантических особенностях. Все это позволяет видеть перспективы улучшения экологии коммуникации и побуждает нас создавать инструментарий, который обеспечит условия для созидательной деятельности в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Галерея ассоциативных портретов:** монография / Т.М.Рогожникова и др.; под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: УГАТУ, 2009. 448 с.
2. **Горелов И.Н.** Разговор с компьютером. Психоллингвистический аспект проблемы. М.: Наука, 1987. 256 с.
3. **Даминова Р.А.** Единицы ядра ментального лексикона: фоносемантический аспект // Психоллингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. Тез. докл. XVI Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М.: Изд-во «Эйдос», 2009. С. 279–280.

4. **Даминова Р.А.** Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 24 с.
5. **Ефименко Н.В.** Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 208 с.
6. **Журавлев А.П.** Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 148 с.
7. **Журавлев А.П.** Компьютерный звукоцвет: Альбом. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2004. 108 с.
8. **Ищенко Д.С.** Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В.Я. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.
9. **Прокофьева Л.П.** Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 280 с.
10. **Прокофьева Л.П.** Звуко-цветовая ассоциативность: сознательное и бессознательное // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум /Сб. докл. и сообщ. международ. научн. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 520–526.
11. **Рембо А.** Стихи. Последние стихотворения. Озрения. Одно лето в аду. Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 1982. 505 с.
12. **Рембо А.** Поэтические произведения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1988. 545 с.
13. **Рогожникова Т.М.** Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психоллингвистический подход: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 96–103.
14. **Рогожникова Т.М.** Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект // Вопросы психоллингвистики. М.: ИЯ РАН; МИЛ. Вып. 2 (10), 2009. С. 50–56.
15. **Рогожникова Т.М.** Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психоллингвистики. № 2 (12). М.: ИЯ РАН, 2010. С. 48–56.
16. **Рогожникова Т.М.** Этнокультурная специфика цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Межд. науч. – метод. конф. Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2011. С. 51–55.
17. **Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р.** Исследование цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Языковое бытие человека и этноса: психоллингвистический и когнитивный аспекты. Вып.17. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. С. 241–246.
18. **Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р.** Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. Уфа: Изд-во БашГУ, 2012, Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение) С. 1313–1320.
19. Французская поэзия XIX–XX веков: сборник (на франц. яз.). М.: Прогресс, 1982. 672 с.
20. **Черепанова И.Ю.** Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 1996. 426 с.

УДК 82.091 (045)

Н.К. Сарсекеева

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА ЛИТЕРАТУР В XX ВЕКЕ

Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби

В статье рассматривается экзистенциальная проблематика творчества отдельных представителей испанской, русской и казахской литератур. Исследование указанных аспектов позволило углубить существующие представления о диалоге разных культур и литератур в XX веке, вопросах национальной самоидентификации и специфике художественного сознания современности.

Ключевые слова: Ортега -и- Гассет, экзистенциализм, реальность, текст, сознание, свобода, сюжет.

N.K. Sarsekeeva

THE EXISTENTIAL ASPECTS OF THE DIALOGUE OF LITERATURE IN THE TWENTIETH CENTURY.

Kazakh National University by Al-Farabi

The article deals with the existential problems of the work of individual representatives of the Spanish, Russian and Kazakh literature. The study of these aspects will deepen understanding of unsettled dialogue of cultures and literatures, their common ground on national identity and specificity of the artistic consciousness.

Keywords: Ortega -i- Gaset, Existentialism, reality, text, consciousness, freedom, story.

Избранный в данной работе аспект рассмотрения литературного процесса имеет свою мотивацию. Так, автор фундаментальной работы «Дегуманизация искусства» выдающийся испанский философ и публицист Ортега-и-Гассет Х. [8. С.230], одним из первых отметил тот факт, что для писателя XX века проблемой становится сама «реальность», понимаемая как непосредственно наблюдаемый порядок вещей. Рассматривать искусство со стороны «социального эффекта», замечал философ, сродни попытке изучать человека по его тени. По мысли Х. Ортеги, в движении от «реального» к «ирреальному» заключается суть перелома, охватившего художественную культуру на рубеже XIX–XX в.в. Наступивший XX век принес новую концепцию личности, менее зависимой от среды, более свободной духом. Согласно представлениям испанского философа, человек должен отныне искать свои собственные обстоятельства в их пределах и особенностях.

Подлинную реальность, дающую смысл человеческому бытию, автор «Размышлений о Дон-Кихоте» усматривал в истории, интерпретируя ее в духе экзистенциализма как духовного опыта непосредственного переживания. Заново освоить обстоятельства есть реальная судьба человека, утверждал философ. Знаменитую формулу Ортега-и-Гассета: «Я есть Я и мои обстоятельства» («Yo soy yo y mi circunstancia») можно считать своеобразным испанским вариантом экзистенциализма. Человек стремится к знаниям, но ему никогда не удастся познать хоть нечто,

а человеческие намерения никогда не осуществляются так, как они задуманы. Судьба человека быть лишь «обещанием», живой утопией. Обобщая, он утверждал: во всяком начинании человека есть нечто утопическое.

Как известно, экзистенциализм оставался одним из главных направлений философии во всех странах послевоенной Европы, а в самой Испании его влияние оказалось настолько сильным, что практически ни один испанский мыслитель 1940–1980-х годов не избежал его воздействия. Стремление «деформировать» реальность на практике ведет к исчезновению характера, понимаемого как «чеканное воплощение личности», исчезновению развернутого сюжета, замене изображения соответствующими рефлексиями и др. Все это в совокупности, как пишет Ортега-и-Гассет, являет собой дегуманизацию искусства – осознанный отказ художника «состязаться с реальностью», предпочитая ей «ирреальность». Суть происходящих перемен он определял как ломку «прежней перспективы», когда из искусства вытесняется слишком «человеческое».

Мигель де Унамуно (1864–1936), известный испанский писатель, философ, лидер «Поколения 1898 года», ученый, заведовавший кафедрой греческой филологии одного из самых серьезных университетов Испании – Саламанкского университета, создал собственный лозунг «Внутри!», подразумевавший проникновение «внутри реальности», «внутри» человеческого сознания. Стремясь к возрождению и укреплению

нию живой традиции испанской литературы, он предвосхитил в своем творчестве многие художественные новации европейского искусства, сочетая различные его традиции. Несмотря на факт принадлежности его творчества к периоду конца XIX-первой трети XX века, наследие писателя соответствует всем параметрам художественного сознания XX века, как отмечает исследователь [3. С.73].

Творчество Мигеля де Унамуно принято считать предтечей экзистенциального сознания. Он предвосхитил своими произведениями наступивший неумолимо тревожный XX век, в котором человек, его борьба со своим внутренним «я», постановка экзистенциальных, онтологических, метафизических вопросов становится главной проблемой художественного сознания. Его романы, которые он называл *ниволами* – «Любовь и педагогика» (1902 г.), «Туман» (1914 г.), «Авель Санчес» (1917 г.), «Тетя Тула» (1921 г.), «Святой Мануэль Добрый, мученик» (1931 г.) и другие, мало напоминали этот жанр ввиду отсутствия традиционных характеров и психологического их анализа, выстроенного, разветвленного сюжета и фабулы, как это было принято в западноевропейской литературе XIX века. Да и сам термин *ниволы* был образован писателем от полудетского, в духе игры искажения термина «*novela*» (исп. «роман»).

Герои «нивол» Мигеля де Унамуно, «носители идеала и воли», независимо от их возраста и социальной принадлежности, отличаются стремлением остаться самими собой в противостоянии с другими людьми, трагизмом собственного существования. Они отчаянно сопротивляются воле других людей, порой – авторской воле и наперекор желанию читателя. Сам писатель называл своих героев «агонистами», в самом слове «агония» усматривал его исконный смысл, связанный с греческим словом «агон» – «борьба». Герои писателя находятся в перманентном состоянии внутренней борьбы надежды и отчаяния, Веры и сомнения в их стремлении не быть тем, кем хотели бы видеть их другие. У них все меньше сил для сопротивления сомнениям и неверию, отрицанию традиционных идеалов, тотальному нигилизму, часто – на почве ослабления религиозных настроений.

Центральная проблема философии Мигеля де Унамуно – духовная жизнь личности, сосредоточенная, по его представлениям, на стремлении разрешить противоречия конечности человека и бесконечности жизни. «Агония» связана с трагическим восприятием жизни, а ее основная причина – непримиримый дуализм разума и веры. Эти вопросы подробно рассмотрены в работах философа «Трагическое чувство в жизни людей и народов» (1913 г.) и «Агония христианства» (1924). Утверждая личный, «экзистенциальный» характер философской истины, констатировал непримиримые противоречия научного и духовного прогресса, считал возрождение личности («героическое безумие», «кихотство») единственной возможностью выхода из тупика современного мира, как отмечал И. Тертерян [9. С.83].

Так, идеальным героем-агонистом М.де Унамуно является сельский идальго Алонсо Кихано, ставший вопреки всем препятствиям и воле его создателя Сервантеса, как полагал Унамуно, истинным рыцарем Дон Кихотом Ламанчским. Об этом подробно говорится в эссе «Жизнь Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу» (1905 г.). Персонажи писателя склонны к многословию, о многом спорят, долго и мучительно размышляют перед совершением того или иного поступка, что сближает Унамуно с его любимым писателем – Ф.М. Достоевским.

Излюбленный мотив Унамуно – мотив целительности самоуглубления, самопогружения в глубины собственного «я», связанный с представлением об индивидуальной уникальности и неповторимости движений отдельной человеческой души, постоянно ведущей свой внутренний спор. Так, герой первого романа писателя «Мир во время войны», священник дон Мануэль (1897 г.), возглавивший отряд добровольцев в период гражданской войны, по сути – единственный военачальник, у которого все равны. Исполняющий гимн Святому Игнасию под знаменами Пресвятой девы, без какой-либо тени сомнения он отдает распоряжения о расстреле нарушивших приказ: солдаты боялись даже смотреть на него. Одновременно он усердно заботится о быте солдат, пище и ночлеге для них, отказывая себе в минимальных удобствах. Писатель

акцентирует свое внимание на «интраистории» священника – истории внутренней, частной, повседневной его жизни, словно не имеющей точек соприкосновения с событиями «инфраистории» (внешней реальности), где низвергаются троны, борются партии, царят тираны и пр.

В повести «Святой Мануэль Добрый, мученик» Анхелита, прихожанка сельской церкви, знавшая священника с раннего детства, рассказывает о нем как о подвижнике, аскете, бескорыстном труженике, человеке, полном любви и сострадания к каждому. Всего себя он отдал прихожанам и поэтому после смерти стал почитаться как святой. Действие разворачивается в вымышленном испанском селе на берегу вполне реального озера далеко в горах, где Унамуно отдыхал летом 1930 года. В романе Унамуно на дне озера продолжают звонить колокола мифологического двойника этого села – легендарного затонувшего городка из далекого прошлого, поэтического образа «интраистории», истории потаенной, скрытой от официальной («инфраистории»).

Между тем дон Мануэль утрачивает истинную веру, несмотря на отчаянную борьбу со своим неверием: как выясняется, сам он не верит в то, что столь страстно проповедовал своим необыкновенным «ангелоподобным голосом» и во всем «благоухании святости» [12. С.49]. Однако его жизнь, ставшая мифом, продолжится в его прихожанах, отразится в зеркале озера, смотрящего, в свою очередь, в зеркало неба (прием зеркальности – один из излюбленных приемов в творчестве М. де Унамуно). Так, под влиянием священника брат Анхелиты, Лансаро, возвращается к отвергнутой им некогда вере.

Аналогичным сомнениям не был чужд и сам Мигель де Унамуно, в предисловии к роману «Туман», говоря об авторе его (то есть о себе) в третьем лице, писавший так: «Его терзает навязчивая, почти маниакальная идея, если его душа, равно как души всех прочих людей и даже тварей на земле не наделена бессмертием, причем бессмертием в том смысле, как понимали его простодушные католики средних веков, тогда пропади все пропадом и не стоит надрываться...» [11. С.3].

Интересно, что ни сам писатель, ни изображаемый им отец Мануэль так не считают. Они

испытывают не отвращение к жизни, а самую глубокую печаль ввиду ее несовершенства; печаль, которая не разрушает веру в нее, а открывает какие-то новые перспективы, пока еще не совсем ясные. Именно поэтому они самоотверженно трудятся, осознавая, что главное – это поддержать тех, кто оказался рядом, не «уйти в себя», в глубины своего экзистенциального одиночества.

Главный персонаж «Тумана», маленький человек Аугусто Перес, живет словно в тумане своих принципов: «наша жизнь – туман», «знание – это град камней» и т.д. «Погребальное слово» над умершим Аугусто произносит его собака по имени Орфей, что придает повествованию еще больший оттенок трагикомизма. Писатель непрерывно предпринимал всевозможные попытки изобретения новых форм, сопряжения традиции со смелыми экспериментами с единственной целью раскрытия личности, ибо коренные проблемы истинного искусства, по Унамуно, заключаются в движении души, отношении личности к другой личности, к обществу в целом, космосу, науке, вере наконец. Он нередко прибегал к таким формам построения повествования, которые максимально исключают авторское «присутствие» в тексте: сплошной диалог, едва обозначенный ремарками, исповедь персонажа, письма и записки введенного в текст героя-повествователя.

Герои писателя должны выявить себя полностью, обнажить свою душу, соответствовать личности действующей, обладающей собственной «биографией». Тем самым Унамуно предостерегал от недооценки духовного начала в единственной и неповторимой, уникальной человеческой личности, акцентируя личное, собственное «эго».

Основа жизни – свобода, только на ее основе возможны такие человеческие ценности как любовь, дружба, культура, носителем которых выступает творец, творческая личность. Агония по Унамуно доступна далеко не всем, а лишь избранным. В эпоху, когда основные ценностные категории – вера, добро, зло, ложь, истина и др. теряют свой свое привычное значение, размываются, уходит уверенность, приходит осозна-

ние, что «Бога нет» и бессмертия тоже нет – это и рождает агонию как синонима жизни-борьбы.

Дон Мануэль практически живет для прихожан: навещает больных в своей деревне, помогает крестьянам в уборке урожая, вместе с ними молотит и веет муку, зимой колет дрова для бедняков, помогает школьному учителю, летом, во время деревенских посиделок, играет на тамбурине во время плясок парней и девушек... Игра на тамбурине при этом не кажется осквернением духовного сана, а выглядит как священнодействие, своеобразное богослужение. При этом до конца своих дней он мучительно размышлял на тему, сформулированную в свое время в «Исповеди» Л. Н. Толстого, также близкого М. де Унамуно по своему мировосприятию: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?» Эта тема так или иначе присутствует во всех произведениях и эссе саламанкского мыслителя, непосредственного предшественника экзистенциализма.

Все чаще в современной «серьезной» литературе труды по философии, культурологии, психологии, антропологии и истории на равных конкурируют с литературой вымысла. В этом смысле можно констатировать преодоление идущего от традиций XIX века и долгие годы существовавшего противопоставления литературы художественной и «нехудожественной», рассчитанной на массового читателя. Многие книги конца XX – начала XXI в. в. успешно совмещают в себе разные виды дискурса, представляя одновременно увлекательное сюжетное повествование, популярное изложение сведений из научных источников, собственное обоснование какой-либо философской или культурологической идеи (книги У. Эко, Х. Кортасара, Х. Л. Борхеса, Ю. Мисимы и др.). Собственно сюжетное повествование порой оказывается только поводом для развернутого философского комментария или захватывающей интеллектуальной игры.

Иносказательность, остротенность, смешение реального с фантастическим, свободное обращение с временными планами, характер аллюзий и авторских интенций расширяют существующие представления о возможностях свободного слова и формах воплощения авторского

сознания. Внешние «исторические» сюжеты часто лишь маскируют метафизическое и вневременное. Например, культовое произведение российского постмодернизма начала 1990-х, роман Д. Галковского «Бесконечный тупик» – это «блуждание» в лабиринте чуть ли не всех эпох русской истории, комментарии к произведениям того или иного периода. В конечном счете роман также имеет экзистенциальную подоплеку, так как в нем акцентируется проблема текстов (и культуры) как средств индивидуальной ориентации человека в многообразии его бытия.

Культура нового времени характеризуется все более возрастающим духом эссеизма и авторских рефлексий. Яркие, запоминающиеся мыслеобразы, «вторжение» автора в структуру повествования как доминирующие признаки стиля отличают прозу новейшего периода независимо от того, какие тенденции в ней преобладают – реалистические («неоклассические»), модернистские или постмодернистские.

Еще в конце 1980-х известный критик Н. Иванова подробно писала о процессах «самообновления» литературы конца XX века, связывая их, в частности, с двумя потоками: «фантастическая» и «авторская» проза. Последняя, по ее мнению, по-новому исследует и преобразует эмпирику действительности. С этого времени укоренился термин «авторская проза», в которой автор выступает не только как сочинитель, но и как действующее лицо; персонаж, несущий большую смысловую и художественную нагрузку; герой, чье самосознание является организующим центром произведения.

Основой «авторской прозы», как считает исследователь, является стремление «обнажить» самого себя, осознать себя и свое время, напряженный «диалог» с самим собой, покаяние наконец... «Писатели, – отмечала Н. Иванова, – как бы отказываются от эстетики – ради этики, от профессионально-беллетристической манеры – ради откровенного монолога перед читателем, ради обнажения своей позиции, своего мировидения» [5. С.80]. Диапазон «авторской прозы» периода 1970–1980-х г.г. изначально был достаточно широк, но в последующие десятилетия выкристаллизовались особые формы повествования, в которых все подчинено именно

работе мысли, парадоксальному и раскованному ходу интеллектуального процесса, а не движению фабулы или психологическим эволюциям персонажей, порой весьма незначительных.

Так, субъективная жизнь отдельного человека в произведениях «авторской прозы» периода 1990-х годов оказывается важнее исторических событий, жизнь духа доминирует над жизнью социума (проза О. Ермакова, М. Кураева, опыт автора «Карагандинских десятин», выходца из Казахстана О. Павлова, Л. Улицкой и др.).

В парадигму повествования все чаще вписываются экзистенциальные принципы восприятия действительности, существенно меняющие характер психологизма. Современная проза – это не столько рассказ о современности, а **разговор с современниками**, новая постановка главных вопросов о жизни. Жизнь вдруг представляется не такой, какой она есть или представлялась; то, что казалось истиной, ставится под сомнение.

То или иное экзистенциальное чувство (страх, вина, совесть) замыкают мир героев на собственных переживаниях. Внешний мир, враждебный человеку, существует как непреодолимая неизбежность, «выходом» из которой является лишь смерть. Такой подход, в частности, характеризует новейшую прозу «экзистенциального реализма» – произведения В. Маканина, П. Крусанова и других авторов. Для современных авторов исследование собственного жизненного опыта («новый автобиографизм» С. Довлатова) все чаще переходит в исследование метафизического и всеобщего опыта истории (опыт В. Пелевина).

Как известно, В. Пелевин начинал свой путь как фантаст, выпустив сборника рассказов «Синий фонарь». Однако последующие произведения писателя – «Омон Ра» (1992), «Жизнь насекомых» (1993), «Чапаев и Пустота» (1996), «Generation П» (1999) и другие показали, что его творчество не ограничивается только рамками фантастики. Не случайно А. Генис назвал Пелевина «поэтом, философом и бытописателем пограничной зоны» [4. С.47]. Но граница проходит не только между реальным миром и миром, созданным фантазией писателя. Граница обусловлена еще и исторической ситуацией, ситуацией

переходного периода от советского «пространства» к постсоветскому, исследованием феномена советского и постсоветского человека.

Истоки любых проблем, по Пелевину, коренятся в нашем сознании, порождающем те или иные мифы и миражи. Путь к истине, к просветлению сознания лежит через самосознание, преодоление власти духовных авторитетов. Этим обусловлено частое обращение писателя к дзэн-буддизму, парадоксальному учению, в основе которого лежит установка на прямой контакт человека со своей духовной сущностью – вне святых и авторитетов. «Великая истина дзэн живет в каждом», надо лишь заглянуть внутрь и искать ее там, не прибегая к чьей-либо помощи.

С течением времени все ярче выявляется характер поиска, предпринятый еще в 1970–1980-х годах Ю. В. Трифоновым – «законодателем дум» интеллигенции того времени, писателем, очень близким философии экзистенциализма. В свое время «лирические отступления» в цикле «московских повестей» Ю. Трифонова критика отнесла к предварительным наброскам, наброскам «авторской прозы». Одновременно сложилась определенная традиция рассматривать трифоновскую прозу в русле социально-психологического анализа, в связи с чем особо отмечалось умение прозаика уловить в жизни определенные типы людей, типы человеческого поведения – Дмитриев или Лукьяновы («Обмен»), Глебов или Кандауров («Дом на набережной»), Сергей Троицкий и целая галерея «железных мальчиков» («Другая жизнь»). Может быть, именно поэтому ему и удалось больше, чем кому бы то ни было, передать умонастроение и драматизм судьбы интеллигента поздней советской формации.

Видный исследователь Г. А. Белая одной из первых обратила внимание на экзистенциальность авторского сознания писателя: «Трифонову присуще умение пластично воссоздать ощущение быстротечности и необратимости времени: все бывает только однажды, «единственное однажды» не повторяется, и человек, проживая жизнь стихийно, относясь ко времени бессознательно, упускает свою жизнь...» [1. С.64]. В творчестве Трифонова, по мнению Г. Белой, можно наблюдать своего рода «уплотнение», сгущение экзистенциальной проблематики.

Уже после смерти писателя были опубликованы два законченных незадолго до нее произведения – роман «Время и место» и «повесть в рассказах» «Опрокинутый дом» (1985). Значительно больше, чем это было в предыдущих произведениях, здесь присутствовал автор, чья писательская субъективность нарушала и логическую последовательность действия, и его временное единство. Не случайно «Время и место» сам Трифонов определил как «роман самосознания». Писатель стремился «собрать воедино» события своего времени, свидетелем и участником которых был сам: конец 30-х годов, война, послевоенное время, середина 50-х, современность... Это – роман – процесс, запечатлевший также этапы писательского сознания, очень личный роман, как и «московские» повести писателя.

Главный герой «Времени и места» писатель Антипов убежден: «Нужно дочерпывать последнее, доходить до дна» [10. С.402]. Он не может жить в «недознании», не может не дочерпывать до конца: ни в самом себе, ни в отношениях с близкими, ни в своей работе. Роман начинается как воспоминание Антипова о детстве, но постепенно переходит в повествование о настоящем, не оправдывающее его ожиданий.

Он терпит одну за другой неудачи в творческой и семейной жизни, не добивается широкого признания в литературном мире... Писатель «средних способностей», каким считает его маститый литератор Киянов, осознавая нереализованность своих творческих потенциалов, так и не сможет опубликоваться в солидных изданиях. Большой роман Антипова о писателе, пишущем роман о писателе, собирающем материалы для романа еще об одном писателе, озаглавленный «Синдром Никифорова», также не удастся ему...

Место действия – Москва, где протекают юность и зрелость персонажей, главная тема – испытание человека жизнью. Далеко не все выдерживают это испытание: вновь и вновь писателя интересуют свобода и несвобода выбора человека, проблемы совести, взаимной ответственности личности и общества. От прежних произведений Трифонова этот роман отличает более свободная композиция – каждая его глава может существовать вполне автономно. Всего же глав

тринадцать, каждая из них посвящена отдельному периоду, но события каждой главы соединены между собой благодаря процессу сознания.

В отличие от прежних произведений, в этом романе центральный герой живет, руководствуясь совестью, по велению внутреннего долга. Во «Времени и месте» господствует субъективное видение действительности, точка зрения одного персонажа резко сменяется точкой зрения другого. В хоре разных «голосов» чаще других слышится голос Саши Антипова. Он вспоминает и свою жизнь, и жизнь своих современников. В свою очередь, и они, когда им «предоставляется» слово, рассказывают и о себе, и о нем (мать Антипова, его взрослый сын Степан, друг Андрей, литератор Тетерин и другие).

Повествование то ограничивается кругозором героя, то выходит за его пределы. Выделяются сферы многих других персонажей, «точка зрения» которых организует также большие повествовательные фрагменты. Автор, включающийся в повествование, не скрывает своего писательского «я», представляет себя человеком, близко знакомым с персонажами, выступает порой «слушателем» истории, как и в незаконченном романе Трифонова «Исчезновение» о 1930-х годах.

Так сформировался трифоновский «роман сознания», включавший в себя воспоминания героев о событиях и думах прошлых лет, рефлексии героев, подводящих «предварительные итоги», задающихся вопросами, чем же была их собственная жизнь. Они сами «обвиняли» себя и искали оправдания, а автор как будто лишь фиксировал их мысли и аргументы. В этом случае только детали, какие-то подробности помогают «высвечиванию» авторской позиции.

Этому способствует, в частности, полисемантический характер заглавий произведений Ю. Трифонова. Так, повесть «Предварительные итоги» – это не только буквальное подведение итогов жизни героя, получившего инфаркт, но авторское философское размышление о смысле жизни и предназначении человека. Повесть «Другая жизнь» – это и жизнь другого человека, женщины, пусть даже связанной долгими годами супружеской жизни с героем, чей голос и точка зрения объемно представлены

в повествовании, и одновременно иной («другой») образ жизни, далекий от того, каким живет большинство героев этой книги.

Преднамеренное смешение голоса автора с голосом героя и голосом рассказчика, их незаметное «перетекание» одного в другой способствовали созданию особого полифонизма трифонового повествования. Не имея при жизни прямых учеников и последователей, не оцененный отечественной критикой по достоинству (только зарубежная критика связывала его с экзистенциализмом и даже с ранним постмодернизмом), писатель стал предтечей современной «другой прозы» с ее скепсисом и тотальной иронией по отношению к самой возможности общественного идеала. Сегодня это можно наблюдать в произведениях Вик.Ерофеева, В. Пьецуха, Е. Попова, Л. Петрушевской, Д. Быкова и других авторов.

Трифоновым был осуществлен прорыв в новое духовное пространство, о чем много и подробно говорили участники Первой международной конференции «Мир прозы Юрия Трифонова», проходившей в Москве в марте 1999 года. Участники ее отмечали, что сам «воздух» современной прозы создан во многом Юрием Трифоновым», а авторы, осуществившие синтез реализма и постмодернизма в 1980–1990-е годы, объективно очень зависимы от его опыта самопознания [6. С.238].

Осмысливая свою собственную судьбу и судьбы близких людей, от непосредственно актуальных социальных проблем Трифонов через анализ собственной жизни, собственного опыта выходил к вопросам онтологического и метафизического порядка. Ю. Трифонов так же, как и ведущий писатель современности, представитель «петербургской школы» А.Г. Битов, легко перешагнул рубеж, отделяющий литературу советского и постсоветского периода.

Уже в ранних рассказах А. Битова взгляд от «мира», от действительности был направлен внутрь самого художника (в этом смысле он также отличался от большинства писателей-«шестидесятников»). С этого времени критика и литературоведение неизменно определяют его произведения как своеобразные интеллектуаль-

ные «путешествия» по временам, странам, культурам, «лабиринтам» человеческих чувств и поступков. Не случайно его «Книга путешествий» завершалась стихотворением, в котором автор так определял главную цель своих странствий: «Пускайся в путь – и там себя настигни».

Еще в знаменитом романе «Пушкинский дом», с которого началась история русского постмодернизма, обращала на себя внимание несущественность событий в прозе А. Битова: автору важнее реакция на то или иное событие. Практически не имеет значения, кому принадлежит высказывание – рассказчику или герою, гораздо важнее интеллектуальная насыщенность авторских «вкраплений».

Особый интерес писателя связан с проблемой отражения. Личность гения, природа творчества, поиск реальности, стоящей за знаком, образуют сугубо битовский сюжет: «Художник не понимает, а отражает, поэтому это прекрасно... истинный талант в живописи никогда дальше немой догадки, что за красотой есть что-то, не пойдет... Гоголь истощил слой реальности, отпущенной ему Господом для отображения, двинулся поперек слоя и вышел за пределы изображения. Там начинается другое – там вера... Там, где вера, там уже нет художника...» [2. С.326–327]. Об отрешенности, «уходе» от реальности «сигнализируют» даже заглавия и подзаголовки произведений А. Битова («С нами и без нас», «Человек в пейзаже», «Роман-пунктир»).

Недоверие к реальности – знаковая черта новейшей прозы, поэтому любое впечатление становится у Битова предметом анализа, а не прямого описания. Читатель вынужден довериться автору как единственному «свидетелю» произошедшего, приглашающего его стать «участником» его раздумий («Вычитание зайца», «Фотография Пушкина» и др.).

Что можно наблюдать в современной казахстанской литературе, в целом развивающейся в русле мировых тенденций? По мнению ряда исследователей, в художественно-эпистемологическом дискурсе современных казахстанских писателей наблюдаются тенденции «примирения» с текучестью реальности, отрицающей человеческие ценности одновременно с при-

знанием общепринятых параметров духовной экзистенции (произведения Аслана Жаксылыкова, Дюсенбека Накипова, Дидара Амантая, Толена Абдикова, Аскара Алтая и других). Автор «рассеян», «размыт» в ирреальности текста и сюжетных ходов. Заметно явное нежелание современных романистов выдвигать в качестве доминирующих социальные темы – это более привычно для традиционного, классического казахского романа.

Так, романы Д. Амантая «Разноцветная бабочка» (1996), «Поэт и дьявол» (1998), «Цветы и книги» (2004) отличаются свободой авторского перемещения в поле повествования, свободной интерпретацией общеполитических, эзотерических, бытовых проблем в рамках постмодернистской поэтики. Очень выразительно представлены разные слои современной городской жизни, уже привычная раскованность поведения молодежи, в том числе и в интимных сферах... В двух первых романах писателя герои – Дидар Райымбек и Данияр Амантай соответственно – отражают какие-то грани авторского сознания, вместе с тем их образы мало коррелируют между собой.

С другой стороны, в романах Д. Накипова и А. Жаксылыкова («Круг пепла» и «Сны окаянных» соответственно) отчетливо выявились новые сюжетные центры в качестве своеобразных семантических кодов современной казахской литературы. Так, в трилогии Жаксылыкова «Сны окаянных» (2005) это тема ядерного полигона, тема физического вырождения человека и утраты им национального мироощущения. Центральный образ-мотив романа Д. Накипова, вышедшем в том же году – круг пепла – выступает в роли некоего вневременного связующего моста между разными временными пластами цивилизаций, и в то же время – это символ мироздания, связанного с изначальным, циклическим временем.

В многослойное и ассоциативное повествование Д. Накипова, подчиненное доминирующему мотиву человеческого отчуждения, одиночества, время от времени врываются мотивы реальной истории нашей страны – истребление голодом казахских аулов во времена Голощекина, восстание алмаатинской молодежи в декабре

1986 года... Социальная проблематика выполняет здесь функции объединяющего все пласты повествования семиотического кода, выводит роман за рамки экзистенциальной направленности. Тема декабря 1986 г. в Алма-Ате проецируется и на финальное разрешение судеб героев, не знакомых друг с другом и никак внешне не связанных.

Таким образом, персонажи современной казахской прозы в отличие от героев западного современного романа, в значительной мере оторванных от исторических корней и социума реальности, еще несут в себе отголоски исторических потрясений, бурь и катаклизмов. Их ощущения и страдания во многом связаны с историческим прошлым, памятью «истории своего рода».

Вместе с тем современные прозаики достаточно часто создают иллюзию повествования, как, например, в романе молодого казахстанского автора И. Одегова «Звук, с которым встает солнце», вышедшем в начале нового века [7]. Содержание этого произведения складывается по преимуществу из телефонных бесед, которые ведет главный герой, студент вуза по имени Илья (также зовут и автора романа. – Н.С.), не только со своими собеседниками, но и с самим собой. Он инфантилен, его одолевают всевозможные страхи, он боится жизни больше, чем смерти, как отзывается о главном герое казахский исследователь [6. С.97]. Сам И. Одегов определил жанр своего произведения как «роман-песня», а структура его пронизана стихами, которые пишет главный герой, страдающий шизофренией...

Подводя итоги, отметим, что внешняя бессюжетность, обилие ассоциаций, связанных с поворотом «внутрь себя», особенно в произведениях о героях, наделенных творческим воображением, их многовариантное «бегство» от реальности создают особенный, философско-экзистенциальный контекст литературы новейшего времени. Кроме того, персонажи современной казахстанской прозы в большей мере связаны с «инфраисторией», которой практически нет или она лишь намечена в творчестве западных и российских писателей, чье творчество связано с экзистенциальной проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белая Г. Кризис?! Кризис!** // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М.: Художественная литература, 1988. С. 34–45.
2. **Битов А. Человек в пейзаже** // Битов А. Сочинения: В 2-х т. т. Т. 2. С нами и без нас: Роман-пунктир. Повести. Из дневников. Екатеринбург: УРОС, 2004. 483 с.
3. **Воробьев С. Унамуно, философ трагедии** // Человек. 1990. № 6. С. 92.
4. **Генис А. Иван Петрович умер.** Статьи и расследования. М., 1999. 264 с.
5. **Иванова Н. О** Первой Международной конференции «Мир прозы Юрия Трифонова» (Москва, 25–28 марта 1999 г., РГГУ – редакция журнала «Знамя») // Знамя. 1999. № 6. С. 72–113.
6. **Майтанов Б. Казахская литература** в историческом преломлении // Евразия. 2006. № 3. С. 97.
7. **Одегов И. Звук, с которым встает солнце.** Алматы, 2003. 237 с.
8. **Ортега-и-Гасет Х.** Дегуманизация искусства // Сознавание европейской культуры XX века. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 230–263.
9. **Тертерян И. Мигель де Унамуно** // Испытание историей. Очерки испанской литературы XX века. М., 1973. С. 75–129.
10. **Трифонов Ю. Время и место** // Ю. Трифонов. Вечные темы. Романы. Повести. М., 1985. 644 с.
11. **Унамуно М. де.** Туман. Книга для чтения на испанском языке. М.: КАРО, 2006. 255 с.
12. **Унамуно М. де.** Святой Мануэль Добрый, мученик: Роман, повести / перевод с испанского А. Косс, В. Сиимонова, В. Михайлова. – СПб.: Симпозиум, 2000. 559 с.

УДК 81.366 (045)

О. Г. Ушакова

КОМПАРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Университет имени Масарика, Чехия

В статье затрагивается один из дискуссионных моментов современной лингвистики – вопрос о категории состояния. Автор проводит компаративный анализ функционирования подобных единиц в современном русском и чешском языках. Внимание уделяется, прежде всего, изучению лексико-семантического состава категории состояния, анализу словообразовательных особенностей и грамматических признаков данной группы слов.

Ключевые слова: предикатив, морфологическая категория, компаратив, безличное предложение

O. G. Ushakova

COMPARATIVE DESCRIPTION OF PREDICATIVES IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES

Masaryk University, Czech Republic

The article deals with predicatives which are considered one of debatable questions in modern linguistics. The author compares function of such units in Russian and Czech languages. The attention is paid to researching of semantic repertoire of predicatives, to analysis of word-formative signs and grammatical features of these words.

Keywords: predicative, comparative, morphological category, impersonal sentence

Категория состояния относится к одному из дискуссионных моментов современной лингвистики. С данной группой слов сопряжены многочисленные вопросы, не имеющие в настоящее время однозначных ответов. Нам представляется, что исследование категории состояния в компаративном аспекте способно помочь найти ответы на некоторые вопросы. В нашей работе мы рассмотрим функционирование этих единиц в двух близкородственных языковых системах – русском и чешском языках. В центре нашего внимания будет лексико-семантическая характеристика, морфологические признаки,

словообразовательные особенности и синтаксические приметы данной группы слов.

Лексический состав категории состояния

В связи с тем, что круг единиц, входящих в категорию состояния, не определен грамматистами точно, лексемы, квалифицируемые как слова категории состояния, весьма неоднородны. Корпус лексем категории состояния можно разделить на несколько лексико-семантических разрядов.

1. Прежде всего, слова категории состояния могут выражать физическое состояние живых существ, например:

Нам было холодно, голодно, больно, зябко.

Evě je nevolno, špatně, dobře, horko.

(Эве нехорошо, плохо, хорошо, жарко).

2. Следующий разряд представлен словами, выражающими эмоционально-психическое состояние человека, например:

Ей было грустно, весело, скучно, тревожно.

Evě je smutno, veselo, trapně, hanba.

(Эве грустно, весело, неудобно, стыдно).

3. К данному разряду мы отнесли слова, которые описывают состояние природы или окружающей среды, например:

На улице жарко, морозно, свежо. В комнате душно, темно.

Bylo sychravo, mrazivo, deštivo, bouřливо.

(Было ненастно, морозно, дождливо; Была гроза/шторм).

4. В этот разряд вошли слова, передающие модально-волевые характеристики, то есть заключающие в себе значение необходимости, долженствования, возможности выполнения действия, например:

Можно открыть окно? Пользоваться словарем на экзамене нельзя.

Je možno si vupřijít kola. Lze s tebou souhlasit.

(Велосипеды можно взять напрокат; Нельзя с тобой не согласиться).

5. В данный разряд мы включили слова, которые обозначают оценку состояния или ситуации. Подобная оценка может быть проведена с разных сторон: с морально-этической, эстетической, эмоциональной точки зрения, а также в плане временных или пространственных характеристик, например:

Пора ложиться спать. Грех обижать стариков. Хорошо, что ты пришел.

Není radno pít celý den. Je mu zatěžko přijít. Už je pozdě.

(Не следует пить целый день; Ему сложно прийти; Уже поздно).

Следует отметить, что некоторые многозначные лексемы могут быть отнесены сразу к нескольким разрядам. Так, например, слово **холодно** в конструкции *Мне было холодно* выражает состояние человека, а в предложении *На улице холодно* описывает состояние окружающей среды. Подобная ситуация наблюдается и в чешском языке, ср.:

Je mi zima (состояние живого существа) – *Venku je zima* (состояние окружающей среды).

Итак, мы представили в обобщенном виде самые основные лексико-семантические разряды, на которые можно разделить словарный состав категории состояния. Естественно, в зависимости от выражаемого лексического значения, слова категории состояния далее подразделяются на более «специализированные» группы и подгруппы, образуя сложную и разветвленную семантическую систему.

Следует также отметить, что слова всех представленных разрядов встречаются как в русском, так и в чешском языке, что свидетельствует о сходном словарном составе категории состояния в обоих языках.

Морфологические признаки категории состояния

Категория состояния наравне с наречиями является особыми лексико-грамматическим классом, так как, в отличие от других самостоятельных частей речи, состоит из знаменательных неизменяемых слов. Отчасти этим обусловлено включение слов категории состояния в адвербиальный класс, поскольку и те, и другие лишены форм словоизменения, но при этом не являются служебными частями речи.

Морфологическими особенностями обладают лишь некоторые слова категории состояния, а именно слова на *-о*, омонимичные наречиям и кратким прилагательным среднего рода. Такие слова способны иметь формы сравнительной и превосходной степени, например, *хорошо* – *лучше* – *лучше всего*. По-видимому, генетическая близость к прилагательным позволяет и качественным наречиям, и словам категории состояния изменяться по степеням сравнения. Однако в противоположность к адъективному классу слова категории состояния в этом плане обладают некоторыми отличительными характеристиками. Так, например, у слов категории состояния отсутствуют синтетические формы превосходной степени:

интереснейший (имя прилагательное) – *интереснее всего* (категория состояния).

Сходная ситуация наблюдается и в чешском языке, где слова категории состояния, генетиче-

ски восходящие к именам прилагательным, также сохраняют способность изменяться по степеням сравнения, например: *dobře – lépe – nejlépe/ хорошо – лучше – лучше всего*. Отличительной чертой, однако, является то, что компаративы и суперлативы чешской категории состояния, как и наречий, не омонимичны соответствующим формам прилагательных, ср.:

имя прилагательное: *levný – levnější – nejlevnější*

категория состояния/наречие: *levně – levněji – nejlevněji*

Предметом дискуссии является наличие у слов категории состояния форм вида, наклонения и времени. Некоторые лингвисты (В.В. Виноградов, А.В. Исаченко, А.Н. Тихонов, П.А. Лекант и др.) предполагают, что грамматические значения времени, вида и наклонения выражаются посредством соответствующей формы глагола *быть*.

С аналитическим характером категории состояния согласны далеко не все ученые. В частности, А.Н. Гвоздев писал, что слова категории состояния «в отличие от глагола не располагают изменением по наклонениям, временам, лицам и вообще лишены изменений» [2. С.405]. Данная точка зрения представляется более корректной.

Прежде всего, необходимо заметить, что связочный глагол *быть* употребляется не только со словами категории состояния, но и с другими частями речи (имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия и пр.), например, *Павел был студентом, Мария была замужем, Лето будет дождливым*. В данных примерах мы имеем дело с составным именным сказуемым, в котором лексическое значение предиката выражено существительным, прилагательным или наречием, а грамматическое значение выражается связочным глаголом. Иными словами, именно формы глагола *быть* выступают в качестве показателя соответствующих модально-временных значений, так как «слова именных частей речи не содержат грамматических показателей наклонения и времени и потому не могут выразить сами ни степень реальности признака, ни отнесенность его к определенному времени» [4. С.88–89]. Сопоставление конструкций типа *Мария была заму-*

жем и На улице было холодно позволяет сделать вывод, что структуры рассматриваемых составных предикатов однотипны: и тот, и другой включает в себя связочный элемент и именную часть. В таком случае следует признать аналитическую категорию наклонения и времени как у слов категории состояния, так и у прилагательных, существительных и наречий.

В пользу отсутствия у слов категории состояния морфологических значений времени, вида и наклонения свидетельствует, например, и тот факт, что рассматриваемые слова способны сочетаться не только со связкой, выраженной соответствующими формами глагола *быть*, но и с другими связочными глаголами: *стать, становиться, делаться*, ср. *На улице было холодно, На улице стало холодно, На улице сделалось холодно*.

В сопоставительном плане наличие у слов категории состояния форм времени, вида и наклонения также вызывает определенные сомнения. В частности, для чешского языка характерно употребление глагольных форм для выражения времени, наклонения, лица и пр. во всех типах конструкций. Так, например, предложения типа *Мне грустно; В комнате душно; Интересно, что он на это скажет* на чешский язык можно перевести следующим образом: *Je mi smutno; V pokoji je dusno; Je zajímavé, co na to řekne*. Обязательное использование в предложении материально выраженных глагольных форм обусловлено тем, что в чешском языке, в отличие от русского, подлежащее, выраженное личным местоимением, опускается. Следовательно, лишь связка способна выразить грамматические значения лица, числа, что делает ее использование в каждой конструкции необходимым. В русском языке мы наблюдаем противоположную ситуацию: подлежащее обязательно, в то время как сказуемое-связка, выраженное формой настоящего времени, может быть и нулевым.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на обязательный характер использования в чешском предложении глагольных форм, в чешском языке обнаруживается ряд конструкций, в которых связочный глагол может опускаться. Это касается, как пишут авторы «Чешской грамма-

тики», Богуслав Гавранек и Алоиз Йедличка, слов, выражающих долженствование, необходимость, возможность/невозможность выполнения действия [5. С.305]. Связка, сочетающаяся с подобными единицами, может быть нулевой даже в чешском языке: *Lze říci jen tolik/Можно сказать лишь это; Nutno přihlížet ke všemu/Необходимо учесть все; Dlužno říci/Нужно сказать.*

Понятно, что слова, выражающие модальные значения, в определенно степени составляют особую группу слов, отличающуюся и от слов категории состояния, и от наречий. Однако нам представляется, что данные чешского языка позволяют утверждать, что мы имеем дело с синтетической категорией, лишенной форм времени и склонения. Таким образом, с морфологической точки зрения, категория состояния состоит из знаменательных неизменяемых слов. Исключением являются лишь слова, генетически восходящие к именам прилагательным. У таких слов сохраняется категория степеней сравнения.

Словообразовательные особенности категории состояния

Слова категории состояния, с точки зрения словообразовательной структуры, можно разделить на производные и непроизводные. Последние составляют весьма небольшую группу слов, словообразовательная структура которых на современном этапе, перестала быть прозрачной. Такими словами в русском языке являются, например, *надо, нельзя, можно*, а в чешском языке – *lze, nelze, líto*.

Производные слова, в свою очередь, подразделяются на несколько типов. Во-первых, одной из самых объемной групп среди слов категории состояния являются единицы адъективного происхождения, например:

Сегодня пасмурно, солнечно. Мне приятно, жутко, скучно, жарко.

Dnes je slunečno, škaredě, zamračeno. Je mi příjemně, teskno, horko.

Такие слова в русском языке омонимичны наречиям и кратким формам прилагательных среднего рода. Однако в чешском языке наблюдается иная ситуация: подобные единицы или совпадают по форме с качественными наречиями, или отличаются от последних иным суф-

фиксом. Так, единицы, выступающие в качестве прилагательного определителя, оканчиваются на *-e/ě*, а слова, выполняющие функцию главного члена безличного предложения, имеют конечный формант *-o*, ср.:

Je mi teplo // Oblékl se teple; Bylo chladno // Odpověděl chladně;

(Мне тепло // Он оделся тепло; Было холодно // Холодно ответил).

Подобная корреляция, однако, не распространяется на все слова категории состояния, многие сохраняют то же оформление, что и наречия, например:

Venku je pěkně, škaredě. Evě je dobře, zle, příjemně;

(На улице хорошо, мерзко; Эве хорошо, плохо, приятно) //

Pěkně si užijte dovolenou! Škaredě se spletli. Dobře to udělal. Podívala se na něho zle. Hlavu jsem měl příjemně lehkou;

(Наслаждайтесь отпуском! Они ужасно ошиблись; Он сделал это хорошо; Она зло на него посмотрела; У меня была приятная легкость в голове).

Таким образом, на синхронном срезе чешского языка наблюдается тенденция развести на формальном уровне качественные наречия и слова категории состояния, образованные на базе имен прилагательных. Формальная дихотомия проявляется в том, что наречия и слова категории состояния оканчиваются разными суффиксами.

Необходимо еще отметить, что в русском языке рассматриваемые отадъективные структуры могут быть образованы не только от качественных прилагательных, но и от относительных, ср.:

Последние годы стало мусорно в этом лесу (В. А. Солоухин);

Было в городе строго и лыжно (Е. А. Евтушенко)²⁰.

Таким образом, данная словообразовательная модель представляется весьма продуктивной, потенциально слова категории состояния могут быть образованы от любого прилагательного. Неудивительно, что среди производных слов

²⁰ Примеры были нами взяты из книги Н.С. Валгиной «Синтаксис современного русского языка» (с. 166).

категории состояния обнаруживаются единицы, генетически восходящие к кратким формам страдательных причастий, например:

V komnate natopleno. Pro это было забыто.

V pokoji je vuvětráno. Dnes je zataženo. Je uvařeno;

(Комнату проветрили; Сегодня облачно; Еда приготовлена).

Причастие, как и имя прилагательное, обладает качественным значением, а следовательно, способно быть мотивирующей основой для слов категории состояния.

В словарном составе категории состояния можно также найти слова, соотносительные с именами существительными, например:

Mne ne oхота туда ехатъ. Ему лень убратъся в квартире.

Dnes je zima. Venku už je tma. Je mi ho škoda;

(Сегодня холодно; На улице уже темно; Мне жаль его).

О переходе существительных в другую часть речи свидетельствует утрата способности согласовываться со связочным глаголом, ср.:

Mne было не охота туда ехатъ. Ему было лень убратъся в квартире.

Včera bylo zima. Bylo tam úplně tma. Bylo by škoda toho nevyužít.

(Вчера было холодно; Там было очень темно; Было бы жаль не воспользоваться этим).

Итак, в плане словообразовательном категория состояния представляет собой разнородную группу слов, которые в результате диахронической транспозиции пополнили состав рассматриваемой категории. Наиболее широко представленными в обоих языках оказались слова, генетически восходящие к прилагательным.

Синтаксические

особенности категории состояния

Категория состояния в силу отсутствия формальных признаков, отличающих ее от прилагательных или наречий, характеризуется, прежде всего, именно особой синтаксической функцией. Поясним это следующими положениями. Во-первых, в отличие от наречий, слова категории состояния не зависят ни от какого другого члена предложения, наоборот, они выполняют предикативную функцию:

Подросток поступил плохо – Мне и так от этого плохо.

Во-вторых, в противовес омонимичным кратким формам прилагательных употребляется в односоставных безличных предложениях, слова категории состояния не способны иметь при себе подлежащее:²¹

Его выступление было прекрасно – На душе было прекрасно.

Таким образом, именно синтаксическая составляющая представляется наиболее яркой приметой рассматриваемого лексико-грамматического класса.

Среди других особенностей слов категории состояния в синтаксическом плане можно выделить, например, способность иметь при себе объектное дополнение, выраженное формой винительного или родительного падежа:

Больно руку, жаль денег,

Té dívky je mi líto; Peněz je na vás škoda.

(Мне было жаль эту девушку; Жаль тратить деньги на вас).

Однако наиболее частотным оказывается дополнение, выраженное синтаксическим существительным в форме дательного падежа как в русском, так и в чешском языках:

Ему, мне, Ирине, Диме весело, грустно, холодно.

Je mu, mi, Irině, Dimovi veselo, smutno, zima.

Такое дополнение, являющееся семантическим субъектом, необходимо при словах, выражающих физическое или эмоциональное состояние человека. Однако семантический субъект, наоборот, невозможен при словах, описывающих окружающую обстановку. Семантика таких слов требует распространения обстоятельствами места:

На улице холодно, ветрено, жарко.

Venku je zima, větrno, horko.

Обстоятельства времени могут употребляться как при словах, обозначающих состояние че-

²¹ Исключение составляют слова категории состояния, используемые в конструкциях с инфинитивами, например, *Подумать об этом было страшно, Смеяться над старостью грешно*. Ряд синтаксистов трактует такие предложения как двусоставные, в которых инфинитив выступает в качестве подлежащего, а слово категории состояния в качестве составного именного сказуемого.

ловека, так и при словах, выражающих состояние среды, ср.:

Сегодня на улице тепло, ветрено – Мне сегодня лучше, грустно, плохо.

Dnes je venku teplo, větrno – Dnes je mi lépe, smutno, špatně.

Особо следует отметить, что к словам категории состояния очень часто примыкает инфинитив:

Мне нужно пойти к врачу; Пора подумать о работе.

Je zapotřebí tam jít; Nelze to používat.

Подобные конструкции при прямом порядке слов, то есть при употреблении слова категории состояния на первом месте, легко интерпретировать в синтаксическом плане: предложения являются односоставными безличными. Определенные затруднения вызывают конструкции, в которых инфинитив предшествует слову категории состояния, например: *Разговаривать о самом сокровенном – тяжело.*

Препозиция инфинитива позволяет рассматривать подобные предложения в качестве двусоставных конструкций, в которых в роли подлежащего выступает инфинитив, а слово категории состояния выполняет функцию сказуемого:

Заставить приходиться его на работу вовремя нереально;

Освоиться среди людей другой национальности было тяжело;

Жить, как говорится, хорошо!

В чешском языке конструкции с препозитивным инфинитивом встречаются крайне редко. Если в предложении на первом месте оказывается инфинитив, что бывает не часто, то таком инфинитиве употребляется прилагательное в форме среднего рода, например:

Psát všemi deseti není těžké. Číst dětem pohádky je příjemné;

(Печатать всеми десятью пальцами – несложно; Читать детям сказки – приятно).

Таким образом, основными синтаксическими характеристиками слов категории состояния в обоих языках являются исключительно предикативная функция, наличие связки (нулевой или материально выраженной), управление дательным, винительным или родительным падежом синтаксических существительных, распространение обстоятельствами места и времени. Отличительной чертой категории состояния в русском языке является то, что примыкающий к слову категории состояния инфинитив может стоять как в препозиции, так и в постпозиции. В чешском языке такой инфинитив употребляется лишь после слова категории состояния.

Итак, мы рассмотрели, как функционируют слова категории состояния в современном русском и чешском языках. Проведенное исследование лексического состава категории состояния, морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностей рассматриваемой группы слов позволяет сделать вывод, что в типологическом плане подобные слова представляют собой весьма схожие единицы, которые функционируют одинаково в двух родственных языковых системах. Некоторые отличительные черты, которые мы обнаружили (корреляция типа *smutno/smutně* в чешском языке, возможность препозиции и постпозиции инфинитива относительно слов категории состояния в русском языке), обусловлены естественным процессом дифференциации разных языковых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1973. 423 с.
2. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1961. 432 с.
3. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
4. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979. 236 с.
5. Navránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1981. 592 s.
6. Karlík P., Nekula M., Rusínová Z. Příruční mluvnice češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 800 s.

УДК 81.42 (045)

О. О. Яшан

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЖЕНСКОГО» РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Южно-Уральский государственный университет

В настоящей статье проанализированы данные психолингвистического исследования, предпринятого с целью выявления гендерных особенностей рекламного дискурса в языковом сознании испанцев. Приведены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди женщин.

Ключевые слова: языковое сознание, рекламный дискурс, ассоциативное поле, гендер.

O. O. Yashan

ASSOCIATIVE FIELD OF «WOMEN'S» ADVERTISING DISCOURSE IN THE SPANISH LANGUAGE CONSCIOUSNESS

South Ural State University

The article represents a psycholinguistic research made in order to find out gender peculiarities of the advertising discourse in the language consciousness of the Spaniards. The results of the associative experiment held among women are included in the article.

Keywords: language consciousness, advertising discourse, associative field, gender.

Представляя собой совокупность лингвистических и экстралингвистических компонентов, реклама оказывает огромное влияние на формирование различных (в том числе и гендерных) стереотипов и образа жизни современного общества, поэтому гендерный фактор является основой для эффективной рекламной стратегии.

Настоящая статья отражает данные психолингвистического исследования, предпринятого нами с целью выявления гендерных особенностей рекламного дискурса в языковом сознании испанцев.

В работе приведены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди 22 женщин. Средний возраст респондентов – 22 года, страна проживания – Испания.

В качестве стимулов, предъявляемых испытуемым, были использованы слова, наиболее часто встречающиеся в рекламе из современных испанских гендерно-ориентированных журналов. Для этого мы проанализировали выпуски популярных женских журналов («Mía», «Parati», «Cosmopolitan»), вышедших за последние несколько лет. Нами было отобрано 40 наиболее частотных слов, обнаруженных в рекламе из женских журналов («luminosa», «mejora», «la belleza», «perfecto» и др.)

В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента респондентам были предъявлены отобранные стимулы. Проведем анализ

реакций, полученных в результате данного эксперимента.

При анализе данных ассоциативного эксперимента выделяют, прежде всего, синтагматические и парадигматические ассоциации.

Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы. В данную совокупность входят слова, которые являются взаимозаменяемыми в определенных типах контекста (антонимы, синонимы, гиперонимы, гипонимы).

Синтагматическими называют ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. Этот тип ассоциаций выделяется в том случае, когда слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание (чаще всего согласованное) или грамматическую основу предложения. Такие ассоциации классифицируются как «реакции «синтагматические», в которых преобладает не семантическая (парадигматическая), а линейная (синтаксическая) связь между словами» [1. С.9].

По словам Ю. Н. Караулова, психолингвисты и психологи считают синтаксические реакции менее интересными, а применительно к оценке личности, у которой преобладает именно этот тип реакций, они служат для ученых показателем меньшей языковой и интеллектуальной ее развитости. Далее автор ассоциативной грамматики отмечает, что с этой традиционной

психолингвистической точки зрения парадигматические ассоциации считаются глубинно-когнитивными, тезаурусными, а синтаксические – поверхностно-языковыми. Однако, не умаляя значимости «грамматикализованных реакций», Ю.Н. Караулов подчеркивает их общую ценность с точки зрения представленности в ассоциативно-вербальной сети всех грамматических форм и грамматических значений, т.е. всей грамматики языка [1. С.9].

Представим результаты свободного ассоциативного эксперимента, рассмотрим слова-реакции, данные женщинами в ходе проведения ассоциативного эксперимента, и приведем примеры выявления парадигматических и синтагматических ассоциаций.

1) Luminosa – luz (5), clara (2), belleza, tranquilidad, hada, anémona, estrella, tierra, mis amigos, ideas, habitación, bombilla, luciérnaga, feliz, grande. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *luminosa*, относятся: luz (5), clara (2), tranquilidad, feliz, grande. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *luminosa*, относятся: belleza, hada, anémona, estrella, tierra, mis amigos, ideas, habitación, bombilla, luciérnaga.

2) Sana – saludable (4), manzana (3), comida (2), vida (2), familia, buena, fruta, planta verde, enfermo, gato, naturaleza, ejercicio, buena. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *sana*, относятся: saludable (4), buena, enfermo, naturaleza, ejercicio, buena. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *sana*, относятся: manzana (3), comida (2), vida (2), familia, fruta, planta verde, gato.

3) Fresca – agua (4), menta (2), aire (2), aroma, flor, cama, fruta, joven, lagartos, agradable, niña, colonia, radiante, temperatura, alegre. К парадигматическим ассоциациям относятся: joven, agradable, radiante, alegre. К синтагматическим ассоциациям – agua (4), menta (2), aire (2), aroma, flor, cama, fruta, lagartos, niña, colonia, temperatura.

4) Sin toxinas – sano (3), comida (2), agua (2), saludable, cosmética, maquillaje, orgánico, cosecha, tabaco, bebida, pureza, persona, limpia. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *sin toxinas*, относятся: sano (3), saludable,

maquillaje, orgánico, cosecha, pureza, persona, limpia. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *sin toxinas*, относятся: comida (2), agua (2), cosmética, tabaco, bebida.

5) Mejora – vida (2), embellecer, muy buena, mejorar, bella, aditamentos, estudios, política, avance, proyectos, una amiga, el sueldo, bien, casa, reflexión, crecimiento, positivo, progreso, aumento, todo. Embellecer, muy buena, mejorar, bella, aditamentos, avance, bien, positivo, progreso, aumento – парадигматические ассоциации; vida (2), estudios, política, proyectos, una amiga, el sueldo, casa, reflexión, crecimiento, todo – синтагматические ассоциации.

6) Hidratar – agua (5), piel (5), crema (2), mojar (2), beber (2), nutrir, húmedo, beber, cuerpo, suavizar. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *hidratar*, относятся: mojar (2), beber (2), nutrir, húmedo, beber, suavizar. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *hidratar*, относятся: agua (5), piel (5), crema (2), cuerpo.

7) La victoria – ganar (5), guerra, político, nombre, meta, antorcha en mano, competición, liga, placer, BARÇA, copa, lucha, meta, crecimiento, vencer, necesaria. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la victoria*, относятся: guerra, político, nombre, meta, antorcha en mano, competición, liga, placer, BARÇA, copa, lucha, meta, crecimiento, vencer. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la victoria*, относятся: ganar (5), necesaria.

8) Desarruga – crema (4), arruga (3), liso (3), cara (2), planchar (2), cirugía, cama, juventud, rectitud, estirar, cosas. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *desarruga*, относятся: planchar (2), liso (3), arruga (3), juventud, rectitud, estirar. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *desarruga*, относятся: crema (4), cara (2), cirugía, cama, cosas.

9) Ilumina – luz (6), sol (6), rostro (2), resalta, luminoso, lámpara, farola, móvil, guía, verdad. К парадигматическим ассоциациям относятся: resalta, luminoso, guía; к синтагматическим ассоциациям относятся: luz (6), sol (6), rostro (2), lámpara, farola, móvil, verdad.

10) La belleza – naturaleza (3), interior (2), única, bello, modelo, lindo, música, superficial, mujer, don,

físico, yo, cuidado, un encanto más, alma, guapa, flor, protagonista. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la belleza*, относятся: naturaleza (3), bello, modelo, lindo, música, mujer, don, yo, cuidado, un encanto más, alma, guapa, flor, protagonista. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la belleza*, относятся: interior (2), única, superficial, físico.

11) Un cuidado – salud (4), el cuerpo (2), signo, marido, parejo, dormir bien, bebé, higiene, amigos, extremo, intensivo, dieta, madre, responsabilidad, tratamiento, a ti. К парадигматическим ассоциациям здесь отнесем: salud (4), el cuerpo (2), signo, marido, parejo, dormir bien, bebé, higiene, amigos, dieta, madre, responsabilidad, tratamiento; к синтагматическим ассоциациям – extremo, intensivo, a ti.

12) La vitalidad – energía (6), joven (4), salud (2), fresca, ejercicio, vivir la vida, sentirse bien, los deberes, anciano, fortaleza, esfuerzo, el ser. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la vitalidad*, относятся: energía (6), joven (4), salud (2), fresca, ejercicio, vivir la vida, sentirse bien, los deberes, anciano, fortaleza, esfuerzo, el ser. Синтагматические ассоциации, данные на слово-стимул *la vitalidad*, отсутствуют.

13) Un tratamiento – cuidado (2), título, deseo, estímulo, enfermedad, mascarilla, anti-edad, rayos uv, la amistad, amigo, cosmético, los dientes, anti-estrías, facial, natural, fortalecer el pelo, yoga, cáncer. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *un tratamiento*, относятся: cuidado (2), título, deseo, estímulo, enfermedad, mascarilla, rayos uv, la amistad, amigo, los dientes, fortalecer el pelo, yoga, cáncer. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *un tratamiento*, относятся: anti-edad, cosmético, anti-estrías, facial, natural.

14) La regeneración – piel (4), salud, juventud, crema, viejo, importante, de soldados, de rostro, cutánea, renacer, revivir, células reconstruidas, toda. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la regeneración*, относятся: piel (4), salud, juventud, crema, viejo, renacer, revivir, células reconstruidas. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la regeneración*, относятся: importante, de soldados, de rostro, cutánea, toda.

15) Reafirma – contrato, tensión, firma, duro, anti-celulitis, colágeno, arrugas, piel, deporte, recto, las caderas, tratamiento, rejuvenece, seguridad, mejora la piel, crema, rostro. Парадигматические ассоциации – tensión, firma, duro, anti-celulitis, recto, rejuvenece, mejora la piel; синтагматические ассоциации – contrato, colágeno, arrugas, piel, deporte, las caderas, tratamiento, seguridad, crema, rostro.

16) Eficaz – rápido (2), preciso, comprar, organizado, creíble, inyección, buscar, adecuado, lavadora, desahogarte, un buen puñetazo, para las caries, experimento, útil, mañosa, preparación, efectivo, comprometida, beber. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *eficaz*, относятся: rápido (2), preciso, comprar, organizado, creíble, buscar, adecuado, útil, mañosa, efectivo, comprometida, beber. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *eficaz*, относятся: inyección, lavadora, desahogarte, un buen puñetazo, para las caries, experimento, preparación.

17) Visiblemente – claro (2), ojos (2), bueno, invisible, notorio, iluminado, verdadero, todo, gafas, muebles, un libro, enorme, real, estoy aquí, palpable, imagen, transparente, triste. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *visiblemente*, относятся: ojos (2), invisible, iluminado, todo, gafas, muebles, un libro, estoy aquí, imagen, transparente. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *visiblemente*, относятся: claro (2), bueno, notorio, verdadero, enorme, real, palpable, triste.

18) Un rejuvenecimiento – joven (3), mascarilla (2), botox (2), rescura, remedio, medicina, spa, reír, libertad, crema, irse a disfrutar de la noche, láser, cuidarse, retroceder, la sonrisa, cara. Здесь к парадигматическим ассоциациям относятся: joven (3), mascarilla (2), botox (2), rescura, remedio, medicina, spa, reír, libertad, crema, irse a disfrutar de la noche, láser, cuidarse, retroceder, la sonrisa, cara. Синтагматические ассоциации, данные на слово-стимул *un rejuvenecimiento*, отсутствуют.

19) Exclusivo – único (7), elitista (2), caro (2), costoso, moda, privado, voz, enano, producto, noticias, hijos. Из них к парадигматическим ассоциациям относятся: único (7), elitista (2), caro

(2), costoso, privado, enano, к синтагматическим ассоциациям – moda, voz, producto, noticias, hijos.

20) La protección – cuidado (4), solar (2), lluvia, mafia, condón, rayos uv, suéter, color, crema, amor, amigo, fuerza, seguridad, madre, amada. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la protección*, относятся: cuidado (4), lluvia, mafia, condón, rayos uv, suéter, color, crema, amor, amigo, fuerza, seguridad, madre, amada. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *la protección*, относятся: solar (2).

21) Anti-edad – crema (4), anti-arrugas (3), rejuvenecimiento (2), farmacia, risa, serum, elixir, operar, no quiero, no me hace falta, artificial, tú misma, jugar. Парадигматические ассоциации представлены лексемами: anti-arrugas (3), rejuvenecimiento (2), operar, artificial, jugar; синтагматические ассоциации: crema (4), farmacia, risa, serum, elixir, no quiero, no me hace falta, tú misma.

22) Radiante – brillante (7), sol (6), luminoso, pleno, expresivo, guapo, la sonrisa de un amigo, los dientes, magnífica, guapa. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *radiante*, относятся: brillante (7), luminoso, pleno, expresivo, guapo, magnífica, guapa. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *radiante*, относятся: sol (6), la sonrisa de un amigo, los dientes.

23) Fascinante – maravilloso (3), impresionante (3), sorprendente, museo, moda, belleza interior, vida, increíble, radiante, el chocolate, bien, montaña, novedad, alucinante, extraordinario. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *fascinante*, относятся: maravilloso (3), impresionante (3), sorprendente, increíble, radiante, bien, alucinante, extraordinario. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *fascinante*, относятся: museo, moda, belleza interior, vida, el chocolate, montaña, novedad.

24) Rápido – veloz (5), lento (2), pronto, de prisa, eficaz, salir tarde en la mañana, vivir, ágil, un coche, lento, breve, diversión, aligerar paso. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *rápido*, относятся: veloz (5), lento (2), pronto, de prisa, eficaz, ágil, lento, breve, diversión, aligerar paso. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *rápido*, относятся: salir tarde en la mañana, vivir, un coche.

25) Sencillo – fácil (5), simple, fino, suave, cómodo, rápido, blanco, bonito, nada, amistad, complicado, un chico, querer, casero, humildad. К парадигматическим ассоциациям относятся: fácil (5), simple, fino, suave, cómodo, rápido, blanco, bonito, nada, complicado, querer, casero, humildad; к синтагматическим ассоциациям – amistad, un chico.

26) Nuevo – viejo (3), coche (3), vanguardista, vestido, tipo, innovador, emocionante, radiante, móvil, una camisa, reluciente, curiosidad, ilusión, día, renovar, evolucionar. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *nuevo*, относятся: viejo (3), vanguardista, innovador, emocionante, radiante, reluciente, curiosidad, renovar, evolucionar; к синтагматическим ассоциациям относятся: coche (3), vestido, tipo, móvil, una camisa, ilusión, día.

27) Excepcional – único (5), brillante (2), innovador (2), original, bolsa, grande, sobresaliente, filosofía, genial, fabuloso, mis amigos, día, fuera de la norma, bueno. Парадигматические ассоциации: único (5), brillante (2), innovador (2), original, grande, sobresaliente, genial, fabuloso, fuera de la norma, bueno; синтагматические ассоциации: bolsa, filosofía, mis amigos, día.

28) Intensivo – duro (3), rápido (3), el día (2), cuidado (2), estricto, película, severo, doloroso, curso, noche, baloncesto, cirujano, mayo. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *intensivo*, относятся: duro (3), rápido (3), estricto, película, severo, doloroso, cirujano. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *intensivo*, относятся: el día (2), cuidado (2), curso, noche, baloncesto, mayo.

29) Especial – único (5), una persona (3), regalo (3), adaptado, grande, corto, capacidad, diferente, cita, navidad, yo, amor, momento. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *especial*, относятся: único (5), adaptado, grande, corto, diferente. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *especial*, относятся: una persona (3), regalo (3), capacidad, cita, navidad, yo, amor, momento.

30) Perfecto – cuerpo (2), bello (2), no existe (2), hermoso, último, mantequilla, yo, ideal, día, insuperable, nadie, ordenador, lugar, imposible, la naturaleza, inmejorable, correcto. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул

perfecto, относятся: bello (2), hermoso, último, ideal, insuperable, imposible, inmejorable, correcto. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *perfecto*, относятся: cuerpo (2), no existe (2), mantequilla, yo, día, nadie, ordenador, lugar, la naturaleza.

31) Ideal – perfecto (5), bueno, condición, ilusión, vacaciones, carpe diem, vivir, moralidad, dinero, amor, salud, una manicura, para ti, valor, justo, yo, todo. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *ideal*, относятся: perfecto (5), bueno, ilusión, carpe diem, vivir, moralidad, justo. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *ideal*, относятся: condición, vacaciones, dinero, amor, salud, una manicura, para ti, valor, yo, todo.

32) El lujo – comodidad (3), coche (3), rico (2), dinero (2), hotel, innecesario, relativo, carísimo, necesario, el sueldo, Ferrari, más allá, un premio caro de mantener, simplicidad. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *el lujo*, относятся: comodidad (3), coche (3), rico (2), dinero (2), hotel, el sueldo, Ferrari, más allá, un premio caro de mantener, simplicidad. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *el lujo*, относятся: innecesario, relativo, carísimo, necesario.

33) Alisante – pelo (7), plancha (4), champú (2), crema (2), fácil, cálido, vía, llanísimo, liso. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *alisante*, относятся: fácil, cálido, vía, llanísimo, liso. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *alisante*, относятся: pelo (7), plancha (4), champú (2), crema (2).

34) Único – especial (4), original (2), diferente (2), grandioso, irremplazable, inigualable, persona, patente, humanos, aretes, amanecer, individuo, solo, imitable. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *único*, относятся: especial (4), original (2), diferente (2), grandioso, irremplazable, inigualable, patente, solo, imitable. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *único*, относятся: persona, humanos, aretes, amanecer, individuo.

35) Infinita – ilimitada (3), universo (2), larga, coche, sin final, eterno, finita, luna, alma, demasiado, amistad, sin límite, interminable, indefinida, espiritualidad. К парадигматическим ассоциациям,

данным на слово-стимул *infinita*, относятся: ilimitada (3), larga, coche, sin final, eterno, finita, luna, demasiado, sin límite, interminable, indefinida. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *infinita*, относятся: universo (2), alma, amistad, espiritualidad.

36) De vanguardia – perfecto (4), noticias (2), innovación, guerra, hijos, coche, moderno, bolso, periódico, insólito, diario, antiguo, tope, frente, avanzada. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *de vanguardia*, относятся: perfecto (4), innovación, guerra, hijos, moderno, insólito, antiguo, tope, frente, avanzada. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *de vanguardia*, относятся: noticias (2), coche, bolso, periódico, diario.

37) Lisa – plana (3), perfecta, mentón, bella, sedoso, tersa, cabello, rizada, revista, Bart, pared, fina, Simpson, horizonte, aplanar. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *lisa*, относятся: plana (3), perfecta, bella, sedoso, tersa, rizada, fina, aplanar. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *lisa*, относятся: mentón, cabello, revista, Bart, pared, Simpson, horizonte.

38) Excelente – bueno (5), escuela (2), genial, único, inmejorable, hace feliz, aprobar, Burns, mejor, perfecto, sobresaliente, grande, superior, extraordinario. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *excelente*, относятся: bueno (5), genial, único, inmejorable, hace feliz, aprobar, Burns, mejor, perfecto, sobresaliente, grande, superior, extraordinario. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *excelente*, относятся: escuela (2).

39) Máximo – mínimo (5), tope, único, perfecto, mejor, felicidad, loco, nadie llega al máximo, demasiado, meta, insuperable, todo, supremo. К парадигматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *máximo*, относятся: mínimo (5), tope, único, perfecto, mejor, loco, demasiado, meta, insuperable, todo, supremo. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *máximo*, относятся: felicidad, nadie llega al máximo.

40) Atractivo – bello (4), hombre (2), sexual, masculino, interesante, feo, seductor, carisma, importante, gustos, guapo, calidad, gustar, elasticidad, ligereza, radiante. К парадигматиче-

ским ассоциациям, данным на слово-стимул *atractivo*, относятся: bello (4), sexual, masculino, interesante, feo, seductor, importante, gustos, guapo, gustar, ligereza, radiante. К синтагматическим ассоциациям, данным на слово-стимул *atractivo*, относятся: hombre (2), carisma, calidad, elasticidad.

Проанализировав женские ассоциации, мы выявили, что парадигматические ассоциации составляют 63%, а синтагматические – 37%. Как видно из приведенных фактов, среди женских ассоциаций оказалось больше парадигматических, чем синтагматических. По нашему мнению, это указывает на «глубинно-когнитивную, тезаурусную» сущность языкового сознания испанок, объемный взгляд на обычные вещи, связанные с покупкой повседневных товаров, несмотря на «неглубокий», специфический материал исследования – популярные женские журналы.

В ходе дальнейшей работы мы классифицировали все слова-реакции, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента. С помощью метода «семантического гештальта» они были распределены на 5 семантических зон, которые отвечают на вопросы «Кто?», «Что?», «Какой?», «Что делать?», «Как?». В результате мы получили женское ассоциативное поле, распределенное по данным зонам.

Рассмотрим содержимое семантических зон женского ассоциативного поля. В ходе анализа нами было выявлено, что преобладающее количество ассоциаций относится к семантическим зонам «Что?» и «Какой?». Семантические зоны «Кто?» и «Как?» являются наименее заполненными.

Нами было рассмотрено ядро женского ассоциативного поля. Все слова-реакции, которые встречаются в ответах женщин более одного раза, составляют ядро данного ассоциативного поля. Ассоциации, которые оказались наиболее частыми реакциями на все слова-стимулы, предъявленные женщинам в ходе эксперимента, являются центральными ассоциациями в ядре.

При изучении ядра женского ассоциативного поля мы обнаружили, что центральными в ядре являются следующие женские ассоциации: *único* (20), *crema* (17), *salud* (13), *perfecto* (13), *sol* (12), *bueno* (11), *agua* (11), *piel* (11), *luz* (11).

Рассмотрев существительные, принадлежащие семантическим зонам «Кто?» и «Что?», мы вы-

явили, что конкретные существительные (*pelo, pared, diario, camisa, flor, bolsa, gato, manzana, coche, cama*) преобладают над абстрактными и составляют 62%. Абстрактные существительные (*comodidad, juventud, tranquilidad, fortaleza, tratamiento, responsabilidad, fuerza, curiosidad, capacidad, seguridad*) составляют 38%. Как известно, характер отображения объективной действительности влечет разделение имени существительного на конкретные и отвлеченные (абстрактные). Продуктивность конкретных существительных в реакциях респондентов свидетельствует о материальном, «физически» закрепленном суждении об окружающем мире. Языковое сознание испанок через призму рекламного дискурса отличается конкретностью, предметно-практической направленностью, целеустремленностью и готовностью к определенному действию: выбрать, оценить, купить или не купить.

Проанализировав прилагательные, принадлежащие семантической зоне «Какой?», нами было обнаружено, что качественные прилагательные (*viejo, duro, rico, claro, grande, caro, blanco*) преобладают над относительными и составляют 59%, а относительные (*interior, innovador, ilimitada, solar, superficial, anti-edad, invisible*) – 41%.

Также мы обнаружили, что в женском ассоциативном поле содержится много эмоционально-оценочной лексики (*perfecto, brillante, impresionante, maravilloso, ideal, grandioso, fabuloso, magnífica*). Вся эмоционально-оценочная лексика носит только положительную коннотацию.

Нами были рассмотрены ассоциации женского ассоциативного поля, относящиеся к определенным тематическим сферам. Оказалось, что в женском ассоциативном поле содержится много лексики, относящейся к следующим сферам: «природа» (*sol, naturaleza, flor, planta*), «красота» (*crema, mascarilla, botox, belleza, spa, cosmética, manicura, maquillaje*). Гораздо реже встречается лексика, относящаяся к следующим сферам: спорт (*deporte, BARÇA*), война (*guerra, lucha, frente*).

Итак, в ходе анализа женских ассоциаций мы выявили, какие гендерные особенности проявляются в языковом сознании испанок.

1) Среди женских ассоциаций больше парадигматических, чем синтагматических, что указывает на «глубинно-когнитивную, тезаурусную» сущность женского языкового сознания, объемный взгляд на обычные вещи, связанные с покупкой повседневных товаров;

2) большая доля конкретных существительных и качественных прилагательных в женском ассоциативном поле говорит об особом предметно-конкретном, прагматическом характере отображения объективной действительности;

3) активно реализуемая в ассоциативной сети эмоционально-оценочная лексика, а так-

же лексика, относящаяся к сферам «природа», «красота» (ядро женского ассоциативного поля практически полностью состоит из лексики, относящейся к данным сферам) свидетельствует, во-первых, об эстетическом, духовном восприятии мира и сильной эмоционально-образной составляющей языкового сознания испанок, во-вторых, об особенностях «женского» рекламного дискурса, которому не чужды мягкость, чувственность, женственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Караулов Ю. Н.** Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 328 с.

УДК 81.42 (045)

Л.Г. Васильев

ДИСКУРС РАССУЖДЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ЕГО АНАЛИЗА

Удмуртский государственный университет

Сопоставляются системы анализа аргументирующего дискурса; предложены основания для выбора одной из них - прагматизированной семантико-грамматической силлогистики, основанной на принципах рациональности. Она обладает естественно-мыслительным характером, т.е. мысль рассуждающего реализуется в двухкомпонентной структуре, состоящей из групп субъекта и предиката. Такая структура психологически обоснована, ибо имеет реализацию в коммуникативном оформлении предложения (данное - новое).

Ключевые слова: абдукция, аргументация, дедукция, индукция, рассуждение, рациональность, семантико-грамматическая силлогистика

L. G. Vasilyev

THE DISCOURSE OF REASONING AND PRINCIPLES OF ITS ANALYSIS

Udmurt State University

Systems of argumentative discourse analysis are compared and grounds for a choice of one of them are given. The system in question is a rational pragmatized semantico-grammatic syllogistic. Its natural-cognitive feature is in a two-component subject-predicate structure. The structure is psychologically grounded because it is manifested in a communicative form (the Given - the New) of a sentence.

Key-words: abduction, argumentation, deduction, induction, rationality, reasoning, semantico-grammatic syllogistic.

В аргументирующем дискурсе, построенном на рационалистических принципах – будь то рассуждение, обсуждение, спор, дебаты и т.п., – главенствующее место принадлежит обеспечивающему компоненту коммуникативного процесса, а именно, системе рассуждения, которой пользуются коммуниканты.

На практике выбор системы рассуждения подчиняется **прагматическому принципу**, который можно сформулировать в виде совокупности следующих вопросов:

(1) какая из возможных систем наиболее адекватно «работает» для правильного понимания состава, структур и – главное – правильности аргумента?

(2) если аргумент неправилен, то почему – (2а) из-за неверного или недостаточного состава? (2б) из-за его некорректного построения? или (2в) из-за того и другого вместе?

Выбор системы прагматически ориентирован и в другом отношении. Если аргумент правилен (согласно системе), то его следует принять. Однако будет ли он на самом деле принят реципиентом? Иными словами, насколько операбельна система проверки (а) правильности и (б) пригодности аргумента? Т.е., есть ли четкий алгоритм применения системы или все основывается на эвристиках, которые очень сложно описать, а еще сложнее – систематизировать (а ведь си-

стематизация – одна из основных задач научного поиска, который должен лежать в основе рациональной деятельности, в том числе, дебатов)?

Для того, чтобы дать более или менее четкие ответы на эти вопросы, следует вспомнить, какие системы рассуждения обычно применяются в трудах по аргументологии. По всей видимости, не все читающие данную статью являются специалистами в логике или в аргументативных системах; поэтому представляется целесообразным дать некоторые пояснения, которые могут показаться избыточными для специалистов, но полезными для более широкого круга читателей.

Начнем с изложения общих принципов наиболее часто применяющихся систем рассуждения.

Традиционно к способам правильного получения вывода в аргументологии относят дедукцию и индукцию. Если речь идет о неспециалистах, то под первой обыкновенно понимают рассуждение ‘от общего к частному’, под второй – ‘от частного к общему’. Однако научные трактовки этих методов не столь однозначны. Поэтому целесообразно посмотреть, насколько эти методы (в их уже профессиональном понимании) пригодны для анализа естественно-языковых аргументов, например, в ситуации анализа исследователем письменного аргумента.

Дедукция и ее некоторые характеристики. Дедуктивным принято считать умозаключение,

которое при 100%-ной истинности посылки обеспечивает 100%-ную истинность вывода. Дедуктивный аргумент считается неадекватным лишь по двум причинам – (а) если ложны его посылки и (б) если некорректен (невалиден) способ доказывания. В дедуктивном аргументе при истинности посылок и валидности доказывания вывод не может быть ложным – *tertium non datur*. Поэтому для анализа реальной (обыденной, повседневной, обиходной) аргументации дедукция традиционно считается малопригодной на том основании, что аргументируя, мы постоянно взвешиваем «да» и «против», устанавливаем, насколько вывод совпадает с нашими собственными воззрениями – полностью, частично, или, паче чаяния, вовсе не совпадает.

При определении дедукции обычно считается, что количество информации в выводе никогда не превышает количество информации в посылках. При этом количественный параметр здесь непосредственно связан с новизной. Информация в этом случае обычно трактуется с логических позиций – как логические постоянные *A, B, C* или как логические переменные *p, r, q*. Однако такое понимание информации представляет собою результат применения операции редукции. Ф. ван Еемерен (Eemeren, Grootendorst, Henkemans 1996:10–11) относит их к 5-му и 6-му уровням научно-логической абстракции. Эти уровни следующие.

1-й уровень – абстракция исследовательского приема – когда рассмотрение аргумента производится в отрыве от ситуации, в которой этот аргумент употреблен. В результате дискурс интерпретируется так, что некоторые имплицитные элементы становятся эксплицитными.

2-й уровень абстракции заключается в деперсонализации, т.е. аргумент рассматривается независимо от коммуникантов, т.е. как уже отдельное изолированное образование.

3-й уровень абстракции предполагает редукцию трансформации, когда аргумент приводится к так называемой стандартной форме. Здесь языковое оформление аргумента универсализируется, т.е. компоненты аргумента в репликах для удобства выделения посылок и вывода получают полное двусоставное оформление. Например, вместо реплик в диалоге о преподавателе

«Ну и?» – «Да пошел он!» употребляются «Как он объясняет?» – «Он объясняет плохо».

4-й уровень абстракции предполагает две противоположные, но разнонаправленные операции (одна – на операторы, другая – на компоненты аргумента): (а) вербализацию логических связок типа *если ... то; или; и; нет/неверно, что...* и (б) девербализацию содержания компонентов аргумента, т.е. устранение их собственно языкового наполнения в конкретном языке и трансформацию их в сентенциальные постоянные (эквиваленты пропозиций), выраженные заглавными буквами *A, B, C*.

5-й уровень – это локализация естественно-языкового наполнения аргумента, т.е. замена вербализованных логических связок на их невербализованный логический вариант типа маркера следствия \rightarrow , маркера негации \neg и др. Естественно-языковое наполнение аргумента здесь элиминируется, и именно на этом уровне появляется понятие «значение истинности» (truth value), т.е. истинно или ложно конкретное высказывание, воплощенное в логико-константной форме, т.е. выраженное при помощи «сверток» – символов *A, B, C*.

6-й уровень предполагает логическую десемантизацию, когда в аргументе остаются только логические субституты, лишённые значения (заглавные буквы уступают место символам *p, r, q*). Эта десемантизация основана на деспецификации; иными словами, происходит абстрагирование от конкретных свернутых аргументов о конкретной ситуации, так что вместо логических постоянных используются логические переменные.

Такой путь абстрагирования делает прямое применение формальной логики непригодным для понимания тонкостей анализа аргументов, выраженных на естественном языке.

Особенности вывода в дедукции: необходимость алгоритма. Выше уже упомянуто, что при определении дедукции считается, что количество информации в выводе никогда не превышает количество информации в посылках. Иными словами, часто говорят, что в дедукции отсутствует (эпистемическая) новизна вывода. Ведь логически дедукция – это лишь способ комбинирования информации, содержащейся

в посылках аргумента с последующим перенесением части этой информации в вывод. А поскольку эпистемологического изменения информации нет, то дедуктивный вывод является *нейтральным* и, соответственно, *объективным*; поэтому каждый, кто принимает посылки, должен по необходимости принять и вывод. Такая необходимость предполагает, что вывод должен быть принят вне зависимости от интенции субъекта, как объективная необходимость.

Однако здесь сразу же встает вопрос о том, насколько такая объективная необходимость согласуется с осознанностью. Иными словами, обусловлена ли необходимость принятия вывода тем, что он осуществляется как бы автоматически? Ведь в случае автоматизма можно ставить вопрос о ненужности рефлексивного анализа аргумента: если при правильном выборе системы рассуждения вывод является объективно необходимым, не будет ли он получен в любом случае, без особого труда для рассуждающего?

Представляется, однако, что если вывод автоматичен, то он получается скорее всего (или очень часто) неосознанно, т.е. на основе эвристики. Если же он не-автоматичен, то его получение должно быть совершено при помощи намеренных мыслительных операций – рефлексии.

Поскольку вывод в дедукции считается объективным, такие операции, скорее всего, будут носить характер, независимый от субъективных наслоений. Иначе говоря, эти операции подчиняются принципу алгоритма. Алгоритм же в общепринятом определении – это система, или последовательность действий, механическое выполнение которых приводит к однозначному результату. При этом алгоритм – это не естественное, а конвенциональное образование. Итак, для получения дедуктивного вывода требуется алгоритм.

Поскольку алгоритм представляет собой пошаговую систему действий, рассмотрение *семантики* его компонентов представляет собой, по-видимому, отдельную задачу, не связанную с собственно получением вывода. Логично тогда предположить, что один и тот же алгоритм может быть применим к получению вывода из суждений с различной семантикой. Например, алгоритм *Modus Ponens* используется для аргументов с самой разной семантикой. Различия же

в семантике суждений связаны помимо прочего с приемлемостью самих суждений для разных коммуникантов.

Из вышесказанного следует, что алгоритм как динамическая операция не зависит от статического статуса семантики компонентов аргумента. Например, компоненты высказывания, будучи изолированными, могут не вызывать вопросов и сомнений у коммуникантов. Соединение компонентов в суждение и высказывание совершается по алгоритму (пусть языковому, например, по синтаксическим и морфологическим правилам). Полученное высказывание уже может вызывать сомнение в том, насколько оно приемлемо для того или иного коммуниканта. Однако это сомнение (особенно у наивного коммуниканта) будет обращено не на *процедуру* соединения компонентов высказывания, а, прежде всего на *результат* этого соединения, т.е. на результат алгоритма. При этом один и тот же результат может оказаться в разной степени приемлемым для разных коммуникантов – у одних полученное суждение-вывод не вызовет ни малейших сомнений, у других возникнет возражение.

Вот этот факт, т.е. то, что для какого-то одного коммуниканта одно и то же суждение оказалось истинным, а для другого нет, и свидетельствует в пользу моего положения о независимости алгоритма от понятия истинность. При этом истинность в данном случае берется не в привычной ее логической трактовке, а в индивидуально-эпистемическом толковании. Поэтому для такого толкования будет уместным применение несколько парадоксального, на первый взгляд, понятия *относительная истинность*. Отсюда можно сделать вывод: один и тот же алгоритм (но не обязательно любой) может быть применен для получения и истинных, и вероятных, и сомнительных выводов.

Иными словами, дедуктивные процедуры могут оказаться пригодными и для получения выводов, истинность которых не стопроцентна, т.е. действительна не для всех коммуникантов. Это положение можно тогда считать обоснованием того, что дедуктивные алгоритмы применимы для индуктивного типа рассуждений, если под индукцией понимать не истинный, в вероятностный вывод.

Новизна в дедуктивном рассуждении.

На мой взгляд, утверждение об отсутствии новизны в дедуктивном рассуждении касается только собственно логического содержания (уровней 5–6, максимум 4–3). Помимо этого содержания существует еще как минимум и языковое содержание. Поскольку защищаемый в настоящей статье подход к анализу аргументов заявлен как лингво-аргументативный, к этому содержанию мы и обратимся. Языковая новизна определяется множеством факторов, в числе которых выделяются лексико-позиционные трансформации, фокусировка, активно-пассивные трансформации. Рассмотрим их.

Лексико-позиционные трансформации.

С точки зрения логического значения истинности, идентичными будут предложения (a) *Mary sold the book to John* и (b) *John bought the book from Mary* – если одно из них истинно, то непременно истинно и другое. Однако с точки зрения распределения коммуникативных интенциональных значений это разные предложения: в обоих инициатором / протагонистом служит подлежащее, но оно репрезентирует разных участников ситуации: (a) продавца, в (б) покупателя.

Также с точки зрения логического значения истинности, идентичными будут предложения (c) *Only John [and no one else] reads books on politics* VS. (d) *John only reads books on politics [and does nothing else]* VS. (e) *John reads only books on politics [and no other literature]*.

Фокусировка.

С точки зрения логического значения истинности поверхностной структуры предложения, идентичными будут предложения (f) *John hit Bill and then George hit him* и (g) *John hit Bill and then George hit him*. Однако с точки зрения языкового значения эти предложения существенно различны. В зависимости от фразового ударения смысл высказывания может быть разным, т.к. антецедентом для *him* может быть как *Bill* (в предложении (f)), так и *John* (в предложении (g)).

Активно-пассивные трансформации.

С точки зрения логического значения истинности, идентичными будут предложения (h) *Everyone here knows at least two languages* VS (i) *At least two languages are known by everyone here*. Однако с точки зрения языкового значения

эти предложения различны. В первой ситуации языка могут быть разными, во второй – они обязательно одинаковы.

Итак, дедукция как традиционный комплексный метод в семантическом отношении для анализа естественно-языковых аргументов малоприменима. Однако ее алгоритмы могут применяться и за ее пределами. Перейдем к индукции.

Индукция и ее характеристики. В традиционном понимании индукция противопоставляется дедукции в том, что при истинности посылок вывод получается не истинным, а лишь в разной степени вероятным. Различают полную и неполную индукцию.

В полной индукции делается вывод о классе на основе знания обо всех членах этого класса, например: *В понедельник, вторник, среду, четверг, пятницу, субботу и воскресенье на прошлой неделе шел дождь. Значит, всю прошлую неделю шел дождь.*

В неполной индукции делается вывод о классе на основе знания о некоторых членах класса. Это эnumerативная индукция.

Неполная не-эnumerативная индукция разбивается, согласно Дж.С. Миллю (Mill, 1884), на 4 типа: по сходству, по различию, по остатку и по сопутствующим изменениям.

Метод сходства: если явление возникает в результате других явлений, у которых все различно, кроме признака *X*, то именно *X* является причиной этого явления.

Метод различия: если явление возникает в связи с целым рядом признаков и не возникает, когда есть все эти признаки, кроме *X*, то *X* будет причиной этого явления.

Метод остатков: если явление вызвано признаком *A*, а при наличии дополнительного признака *X* меняет свои качества, то причиной этого изменения является *X*.

Метод сопутствующих изменений: если явление имеет ряд признаков но изменяется при изменении одного лишь признака *X*, и по свойствам, характерным именно для *X*, но не для других признаков, то *X* будет причиной явления.

В настоящее время индуктивная логика все больше становится логикой вероятностей. В аргументативных исследованиях, начиная еще со С. Тулмина (Toulmin 1958), используют

индуктивные, а не дедуктивные системы, ибо понятия естественного языка никогда не бывают полностью идентичными у разных людей, и поэтому объективно никогда и не будут истинными. В частности, индуктивная логика используется в диалектическом (диалоговом) подходе к аргументации (ср.: Eemeren, Grootendorst, 1984). При этом индукция понимается прежде всего как система, посылки и выводы в которой не имеют 100%-ного значения истинности; иными словами, система обычно берется в семантическом ракурсе, но не в алгоритмическом, при котором операции могли бы принципиально отличаться от дедуктивных.

Индукция и диалоговые системы аргументативного анализа. При всей своей пригодности для исследования естественных аргументов в диалоге диалектические (основанные на методе индукции!) системы, в частности, прагматика в голландской школе Ф. Еемерена, имеет некоторые методологические недостатки, которые необходимо каким-то образом снять, чтобы придать системе стройность и законченность. Эти недостатки могут быть связаны с самой методологией диалектики, которая принципиально строится на основе индукции. Индукция при этом трактуется как система, позволяющая делать вероятностные выводы на основе вероятностных же доводов. На эти недостатки указывал В. Слоб (Slob 2002), и далее я остановлюсь на них, добавив прямо по ходу изложения и некоторые собственные соображения.

А. Диалектика (в частности, прагматика) предусматривает построение теоретически адекватной аргументативной системы, основанной на рационалистических принципах. Рациональное же ведение аргументации в диалоге предполагает взаимоприемлемую, конвенциональную систему рассуждения и оценок. При этом можно создать целый ряд таких систем и затем выбрать наилучшую. Иными словами, при выборе системы мы как коммуниканты тогда опираемся на существование некоего идеала. Однако для выбора этого идеала необходим становится мета-диалог, мета-аргументация о правилах и конвенциях. И тогда получается, что в диалогической аргументации имеет место уд-

воение уровней – обычный (аргументативный) и надстроечный (мета-диалогический).

Б. Рациональное ведение аргументации, согласно прагматике, предполагает наличие рационального судьи, заранее обладающего идеальной или какой-то иной системой, но обязательно той, которой пользуются участники аргументативного диалога.

Если рациональный судья пассивен и лишь оценивает стратегии и тактики в дискуссии, то дискуссия идет естественным путем, но может иногда отклоняться от нормативов, и тогда ответственность за такие отклонения лежит на коммуникантах. При этом ответственны они лишь перед собственной совестью, а чрезмерное отклонение от норм сдерживается оппонентом.

Если же рациональный судья активен, то он корректирует шаги и ходы коммуникантов, не давая им отклоняться от нормативов и выходить за рациональные рамки дискуссии; в этом случае ответственность за ведение и ход дискуссии лежит на рациональном судье. Получается, что в такой ситуации значительно снижается когнитивная активность дискуссантов, и они во многом выполняют лишь механические функции пешек в шахматной игре. В такой ситуации диалогическая стратегия контролируется монологической – т.е. управляется извне, и тогда нормативный характер дискуссии предстает в виде двухуровневого образования, имеющего два стратума – уровень реализации и мета-уровень контроля и оценки.

В обоих случаях в задачи рационального судьи имплицитно входит протравивание аргументативного взаимодействия – как его хода, так и результатов. Такая непростая задача может быть успешно выполнена лишь при наличии определенных условий, в частности, наличия у судьи времени на раздумье, чего в обычных устных условиях диалога как раз у судьи и нет. В этом случае перед судьей два варианта действий.

В одном ему приходится следовать эвристикам, которые по своей природе плохо подчиняются нормативам и систематизации, а, следовательно, малоприспособлены для создания рациональной системы, которую можно было бы применять к диалогам разного вида.

В другом варианте, он может выбрать систему норм анализа аргументации заранее, еще до начала собственно аргументативного взаимодействия.

Второй вариант, безусловно, предпочтительнее. Но даже в случае обладания такой нормативной системой, заранее адекватная оценка хода дискуссии, проходящего «вживую» чрезвычайно осложнена ввиду той же ограниченности во времени. Поэтому эффективность применения этой системы будет высока преимущественно в оценке стратегического компонента аргументативного взаимодействия, например, общих правил поведения коммуникантов в фазах конфронтации, открытия, закрытия дискуссии. А вот недочеты аргументации на собственно аргументативной стадии проследить значительно сложнее, если только речь не идет о явных ошибках (fallacies). В частности, очень сложно бывает сделать вывод о *релевантности посылок* для конкретного вывода – т.е. насколько сильна такая посылка в объективном (рациональном) плане, а не с субъективной точки зрения только лишь судьи – ведь для судьи она может показаться очень хорошей, а на соперника говорящего не произвести впечатления.

Поэтому на самом деле более эффективно рациональный судья действует *post factum*, анализируя уже зафиксированную (например, в письменной форме) аргументацию, когда можно применить интроспекцию, а проще говоря, хорошенько подумать над качеством аргументов.

В. Наличие рационального судьи *a priori* предполагает известную не-рациональность участников дискуссии, т.к. если бы они были рациональны, то судья был бы не нужен.

Не-рациональность может проявляться на стратегическом уровне (например, при смешении стадий аргументативного взаимодействия или при принятии коммуникантом несвойственных ему функций, когда, скажем, он начинает сам критиковать свою точку зрения).

Она проявляется и на аргументативном уровне, когда имеют место недостатки в построении аргументов. В случае, когда у участников дискуссии разные мнения относительно спорного вопроса, каждому кажется, что его доводы лучше, убедительнее, а значит, их должен принять и со-

перник. Поэтому возникает вопрос – а что считать убедительным, каковы для этого критерии?

Г. В предпринимаемой В. Слобом критике рационального подхода есть свои сильные стороны. Однако в его попытке решить теоретическую проблему нормативного характера оценки аргумента с *риторической* позиции есть существенные недостатки.

Согласно традиции, идущей от Х. Перельмана, в аргументативном подходе коммуниканты пользуются определенными стандартами оценки аргументов. Использование ошибочных аргументов, как правило, не приветствуется и отрицательно сказывается на репутации аргументатора.

Однако в риторике считается, что для коммуникантов не нужна единая система оценки рассуждения: слушающий следит за тем, чтобы рассуждение говорящего было логичным с точки зрения его, т.е. слушающего. Чтобы достичь этого, говорящий должен проанализировать установки и ценности оппонента. Но ориентация на стандарты оппонента подрывает собственные стандарты пропонента, т.е. теряется этос пропонента, что с риторической точки зрения очень важно, ибо тогда человека перестают считать серьезным собеседником.

Следовательно, существенно, что защита тезиса должна проводиться с собственных позиций – т.е. пропонент должен быть *a priori* готов защитить его. Ведь аудитория может быть изначально настроена против этого тезиса, а уж оппонент – тем более, если считать, что аргументативное взаимодействие возникает при наличии спорного вопроса. И опять остается вопрос – а как постороннему (в том числе оппоненту) оценить, насколько удачно проведена защита тезиса, если система оценки у каждого коммуниканта своя?

В. Слоб считает, что поиск общей рациональной системы для ведения аргументативной дискуссии – фикция, и при ее проведении участники руководствуются лишь сдерживающими стратегиями. Иными словами, его позиция близка разновидности лингво-синергетического подхода, согласно которому текст сам себя организует даже без наличия к тому воли коммуникантов.

Таким образом, сходство между подходами прагматодialeктиков и В. Слоба заключается в принятии принципа императивности (*a should principle*); разногласия между этими подходами лежат в плоскости сферы охвата конвенциональности. Конвенциональность у прагматодialeктиков всеобъемлющая – все стадии аргументативной дискуссии осуществляются при неперменном соблюдении определенных рациональных правил. У В. Слоба конвенциональность общения рассматривается как недиалогический фактор, и отсюда следует его неприятие рациональности.

На мой взгляд, если придерживаться тезиса о примате человеческого фактора в социальной (т.е. человеческой же) деятельности, подход В. Слоба методологически менее приемлем, поскольку задача науки как раз и состоит в попытке *систематизировать* разнообразие на основе учета всех релевантных факторов – в частности, человеческого – в данном случае, создать конвенциональную *систему* на основе разнообразия систем рассуждения у коммуникантов. Наукой установлены общие непротиворечивые правила получения корректного вывода, т.е. правила адекватного аргументирования. Не придерживаться их – значит впасть в ошибку принципиального агностицизма.

Абдукция как система анализа аргументов. Еще одна разновидность умозаключения – это абдукция. Этот термин был введен Ч. Пирсом. В логической системе Ч. Пирса основные типы рассуждений («аргументов») – дедукция, индукция и абдукция.

Индукция, по Ч. Пирсу, предполагает, что все члены некоторого класса или некоей совокупности обладают теми же признаками, что установлены лишь для отдельных членов классов/совокупности. В индукции (тракуемой как силлогизм) рассуждение осуществляется от двух частных посылок к общему заключению.

Индукция у Ч. Пирса разделяется на три валидных разновидности – грубую, количественную и качественную.

- Грубая индукция – это рассуждение о вероятности общего на основе незначительного числа фактов, ее можно опровергнуть простым контр-примером. Ч. Пирс называет ее также

«несерьезным» (*pooh-pooh*) аргументом, который состоит в отрицании того, что события некоторого типа могут произойти, ибо раньше таких событий не случилось (Peirce 1932: 2.269).

- Количественная индукция – наиболее сильный тип индукции, основанный на математической теории вероятности. В этой индукции используется аргумент, основанный на методе случайной выборки.

- Качественная индукция по силе располагается между грубой и количественной. Это индукция здравого смысла, верификация общего прогноза, т.е. та, которая наиболее часто используется в обыденной аргументации.

Индуктивные и абдуктивные силлогизмы значительно отличаются от дедуктивных, и различие заключается в компоновке частей силлогизма. Дедукция считается аналитическим видом рассуждения, индукция и абдукция – синтетическим. Индуктивный силлогизм отличается от дедуктивного тем, что «факты, суммированные в выводе, не являются фактами, зафиксированными в посылах» (Peirce 1932:2.680). Имея один и тот же набор пропозиций, можно, согласно Ч. Пирсу (Peirce, 1932:2.623), проиллюстрировать названные типы аргументов так:

Дедукция:

Правило: *All beans from this bag are white.*

Частный случай (case): *These beans are from this bag.*

→ Результат: *These beans are white.*

Индукция:

Частный случай: *These beans are from this bag.*

Результат: *These beans are white.*

→ Правило: *All beans from this bag are white.*

Абдукция:

Правило: *All beans from this bag are white.*

Результат: *These beans are white.*

→ Частный случай: *These beans are from this bag.*

Из приведенных примеров видно, что Правило, Частный случай и Результат соответствуют Большой посылке, Меньшей посылке и выводу в аристотелевском категорическом силлогизме. Однако то, что Ч. Пирс меняет местами семантические типы пропозиций в индукции и абдукции, по сравнению с дедукцией, приводит к неодинаковым последствиям. В самом деле, если в индукции

не составляет особого труда идентифицировать Правило в качестве заключения, то в абдукции распознавание заключения затруднено, поскольку Результат и Частный случай суть явления одинаковой степени общности (по Ч. Пирсу, они являются Частными суждениями), и сказать, почему одно из них является Результатом, а другое Частным случаем, затруднительно.

Понятие абдукции развивается в настоящее время в неформальной логике Дж. Вудсом и Д. Уолтоном (cf.: Walton, 2001). Согласно (Josephson, Josephson, 1994:14), абдукция имеет форму, основанную на следовании принципу наилучшего объяснения: Д – это факты. Ни одна гипотеза не объясняет Д лучше, чем Г. Следовательно, скорее всего, Г истинна. Ср. пример Джозефсонов:

А: Почему ты поворачиваешь к этой АЗС?

Б: Потому что в баке почти не осталось бензина.

А: А откуда ты сделал такой вывод?

Б: Потому что стрелка топлива почти на нуле. К тому же у меня нет оснований считать, что индикатор испортился, и потому я давно не заправлялся.

В этом примере, в отличие от Пирсова, даются 2 альтернативные гипотезы поведения стрелки манометра. Одна – что бензобак почти пуст. Другая – что манометр испортился. Но А дает дополнительный довод в пользу своей гипотезы – он помнит, что давно не заправлялся. Этот дополнительный довод и оказывается решающим в выборе гипотезы.

Абдукция, как и индукция связана с не 100%-ной истинностью вывода. В настоящее время индукция понимается преимущественно как вероятностный тип умозаключения и этим она сходна с абдукцией. А учитывая, как уже было сказано, что частный случай и результат бывает трудно различить, необходимо установить, в чем состоит отличие абдукции от индукции. Это отличие видится в следующем.

Индукция соотносится с понятием вероятности (probability), а абдукция – с правдоподобностью (plausibility). В вероятности устанавливается ряд альтернативных взаимоисключающих пропозиций, а выбор конкретной из них осуществляется на основе внутреннего содержа-

ния каждой. В правдоподобности альтернативы сравниваются уже не на основе своего внутреннего содержания, а на основе внешних, контекстуальных условий, которые могут подкреплять альтернативы. При этом в правдоподобности две альтернативы могут сосуществовать, а не взаимоисключать друг друга.

Так, возьмем пример Коракса, цитируемый Аристотелем о судебном разбирательстве по поводу драки между хилым и атлетически сложенным людьми. Каждый отстаивает свою позицию. Хилый утверждает, что он не мог начать драку, потому что это с точки зрения здравого смысла было бесперспективно – атлет намного сильнее его. Атлет утверждает, что и он не мог начать драку – ведь судьи сразу бы заподозрили в этом именно его, а виновен в драке именно хилый, так как предвидел, что судьи так и поступят. С индуктивной точки зрения, драку мог начать либо один, либо другой – если велика вероятность, что драку начал один, то велика вероятность, что другой драку не начинал. С абдуктивной точки зрения, если правдоподобно, что драку начал один, также правдоподобно, что драку мог начать и другой.

Чтобы установить, какая же версия правдоподобнее, нужны дополнительные, внешние факты. Абдуктивные ситуации часто встречаются в юриспруденции. Правдоподобность – это то, что нам кажется истинным и что совпадает с другими фактами, которые нам также кажутся истинными.

Итак, проверка правдоподобия и абдукции осуществляется при наличии дополнительных контекстных условий. Что делать, если такого контекста нет, т.е. перед нами письменный аргумент? Пригодна ли в таком случае абдукция? Очевидно, нет. Тогда продолжим наши рассуждения.

Обратимся к проблеме возможностей симбиоза систем анализа аргументации.

Весьма любопытной особенностью любого «доказывания», если понимать его не в строго логическом, а в обыденном смысле, является то, что одно и то же доказываемое положение может обосновываться разным количеством доводов. Эти доводы, в свою очередь, могут различаться по степени весомости и по эффективности воздействия на реципиента. Представим, что перед

нами непредвзятый реципиент, выступающий как разновидность рационального судьи. Такой реципиент не обязательно является собственно судьей, если перед ним аргументативный текст не-диалогического плана. Рациональность тогда будет трактоваться как феномен со следующими характеристиками: (а) непредвзятость; (б) желание понять и оценить аргумент; (в) стремление следовать стандартам, которые интуитивно приемлемы и для других; (г) готовность признать собственную неправоту, если она становится очевидной. Иначе говоря, рациональность приобретает выраженный кооперативный оттенок. Вернемся теперь к аргументу.

В аргументе может быть несколько посылок, одни из них *необходимые*, семантические, другие – *уместные*, подходящие, прагматические. Семантические посылки неотъемлемо присущи аргументу, предполагаются его содержанием, хотя не всегда очевидны. От них мы получаем вывод без дополнительного поиска новых посылок.

Такие посылки встречаются в так называемом непосредственном умозаключении, которое всегда состоит только из одной посылки и вывода. Непосредственность как раз и означает то, что к выводу мы можем прийти без промежуточных ступеней. Понятие непосредственности идет рука об руку с понятием связности, или локальной когерентности. Когерентность предусматривает, что между посылкой и выводом должно быть нечто общее, они должны лежать в рамках одного концептуального поля, одного фрейма, причем в близлежащих, соседних узлах.

Чтобы найти локальную когерентность на уровне отдельного аргумента, который выражен в языке предложением, необходимо обращаться к значению компонентов предложения. Прагматические посылки отличаются от семантических тем, что определяются не семантикой предложения, а контекстом; поэтому прагматических посылок может быть великое множество.

Рассмотрим возможные посылки для следующего тезиса:

Наш дедушка, наверное, умрет.

1. *т.к. он болен*
2. *т.к. он очень стар*
3. *т.к. он не хочет больше жить*

4. *т.к. его семья не хочет больше заботиться о нем*

5. *т.к. он выжил из ума и уже не раз пытался повеситься*

6. *т.к. его внуки наняли киллера*

Эти посылки определяются контекстом, и для каждой посылки был взят разный контекст. Иными словами, здесь не идет речь о локальной когерентности. Невозможно сказать, какая из посылок будет неверной, если мы не знаем контекста – все они подходят и ни одна в принципе не исключает другую.

Такую пестроту картины мы и наблюдаем при абдуктивном подходе к аргументу. Определить, верна конкретная посылка или нет, мы не можем. В контексте же скорее всего будут совместимы (правдоподобны), с одной стороны, посылки (1–2), с другой, (3–5) или (4–6). Вообще же, все эти посылки (за исключением последней) объединены общим компонентом значения «старый», и интуитивно можно сказать, что одни из них ближе к тезису, другие – дальше от него. А вот почему это так, объяснить сложно.

Если же попытаться установить семантические (действенные для любого контекста) посылки к этому примеру, то они следующие:

1. *так как все люди умирают*
2. *так как наш дедушка – человек*

Иными словами, мы можем говорить (а) о посылках, гарантирующих вывод в любой ситуации и (б) о посылках, пригодных только в *определенных случаях*. Понятно, что для дебатов, когда тезис нужно защищать в любом случае, поиск посылок, как правило, определяется рассмотрением возможных контекстов. Побеждает тот, кому удастся таких посылок найти больше – либо потому что найдено большее количество контекстов, либо потому что конкретный контекст проработан глубже, т.е., говоря научным языком, тщательнее проанализирован фрейм, и установлено больше его узлов и связей. Однако если дискутирующий умеет найти обязательные (семантические) посылки, у него остается «неприкосновенный запас», который он сможет использовать в случае крайней необходимости.

Проблема состоит в том, как найти семантические посылки и как получить их в правильном виде. Один из способов – попытаться восполь-

зоваться правилами непосредственного умозаключения. Однако здесь нас подстерегают некоторые подводные камни.

Правильность осуществления умозаключения является определяющей при оценке аргумента. Если неправильность довода или тезиса для реципиента в большинстве случаев очевидна, то неправильность (невалидность) *способа рассуждения* очень часто не распознается. Это часто является условием для намеренного неверного умозаключения (софизма).

Так, участникам одной научной конференции мною было предложено сделать вывод на основе следующих посылок:

(а) *Некоторые лингвисты Удмуртского университета не занимаются экспериментальной фонетикой;*

(б) *Некоторые лингвисты Удмуртского университета не занимаются синтаксической семантикой.*

Практически все испытуемые сделали следующий вывод (оценив его одновременно как приемлемый):

(в) *Следовательно, некоторые лингвисты Удмуртского университета занимаются экспериментальной фонетикой и синтаксической семантикой.*

В данном случае принцип приемлемости предстает двояко. С одной стороны, испытуемые не знакомы с лингвистами УдГУ, и не могут наверняка сказать, что среди калужских лингвистов есть такие, к которым применимо суждение-вывод (в). С другой стороны, такой вывод делается, очевидно, исходя из предположения о широте семантического поля понятия «лингвистика», и реципиенты полагают, что среди лингвистов-калужан есть те, кто работает в двух названных областях. Приемлемость здесь на самом деле предстает как «неопределенно», хотя и не распознается реципиентами в таком виде.

Проблема здесь состоит в том, что если подобный вывод делать в виде *двусоставного* аргумента, т.е. от каждого высказывания к выводу *изолированно*, то выводы получаются действительно неопределенными и в этом смысле хотя бы условно приемлемыми (по правилу логического квадрата, умозаключение от подпротивного к подпротивному суждению (от частноотрица-

тельного к частноутвердительному) дает неопределенный вывод (т.е. тот, который нельзя однозначно оценить как истинный или как ложный).

Однако если аргумент воспринимать как *трехсоставный*, т.е. делать вывод от обоих доводов, вывод становится невозможным. Это происходит в силу того, что названный аргумент составлен по силлогистическому принципу, а в силлогистике вывод из двух отрицательных (равно как и из двух частных) посылок невозможен.

Показательно в этом отношении, что, когда реципиентам был задан вопрос, можно ли, взяв суждение *Некоторые лингвисты Удмуртского университета занимаются экспериментальной фонетикой и синтаксической семантикой*, прийти к выводу о том, что он сделан исходя из посылок (а) *Некоторые лингвисты Удмуртского университета не занимаются экспериментальной фонетикой;* и (б) *Некоторые лингвисты Удмуртского университета не занимаются синтаксической семантикой*, испытуемые единогласно ответили отрицательно.

Здесь показателен тот факт, что логическое понятие неопределенности может в одних аргументативных ситуациях расцениваться как приемлемое, в других – как неприемлемое. Например, реципиенты однозначно отвергли суждение *Некоторые здесь сидящие аспирантки вступают в неслужебные отношения со своими научными руководителями* как (неопределенный) вывод из суждения *Некоторые здесь сидящие аспирантки не вступают в неслужебные отношения со своими научными руководителями*. Обоснование здесь было по-житейски возмущенно-праведное и простое: *Среди здесь сидящих подобных особ нет.*

Итак, если метод непосредственного умозаключения оказывается непригодным, то какой метод будет правильным?

Предлагаемый здесь ответ на вопрос таков.

Необходимо предложить использовать когерентную (точнее – локально-когерентную) аргументативную систему. В ней доводы и тезис будут отстоять друг от друга ровно на одну ступень, так что не потребуется добавлять никакие звенья, чтобы восстановить аргументативную цепочку. Локальная когерентность в такой системе будет, по-видимому, обеспечиваться повторе-

нием определенных элементов (понятий) в доводах и тезисе, обеспечивая их тематическую общность. При этом существенным является то, что буквальное повторение компонентов здесь используется с единственной целью – не допустить изменения значения компонентов, которое неизбежно имело бы место при употреблении синонимов.

Такая система существует в логике довольно давно и называется силлогистикой. Силлогистика – это субъектно-предикатная логика, в которой анализируются отношения не между суждениями в целом, а между понятиями в рамках одного суждения.

Иными словами, рассуждение затрагивает внутреннюю организацию умозаключения, в отличие, скажем, от пропозициональной логики, где описываются взаимоотношения между суждениями в целом, т.е. производится рассуждение экстрасентенционального уровня.

В учебниках по традиционной логике, а также в некоторых словарях (см., например: Кондаков 1971) термин *силлогизм* порою используется в неспецифическом смысле, ср.: *разделительный силлогизм, гипотетический силлогизм, условно-категорический силлогизм*. Эти термины не имеют отношения к собственно силлогистике, так как обозначают логические отношения между высказываниями без внутреннего анализа последних. В настоящей статье термин *силлогизм* будет употребляться строго в субъектно-предикатном смысле. Субъект и предикат здесь трактуются в их логической ипостаси – как компоненты суждения, в котором связка входит в предикат.

Собственно описание силлогистики как дедуктивной категорической (т.е. устанавливающей отношения между категориями) системы дано Аристотелем в первой книге Первой Аналитики. Обычно выделяются следующие силлогистические системы, являющиеся развитием идей Аристотеля от схоластики до Лейбница и Я. Лукашевича:

- позитивная силлогистика – система, в которой используются лишь положительные термины (т.е. понятиями) и невозможны суждения, начинающиеся с частицы *не*;
- сингулярная силлогистика – система, в которой разрешено использовать единичные термины;

- негативная силлогистика – система, в которой можно использовать как положительные, так и отрицательные термины;

- экзистенциальная силлогистика – система, в которой не используются пустые термины;

- неэкзистенциальная силлогистика – система, не содержащая таких ограничений;

- расширенная силлогистика – система со сложными терминами, образованными из простых при помощи операций булевой алгебры (Бочаров 1984:7).

В настоящей статье термин *расширенная силлогистика* не ограничен какими-то определенными модификациями аристотелевской или традиционной силлогистики и употребляется в общем смысле для обозначения системы, отличающейся от названных. Термин *традиционная силлогистика* используется для обозначения наиболее распространенного варианта этой системы, созданного в схоластический период и обычно используемого в учебниках и руководствах по логике.

Обратимся к понятийному аппарату традиционной силлогистики.

Изложение данного вопроса представлено здесь в достаточно конспективном виде, поскольку для подробной его характеристики потребовалось бы отдельное исследование (см. подробный анализ: Бочаров 1984).

Суждения в силлогистике различаются по количеству и по качеству. По количеству выделяются Общие и Частные (в дальнейшем применительно к силлогистике данные термины будут употребляться с заглавной буквы), по качеству – утвердительные и отрицательные. Их комбинации реализуются в Общеутвердительных (*A* – от латинского *affirmo*), Частноутвердительных (*I* – *affirmo*), Общеотрицательных (*E* – *negō*) и Частноотрицательных (*O* – *negō*) суждениях. Например: (*A*) *Все тигры – животные*; (*I*) *Некоторые кошки – тигры*; (*E*) *Ни одна собака не является земноводным*; (*O*) *Некоторые животные не едят мясо*.

Вывод в силлогизме осуществляется связыванием двух понятий при помощи третьего. Эти два понятия суть субъект и предикат вывода, соответственно, его Меньший и Большой термины; третье понятие – Средний термин – в выводе не присутствует, но именно на его основе уста-

навливается связь между подлежащим и сказуемым заключения. Так, в следующем примере примере Средним термином является понятие *синтаксист*:

Некоторые лингвисты – синтаксисты.

Всякий синтаксист – исследователь.

→ *Некоторые исследователи – лингвисты*

Простой категорический силлогизм состоит из трех суждений: двух посылок и заключения. Посылка, содержащая предикат вывода, называется *Большей*, а имеющая в своем составе субъект заключения – *Меньшей*.

Силлогистически корректный (Логичный) вывод обеспечивается соблюдением семи основных Правил Силлогизма.

(1) В силлогизме должно быть ровно три термина – ни больше, ни меньше; это *правило трех терминов*, препятствующее многозначности и тавтологии.

(2) Средний термин должен быть распределен хотя бы в одной из посылок.

(3) Термины, не распределенные в посылках, не могут оказаться распределенными в заключении. Термин является распределенным, если его объем полностью включается в экстенционал другого термина или полностью исключается из него. В Общеутвердительных суждениях субъект распределен, а предикат – нет, т. е. объем предиката больше объема субъекта (за исключением дефиниций, где предикат распределен). В Частноутвердительных суждениях термины не распределены, если они перекрещиваются (ср.: *Некоторые студенты – футболисты*); но субъект не распределен, а предикат распределен в выделяющих суждениях, где объем субъекта больше объема предиката (ср.: *Некоторые лингвисты – семиологи*). В Общеотрицательных суждениях и субъект, и предикат распределены. В Частноотрицательных суждениях субъект не распределен, а предикат распределен (Гетманова 1986:76–78). Итак, субъект распределен в Общих суждениях и не распределен в Частных; предикат распределен в отрицательных суждениях.

(4) Из двух отрицательных посылок нельзя получить никакого вывода.

(5) Если одна из посылок отрицательная, то вывод всегда будет отрицательным.

(6) Из двух Частных посылок с помощью силлогизма нельзя получить никакого вывода.

(7) Если одна из посылок Частная, то и вывод, если он вообще возможен, может быть только Частным (Кондаков 1971:408–409).

В зависимости от расположения Среднего термина относительно крайних (Большого и Меньшего) силлогизмы в традиционной трактовке разделяются на четыре типа, называемые фигурами:

1-я фигура:	2-я фигура:	3-я фигура:	4-я фигура:
СрТ БТ	БТ СрТ	СрТ БТ	БТ СрТ
МТ СрТ	МТ СрТ	СрТ МТ	СрТ МТ

Рис.1. Фигуры силлогизмов.

Первая фигура является основной, и все остальные могут быть сведены к ней при помощи комбинаций правил логического квадрата и обращения.

Обращение – это вывод такого нового суждения, субъектом которого является предикат, а предикатом – субъект исходного суждения. Поскольку для этого вида умозаключения требуется лишь одна посылка, оно относится к непосредственным. Для понятий, имеющих одинаковый объем, применяется простое (чистое) обращение, а для случаев, где экстенционал субъекта и предиката не одинаков – обращение с ограничением, потому что простое обращение невозможно. Например (Общеутвердительные суждения):

Простое обращение: *Все квадраты – равносторонние прямоугольники → Все равносторонние прямоугольники – квадраты.*

Обращение с ограничением: *Все звезды – небесные тела → Некоторые небесные тела – звезды.*

Общеотрицательные суждения подлежат простому обращению, Частноутвердительные – обращению с ограничением или, в случае перекрещивающихся понятий, простому обращению.

В зависимости от количественных и качественных характеристик посылок в каждой фигуре выделяются модусы. По свидетельству В.А. Бочарова, в руководствах по традиционной логике указывается, что всего может быть 256 двухпосылочных модусов, но правильными из них являются только 24. В первой и второй фигурах их по четыре (плюс по два ослабленных), в третьей – шесть, в четвертой – пять (плюс один ослабленный).

Модусы I фигуры: Barbara, Celarent, Darii, Ferio (+ Barbari, Celaront).

Модусы II фигуры: Cesare, Camestres, Festino, Baroko (+ Cesaro, Camestrop).

Модусы III фигуры: Darapti, Disamis, Datisi, Felapton, Bokardo, Ferison.

Модусы IV фигуры: Bramantip, Camenes, Dimaris, Fesapo, Fresison (+ Camenos).

Эти названия были введены в схоластический период и являлись терминами мнемонического плана, которые помогали осуществлять преобразование модусов и сведение их к первой фигуре, которую Аристотель считал основной, при помощи комбинаций правил логического квадрата и обращения. Гласные в модусах соответствуют типам суждений (А, Е, I, О). Чтобы показать, к какому именно модусу I фигуры следует приводить конкретный модус, используются, соответственно, буквы В, С, D, F. Буква s после гласной показывает, что суждение, обозначенное этой гласной, надо подвергать простому обращению, а буква р – обращению с ограничением (per accidens). Буква m указывает, что посылки силлогизма следует поменять местами, а буква k – что данный модус сводится к модусам I фигуры при помощи доказательства *reductio ad impossibile* (Бочаров 1984: 35–36).

Перечисленные модусы берутся нами за основу для разработки (расширения) силлогистики и придания ей статуса лингвистически-ориентированной. Что касается операций приведения модусов к модусам I фигуры, то эти операции являются, как продемонстрировал В.А.Бочаров, преимущественно формальными. Если же силлогистика модифицируется в сторону введения семантико-грамматических ограничений, которые дают неодинаковые результаты для разных модусов, то операции приведения теряют свой универсальный характер по отношению к семантико-грамматическому потенциалу силлогизмов. Поэтому этот аспект силлогистики, безусловно принципиальный для формально-тектонической валидности модели, не рассматривается далее в настоящей статье, ибо акцент в последней делается на семантической, грамматической, а не только на тектонической валидности.

Вкратце обобщу, какие возможности и ограничения у новой, **семантико-грамматической силлогистики**.

Ограничения.

1. Она учитывает то, в какой грамматической форме представлен конкретный аргумент и снабжена системой правил для синтактико-морфологического преобразования аргумента до стандартной формы. Например, если компонент аргумента имеет форму эллиптированного, односоставного предложения, то его следует восстановить до полного предложения, имеющего подлежащее и сказуемое (субъект и предикат). Любое высказывание, выступающее как компонент аргумента, должно быть преобразовано так, чтобы в нем четко выделялось подлежащее и сказуемое. Это и есть стандартная форма аргумента.

2. Не допускается перемена местами посылок в аргументе, потому что построение вариантов (модусов) силлогизма осуществляется на основе того, какого характера (т.е. количества и качества) посылка идет первой и какая – второй. В противном случае силлогистические правила, предназначенные для функционирования на объектах, выраженных словами, а не буквами, не будут работать в принципе. Так, приведенный выше пример *Некоторые лингвисты – синтаксисты. Всякий синтаксист – исследователь.* → *Некоторые исследователи – лингвисты* имеет форму Dimaris (первая посылка – частноутвердительная, вторая – общеутвердительная, вывод – частноутвердительный, что символизируется соответствующими буквами – *i, a, i*), выделенными здесь жирным шрифтом). Если попытаться переставить местами посылки (*Всякий синтаксист – исследователь. Некоторые лингвисты – синтаксисты*). Следовательно, **Некоторые лингвисты – исследователи*), то мы получим модус Datisi, который принадлежит не 4-й фигуре, как Dimaris, а 3-й, имеющий иное расположение средних терминов в посылках. Вывод в полученном модусе будет некорректным (точнее, количественно недостаточным), ибо всякий лингвист является исследователем.

3. Не допускается перемена местами подлежащего и сказуемого в посылках, Если мы попробуем переставить местами субъект и пред-

кат в посылках, модуса *Dimagis* не получится, так как по расположению среднего термина возникнет 1-я фигура, в которой отсутствует модус формы $I - A - I$; более того, все суждения в силлогизме будут семантически неправильными, ср.: **Некоторые синтаксисты – лингвисты. *Всякий исследователь – синтаксист.* Следовательно, **некоторые синтаксисты – исследователи.*

4. Алгоритмизация основывается на типологии Среднего термина, т.е. компонента силлогистического аргумента, который присутствует в посылках, но отсутствует в выводе и тем самым выступает в качестве реализатора когерентности. Для разных качественно-количественных типов тезисов выделяются разные типы средних терминов.

5. Выбор среднего термина осуществляется для проверки правильности аргумента реципиентом и рациональным судьей и соответствует индивидуальным когнитивным представлениям анализатора о природе обсуждаемого предмета.

Возможности.

1. Система позволяет восстановить аргумент-энтимему до полносоставного аргумента, выраженного в силлогистической форме.

2. Пользуясь системой, анализатор может восстановить аргумент до полного состава, если в составе аргумента, который он анализирует, имеется тезис и одна посылка и даже если имеется только один тезис, не снабженный посылками вообще – достаточно иметь перед собой список возможных общесемантических типов средних терминов.

3. Пользуясь системой, анализатор автоматически (по определенным алгоритмам) устанавливает правильные семантические посылки. Иными словами, вне зависимости от того, какие посылки привел для тезиса говорящий, система позволяет определить те посылки для тезиса, которые необходимо и непосредственно обосновывают его, без обращения к окружающему контексту. Т.е. система обладает нормативным свойством, указывает, что должно быть в аргументе и в какой форме, в отличие от того, что и в какой форме представлено автором аргумента.

В заключение хочу сказать, что предлагаемая система основана на рационалистическом подходе и предполагает, что аргументация проводится коммуникантами искренне. Она берет за основу схоластическую силлогистику и оставляет в ней

структурные правила, характерные для дедукции. Однако структурная дедукция не мешает операциям, индуктивным по семантическому наполнению. Эта индуктивность проявляется в том, что требование стопроцентной истинности компонентов аргумента не применяется, потому что выбор базиса для определения когерентности аргумента осуществляется живым человеком, имеющим индивидуальную картину мира и определенную систему ценностей. Семантико-грамматическая силлогистика может быть представлена в формализованной форме, как алгоритм для компьютера. Но функционировать полностью автоматически она не сможет. Потому что к поиску когерентной основы будет неизбежно подключен человек, который в каждом конкретном случае может выбрать из предлагаемых компьютером вариантов тот средний термин, который соответствует его личностным воззрениям. И тогда в каждом конкретном случае восстановленный аргумент может оказаться разным, хотя и будет полностью отвечать требованиям четкости и последовательности. В этом одновременно и слабость, и сила системы. Слабость определяется ее неполной автоматизированностью, а сила – неременным учетом когнитивного мира человека разумного, *homo sapiens*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров В. А. Аристотель и традиционная силлогистика (анализ силлогистических теорий). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 134 с.
2. Гетманова А. Д. Логика / Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1986. 288 с.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 656 с.
4. Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Henkemans F. S. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1996. 424 p.
5. Josephson, J. R., Josephson, S. G. Abductive Inference: Computation, Philosophy, Technology. New York: Cambridge University Press, 1994.
6. Mill J. S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation. London: Longmans, Green and Co. 1884.
7. Peirce, Ch. S. Collected Papers / Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Vol. 2. Elements of Logic. Cambridge: Harvard University Press, 1932.
8. Slob, W. H. How to Distinguish Good and Bad Arguments: Dialogico-Rhetorical Normativity // Argumentation. 2002. Vol. 16. No. 2. P. 179–196.
9. Walton, D. Abductive, Presumptive and Plausible Arguments // Informal Logic. 2001. Vol. 21. No. 2. P. 141–169.

УДК 81.23 (045)

Л.Б. Кацюба

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПАРЕМИИ КАК ЕДИНИЦЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Настоящая статья посвящена исследованию психолингвистической сущности паремии. Автор предпринял попытку рассмотрения данной единицы сквозь призму основных психолингвистических постулатов, сформулированных А. А. Леонтьевым, в соответствии с которыми паремия, или паремиологический текст, будучи прецедентным, рассматривается как психолингвистическая единица или единица психолингвистики со всеми свойствами единиц психолингвистического анализа.

Ключевые слова: паремия, психолингвистика, прецедентный текст, психолингвистическая единица.

L. B. Katsyuba

PAREMIYA'S DETERMINATION AS PSYCHOLINGUISTICS UNITS

South Ural State University

Premies in psycholinguistic aspect are analyzed in the article. The author correlates a paremiological text with the main psycholinguistic postulates formulated by A. A. Leontiev. A paremy, a precedent text can be considered as a psycholinguistic unit or a unit of psycholinguistics with all the features of the psycholinguistic analysis units.

Keywords: paremies, a proverb, precedent text, psycholinguistic aspect, psycholinguistic unit, psycholinguistics

Психолингвистика пронизана идеей многогранности, в которой активным «участником» процесса познания выступает триада «партнеров»: *личность с языковой способностью, речевая деятельность* как продукт языковой личности, *язык* как уникальная система выражения образов, опираясь на которую языковая личность реализует языковую способность через речевую деятельность. Согласно этому видению, сегодня психосемантический угол зрения позволяет рассматривать паремию, как и любое языковое средство, в процессе общения в качестве формального «посредника», с помощью которого осуществляется процесс коммуникации. При этом человек, использующий именно это средство общения, добавляя его к имеющейся системе значений, получает новые осмысленные тексты, сообщения. Кроме того, интерес психолингвистики к целостным, связным, осмысленным текстам только укрепляет позиции паремии в психолингвистической сфере. Исследование паремии как текста, рассмотренного в ракурсе психолингвистики, помогает осознать психолингвистическое восприятие паремии – единицы речемыслительной деятельности. Коммуникативный потенциал паремии, ее дискурсивная природа, общелингвистическая сущность (паремия – текст) – это актуальные точки соприкосновения психолингвистики и паремии.

Размышляя о причастности паремии к единицам психолингвистики, нельзя обойти вопрос

о психолингвистических единицах, который принадлежит основной области психолингвистической теории.

Как отмечал А. А. Леонтьев, понятие психолингвистической единицы впервые выдвинули авторы сборника «Psycholinguistics» Ч. Осгуд, С. Сапорта, С. Эрвин, Д. Уокер и др. [14. С.18]. Опираясь на данное С. Сапортой определение: «Психолингвистические единицы – это такие сегменты сообщения, которые являются функционально оперативными как целые в процессах декодирования и кодирования и поддаются уровневому анализу», А. А. Леонтьев поясняет: «Иными словами, психолингвистические единицы – это речевые действия и операции, находящиеся друг с другом в иерархических отношениях» [13. С.56]. В данных определениях на составляющие *сегмент сообщения, речевые действия и операции, функциональная оперативность целого и т. д.*, по нашему мнению, необходимо обратить особое внимание, поскольку они раскрывают суть психолингвистической единицы – «оперативной единицы порождения (производства) и восприятия речи, своего рода, функционального блока» [13. С.57], сама же психолингвистика «ставит вопрос о том, каковы те классы сегментов и соответственно те «блоки» порождающего механизма, которые реально выступают в речевой деятельности» [14. С.23].

В психолингвистической теории А. А. Леонтьева мы видим, с одной стороны, четкое раз-

граничение **психолингвистической единицы**, **единицы языка** как «инварианта различных лингвистических моделей описания языка» [13. С.56], «элемента нашего знания о языке» [14. С.19] и интуитивно осознаваемых носителем языка **психологических единиц** «типа слога, слова, предложения, в отношении которых мы имеем какое-то «долингвистическое» знание», с помощью которого носитель языка «располагает какими-то имплицитными критериями для выделения слогов, слов и предложений, но не располагает таковыми для звуков (фонем), морфем и т.д.» [14. С.18]. В транскрипции некоторых исследователей психолингвистические единицы близки к единицам речи в психологической интерпретации (см. об этом [9. С.214–215]).

С другой стороны, размышления А. А. Леонтьева о разрыве между теми и другими единицами в осгудовской теории приближают нас к пониманию тех сложных иерархических отношений, в которых находятся единицы: 1) **психолингвистическая единица может быть выражена единицей языка** (А. А. Леонтьев перечисляет «психолингвистические единицы, не являющиеся психологическими» [14. С.19], называя в их числе, например, фонему, которая бесспорно является единицей языка); 2) **психолингвистическая единица не всегда совпадает с психологической (а значит, с единицей речи)**, хотя «психологические единицы могут пополняться за счет осознания психолингвистических единиц» и несмотря на то что «психологические единицы, вообще говоря, суть частный случай психолингвистических» [14. С.19].

Основной вывод, к которому мы пришли в результате исследования вопроса о психолингвистических единицах, таков: **паремия, или паремиологический текст**, как сложная коммуникативная единица языка, воспроизводимая в речи, являющаяся функционально активной, реальной единицей речевого общения с характерными признаками высказывания и речевого акта, продукта речемыслительной деятельности гипотетически **может рассматриваться как психолингвистическая единица**. Это предположение может утвердить соотнесение заключений о паремии, к которым мы пришли ранее и выскажем дальше, с основами психолингви-

стической теории и ее постулатами, сформулированными А. А. Леонтьевым.

Так, единицей психолингвистического анализа является «элементарное речевое действие и речевая операция (в предельном случае – акт речевой деятельности)» [13. С.65]. Рассматривая паремиологический текст как дискурс, мы наделяем его лингвопрагматической сущностью, и поскольку сам дискурс «может и должен рассматриваться с учетом коммуникативного поведения человека и его речевой деятельности» [10. С.53], то и паремию мы рассматриваем под этим углом зрения, как прежде всего единицу, основная функция которой дискурсивная – «одна из наиболее важных функций идиом» [2. С.14–15]. Свойства и функции идиом, в изложении А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского – «речевых формул», которые «представляют собой реакцию на предшествующие действия (в том числе и высказывания) самого говорящего или другого участника ситуации» [2. С.15] общения, мы экстраполировали на паремиологические единицы.

Кроме того, дискурсивная сущность паремии четко просматривается на лингвопрагматическом, коммуникативном уровне не только в специфических чертах высказывания – завершенности, целостности, экспрессивности, обращенности и адресованности, но и в интонации как «важном средстве формирования высказывания и выявления его смысла» [28. С.197]. Для любого паремиологического текста характерна интонационная завершенность. Произнося ту или иную паремию в речи, говорящий преследовал определенную цель: подтверждал свой или чужой жизненный опыт: *Больше почет, больше хлопот*, мягко советовал: *Лучше жеваться, чем волочиться*, предостерегал: *Не считай недруга овцой, считай волком*, высказывал мнение (наблюдение): *Мимо яблоньки яблочко не падает*, свою или чью-либо волю: *Не корми меня тем, чего я не ем!*, давал жесткий наказ: *Чего хвалить не умеешь, того и не хули!*, размышлял: *Кто легко верит, легко и пропадает*, восклицал: *По бороде хоть в рай, а по делам – ай-ай!* и т.п. В зависимости от цели высказывания паремии представляют собой повествовательное предложение, побудительное предложение или риторическое вопросительное предложение

с различными интонациями (сообщения, побуждения различной степени, интонацией вопроса). Произнесенные с особой эмоциональной окраской, некоторые из этих типов предложений становятся восклицательными.

В предыдущих исследованиях (см., например [8. С.34–35]) мы выяснили, что наиболее продуктивны паремии с интонацией повествования, сообщения, которые отличает высокая концентрация информации; типичным знаком конца для них является точка: *Солдат – горемыка, хуже лапотного лыка*. Заметно представлены конструкции побудительного предложения со значением волеизъявления; среди них немалую часть составляют восклицательные предложения с восклицательным знаком в конце: *Брагу сливай, не доквашивай; девку отдай, не доращивай!, Людей не осуждай, а за собою примечай!*. Возможна также постановка точки в конце побудительного предложения: *Не хвали меня в очи, не брани за глаза*. Некоторые тексты представляют собой конструкции, содержащие риторический вопрос, или скрытое утверждение. В исследованном нами материале, несмотря на высокую эмоциональность пословицы как произведения устного народного творчества, конструкции в форме риторического вопросительного предложения мало представлены; знаком конца таких предложений является, как правило, вопросительный знак или объединение вопросительного и восклицательного знаков, либо точка: *Под гору-то так, да в гору-то как?, Бывала ли на тебя беда – умирывала ли жена., Аль я злупал, что упал., Али моя плешь наковальня, что всяк в нее толчет, будто в ступу*.

Любопытным считаем также факт проявления дискурсивности паремии на грамматическом уровне, т.е. это свойство реализовано в единицах особой сложной формы организации – диалога или полилога (или диалогического единства). Напомним определение этой формы, данное Н. А. Николиной: «диалог (от греч. Dialogos – «речь двоих») – первичная, наиболее естественная форма общения, основанная на смене тесно связанных друг с другом высказываний говорящих; именно в диалоге язык обретает «подлинное свое бытие» (Л. В. Щерба), **именно в нем наиболее полно реализуется**

речевая деятельность» (выделено нами) [23. С.658]. Подобные синтаксические конструкции мы квалифицировали как паремии дискурсивной модели: – *Медведя поймал! – Веди сюда! – Да нейдет! – Так сам иди! – Да не пускает!* (форма диалога); *Ты что делаешь? – Ничего. – А ты что? – Да я ему помощник* – в этой единице названы три участника речи, единица имеет форму полилога. Утверждаем, что все паремиологические тексты, в том числе и приведенные единицы, аккумулируют в себе «прежде всего обращение к диалогу, к разговорности, как таковой, к непосредственному ощущению слушателя, к усилению момента общения, коммуникативности» [3. С.210]. Диалогичность явилась тем функционально-онтологическим «ключом», открывающим паремию как уникальное явление языка, «которое полнее и ярче всего раскрывается именно в диалогической речи (и мы бы добавили, через диалогические конструкции – Л.К.), в которой раскрывается природа языка как средства общения» [3. С.209].

Единица психолингвистики рассматривается в деятельностной парадигме, т.е. «эта единица ... должна нести в себе все основные признаки деятельности» [13. С.65], например, предметность, целенаправленность, мотивированность и др. Рассмотрим проекцию некоторых из этих признаков на паремию.

В описании паремии как «вербализованной речемыслительной деятельности» мы присоединяемся к мнению В. В. Красных и относим данную единицу к системе ментефактов, которые по своей сути являются «элементами «содержания» сознания» [11. С.36]. Такие «элементы» ранжированы и составляют специфическую классификацию, где информативность противопоставлена образности. На основе данной систематизации, соблюдая принцип от общего к частному, мы определили местоположение паремии в ряду «феноменальных» единиц сознания, или единиц психолингвистики: паремии относятся к системе **ментефактов** – фактов сознания; обладая высокой степенью образности, принадлежат к **прецедентным феноменам**, отличающимся **повторяемостью, обобщенностью, прототипичностью** создаваемого ими образа и, в конечном итоге, относящимся к сформирован-

ным на основе полученных и/или имеющихся знаний **представлениям** человека о чем-либо.

В рассуждениях о феноменологической сущности паремий считаем необходимым рассмотреть явление феномена сквозь призму интенциональности. Важным в понимании феномена, помимо высказанных тезисов об узнаваемости, известности, инвариантности восприятия прецедентного феномена [11. С.45–46], по нашему мнению, является момент **интенциональности сознания** в рассмотрении проблемы **феномена** (греч. *Phainomenon* – являющее себя). Здесь акцент в сознании перенесен с бытия предмета – **что** – на многообразие способов проявления этого предмета – **как** [18. С.752]. В данном случае философская традиция в феноменологии дополняет спектр событий, относящих паремию к речевой деятельности, следовательно, к единицам психолингвистики. Интенциональность сознания – свидетельство «созревшей», **«подлинной речевой деятельности**, направляемой определенным мотивом, подчиненной определенной задаче и носящей характер постоянно контролируемой и стойкой «замкнутой смысловой системы» (выделено нами – Л.К.) [17. С.257]. **Мотивация и целеполагание в порождении и функционировании паремии** как специфической формы речевой деятельности если не самоочевидны, то вполне **обоснованны**. Паремия всегда произносится в речи по какому-либо случаю, поводу, всегда с определенной целью: убедить, подтвердить мысль или подытожить сказанное, предупредить об угрозе, научить и передать опыт, знание, дать совет, наставление, скрыть или подчеркнуть иронический смысл, усилить воздействие и т.п. Такая коммуникативная интенциональность, присущая как паремии, так и другим произведениям устного народного творчества, отмечена в последнее время в ряде исследований. Например, Ю. А. Эмер говорит о том, что в определенный период возникновения взгляда классической фольклористики на фольклор «родовым понятием по отношению к фольклору признается не творчество, а **речевая деятельность**. Особое внимание привлекают личности говорящего и слушающего, их взаимодействие в данной коммуникативной ситуации, речевые стратегии и тактики при воплощении **базовых фольклорных ценностных**

концептов... Взгляд на фольклор **как особый тип коммуникации** ... позволяет обратиться к фольклорному жанру **как миромоделирующей системе**, ... **модели, с помощью которой человек реализует свое речевое намерение, замысел, ... как специфическому воплощению общих когнитивных установок**» (везде выделено нами – Л.К.) [27. С.113–114]. В реализации концептов в паремиологическом пространстве, через коммуникативную интенцию паремии осуществляется направленность речевого действия на внешний, объективный мир (предметность), его мотивированность, намеренность, «телеологический характер (зачем?)».

К постулатам психолингвистической теории относится эвристичность речевой деятельности, которая «заложена уже в саму идею целенаправленной деятельности» [13. С.68]. Эвристичность, вслед за авторами Большого психологического словаря [4. С.611–613], мы рассматриваем в непосредственной связи с творческими процессами, с креативностью. Однако в психологической трактовке сама паремия уже определена как «хороший пример эвристических правил»: «такие выражения, как «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», «Сто раз проверь, один раз отрежь» и т.п., явно указывают направление, в котором человеку следует действовать, хотя и не дают точных предписаний для конкретных ситуаций» [4. С.613].

Еще одним постулатом является утверждение, что с точки зрения психолингвистики язык «есть орудие диалога человека с миром и в то же время человека с человеком», сама же наука исследует «прежде всего взаимоотношение опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения» [13. С.69]. Это правило наилучшим образом соотносится с концептуальностью паремии как средоточием ментальных и психических ресурсов сознания, единиц картины мира, отраженных в человеческой психике [12. С.90], и коммуникативностью текста вообще и паремиологического текста, в частности, а также с процессами понимания. Как отмечает Г. А. Антипов, «быть текстом – значит принадлежать к особому миру, миру социальной коммуникации... В сфере социальной коммуникации осуществляется трансляция опыта «человеческой чувственной

деятельности». Опираясь с текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, **субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание.** Тем самым он *понимает* текст. Понимать, таким образом, всегда с кем-то коммуницировать» [1. С.16–17].

В психологии паремии выступают средством измерения понимания и применяются в исследованиях операциональной стороны мышления. Так, работа с паремиями в тестах на определение уровня умственного развития описана еще Б. В. Зейгарник: «... больные, которые не могли выделить обобщенный признак в опыте на классификацию предметов, **часто не могут передать переносного смысла пословиц.** «Куй железо, пока горячо» означает, по мнению одного из больных, что «железо нельзя ковать, когда оно холодное». ... Лишь с большим трудом удавалось в некоторых случаях объяснить больному переносный смысл; однако при предъявлении следующей поговорки такой больной опять пытался передать лишь ее конкретное содержание. Вследствие того, что слово выступает для больных в его конкретном значении, они не могут осмыслить условность, которая кроется в поговорке. В некоторых случаях отсутствие свободного охвата условного значения выражается в том, что, хотя больные способны понять переносный смысл, пословица кажется им недостаточно точной, не отражающей все фактически возможные жизненные случаи. ... Больные не могут отвлечься от того, что **смысл пословицы может не совпадать с частными жизненными ситуациями.** Следовательно, и в этих случаях выступает чрезмерная связанность суждений больных реальными жизненными фактами, неумение абстрагироваться от них, что приводит к непониманию условности содержания пословицы и метафоры» [29]. В этих случаях процесс понимания нарушен, а «диалог человека с миром и в то же время человека с человеком» посредством паремнологического текста не состоялся.

Однако надо сказать, что такое «орудие диалога», как паремия, неслучайно выбрано для исследования мышления, представленного «в виде процесса синтезирования, обобщения и отвлечения, в виде применения новых интеллектуальных операций» [29]. Паремия – текст, а «текст (в отличие от языка, как системы средств), – как

писал М. М. Бахтин, – никогда не может быть переведен до конца». Сложная диалоговая природа обуславливает «сложные взаимоотношения текста (предмета изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, понимающего, комментирующего, возражающего и т. п.) ... Это – встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов. **Текст не вещь,** и поэтому второе сознание, **сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать»** (везде выделено нами – Л.К.) [3. С.310].

Заложенное в основе общения разумное понимание и намеренная передача мысли и переживаний с применением «известной *системы средств*, прототипом которой всегда была, есть и останется *человеческая речь*, возникшая из потребности общаться в процессе труда» [5. С.18–19], по Выготскому, невозможно без знаков, а значит, без значения. «Для того чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это... непременно требует *обобщения*. Таким образом,... *общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения*, т.е. обобщение становится возможным при развитии общения. Итак, **высшие, присущие человеку формы психического общения** возможны только благодаря тому, что человек с **помощью мышления обобщенно отражает действительность»** [5. С.18–19]. Данное положение, развитое позже А. А. Леонтьевым, заняло свое почетное место не только в психологии, но и в психолингвистике в качестве одного из ее постулатов.

Применительно к нашему вопросу в рассуждениях Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева мы выделим несколько важных аспектов, которые могут способствовать психолингвистическому описанию и восприятию паремии: 1) **средство понимания**, передачи мыслей и переживаний, которое «включено» в **человеческую речь**, «возникшую из потребности общаться в процессе труда»; 2) процесс **обобщения** в передаче содержания сознания; 3) **развитие значения** (думается, не только слова, но и других **единиц общения**) **во взаимосвязи с развитием обще-**

ния, а, значит, мышления и сознания в целом. Такие «характеристики», особенно обобщение, в приложении к паремии возвращают нас к разговору о прецедентности как определяющем свойстве прецедентных феноменов (мы упоминали, что вслед за В. В. Красных относим паремии к системе ментефактов, к сформированным представлениям человека о чем-либо и, в конечном счете, к прецедентным феноменам).

В ранее цитировавшейся работе В. В. Красных [11. С.42–44] представлен краткий обзор работ авторов, в чьих исследованиях обсуждались виды феноменов и понятие прецедентности. В нашем исследовании за основу мы взяли определение прецедентного текста, данное в известном труде Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность»: прецедентными можно считать тексты, «(1) **значимые** для той или иной личности **в познавательном и эмоциональном отношениях**, (2) **имеющие сверхличностный характер**, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым **возобновляется** неоднократно **в дискурсе** данной языковой личности» (выделено нами) [7. С.217] (автор также перечисляет виды прецедентных текстов, к которым относятся и «фольклорные шедевры»). Мы рассматриваем паремию как **прецедентный текст** с заданными Ю. Н. Карауловым «параметрами» прецедентности, считая такой выбор непротиворечивым. В подтверждение мыслям о прецедентно-текстовой природе паремии могут выступить, на наш взгляд, данные Ю. А. Сорокиным определение понятия текста: «текст является **когитивно-когнитивной целостностью**, слепком с психических свойств его отправителя/автора, ... мера совпадения этих свойств со свойствами воспринимающего этот текст/реципиента обеспечивает **эффективность текстового воздействия**» [21. С.294], а также характеристика паремиологической единицы, соотносящаяся с этим определением: паремиологические единицы «аксиологически маркированы, как и любая **когитивно-когнитивная и эффективно-эмотивная структура**, но зачастую имплицитно» [22. С.10–11]. (Надо отметить, что понимание прецедентного текста

у разных исследователей несколько отличается (см. об этом [11, 20]).

Обоснование прецедентности помогает выявить когнитивную, психолингвистическую природу паремии, позволяет проследить истоки **представлений**, сформировавших эти единицы, сформированных в них и на основе их с помощью обобщения.

Напомним, что в философской традиции представление – это, с одной стороны, «форма индивидуального чувственного познания, имеющая своим результатом целостный образ объекта...»; формируется **на основе памяти предшествующего сенсорного опыта** и при помощи продуктивного воображения; «допуская возможность **обобщения**, выступает исходным инструментарием мыслительных операций»; посредством вербализованного представления (суждения) может реализоваться массовое и индивидуальное обыденное сознание. С другой стороны, представлением является «форма фиксации **коллективного опыта в содержании культуры**», «в каждой культурной традиции может быть выделен **набор ключевых представлений**», интерпретация которых «задает **характеризующий** данную культуру **тип мировоззрения**» [18. С.543].

В психологическом изложении представление, помимо сходных с философским взглядом характеристик – обобщенный образ предмета, воспроизведенный в памяти на основе прошлого опыта, имеет свою специфику. Так, по **степени обобщенности** различают единичные и общие представления, которые наилучшим образом раскрывают **важную познавательную роль** представления «как **переходную ступень от восприятия** к абстрактно-логическому **мышлению**» [4. С.406] (вспомним, что по Выготскому, «обобщение есть выключение из наглядных структур и включение в мыслительные структуры, в смысловые структуры» [5. С.167]. Именно «зафиксированное в опыте **обобщение** предметов по их функции в деятельности» А. М. Шахнорович трактует как представление, которое может дать «наиболее полную картину когнитивного развития индивида» [26. С.198]. В своих работах по патопсихологии Б. В. Зейгарник объясняет важность признака обобщенности для осуществления мыслительных процессов

как аналитико-синтетической деятельности и, в связи с этим, психодиагностическую ценность паремий: «Пословицы являются таким жанром фольклора, в котором *обобщение* ... передается через обозначение какого-либо частного факта конкретной ситуации. Истинный смысл пословицы только тогда становится понятным, когда человек отвлекается от тех конкретных фактов, о которых говорится в пословице, когда конкретные единичные явления приобретают характер обобщения. Только при этом условии осуществляется перенос содержания пословицы на другие ситуации. Такой перенос сходен по своим механизмам с переносом способа решения одной задачи на другую» [4. С.401].

Лингвофилософское и психологическое описание представления раскрывает связи и отношения между прецедентностью и представлением, как между явлениями общего и частного свойства. Прецедентность зиждится на представлении как форме индивидуального и коллективного познания и опыта, обеспечивая явлению, в нашем случае – это паремии, когнитивный потенциал. Представление в свою очередь опирается на обобщение как уникальный вербализованный *«акт мысли*, отражающий действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях», при этом «качественное отличие единицы («единицы речевого мышления» – далее по тексту – Л.К.) в основном и главном есть **обобщенное отражение действительности**» [5. С.17]. Данные разыскания, по нашему мнению, непосредственно сопоставимы с давним высказыванием А. А. Потебни о пословице: «эти относительно небольшие умственные величины (паремии – Л.К.) каждый раз **являются заместителями тех масс мыслей**, из которых они возникли и которые вокруг них сгруппировались... **Этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли**» [19. С.110]. Эти слова подтверждает и углубляет мнение о паремиях Ю. А. Сорокина, высказанное в размышлении о личности в коммуникативном пространстве в обзоре-дискусии: «паремиологические единицы»... «являются **редуцированными знаками** ментальных и нементальных процедур/ поступков/ действий, чья внутренняя форма нуждается в **дешифровке**» [22. С.10–11] (здесь видится пересечение с определением пси-

халингвистической единицы как функционально оперативного целого в процессах декодирования сегмента сообщения, данным С. Сапортой, и номинацией паремии в транскрипции некоторых западных ученых как «закодированной сжатой схемой разума» [30]).

Размышления о психолингвистической сущности паремии можно заключить тезисом о том, что паремиологический текст принадлежит к единице такого порядка, которая сама есть сложный знак, «текст текстов», и, как система знаков в сознании человека (по А. А. Леонтьеву [15. С.15]), служит средством понимания, общения и обобщения. Причем, понимание текста мы рассматриваем как «процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления» [13. С.141]. В случае с паремией, возможно, первоначально – это была «вера, требующая только понимания – истолкования» [3. С.307], позже, может быть, «процесс перифразы, пересказа той же мысли другими словами» [13. С.141], но чаще понимания паремии как «правильного отражения отражения» [3. С.320] мы добиваемся в процессе смысловой «декомпрессии» текста, его развертывания в поисках сокровенных глубинных смыслов, дешифровки, декодирования образов (вспомним примеры искажения процесса общения и обобщения [29]).

Рассматривая паремии в приложении к вышеизложенным тезисам, можно отметить, что она одновременно представляет собой продукт, результат и акт речемыслительной деятельности (дискурс, «стандартную дискурсивную единицу», по Ю. Н. Караулову [6. С.83] – прецедентный текст, а также функционально-коммуникативную единицу языка. Кроме того, представляя паремии как факт языкового сознания в таком изложении, мы говорим о ней как о феномене культуры и, вслед за Н. В. Уфимцевой и Е. Ф. Тарасовым, рассматриваем культуру «как систему сознания, как образ мира, формирующийся в процессе социализации у носителя той или иной культуры» [25. С.189], а языковое сознание – как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» (Тарасов, цит. по [25. С.190]). Паремия является одним из так называемых «тел языкового знака»

(по В.Н. Телия, «тело знака языка культуры»), «**материальных носителей**» (по Н.В. Уфимцевой) для хранения и передачи **знаний**, которые извлекаются **в процессе деятельности (в том числе и речемыслительной)** с помощью **сознания из предметов реальной действительности** (везде выделено нами – Л.К.). «Целостной, устойчивой и воспроизводимой именно в своей целостности единицей знания» назвал Ю.Н. Караулов поговорку [б. С.80], говоря о том, что «**паремиологическое единство**» – это «**для носителя языка своего рода тест на знание канонической формы**» [б. С.83] (везде выделено нами – Л.К.). Поскольку паремия охватывает всю «предметную область знания «Язык» (ведь знать поговорку – знать язык, по Караулову; а, по Лотману [1б. С.19], текст сознательно превращается в урок языка), ее «телесность», «материальность» в данном рассмотрении указывает не только на знаковую природу, ее текстуальность, но позволяет априорно рассматривать паремию как текст культуры, под которым, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем «любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет (или имела) место культурно-маркированная деятельность, ориентированная на характерные для нее идеологемы, играющие роль установок этой деятельности, и столь же характерные способы их выражения, что придает этой деятельности структурообразующие и смыслообразующие свойства (например, ритуал, миф, религия, фольклор, ... и т.п...)» [24. С.19].

Итак, опираясь на данное А.А. Леонтьевым теоретическое рассмотрение проблемы психолингвистических единиц с позиций психолингвистической школы Л.С. Выготского и исследуя паремию в этом ракурсе, мы пришли к выводу, что паремия, или паремиологический текст, как сложная коммуникативная единица языка, воспроизводимая в речи, являющаяся функционально активной, реальной единицей речевого общения с характерными признаками высказывания и речевого акта, продукта речемыслительной деятельности может рассматриваться как психолингвистическая единица.

В соответствии с постулатами психолингвистики и не противореча им, паремия представляет собой акт речевой деятельности, дискурс с его функционально-онтологическими свой-

ствами, которые проявились на коммуникативном уровне – в специфических чертах высказывания и интонации, характерной для любого паремиологического текста, и на грамматическом уровне – в единицах особой сложной формы организации диалога или монолога (или диалогического единства). Как отдельному речевому акту, паремии присущи те же свойства, что и деятельности в целом. В реализации концептов в паремиологическом пространстве, через коммуникативную интенцию паремии осуществляется направленность речевого действия на внешний, объективный мир (предметность), его мотивированность, намеренность, реализуется «телеологический характер (зачем?)». Эвристичность как специфическая черта речевой деятельности и целенаправленной деятельности в целом, активно проявляется в паремиологических текстах. Согласно психологической традиции паремия уже определена как «хороший пример эвристических правил».

Концептуальность паремии – средоточие ментальных и психических ресурсов сознания, единиц картины мира, отраженных в человеческой психике, коммуникативность текста вообще и паремиологического текста, в частности, а также процессы понимания отражают «взаимоотношение опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения». Заложено в основе общения разумное понимание, по Выготскому, невозможно без знаков, а значит, без значения. Процессы обобщения в передаче содержания сознания и развитие значения (думается, не только слова, но и других единиц общения) во взаимосвязи с развитием общения, а, значит, мышления и сознания в целом, укоренились в паремии как «вербализованной речемыслительной деятельности».

Вслед за ведущими отечественными психолингвистами (Ю.А. Сорокиным, Ю.Н. Карауловым, В.В. Красных), мы относим паремию к системе ментефактов, к сформированным представлениям человека о чем-либо и, в конечном счете, к прецедентным феноменам. Сам же паремиологический текст, опираясь на определение Ю.Н. Караулова, рассматриваем как прецедентный текст с заданными «параметрами» прецедентности. Прецедентность зиждится

на представлении как форме индивидуального и коллективного познания и опыта, обеспечивая явлению, в нашем случае – это паремии, когнитивный потенциал. Представление в свою очередь опирается на обобщение как уникальный вербализованный «*акт мысли*». Отличительная черта паремии, как любой «единицы речевого мышления», состоит в обобщенном отражении действительности.

Тезис о том, что паремиологический текст принадлежит к единице такого порядка, которая сама есть сложный знак, «текст текстов», и, как система знаков в сознании человека (по А. А. Леонтьеву [15. С.15]), служит средством понимания, общения и обобщения, подытоживает наши размышления о психолингвистической сущности паремии. Кроме того, представляя паремию как единицу языка и продукт, результат и акт речемыслительной деятельности, т.е. факт языкового сознания, мы априорно говорим о ней как о феномене культуры, тексте культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов Г. А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 197 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Речевые формулы в тезаурусе русской идиоматики // FRAZEOGRAFIA SŁOWIAŃSKA: Teoria, praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość: Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej (Opole, 6–8 września 2000 r.). Opole, 2000. С. 14–16.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари. 1997. Т. 5. Работы 1940 – начала 1960 гг. 731 с.
4. Большой психологический словарь. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОзнак, 2006. 672 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т.; под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. Т. 2: Проблемы общей психологии. 504 с.
6. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
8. Кацюба Л. Б. Структурные и лингвокультурологические аспекты категории лица глагола в паремиях: монография; под ред. А. М. Чепасовой. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2007. 133 с.
9. Ковшиков В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ: Астрель, 2007. 318 с.
10. Красных В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53–59.
11. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 284 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац и др. М., Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
13. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
14. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС. 2003. 312 с.
15. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 8–29.
16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
17. Лурия А. Р. Язык и сознание. Под ред. Е. Д. Хомской. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. 416 с.
18. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
19. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Академия, 2003. 384 с.
20. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: Вып. первый. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
21. Сорокин Ю. А. Психополитология: лица и факты // Русские и «русскость»: лингвокультурологические этюды / сост. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2006. С. 263–332.
22. Сорокин Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сборник науч. трудов. М.: Азбуковник, 2003. С. 7–24.
23. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2001. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. 704 с.
24. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–25.
25. Уфимцева Н. В. Языковое сознание как перекресток языка и культуры // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы конференции / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Издательство «Эйдос», 2010. С. 189–190.
26. Шахнорович А. М., Голод В. И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 196–202.
27. Эмер Ю. А. Фольклорный текст: пространственная организация жанра // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск, UFO-Plus, 2007. С. 110–151.
28. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
29. Зейгарник Б. В. Патопсихология. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/public/zeigarnik/23.html>.
30. Hildebrandt Ted. The proverb: an interdisciplinary approach to a biblical genre. URL: <http://coolessay.org/docs/index-17020.html>.

УДК 81.36 (045)

Е. И. Лелис

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Удмуртский государственный университет

В художественном тексте словообразовательные, морфологические и синтаксические средства образуют грамматическое единство, которое способствует реализации их эстетических свойств и формированию смысловой глубины произведения.

Ключевые слова: грамматическое единство художественного текста, лингвоэстетика, идиостиль.

E. I. Lelis

THE ROLE OF GRAMMAR IN REALIZATION OF SEMANTIC POTENTIAL OF A LITERARY TEXT

Udmurt State University

In a literary text word-formation, morphological and syntactic means form grammatical unity which promotes realization of their esthetic properties and formation of semantic depth of work.

Keywords: grammatical unity of a literary text, linguo-aesthetics, idiostyle

Основы изучения поэтических функций грамматики были заложены еще в классических трудах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского и Г. О. Винокура. Особое место в научном осмыслении эстетических возможностей грамматики занимает учение В. В. Виноградова, в котором сформулирована методологическая основа изучения грамматики художественного текста и даны образцы глубокого анализа грамматических форм и категорий в произведениях А. С. Пушкина, А. Н. Лескова, Ф. М. Достоевского, В. В. Маяковского, А. М. Горького, А. А. Ахматовой.

О «грамматике поэзии» писали Л. В. Щерба и Р. О. Якобсон, дав блестящие образцы лингвоэстетического толкования отдельных текстов через призму их грамматики. «Грамматика поэтического языка и поэтической мысли» лежала в области научных интересов Г. Г. Шпета. «Грамматика идиостиля» стала предметом монографического исследования В. П. Григорьева, который и через 20 лет, при переиздании своей книги, отметил, что целостное представление об эстетике грамматики все еще носит характер проекта: «Едва ли где-нибудь, кроме самих стихов, можно найти такую «грамматику». Выявлена ли, описана ли она филологами с достаточной детализацией хотя бы по произведениям одного только поэта? Известны ли «сопоставительные грамматики» такого рода? Установлены или, по крайней мере, обсуждались ли принципы составления описательных грамматик для поэтических идиолектов? Нет необходимости

множить подобные полуриторические вопросы, чтобы подсказывать читателю один за другим отрицательные ответы на них» [7. С.59].

По мере накопления знаний о природе грамматики, ее смысловой нагруженности и связи с человеческим мышлением стало очевидно, что ее роль в реализации эстетической функции языка, репрезентации языковой картины мира художника слова и его творческого мышления, непосредственно или опосредованно вербализованного, трудно переоценить.

Не вызывает сомнения тот факт, что художественный текст нужно рассматривать не как комплекс отдельных грамматических единиц, пусть и сгармонизированный единым замыслом автора, но как грамматически организованное целое. В пространстве художественного текста средства грамматической системы языка не только формируют отдельные предикативные единицы, но и устанавливают многовекторные связи между ними, образуя единую грамматическую композицию. Именно ей принадлежит главная роль в воплощении, с одной стороны, единства авторского замысла, в его текстовой и подтекстовой репрезентации, и, с другой, целостности самой художественной действительности.

В среде исследователей долгое время бытовало убеждение, что наибольшими эстетическими возможностями обладают лексико-семантические единицы. Такие выводы делались «не на основе конкретных исследований, но именно из-за отсутствия работ по поэтике грамматики»

[6. С.187]. Убежденность в слабой способности грамматических средств к эстетизации была обусловлена неразработанностью методики их изучения и попытками применить к грамматике многократно и успешно апробированную методику лингвоэстетического анализа лексико-семантических средств. Но этому препятствовала сама языковая стихия, для которой характерна противопоставленность лексического и грамматического как «свободного» и «обязательного», «индивидуального» и «категориального».

Авторская индивидуальность в лексико-семантической сфере проявляется иначе, выпуклее, ярче и потому проще обнаруживается исследователем. По словам Г.А. Золотовой, «благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей» [8. С.110].

Сегодня наблюдается новый всплеск интереса исследователей к взаимосвязям лексики и грамматики. Одним из его результатов стал «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» Ю.Д. Апресяна (первое издание вышло в 1995 году) – словарь интегрального типа, в котором реализована идея отражения языковой, а не «наивной» картины мира и взята установка на детальное лингвистическое портретирование каждого элемента синонимического ряда, включая его семантические, референциальные, прагматические, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия [18].

Совсем недавно исследователи обратились к антропоцентрическому осмыслению грамматики и к тем внутренним процессам и механизмам, которые задействованы при образовании текста (Б.Ю. Норман Е.Н. Ремчукова 2011 и др.). Было обнаружено, что в разных типах речи и разных функциональных стилях грамматика проявляет себя как мобильная выразительная часть языковой системы.

Характерные для современной речевой ситуации языковая игра, метафоризация и языковая рефлексия невозможны без употребления нетривиальных словоформ, грамматических рефлексивов и контрастов, всевозможных комбинаций грамматических и неграмматических

компонентов, обнаруживающих лингвокреативную деятельность человека. И хотя уже в античных риториках и поэтиках были осознаны выразительные возможности языка, только сегодня исследователи предметно занялись изучением грамматических особенностей текстов разных жанров. В недавно вышедшей книге Е.Н. Ремчуковой большой интерес представляют наблюдения исследователя за тем, как жанры заголовка, интервью, стихотворения, рекламного слогана, мемуаров, писем, эссе и т.д. получают различное не только лексическое и стилистическое, но и грамматическое оформление [22].

Новые горизонты изучения смыслопорождающих особенностей грамматических средств открываются перед исследователями лексической (А.Л. Шарандин) и ассоциативной (Ю.Н. Караулов) грамматики.

В «Ассоциативной грамматике русского языка» Ю.Н. Караулов ссылается на мысль В.В. Виноградова о тесной связи внутри каждого слова между его лексическим значением и грамматической формой и, развивая это положение, выдвигает собственную гипотезу: «Правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т.е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети (АВС)» [15. С.6].

И далее: «Поскольку лексика не существует в отрыве от грамматики, грамматика языка также должна быть представлена в этой сети в виде отдельных словоизменяемых (и словообразовательных) форм лексем, в своей совокупности – типически, в образцах – отражающих всю грамматическую систему» [15. С.6–7]

В сфере грамматики системные отношения гораздо в меньшей степени пластичны и подвержены изменениям, но крепче, весомее, чем в фонетике или лексике. Как показало время, применительно к грамматике художественного текста метод лингвоэстетического толкования оказывается одним из самых продуктивных, поскольку его методологическую основу составляет положение о том, что эстетический факт – это не только и не столько случаи несовпадения

с общелитературной нормой, сколько авторский выбор, способы контекстуального включения и комбинирования языковых средств в художественном целом.

Трудно переоценить роль грамматики в формировании таких универсальных категорий смысловой структуры текста, как время, пространство и человек. Безусловно, в их текстовой и подтекстовой репрезентации активное участие принимают не только грамматические, но и лексико-семантические, и фонографические, и другие языковые и надязыковые средства. Грамматика играет ключевую роль в процессе реконструкции читателем авторского, всегда лишь частично вербализованного концептуально-смыслового плана, поскольку именно она создает языковой каркас смысловой структуры текста. Это происходит через систему грамматических форм и законов грамматической связи отдельных языковых единиц, через их ассоциативную реакцию, которая в сумме со стимулом, репрезентированном в тексте, образует цельное сочетание («модель двух слов», по словам Н.И. Жинкина), «которое в своей цельности может выступать как грамматикализованный фрагмент более пространного высказывания» [15. С.9]. Речь идет о созданной автором картине мира.

Именно через призму «преобразующей личности» автора (выражение В.В. Виноградова) художественный текст предстает как лексико-грамматическое единство в двух плоскостях – синтагматической и парадигматической. В синтагматической плоскости он является собой линейное единство, смену и чередование композиционно-синтаксических единиц. В парадигматической – поле реализации единых для автора принципов отбора и комбинирования языковых средств в динамике и непрерывности их объединения.

Исследование синтагматической плоскости текста имеет целью обнаружить и обосновать особенности разных типов и разных систем речи в художественном тексте, раскрыть их роль в грамматической композиции текста и подтекста. Это аналитический подход.

При парадигматическом подходе необходима иная логика исследования – от единого смысла

художественного текста – к семантике его компонентов и их объединений. Такой подход представляет собой реализацию синтезирующего метода исследования.

Сочетание анализа и синтеза дает исследователю возможность не только раскрыть особенности реализации грамматических принципов построения отдельных языковых единиц в составе художественного текста, но и его грамматическое устройство как способ реализации единого авторского замысла. Такой подход позволил М.Ю. Сидоровой сформулировать концепцию грамматического единства художественного текста – его грамматического устройства, которое является способом реализации единого замысла автора, репрезентацией единой авторской интенции, которая, по законам искусства слова, всегда лишь частично вербализована.

«Единство, целостность как свойство текста, – справедливо отмечает М.Ю. Сидорова, – определяет селекцию и комбинацию языковых средств и возникает в результате этой селекции и комбинации. При создании текста лексико-грамматические средства отбираются автором осознанно или не осознанно, но в соответствии с единым замыслом, из системы языка именно с целью формирования некоего единства, – целостного произведения. <...> При чтении текста единство принципов выбора и сочетания грамматических средств определяет цельность его восприятия и понимания» [23. С.441].

Специфика грамматического устройства художественного текста, в отличие от текстов другой стилевой принадлежности, заключается в том, что оно опирается на эстетические, ассоциативно-смысловые потенции языковых единиц и языковой системы в целом, задействованные автором для текстовой и подтекстовой репрезентации художественной действительности и своего отношения к ней.

Еще Г.О. Винокур подчеркивал: «Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, на-

ды индивидуального, к самой личности пишущего, мы встречаемся с понятием индивидуально-языка, личного стиля» [4. С.120].

Грамматическое единство художественного текста базируется на отборе и комбинировании словообразовательных, морфологических и синтаксических средств, которые проявляют себя одновременно и как компоненты текста, и как стимулы к формированию подтекстовых смыслов.

Смыслообразующие возможности *словообразовательных средств* в идиостиле художника слова исследовались многократно и разносторонне. Причинами появления авторских новообразований занимались Г. О. Винокур, В. П. Григорьев. Частотность использования разных способов словообразования и их значимость в идиостиле писателя изучали Е. А. Земская, И. С. Улукханов, В. Н. Телия и др. Композиционно-архитектоническую роль деривационного повтора в художественном тексте отмечали И. Б. Голуб, Л. В. Зубова, Н. А. Николина. На особую эстетическую роль экспрессивных аффиксов и словообразовательных архаизмов указывала М. Н. Кожина. О богатстве выразительных возможностей словообразования на примере синонимии, антонимии и омонимии аффиксов писала Т. Ф. Ефремова. Стилистические возможности словообразовательных средств рассматривали Н. Д. Арутюнова, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик, Н. М. Шанский. Окказиональные явления становились предметом рассмотрения Н. Г. Бабенко, В. В. Лопатина и др.

Различное отношение художников к слову и словотворчеству, по справедливому замечанию Л. И. Плотниковой, отражает особенности их мировоззрения, идейные установки, направление, в рамках которого они работают. Имеет значение жанровая специфика произведения, поскольку слово встраивается в разные виды контекстов в их «узком и широком понимании»: фраза – текст – цикл произведений автора – его творчество в целом. «Творчество В. Хлебникова и отчасти И. Северянина, принадлежащих к разным группировкам футуризма, – замечает исследователь, – может служить примером крайнего отношения к словотворчеству, которое выразилось в претензиях на исключительность, в утопиче-

ской мечте о сверхискусстве, способном изменить мир, отрицании поэтического наследия предшествующих литературных эпох» [20. С.327].

Для А. Вознесенского, представителя «громкой» поэзии «шестидесятников», характерен выбор необычных рифм, яркие поэтические фигуры, словотворчество, выражающее непосредственную реакцию на все, что происходит вокруг.

И. Бродский в своем творчестве выступает как субъект «трагического метода познания и изображения реальности». Поэтому «основная часть созданных поэтом новообразований – это потенциальные слова, передающие особое состояние героев и окружающего их мира» [20. С.328].

Результатом научных изысканий М. Ю. Нарынской, исследовавшей особенности окказионализмов М. И. Цветаевой, стала мысль о том, что яркому, самостоятельному таланту выпало жить и творить в эпоху, порождавшую языковые эксперименты, манифестировавшую реализацию креативных возможностей языковой личности и самого языка. Поэтому лексико-семантические окказионализмы М. И. Цветаевой, такие как, например, *вечера-чтения, вообще-ночь, во-сне, единственная-здесь-свидетельница, куст-невелик, любовь-воочию, просто-любить, прошел-человек, не-я, сплошь-туча, четверть-звука* – это одно из проявлений ее языкового эксперимента. Они получают статус «полноправных лексем ее художественного языка, <...> особую смысловую нагрузку, участвуя в формировании понятий, значимых для контекста и нередко для всего творчества автора в целом» [17. С.8].

На особую значимость процессуальности в реализации эстетических потенциалов новообразований М. И. Цветаевой указывает Л. В. Зубова, объясняя, что путь словотворчества поэтессы повторяет исторические изменения в языке, а слова самой М. И. Цветаевой: «Слово – творчество, как всякое, только хождение по следу слуха народного и природного», – можно понимать буквально. «Динамика слова и формы, – поясняет Л. В. Зубова, – связана с точками их максимального напряжения в пограничных ситуациях, когда создается противоречие между различными свойствами слова. Разрешение такого противоречия осуществляется при конкуренции разнонаправленных потенциалов, зало-

женных в языковой единице. Особые условия стихотворного текста способствуют интенсивному и наглядному проявлению подобных противоречий и потенциалов, а следовательно, и дают возможность наблюдать языковую динамику непосредственно в художественном произведении» [12. С.105]. Эта динамика – основа для формирования глубоких, многовекторных содержательно и эмоционально насыщенных подтекстовых смыслов.

Сегодняшний аспект изучения смыслообразующего потенциала словообразовательных средств в художественном тексте продолжает вектор лингвоэстетических исследований. Он обогащает наше представление о законах взаимодействия эксплицитного и имплицитного смысла в поэтическом слове. Мы разделяем мнение Г. О. Винокура: «Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего, мы встречаемся с понятием индивидуального языка, личного стиля» [4. С.120].

Большим разнообразием отличаются сами подходы к изучению авторских новообразований. функционально-прагматический, системно-функциональный, когнитивно-функциональный, структурно-функциональный и т. д.

Богатые ресурсы *морфологии* также реализуют свой эстетический потенциал в формировании смысловой структуры и целостности художественного произведения. В рамках грамматического единства текста они реализуют свою функциональность, которая отражает антропоцентрическое начало грамматики. Г. А. Золотова отмечает: «Грамматическая наука – часть филологии, это не свод парадигм, правил и запретов, а ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли» [8. С.108].

Уникальность смыслообразующих возможностей морфологических средств убедительно доказывается в работах А. В. Бондарко, Я. И. Гина, Л. В. Зубовой, И. А. Ионовой, В. П. Ковалева, Н. А. Николиной, Б. Ю. Нормана,

Е. Н. Ремчуковой, Г. А. Хайрутдиновой и др. Большинство из этих исследований так или иначе связано с проблемами «поэзии грамматики» – эстетическим зарядом морфологических ресурсов, проявляющемся в художественном тексте на эксплицитном и имплицитном уровнях.

Особенности грамматического устройства прозаического и поэтического текстов определяются их родовыми и жанровыми отличиями. В прозаическом тексте художественный мир и формы его языковой репрезентации связаны с сюжетом. Сюжетный текст, как правило, характеризуется многособытийностью. Отсюда разнообразие видо-временных форм глаголов, которые выполняют текстовые функции, волей автора организуя темпоральный объем текста. На это указывал В. В. Виноградов, выделив четыре основные функции видо-временных форм глагола, которые являются инструментом композиционно-грамматического анализа текста. Эта идея была развита Г. А. Золотовой.

Вслед за В. В. Виноградовым и Г. А. Золотовой внутри совершенного вида различаем динамический аористив и результативный перфектив. Аористивные глаголы активного действия реализуют сенсорное, непосредственное восприятие действия и, последовательно сменяя друг друга, двигают сюжет: «В ворота *вошла* она... *Поднялась* на крыльцо *И взялась* за кольцо (Пушкин)» [9. С.13]. Перфективные глаголы вербализуют ментальное восприятие происходящего в воспринимающем сознании в рамках событийного времени: «*Прошли* года чредою незаметной, *И как они переменили* нас! (Пушкин)» [9. С.13].

Внутри несовершенного вида различаем имперфектив процессуальный и узуально-характеризующий. Процессуальные глаголы представляют действие или состояние в их протяженной длительности: «*И грачи так безумно кричали*, *И так яростно ветлы шумели* (Н. Заболоцкий)» [9. С.14]. Узуально-характеризующие глаголы описывают постоянные признаки, действия или состояния как обычные занятия, умения, свойства, отношения вне их конкретной временной локализованности: «*Старый музыкант любил играть* у подножья памятника Пушкину (А. Платонов)» [9].

Концепция семантического описания грамматики времени, предложенная Дж. Лайонза и А. Вежбицкой, послужила для нас отправной точкой при характеристике форм экспликации художественного времени в пределах разных видов контекстов. Мы разделяем убеждение исследователей, что грамматика времени должна рассматриваться не как сфера исключительно глагола, а как сфера предложения, сложного синтаксического целого и текста в целом.

Необходимо помнить и о том, что важную роль играет семантика конкретной глагольной лексемы. Особое значение здесь приобретает противопоставление акциональных и неакциональных глаголов, т.е. грамматика коррелирует с лексико-семантической системой, подтверждая неразрывность их связей в пространстве текста.

Реализация текстовых функций видо-временных форм глагола обусловлена и их контекстуальным окружением: лексическими и грамматическими временными конкретизаторами, формами предикатов в узком и широком лингвистическом контексте.

Все эти видо-временные формы глагола, комбинируясь в тексте, не только преодолевают раздробленность его мотивной структуры и формируют его повествовательный ритм, но выполняют и суггестивную функцию.

Вопросам смыслового потенциала морфологических средств посвящены многие исследования. Фундаментальными признаны работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. Н. Гвоздева, А. М. Пешковского, А. А. Потемни, Л. В. Щербы, Р. О. Якобсона и др. Стилистические особенности морфологических средств, дающие возможность передавать разные, в том числе и неожиданные смыслы, описаны Ю. А. Бельчиковым, И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталем и др.

Морфология художественного текста изучается на всех уровнях ее сложнейшей системы: частей речи, лексико-грамматических разрядов, морфологических категорий, грамматических значений и способов их выражения. Подробно рассмотрев эстетические потенции морфологии в поэтической речи, И. А. Ионова считает главным итогом проведенного ею исследования убеждение, что в поэзии морфологические средства выразительности «не есть периферия

художественных средств языка. Эстетические возможности морфологии чрезвычайно богаты, однако они могут быть представлены лишь с учетом многогранности, разноплановости самой морфологии как сложнейшей системы, обладающей семантическими, формально-грамматическими, синтаксическими, словообразовательными, стилистическими, историческими характеристиками» [14. С.153].

Сказанное вполне справедливо и для прозаических текстов, которые в той же степени, но иначе, чем поэтические, подчиняются законам эстетического. К аналогичным выводам приходит и Г. А. Хайрутдинова, относя к факторам, способствующим актуализации эстетического потенциала слова как единицы морфологии следующие: частеречная принадлежность слова; включенность языковой единицы в грамматическую оппозицию в рамках морфологической категории; отнесенность к определенному лексико-грамматическому разряду; грамматическая изменяемость / неизменяемость; отнесенность к определенному формальному классу слов; стилистические особенности и некоторые другие [24].

Можно спорить о составе этих факторов и их количестве, но показательно, что наиболее продуктивными являются два: включенность языковой единицы в грамматическую оппозицию в рамках морфологической категории (падежа, числа, рода и т.д.) и отнесенность слова к определенному лексико-грамматическому разряду (например, существительные собственные / нарицательные, отвлеченные / конкретные, одушевленные / неодушевленные и т.д.). Это значит, что можно говорить как о разной способности языковых ресурсов к эстетизации, так и об определенных приоритетах, которые осознанно или неосознанно расставляют художники слова, осваивая языковую стихию и формируя собственные, всегда уникальные языковые картины мира.

Интересные открытия делаются в области *синтаксиса* художественного текста. Его изучение началось с поэзии. Новаторским для лингвоэстетики было введение в работах Вяч. Вс. Иванова и М. Л. Гаспарова представления о ритмико-синтаксических клише как воплощении интенции отрезка речи, заключенного в пределы стиховой синтагмы, обрести коммуникатив-

ную самодостаточность. М. Л. Гаспарову принадлежит открытие «золотого века» русской поэзии как периода кристаллизации такого синтаксического строя стиха, когда большинство строк представляет собой целую предикативную единицу, или подлежащую (сказуемую) часть, или распространенный второстепенный член [5]. Такой угол зрения позволил М. Л. Гаспарову дать тонкие и глубокие образцы лингвоэстетического толкования стихотворений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, А. А. Блока, В. В. Маяковского, О. Э. Мандельштама.

Знаковой для исследований синтаксиса художественной речи явилась книга И. И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис», в которой убедительно доказывается, что в поэтическом синтаксисе «можно увидеть более регулярную, чем в лексике, и более строго очерченную систему средств выражения» [16. С.4].

Синтаксис прозаического текста труднее поэтического поддается исследованию. По образному определению О. Г. Ревзиной, «в то время как поэтический язык и поэтический текст <...> искушает и открывается лингвистическому мышлению, то прозаический текст, искушая, остается недоступным» [21. С.303]. Хотя очевидно, что синтаксис – та часть структуры художественного текста, в которой писательский почерк отражается непосредственно и ярко.

Одной из первых к синтаксическим особенностям идиостиля писателя-прозаика обращается Е. А. Иванчикова. Посвятив свою монографическую работу «индивидуальному синтаксису» Ф. М. Достоевского, она обнаруживает большую степень устойчивости «синтаксического почерка» писателя, сочетающуюся вместе с тем с большой свободой и разнообразием его варьирования как текста в целом, так и фразы или ее частей. По мнению исследователя, синтаксис любого текста Ф. М. Достоевского «легко выдает своего автора, что служит одним из свидетельств своеобразия и цельности его творческой индивидуальности» [13. С.284].

Книга Е. А. Иванчиковой как систематизированное описание синтаксиса Ф. М. Достоевского до сих пор остается единственным монографическим исследованием такого рода, ориентиром

для дальнейших изысканий в области смысловой структуры художественного текста. Исследователю удалось развить идею В. В. Виноградова о том, что образ автора представляет собой центр, фокус, «в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведения словесного искусства» [2. С.176].

Проблема смыслообразующего потенциала синтаксических средств приобретает все большую актуальность в связи с возрастающим интересом к самому процессу динамического развертывания художественного текста, его пространственно-временной организации, языковой личности каждого из участников художественной коммуникации, взаимоотношениям автора и читателя. В круге этих проблем рассматривают особенности смысловой структуры художественного текста современные исследователи.

В идиостиле художника слова способ построения текста играет столь же определяющую роль, как и отбор языковых средств. Поэтому нам близка позиция И. С. Папуши, которая, исследовав особенности построения сложного синтаксического целого в текстах разных художников слова, пришла к выводу, что это синтаксическая единица может рассматриваться как один из экспликаторов идиостиля писателя [19]. Идиостиль отражается в выборе определённых вариантов построения сложного синтаксического целого, в котором формируется поле смыслового напряжения. Это поле реализует авторскую интенцию через языковые средства всех уровней по осознаваемой или неосознаваемой самим автором схеме. Поэтому структурно-смысловые характеристики сложного синтаксического целого проявляют его свойства как одного из языковых репрезентантов подтекстового содержания и экспликантов лингвокреативного мышления автора.

Наиболее перспективным в анализе средств формирования смысловой структуры текста признается комплексный подход к его грамматике, предметом которого становится грамматическое единство текста. Этот подход осуществляется в том числе и в рамках функциональной грамматики Г. А. Золотовой [10]. Важнейшим принципом этого лингвистического направления провозглашен принцип единства его

«структурных и функциональных аспектов», «системно-языковых и речевых элементов» [1. С.7]. Основной упор сделан на сочетание двух векторов анализа языкового материала – исходно-семантического и исходно-формального, в результате чего в центре внимания оказываются семантика и средства ее выражения.

Представители этого лингвистического направления в основном строят свои исследования на основе текста и справедливо отмечают, что лингвистика «приближается к признанию текста основным своим объектом и к пониманию времени и вида как текстовых категорий» [9. С.8]. Г. А. Золотова озвучивает одно из фундаментальных положений современной коммуникативной грамматики: «Текст и становится главным источником исследования языка, осмысления его грамматических форм, категорий в воплощенных их значениях, возможностях, условиях и назначении. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неразделимое единство времени и пространства <...>, моделируя тот физический, социальный и ментальный мир – хронотоп, в котором реализуются и о к р у ж е н и е и к р у г о з о р (выделено автором – Е.Л.) воспринимающего человека (по М. Бахтину)» [9. С.13].

Г. А. Золотовой выделены единицы, формирующие композиционно-синтаксическую структуру текста. Они представляют собой пять коммуникативных типов – регистров. В понятии регистра обобщается соотношение структурно-семантического типа предложения с точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями. «Соотношение регистровых блоков в каждом тексте, способы их соединения, взаимодействия подчиняются коммуникативным целям, законам жанра, литературного приема, воле говорящего, его индивидуального стиля. Это и составляет предмет дальнейшего филологического интереса на этапе, следующем за выделением лингвистически обоснованных речевых единиц» [11. С.68].

При этом мы готовы согласиться с О.Г. Ревзиной, что выбранный Г.А. Золотовой термин *регистр* не вполне удачен вследствие внутри- и междисциплинарной омонимии [21. С.304], хотя

сам угол зрения и соответствующий метод анализа текста представляются нам перспективными.

Точки соприкосновения коммуникативной грамматики и лингвоэстетики ощутимы. Их объединяет признание того, что любой текст создает (организует, выстраивает) человек. Поэтому, воспринимая его, мы можем наблюдать полет человеческой мысли в пространстве и времени, а отнюдь не в ее прикрепленности к «моменту речи», «а затем – выявить, какие закономерности этот полет, движение, перемещения организуют в текстовую структуру, в композицию этого произведения» [8. С.112]. Эта мысль коррелирует со сформулированной В.В. Виноградовым задачей выявлять и систематизировать типизированные речевые единицы и изучать законы их комбинирования в текстах разного типа [3].

К членению текста на строевые единицы есть и другие подходы: *точки зрения* у Б. А. Успенского, *типы повествования* (Н. А. Кожевникова), *повествовательные формы* (Е. В. Падучева), *композиционно-речевые структуры* (О. Г. Ревзина), *структурно-смысловые элементы* – сложные синтаксические целые (Л. Г. Бабенко, М. Я. Дымарский, И. С. Папуша) и др. Каждый из подходов реализует свой угол зрения на текст, характеризуется собственными задачами и методами его изучения, но при этом апеллирует к признанным положениям о его единстве и целостности, о многомерности его смысловой структуры, представленной текстовым и подтекстовым уровнями.

Эти подходы могут служить надежной методологической базой для решения задачи смыслового структурирования художественного текста, поскольку последний формируется в опоре на языковые единицы и разнообразные формы их комбинирования.

Значимость грамматики в смысловой структуре текста никак не принижает значимости лексико-семантических средств. Лексические и грамматические значения и формы в тексте находятся в отношениях взаимопроникновения и взаимопересечения. Об этом писал еще В. В. Виноградов: «В русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое

значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении» [3. С.37].

Таким образом, текст представляет собой не комплекс отдельных словообразовательных, морфологических и синтаксических единиц, а грамматически организованное целое, которое обладает большим смыслообразующим потенциалом. Разные словообразовательные, морфологические, синтаксические единицы проявляют неодинаковую готовность к эстетизации. Это связано как с их собственной языковой природой, так и с разной степенью воздействия на них «преобразующей личности» автора.

Творческое освоение грамматическими языковыми средствами – яркая идиостилевая черта художника слова. Эстетическое поведение разных грамматических единиц гармонируется авторским видением мира, воплощающимся в уникальности каждого произведения.

Из всех словообразовательных средств, способных к смыслообразованию, наиболее часто художниками слова используются деривационный повтор, экспрессивные аффиксы, словообразовательные архаизмы, словообразовательные синонимы, антонимы и омонимы, окказионализмы и производные слова, образованные разными способами словообразования. Особое место среди них занимает семантический, в результате которого слово прирастает эстетическими значениями.

Многообразна палитра смыслообразующих возможностей морфолого-синтаксических средств. Здесь может учитываться множество факторов: частеречная принадлежность слова, включенность языковой единицы в грамматическую оппозицию в рамках морфологической категории, отнесенность слова к определенному лексико-грамматическому разряду, грамматическая изменяемость / неизменяемость, характеристика слова с точки зрения грамматической стилистики, структурно-семантические особенности синтаксисом, словосочетаний, предложений, ССЦ и т. д. Для лингвоэстетического толкования художественного текста через призму его смысловой структуры особо ценными оказываются те из них, которые проецируются на ключевые

категории текста, воплощающие художественный замысел – *человек, пространство и время*.

Грамматическое единство художественного текста – поле экспликации поверхностных и глубинных смыслов текста. Смыслы, продуцируемые грамматическими средствами, не столь подвижны и вариативны, как смыслы, эксплицированные с помощью фонетических и лексических единиц и их комбинаций, но и не очевидны при поверхностном взгляде на текст, требуют глубокого проникновения в него, высокого уровня владения лингвистической и читательской компетенциями, языкового чутья, широкого кругозора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Бондарко А. В.** Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: С. – Петерб. ун-т, 2001. 260 с.
2. **Виноградов В. В.** О теории художественной. Москва: Высш. шк., 2005. 286 с.
3. **Виноградов В. В.** О языке художественной прозы: избранные труды. Москва: Наука, 1980. 360 с.
4. **Винокур Г. О.** Филологические исследования: лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1990. 451 с.
5. **Гаспаров М. Л.** Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики. 1982: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. П. Григорьев. Москва, 1984. С. 169–185.
6. **Гин Я. И.** О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
7. **Григорьев В. П.** Грамматика идиостиля // Будетлянин. Москва, 2000. С. 57–205.
8. **Золотова Г. А.** Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
9. **Золотова Г. А.** Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 7–30.
10. **Золотова Г. А.** Коммуникативная грамматика русского языка. Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. Москва: Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 540 с.
11. **Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 4-е, испр. Москва: URSS, 2006. 366 с.
12. **Зубова Л. В.** Язык поэзии Марины Цветаевой: (фонетика, словообразование, фразеология). Санкт-Петербург: С. – Петерб. ун-т, 1999. 232 с.
13. **Иванчикова Е. А.** Синтаксис художественной прозы Достоевского. Москва: Наука, 1979. 288 с.
14. **Ионова И. А.** Морфология поэтической речи. Кисинев: Штиинца, 1988. 162 с.
15. **Караулов Ю. Н.** Ассоциативная грамматика русского языка. Изд. 2-е. Москва: Либроком, 2010. 330 с.
16. **Ковтунова И. И.** Поэтический синтаксис. Москва: Наука, 1986. 205 с.

17. **Нарынская М. Ю.** Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

18. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

19. **Папуша И. С.** Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: монография. М-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. обл. ун-т. Москва: МГОУ, 2011. 255 с.

20. **Плотникова Л. И.** Словотворчество как феномен языковой личности: порождение, функционирование, узу-

ализация нового слова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2004. 374 с.

21. **Ревзина О. Г.** Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. Москва, 1998. С. 301–316.

22. **Ремчукова Е. Н.** Креативный потенциал русской грамматики. Изд 2-е, испр. и доп. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.

23. **Сидорова М. Ю.** Грамматическое единство художественного текста: проза и поэзия: дис... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 2000. 485 с.

24. **Хайрутдинова Г. А.** Эстетика морфологических средств русского языка. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. 163 с.

УДК 81.27 (045)

Л. С. Патрушева

ИЕРАРХИЧНОСТЬ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ ЧЕРТА РУССКОГО ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА

Удмуртский государственный университет

Интернет-форум - это самостоятельный жанр коммуникации, одной из главных черт которого является иерархичность. Эта национальная черта жанра проявляется в системе коммуникативных ролей и статусов, о времени пребывания на форуме и в использовании языковых средств.

Ключевые слова: интернет-форум, иерархия, коммуникативные роли, коммуникативный статус, социолект

L. S. Patrusheva

HIERARCHY AS FORMATIVE GENRE FEATURE OF RUSSIAN WEB-FORUM

Udmurt State University

The web forum is an independent genre of the communication, one of which main features is hierarchy. This national feature of a genre is shown in system of communicative roles and the statuses, in stay time at a forum and in use of linguistic means of circulation.

Keywords: hierarchy, web forum, communicative roles, communicative status, social dialect

Интернет-форум – это самостоятельный веб-сайт или раздел сайта, представляющий собой клуб по интересам для общения в Интернете на определенную тему и с достаточно устойчивым составом участников. Многоаспектное изучение русского форума и сравнение национальных форумов позволило выявить одну из самых важных образующих черт данного жанра – *иерархичность*.

Иерархия – порядок подчинения высших низшим – на форуме проявляется, во-первых, в принятой системе коммуникативных ролей участников. Во-вторых, – в выборе наименования статусов пользователей. В-третьих, – во времени пребывания участников на форуме. В-четвертых, – в самой идее общения (разное представление о том, что такое клубное общение). Рассмотрим данные особенности подробнее.

Регистрируясь на форуме и вступая в коммуникацию, каждый участник «надевает маску». Отсутствие видеоконтакта, асинхронность коммуникации, анонимность общения, зачастую желание абстрагироваться от реальной жизни – все это позволяет участникам создавать свой имидж и выбирать наиболее подходящий для себя стиль общения. Другими словами, на интернет-форуме каждый пользователь играет определенную коммуникативную роль. Под **коммуникативной ролью** вслед за И. А. Стерниним понимаем принятое для той или иной социальной роли коммуникативное поведение; образ, который создается человеком в процессе общения для достижения определенной цели [4].

Итак, коммуникативные роли участников веб-форума сознательно создаются человеком

в общении для достижения определенной цели, то есть являются инициативными [4]. На русском форуме рядовой пользователь может выполнять ограниченное количество действий: писать и читать сообщения, обновлять информацию о себе, начинать темы общения и т.п. Отметим, что остальные действия ограничены администрацией форума. Как правило, форумом управляют следующие фигуры: администратор и модераторы. Коммуникативные функции данных участников и рядовых пользователей различны. Например, администратор (или админ) – это самая главная фигура на русском форуме. Очень часто мнение администратора является самым значимым, и участники не вступают в спор с ним. Обычно в правилах форума первым пунктом идет следующее ироническое замечание:

«ПУНКТ 1: Админ всегда ПРАВ!!!»

ПУНКТ 2: Если Админ не прав, СМОТРИ ПУНКТ 1» (с форума <http://dt-team.clan.su/forum/>)²².

Администратор может назначать модераторов, корректировать или удалять сообщения абсолютно всех пользователей, устанавливать правила общения на данном форуме.

Следующими по иерархии идут супермодератор («правая рука» администратора) и модераторы. Они смотрят за обстановкой на форуме, регулируют споры между участниками, следят за соблюдением установленных правил всеми участниками, поддерживают общение на форуме.

По статусу после модераторов следуют рядовые зарегистрированные пользователи. Их статус выше, чем у незарегистрированных участников, гостей форума. Мнение незарегистрированного пользователя не учитывается и не уважается в большинстве случаев.

Рассмотрим некоторые ситуации, демонстрирующие иерархию коммуникативных ролей на русском форуме. Например, реакция на опечатку, допущенную новым участником:

«Если со зрением напряг – идите к окулисту!!!» в слове Tartaruga есть две буквы «R». И Вообще слово Tartaruga означает «черепаха». Я ж не гоню с ваших ников, хотя могу»;

Комментарии других пользователей в продолжении темы:

«И вообще, у нас просто адское количество новичков на форуме...». (С форума <http://www.senzala.com.ua/forum/index.php?act=idx>).

Данные примеры показывают нам, что участники не только открыто выражают свое презрение к гостям форума, но и используют негативную оценочную лексику. Употребление сленга, арго и оценочной лексики («гнать», «напряг», «адский»), которые используются участниками с целью противопоставить себя другим, показать свое превосходство и непринужденность общения перед всеми пользователями, доказывает иерархичность общения на форуме.

Или, напротив, реакция участника на действия администратора:

«Учитесь господа, отвечающие в темах, вот образец Вам грамотного и вежливого ответа (без всяких воплей, мол сам дурак). Моё дело сообщить о ошибке, а админ уже решит это так или я придурок... С таким человеком просто приятно общаться. Извините за флуд в этой теме...». (С форума <http://www.ulyanovskcity.ru/forum/index.php>).

Таким образом, на русском форуме выстраивается следующая иерархия участников общения:

администратор
супермодератор
модератор
участник
гость

Схема 1. Иерархия коммуникативных ролей участников русского форума

Стоит отметить, что на русском форуме информация о коммуникативной функции (модератор, участник и т.п.) располагается рядом с ником пользователя. Это еще раз подтверждает значимость статуса участника. Абсолютно все пользователи всегда знают руководство форума «в лицо». В связи с вышеперечисленными наблюдениями возникает вопрос: является ли такая иерархия национальной специфической чертой русских форумов или подобная иерархия существует на любом форуме независимо от страны участников общения? Чтобы ответить

²² Орфография и пунктуация сохранена.

на поставленный вопрос, обратимся к рассмотрению испанских форумов.

На *испанском форуме* мы очень редко знаем, кто конкретно управляет данным форумом. Например, администрация на форуме <http://www.forojovenes.com/>, где зарегистрировано свыше 69000 участников (данные на 06.09.2012), не отражает в своем профиле информацию о функции, выполняемой на форуме. На наш взгляд, отсутствие такой информации у испанцев делает общение более комфортным, непосредственным и демократичным, в то время как на русском форуме обозначение данных ролей приводит к иерархии в общении.

Следующая особенность коммуникации на русском форуме – это «статусность» общения. Под *коммуникативным статусом* вслед за А. Абросимовой понимаем совокупность стабильных коммуникативных параметров субъекта; «положение субъектов коммуникации относительно друг друга» [1]. Система статусов существует на всех мировых форумах, но их присвоение происходит по-разному.

На русских форумах, как правило, существует три варианта получения статуса:

- 1) статус присваивается автоматически в зависимости от количества написанных сообщений;
- 2) статус выбирает участник самостоятельно из предложенного списка, руководствуясь правилами форума;
- 3) администрация устанавливает особый статус определенным участникам.

Первый случай наиболее распространенный на русских форумах. Регистрируясь на форуме, пользователь получает самый низкий статус: новичок, начинающий, пользователь, гость и т.п. Далее, в зависимости от количества сообщений, статус участника меняется автоматически. Рассмотрим систему статусов на бухгалтерском форуме <http://www.glavbyh.ru/index.php> (47390 участников, данные на 08.09.12).

На вышеназванном форуме система статусов разрабатывается администрацией, отталкиваясь от тематической специфики. В данном случае форум посвящен вопросам бухгалтерии, поэтому статусы названы соответствующим образом:

- от 0 до 10 сообщений – новичок в бухгалтерии,

- от 10 до 30 сообщений – начинающий бухгалтер,
- от 30 до 100 сообщений – бухгалтер,
- от 100 до 200 сообщений – старший бухгалтер,
- от 200 сообщений до 500 – ведущий бухгалтер,
- от 500 до 1000 сообщений – главный бухгалтер,
- от 1000 до 5000 сообщений – мастер бухгалтерского учета,
- от 5000 сообщений – Бог в бухгалтерии.

Не имеет значения, какую должность на работе занимает специалист, на форуме он будет новичком пока не напишет немалое количество сообщений. К мнению новичка, как правило, не прислушиваются «бывалые» пользователи. Как и в реальной жизни, на русском форуме каждый пользователь поднимается по иерархической лестнице.

Второй путь получения статуса – самостоятельный выбор из предложенного списка с учетом установленных правил. В русском Интернете данный вариант встречается нечасто. В качестве примера можно привести «Независимый форум Орифлейм» <http://www.oriforum.net/> (7528 участников, данные 08.07.12). Здесь статус участника именуется как «звание». Любой пользователь может выбрать звание от «просто прохожего», «консультанта» до «бриллиантового президента». В правилах форума участникам рекомендуется выбирать звание в соответствии с реальной позицией в компании.

И, наконец, третьим способом получения статуса на форуме является поощрение администрации. Отметим, что очень часто администрацией форума присваиваются особые, уникальные коммуникативные статусы некоторым участникам. Уникальные коммуникативные статусы позволяют администрации отметить некоторых пользователей, поощрить их за какие-либо заслуги (например, за преданность форуму, за особую манеру общения, за помощь другим участникам, за активное общение и т.д.). Иногда понять значение уникального статуса невозможно. Это делается с целью приближения данного участника к «элите», администрации форума.

Теперь обратимся к рассмотрению *иностранных форумов*. Наши наблюдения показывают, что обычно на иностранных форумах нет системы статусов. Например, британский форум «I Have Divorced Parents» (Мои родители разведены), <http://www.experienceproject.com/groups/Have-Divorced-Parents/6448/forum>, где зарегистрировано около 2000 участников (данные на 08.07.12), не имеет системы статусов. Информация, которая отображается наряду с текстом сообщения:

- ник,
- аватар.

Информация, которая отображается в профиле пользователя:

- возраст,
- пол,
- друзья,
- время последнего входа на форум,
- дополнительная информация (по желанию пользователя).

Как мы видим, информации о статусе пользователя нет. Более того, она не предусмотрена.

Но есть и исключения. Очень редко мы находим форумы с автоматической статусной системой (по количеству сообщений). Например, испанский форум Foros Universia <http://foros.universia.es> («Универсальный форум», количество участников – 27013, данные на 09.09.12). Здесь приняты следующие статусы: *principiante* (начинающий), *medio* (средний), *avanzado* (прогрессивный), *experto* (опытный). В отличие от русского форума данные статусы лишены оценочности. Они нейтральны; иерархия отсутствует.

Наиболее частотным вариантом является тот случай, когда участник сам придумывает себе статус без какого-либо ограничения со стороны администрации. Это помогает пользователю вербально выделить себя на фоне других участников.

Таким образом, на русском форуме статусная система несет оценочную функцию, в то время как на иностранных форумах – информативную. Постоянная оценка, отсутствие возможности выбора статуса сохраняют иерархию в общении на русском форуме.

Перейдем к рассмотрению третьей особенности – это **«возраст» участников**. Данная черта связана с предыдущей и обозначает количество

времени, проведенном участниками на форуме. Здесь в процессе коммуникации все пользователи делятся на «новичков», «среднячков» и «старичков». Отношение к новичкам, как правило, на русском форуме предвзятое, обычно негативное. Это связано с тем, что постоянные участники стараются сохранить устоявшийся коллектив.

Обратимся к примеру. На Дачном форуме <http://housetalk.ru> (3000 зарегистрированных участников, дата обращения 11.09.12) новые участники с опаской высказывают собственное мнение:

Артемий_Б: «Простите, я долгое время занимался монтажом теплоизоляции, не могу не высказаться по этому вопросу, хотя на форуме и новичок. Вообще это все, то, что говорят о пенополистироле – результат интернет-войны между производителями других теплоизоляций (например минеральной ваты). Вот что действительно раздражает – так это навязывание совершенно безграмотных данных и абсолютно нелепой информации ради проталкивания «своего» продукта во все щели, даже в те, в которые он ну вообще никак не подходит. Прекратите уже бросаться друг в друга помидорами!»

Новый участник на данном форуме вполне осознает, что его позиция может быть не принята в силу собственного небольшого авторитета. Поэтому, выражая свои мысли, он использует отношения уступки: «... хотя на форуме и новичок». Автор сообщения ссылается на собственный опыт, чтобы показать компетентность в данном вопросе: «... я долгое время занимался монтажом...». Кроме того, с другими участниками он общается «на Вы», что опять же показывает его низкий статус в данном сообществе. Он использует минимальное количество оценочной лексики («безграмотных») и достаточно вежливое обращение к другим пользователям (извинения – «простите»; научное/официальное выражение мнения – «не могу не высказаться по этому вопросу»). Мы видим, что данное сообщение нового пользователя стилистически значительно отличается от сообщений «старых» участников, которые были приведены ранее. Всё вышеперечисленное еще раз доказывает иерархию по времени в общении на русском форуме.

Наши наблюдения показывают, что на *иностранных форумах* к новым участникам от-

носятся лояльно, стремясь расширить сообщество. Администрация поддерживает контакт с недавно зарегистрированными пользователями по электронной почте. Кроме того, новые участники придерживаются общепринятого стиля общения, не смотря на малое количество сообщений. Например, на испанских форумах как новые, так и старые участники «обрамляют» свое сообщение принятой этикетной рамкой:

«Hola, me podrian enviar los drivers de audio con la misma configuracion pero con 32 bits, Tarjeta ASRock n68s, windows XP Service pack 3. gracias». (Привет! Не могли бы вы посылать мне драйверы для аудио с той же конфигурацией, но с 32 битами, карточку ASRock n68s, windows XP Service pack 3. Спасибо). (С форума www.elforo.com).

Использование этикетных формул «hola» и «gracias» является нейтральным на испанских форумах и не несет дополнительную семантическую нагрузку. Таким образом, мы видим, что стиль общения старых участников с новыми на иностранных форумах не зависит от количества написанных сообщений.

И, наконец, еще одно проявление иерархичности коммуникации на форуме заключается в самом **представлении участников о клубном общении**. Русские пользователи считают форум достаточно замкнутым пространством, в которое вхожи исключительно приверженцы конкретного дела. Это проявляется, в первую очередь, в языке и стиле общения. Остановимся на этом подробнее.

Общаясь на русском форуме, участники создают некий *форумный социолект*. Под социолектом вслед за Т.И. Ерофеевой понимаем коллективный или групповой язык [2]. Какие элементы форумного социолекта мы можем выделить?

Во-первых, это *профессиональная лексика*. Узкая тематическая направленность влечет за собой появление на форуме специальных слов и словосочетаний. Большинство форумов являются монотематическими. Узкая тематическая направленность влечет за собой появление на форуме специальных слов и словосочетаний – профессиональной лексики. В качестве примера рассмотрим форум о кино www.kinoforum.ru. Данный форум посвящен киноиндустрии, в свя-

зи с чем всю профессиональную лексику мы можем разделить на группы:

1) *жанры кино*. На форуме встречаются нетрадиционные наименования жанров. Например, зомби-хоррор, аниме, арт-кино, муви роуд, слэшер и др.:

DIV: «Почему? Кроме концовки, все вполне себе сай-фай».

Сай-фай – это научная фантастика (исначально от англ. Sci Fi). Участник использует данный профессионализм свободно, не поясняя и не трактуя его, так как все участники данного форума, по их мнению, должны быть осведомлены в лексическом профессиональном поле;

2) *оценка фильмов*. На форуме мы видим профессионализмы, дающие оценку кинематографу. Например, треш (это низкобюджетный фильм);

3) *описание фильмов*. К данной группе относятся слова и выражения, предлагающие дополнительную информацию о фильмах. Например, спойлер (это раскрытие неких сюжетных интриг), трейлер (это видеоаннотация к фильму);

4) *ресурсы киноиндустрии*. К данной группе относятся различные сайты, премии, обзоры, посвященные киноискусству. Например:

Driven: «На блу рэй уже вышел несколько недель назад, как там с переводом обстоят дела я не знаю. Я даже темку на него уже создавал, после того как скринер посмотрел в апреле».

Участник использует словосочетание «блу рей», подразумевая под этим интернет-ресурс <http://www.blu-ray.com/>, но не поясняя данную информацию другим участникам, потому что все киноманы знакомы с тематическими сайтами.

Итак, из вышеперечисленных примеров мы видим, что монотематичность форума позволяет участникам быть компетентными в определенной области и в то же время проводить условное «отсеивание» некомпетентных. В этом также проявляется иерархичность общения.

Во-вторых, одним из компонентов форумного социолекта является *парафраза и другие игры слов*. Парафраза – это семантико-стилистический прием замены компонентов устойчивого выражения. Как отмечает М. Крепс, «цели такого окольного выражения могут быть разными, но результат один – читателю предлагается разрешить своеобразный род маленькой загадки,

в результате которой он поймет смысл выражаемого в тексте» [3].

Форумчане очень часто прибегают к созданию парафразы. Этот лингвистический прием придает эмоциональность общению и стилистическое своеобразие. Кроме того, при употреблении парафразы пользователи проводят условный интеллектуальный отбор: участники, не понимающие сути написанного, автоматически отсеиваются. На российских форумах парафраза – довольно частое явление. В использовании данного приема прослеживается игровой момент: участники стремятся разнообразить общение, привнести в коммуникацию что-то новое, специфическое. Но наравне с игровым моментом проявляется и иерархия, так как максимально понять смысл написанного могут только всегдашними каждого конкретного форума. Приведем пример:

Kristy: «Бог и сознание Камерона в помощь»)).

Перефразирование известного выражения «Бог в помощь» встречается на форумах довольно часто. Есть модификации, такие как «Яндекс в помощь», «Бог и гугл в помощь» и т.п. С помощью данного лингвистического приема пользователи определяют популярные поисковые системы как всезнающие и всемогущие, в связи с чем и создают подобные парафразы. На исследуемом форуме мы встречаем тематическую парафразу данной идиомы: в кинематографии картины Джеймса Камерона являются настолько успешными, что «всемогущим» и «всезнающим» становится сам режиссер.

В-третьих, форумный социолект составляют специфические аббревиатуры. Аббревиация – довольно частое явление в мировом Интернете. Использование сокращенных слов и словосочетаний позволяет, в первую очередь, экономить время. Форум в этом смысле не исключение. Многие популярные аббревиатуры изначально появились на форумах (например, мч – «молодой человек» (в значении «парень»), «бойфренд» и т.п.) и сейчас распространены по всему Рунету.

Участники форума, как достаточно замкнутой и иерархичной структуры, разрабатывают специальные аббревиатуры, понятные лишь «посвященным» пользователям. На кинофоруме данные аббревиатуры мы можем разделить на группы:

– *Общепринятые форумные аббревиатуры.* Например, «спс» – это спасибо; «ЛС» – аббревиатура фразы «личные сообщения». Аналогом на форумах могут быть сокращения «РМ», «ПМ» (от англ. personal message – личное сообщение) и мн. др.

– *Традиционные для каждого конкретного форума аббревиатуры* Чтобы понять значение такой аббревиатуры, не обязательно быть кинеманом. Для этого достаточно элементарных знаний о тематике форума и его названии. Например, КФ – это кинофорум.

– *Специфические аббревиатуры.* На кинофоруме это будут аббревиатуры, сокращающие названия известных фильмов, музыкальных исполнителей, авторов и т.п. Например, аббревиатура ГП – это название серии фильмов о Гарри Поттере. Данная аббревиатура прочно вошла в лексикон средств массовой информации. Но на форумах употребляются и менее распространенные аббревиатуры, связанные с фильмами и книгами о Гарри Поттере:

Satael: «Видимо кровь, брызжащая из шеи одного из основных персонажей – недостаточный повод поверить в то, что ГП смотрят уже далеко не дети». (С форума <http://kinoforum.ru/>).

Или

Kinomaniaшка: «Я уже было обрадовалась по полной, и почти простила создателям огрехи «ГП и ДС ч.1» – будь то «всякие там танцы», пренебрежение некоторыми персонажами (Хвостом, к примеру) и подробностями их историй и пр. Но не тут то было...». (С форума <http://kinoforum.ru/>).

Отметим, что ГП и ДС ч.1 – это серия фильма «Гарри Поттер и Дары Смерти. Часть 1».

Еще одним примером, подтверждающим узкую тематическую направленность и замкнутость форумов, является следующая аббревиатура:

Satael: «Бедный ЖКВД, такое лицо у него: «за что мне все это?!»». (С форума <http://kinoforum.ru/>).

Отметим, что аббревиатура «ЖКВД» – это имя актера Жан Клод Ван Дам. Несомненно, это имя знакомо даже не поклонникам кино. Тем не менее на форумах, не посвященных киноиндустрии, данной аббревиатуры или подобной ей мы не обнаружили.

Таким образом, форумный социолект составляют профессиональная лексика, языковые игры и аббревиатуры, принятые на каждом конкретном форуме и образующие особенный групповой язык. Основной функцией внедрения данного социолекта на форуме является иерархизация общения.

Итак, одной из главных образующих черт русского интернет-форума как жанра коммуникации является иерархичность. В процессе общения на каждом форуме выстраивается определенная иерархия участников. Новые пользователи подчиняются не только принятым правилам на форуме, но и стилю и манере написания сообщений. Участники, не желающие подчиняться внутренним правилам, распространяющимся на коммуникативные роли и статусы, языковые правила и принципы, «выходят

из игры» и не бывают принятыми форумчанами-завсегдатаями. Большинство участников, компетентных в тематике каждого конкретного форума, довольно быстро осваивают форумный социолект, используемую статусно-ролевую коммуникативную систему и легковливаются в коллектив. Принятая иерархизация общения на русском форуме считается нормальным явлением российской действительности в силу особенностей русского менталитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абросимова А.** Коммуникация в Интернете: взаимопонимание и статус // Русский журнал. 2001. 22 окт. URL: http://old.russ.ru/netcult/20011022_abrosimova.html.
2. **Ерофеева Т.И.** Социолект: стратификационное исследование. Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1995.
3. **Крепс М. О.** поэзии Иосифа Бродского. Ardis Publishers, Ann Arbor, 1984.
4. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. с. 228

УДК 82.091 (045)

Г.М. Ребель

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Пермский государственный педагогический университет

Статья посвящена проблеме художественной целостности, которая рассматривается с точки зрения методологии литературоведческого исследования. Опираясь на работы М. Гиршмана, М. Бахтина, Д. Лихачева и других ученых, автор предлагает свое определение художественной целостности, а также рассматривает сопряженные с этим проблемы художественной границы, дедуктивного и индуктивного подходов к художественным явлениям, соотношения художественной целостности и личностной целостности исследователя.

Ключевые слова: произведение, текст, художественная целостность, биографический автор, имманентный автор, художественная граница, система сцеплений, интерпретация.

G. M. Rebel

ART INTEGRITY: THE METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT

Perm State Pedagogic University

The article is devoted to the artistic integrity, which is seen from the point of view of the methodology of literary study. Building on the works of M. Girshman, M. Bakhtin, D. Lihachev and other scientists, the author offers his definition of artistic integrity, and examines the problems of artistic boundaries, deductive and inductive approaches to artistic events, the relation of artistic integrity and personal integrity of the researcher.

Keywords: Work, text, art integrity, a biographical writer, author of the immanent, art border, clutch, interpretation

Интерпретация художественного произведения, начинаясь с литературно-критического его осмысления, переходит в разнонаправленные и разноуровневые литературоведческие штудии и, по существу, никогда не заканчивается.

При этом дело не только в неисчерпаемости художественного образа и изменчивости его по эпохам восприятия (М. Бахтин), но и в его

изначальной смысловой и художественной провокативности, в таящемся в нем соблазне выйти за его рамки, примерить его к новым или смежным явлениям, спроецировать на внехудожественные или иные художественные реалии и объяснить (интерпретировать) с их помощью.

Стало уже общим местом и едва ли не хорошим тоном упрекать «реальную» крити-

ку XIX века за идеологическую ангажированность и теоретическую предвзятость в подходе к художественным явлениям, хотя эта критика с сугубо научной корректностью формулировала свою цель – «толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения, не навязывая, впрочем, автору никаких заранее сочиненных идей и задач» [9. С.173], при этом она попутно нередко делала очень тонкие и точные эстетические наблюдения и выводы.

На следующем, философском, этапе становления русского литературоведения таких оговорок уже практически не будет, а между тем, например, Д. Мережковский, вменявший «реалистам»-предшественникам «одичание вкуса и мысли» [15. С.147], рассматривал творчество Достоевского тоже под совершенно определенным – религиозно-философским, ницшеанским – углом зрения, что методологически ничем принципиально не отличается от «революционно-демократического» подхода.

Интересно, что и самое знаменитое сочинение о творчестве Достоевского – книга М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» – вырастает не только из творчества писателя, но и из философских, идеологических упований своего автора, в соответствии с которыми он и абсолютизировал принцип свободного многоголосия, *полифонии*, очевидно игнорируя тот факт, что полифоническая субъектная горизонталь в романах Достоевского встраивается в очень жестко смонтированную романную конструкцию, взнуздывается и обуздывается сюжетной вертикалью, воплощающей верховную авторскую волю, которая неотвратимо направляет романное действие от преступления, отступления, дерзновения – к наказанию. Достоевский, с одной стороны, действительно создает своим героям невиданные дотолу условия свободного самовыражения, вовлекает героев в грандиозный романский диалог, однако, с другой стороны, на материале их судеб демонстрирует диалогическую безысходность и сокрушительные последствия свободы; он, с одной стороны, упивается человеческой дерзостью, восхищается и любит ее, художественно множит и поощряет ее носителей, с другой – жестоко наказывает, беспощадно распинает субъектов дерзновения. Отрицать

наличие авторской сюжетной воли и идеологической целенаправленности в данном случае не приходится, тем более что писатель и сам неоднократно подчеркивал именно такую установку: «Я не за роман, а за идею мою стою» [10. С.19] (о романе «Идиот»); «... хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность» [10. С.112] (о «Бесах»). Разумеется, авторская установка, авторская идеологическая интенция в процессе работы над романом претерпевала художественную трансформацию и корректировку, но не аннигилировалась, не растворялась без следа, не уступала место «чужим» контрастным позициям самих героев. Однако неправота Бахтина в этом вопросе обернулась правой и тончайшей наблюдательностью в осмыслении творчества Достоевского, природы его художественного слова в целом, а вброшенная Бахтиным в научный обиход весьма спорная идея полифонического романа оказалась чрезвычайно продуктивной, ибо заставила увидеть ранее не отрефлексированное явление и подтолкнула к дальнейшему осмыслению жанровых модификаций романа.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в литературоведении мы нередко имеем дело с расширением предмета исследования и выходом за пределы собственно эстетического объекта в смежные области, однако вряд ли такое пересечение границ, успешность которого во многом обусловлена масштабом личности и творческого потенциала ученого, может быть рекомендовано как методологический принцип.

Проблема, однако, в том, что, даже оставаясь в рамках собственно литературоведческой стратегии, исследователь не гарантирован от ошибок, натяжек, искажения художественных явлений, и прежде всего это касается трактовки характеров героев. Для наглядности приведем несколько примеров.

Героев романа «Идиот», в круг которых попадает князь Мышкин, литературоведение традиционно не щадит, квалифицируя их как «миллионеров, капиталистов, дельцов, ростовщиков и жадных авантюристов» [16. С.394], как «страшный мир стяжателей и распутников», который «погубил двух прекрасных людей, попавших в его заклятый круг» [8. С.422]. Несоответствие

этих оценок художественной реальности и сюжетной логике, в рамках которой князь Мышкин и Настасья Филипповна погибают по иным, гораздо более сложным причинам, требует подробного разбора, которому здесь не место см.: 17, 190–227], поэтому остановимся только на одном представителе «страшного мира» [21. С.225] – это «землевладелец, заводчик, участник нескольких “солидных” акционерных компаний, т. е. бюрократ, помещик и капиталист в одном лице» Иван Федорович Епанчин. Всё то, что здесь перечислено, как и «игривые» намерения генерала относительно Настасьи Филипповны, в первой части романа действительно продекларировано, но не предьявлено, а вот любящего мужа и нежного, заботливого отца своих взрослых дочерей мы на протяжении романа видим во всех трогательных подробностях. Однако человеческая полнота, теплота, многогранность, присущая литературному герою, зачастую игнорируется, выносятся за скобки и совершенно не учитываются в типологических раскладах, куда его засовывают, в обобщающих аттестациях-приговорах, которые ему выносятся литературоведением.

Субъекты последнего словно пребывают в каком-то стерильном мире, где никто не ошибается, не спотыкается, не пасует перед трудностями, не делает глупостей, не страдает, не умирает, где некие безупречные фигуранты совершают образцово-показательные, эталонные поступки, и по этом меркам Обломов – «ничтожный герой» (В. Одинокоев), а Павел Петрович Кирсанов прожил «ненужную жизнь» (Г. Бялый).

Иными словами, из литературоведческого чистилища герои зачастую выбираются усеченными, схематизированными, подверстанными под картину мира, выстроенную исследователем, – не учитывается полнота характера, сложность личности, а соответственно *целостность художественного образа*.

Понятие художественной целостности ввел в современный литературоведческий обиход М. Гиршман. Опираясь на эстетическую мысль предшественников, в частности на идеи русских критиков первой половины XIX века, в свою очередь, основанные на немецкой классической философии, Гиршман рассматривает понятие

целостности прежде всего в общепhilosophическом аспекте как указание на «возможность произведения сосредоточенно выявлять в своей художественной реальности полноту бытия, закономерности существования и развития мира в целом» [6. С.53]. Это качество, с точки зрения исследователя, приобретает произведением на «индивидуально-родовом» этапе развития литературы, когда преодолен диктат жанра, и реализуется на разных уровнях и в разных направлениях: автор – герой – читатель; художественный мир – произведение – текст; произведение – жанр – род – стиль и др.

Нас, однако, интересует более узкое, конкретное значение понятия, которое помогают осмыслить знаменитые рассуждения Л. Н. Толстого в его письмах к Н. Н. Стрехову по поводу романа «Анна Каренина»:

«Ваше суждение о моем романе верно, но не всё – т. е. всё верно, но то, что вы высказали, выражает не всё, что я хотел сказать. Например, вы говорите о двух сортах людей. Это я всегда чувствую – знаю, но этого я не имел в виду. Но когда вы говорите, я знаю, что это одна из правд, кот [орую] можно сказать. Если же бы я хотел сказать словами всё то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, кот [орый] я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Обл [онский] и какие плечи у Карен [иной], то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения».

И далее: «Для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в худ [ожественном] произвед [ении] и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в кот

[ором] и состоит сущность искусства, и к тем законам, кот [орые] служат основан [ием] этих сцеплений.

И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю и смело могу уверить *qu'ils en savent plus long que moi*» (*Они знают об этом больше, чем я – фр.*) [19. С.268-269].

Приведенные толстовские рассуждения – это не только «памятник» русской эстетической мысли, но и своего рода «памятка»-инструкция для критика (литературоведа).

Итак, Толстой утверждает:

1) высказанные критиком суждения, даже если они верны, не могут исчерпать художественное произведение;

2) художественный образ вообще не переводим на понятийный язык без потерь и искажений;

3) изъятая из системы художественных сцеплений мысль (слово, образ) «страшно понижается», то есть утрачивает свою живущую в этой системе сцеплений полноту и убедительность;

4) критик должен помогать читателю сориентироваться в системе художественных сцеплений, в законах их организации, а не предлагать ему готовые выводы, которые могут оказаться ложными.

От себя заметим, что критик (в широком смысле, в том числе литературовед) действительно может увидеть и понять больше биографического автора, что и происходит сплошь и рядом, но это не отменяет, а всего лишь дополняет сказанное Толстым.

Ключевая толстовская формула очень важна для понимания интересующего нас явления целостности, ибо система сцеплений, вне которой понижается, тускнеет, теряется изъятый из нее художественный элемент, и есть функциональный атрибут целостности, которая, в свою очередь, выступает важнейшим свойством художественного мира (соответственно и художественного произведения) и условием его существования. Кроме того, поскольку художественная целостность – это «всегда личная целостность», неизменно восходящая к некоему субъектному персональному началу, ибо «вне духовного, личностного освоения мира невозможна никакая художественная объективация» [7. С.64], она имеет свой персонифицированный

аналог – имманентного (внутритекстового, неотчуждаемого, бессмертного) автора.

Целостность предполагает единство явления внутри самого себя и, в то же время, ограниченность, отделенность его от других явлений. Целостное не может быть аморфным, бессистемным, случайным набором не связанных друг с другом элементов, оно держится системой сцеплений, о которой говорил Толстой; точно так же оно не может не иметь границ, ибо связь его с другими, внеположными, явлениями носит уже другой, нецелостный, внецелостный характер. Понятие целостности в определенном смысле утверждает за произведением статус вещи в себе. Это вовсе не значит, что оно не является вещью для нас – но значит, что мы не можем, не вправе вторгаться в чужой монастырь со своим уставом, выдавая его за устав самого монастыря, т.е. приписывая произведению то, чего в нем заведомо нет и игнорируя то, что есть.

В рамках структурализма находим аналогичное понимание: «В основе структурного анализа, – пишет Ю.Лотман, – лежит взгляд на литературное произведение как на органическое целое. Текст в этом анализе воспринимается не как механическая сумма составляющих его элементов, и “отдельность” этих элементов теряет абсолютный характер: каждый из них реализуется лишь в отношении к другим элементам и структурному целому всего текста» [12. С.11]. Но если относительно текста Лотман говорит о структуре, то относительно произведения, которое больше текста, ибо включает в себя не только его, но и «интонационно-ценностный контекст», который «меняется по эпохам восприятия» [2. С.369], (или, по Лотману, «сложный комплекс жизненных и идейно-эстетических представлений» [12. С.25]), следует, по-видимому, говорить о целостности, которая зиждется на системе сцеплений, то есть на тех же структурных связях.

Все вышесказанное – лишь подступы к решению проблемы интерпретации.

Задаваясь вопросом, «в какой мере можно раскрыть и прокомментировать {смысл} (образа или символа)», М.Бахтин отвечает на него совершенно по-толстовски: «Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно»

Далее перечисляются варианты интерпретаций: «Может быть либо {относительная} рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов (философско-художественная интерпретация). Углубление путем расширения далекого контекста». И, наконец, делается вывод: «Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук» [2. С.362].

Однако совершенно очевидно, что уход в бесконечность символических смыслов чреват полным размыванием границ первичной, то есть интерпретируемой символической структуры: символы-интерпретаторы грозят оттеснить, поглотить, уничтожить интерпретируемый символ, оставив от него лишь необходимый им скелет или фрагмент, – так не раз происходило в литературоведении, в частности в тех случаях, когда русская классика укладывалась в прокрустово ложе соцреалистической эстетики, а точнее идеологии.

Противовесом произволу символизации может, на первый взгляд, быть другая методологическая установка Бахтина: «Необходимо отрешиться от монологических навыков, чтобы освоиться в той новой художественной сфере, которую открыл Достоевский, и ориентироваться в той несравненно более сложной художественной модели мира, которую он создал» [3. С.362]. Следует, однако, заметить, что сам тезис тоже грешит монологизмом, ибо в основе его – категорическое противопоставление Достоевского писателям-современникам, между тем как, например, находящийся, по мнению Бахтина, в рамках монологического романа Базаров оказался значительно хуже понят критикой, чем Раскольников, потому что его ситуативные, к тому же нередко противоречащие друг другу высказывания выпрямлялись, абсолютизировались и искусственно, за пределами романа, выстраивались в некую систему (монологизировались), в то время как в самом романе они даны в диалогическом, полемическом контексте и подхода к себе требуют соответствующего.

Однако даже если мы распространим путь философской диалогизации (по контрасту с господствующим путем «философской монологи-

зации» [3. С.11]) на весь наличный художественный материал, мы опять-таки встанем перед проблемой границы, ибо диалогический подход тоже чреват субъективизмом, произволом, приписыванием тексту того, чего в нем нет, но хочется видеть («Я так вижу» – довольно частая отговорка не находящих доказательств своему пониманию читателей и даже исследователей, а еще более того – режиссеров-интерпретаторов). «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [2. С.364], – словно отвечает на наши сомнения Бахтин, но и это в принципе верное суждение нельзя абсолютизировать, ибо, как пишет И. Смирнов, «безоглядная сосредоточенность на ином-в-данном ведет к тому, что из виду упускается эстетически имманентное» [18. С.226].

Таким образом, и в случае символизации, и на путях диалогизации, и при любом варианте аксиологического подхода, и при использовании формальных, структуральных, интертекстуальных и т.д. приемов анализа, а все они безусловно правомерны, – для того чтобы не упустить, не подменить эстетически имманентное, необходимо учитывать целостность художественного объекта исследования, взаимосвязанность и взаимозависимость всех его элементов, систему сцеплений, в которой они только и существуют и вне которой если не совсем мертвы, то искажены до неузнаваемости. В сущности, задача исследователя проста: любыми названными выше способами он должен отрефлексировать и прокомментировать художественную систему сцеплений, ее смысл, ее состав, – но сформулировать эту задачу гораздо легче, чем выполнить.

Одним из препятствий на пути ее выполнения является «демон теории», господствующий в литературоведении «знаменитый дедуктивный метод», т.е. путь от теории (установки, гипотезы, типологии и т.п.) к художественному произведению, – ибо это путь, на котором находится то, что ищется, и зачастую упускается то, что, может быть, противоречит искомому или существенно корректирует его.

«Топос теории определяет то, что будет видимым и наблюдаемым» [14], – разъясняет М. Мамардашвили одно из положений теории Канта. В этой формуле зафиксирована двойственность

– сила и слабость – дедукции. С одной стороны, теория – луч, определяющий направление исследования и освещающий область исследования. С другой стороны, во тьме, т.е. вне того, что теория делает видимым и наблюдаемым, могут оказаться столь существенные стороны явления, что теоретический вывод, подход сверху, извне, со стороны, рискует исказить это явление до неузнаваемости, и примеров тому немало.

Проверка и корректировка может быть осуществлена только встречным путем, снизу, от материала, с помощью индуктивного метода. Более того, художественное произведение вообще не поддается «препарированию», не открывается своими глубинными смыслами, если не найден адекватный его уникальной природе путь анализа. Литературоведческий инструментарий, каким бы разнообразным и изысканно-совершенным он ни был, эффективен только в случае индивидуального адекватного подбора, продиктованного характером самого материала. «Всякое художественное произведение, – писал М. Гершензон, – можно сравнить с партитурой, которую прочесть может только тот, кто сумеет по ней самой определить ее ключ» [5. С.37]. Иными словами, *ключи от текста – в самом тексте*.

Один из самых тонких и глубоких интерпретаторов русской классики, М. Гершензон нашел очень точный образ (*изоморфный символ*, как назвал бы это Бахтин) для описания теоретического, системно-моделирующего подхода к литературе: «В изображении критики творчество писателя-художника обычно уподобляется английскому парку: чистые и прямые дорожки, стрелой убегающие вдаль, ровный газон среди тенистых деревьев, прекрасные клумбы и беседки. Этот удобный и приятный образ легко внедряется в память; и читатель, раскрывая книгу художника в досужий час, уже уверенно мнит себя празднично гуляющим по чудесному парку». Но не этот искусственно проторенный поверх художественного мира путь чреват подлинными открытиями – Гершензон предлагает другой маршрут: «...ты войди сам в творение поэта, окупись горячим сердцем в его образы и со звуком, – не английский парк предстанет тебе, но откроется вид сурового и дикого края, где ничто не развлечет и не успокоит тебя; смотри, как бы

не потерять и последний остаток беззаботности, какой еще есть в тебе. Но так должен входить сюда лишь тот, кто должен научиться трудному искусству быть самим собою» [5. С.55], и – добавим мы – тот, кто жаждет приобщиться к не менее трудному искусству проникновения в художественный мир произведения. Если исследователь не готов, не хочет, не способен свободно и непредвзято, пристально и чутко «рыскать по дебрям свободного духа» [5. С.55], он обречен на повтор общих мест, на схематизм и случайность, а то и ложность своих построений и выводов.

Однако, при всей привлекательности и убедительности процитированных высказываний, дальше неизбежно опять встает вопрос: *как?* как *рыскать по дебрям свободного духа?* как превратить этот замечательный образ в действенную, работающую методологическую установку?

Для сравнения напомним, что в так называемых «точных» науках изначальные теоретические гипотезы проверяются реальными фактами или специально поставленными экспериментами. То есть дедуктивные установки должны быть рано или поздно подтверждены индуктивным путем. При этом – никаких гарантий: вместо подтверждения может получиться опровержение исходных позиций, но и это тоже результат,двигающий науку вперед. В процессе движения к цели неизбежны потери: с одной стороны – «расходных материалов», в роли которых нередко выступают живые существа, на которых проводятся эксперименты, с другой стороны – времени, денег, сил, репутаций, наконец. Такова неизбежная плата за научный поиск, за новое знание, за открытие нового принципа сцепления между явлениями мироздания.

Если литературоведение – наука, то существует ли в нем такая обратная связь с объектом исследования и плата за ошибки? Безусловно, только в данном случае это не столь явно и, к сожалению, на ближней дистанции горе-«экспериментатор», создающий ложные отражения текста и мифицирующий героев, может вполне благополучно пожинать плоды и почивать на лаврах, в то время как репутационные потери наступают далеко не сразу и не всегда. Однако добросовестные заблуждения или недобросовестные трактовки-уродцы не могут уничтожить или дефор-

мировать сам текст (такого рода действия лежат уже за пределами критики и литературоведения), а значит, как бы долго ни продолжалась предсказанная булгаковским Иешуа *путаница*, рано или поздно если не *царство истины* настанет, то хотя бы художественная истина пробьется, был бы жив ее носитель – текст.

Это не снимает с исследователя ответственности, а в какой-то мере даже усложняет задачу, ибо несостоявшееся или отложенное взыскание создает иллюзию безнаказанности и плодит новые пустопорожние упражнения. Возможно, это необходимый мусор, *трэши*, но – еще одно как – как отличить эти плевелы от зерен? Способ проверки опять-таки только один и все тот же: соотношение с текстом, проверка текстом. И «ключи» там, и «арбитраж» там. Если наложение концепции не ломает художественной целостности произведения, не рушит системы сцеплений, не обрывает живые органические связи, а, напротив, выявляет внутри них дополнительные нюансы; если произведение в процессе анализа открывается новыми смыслами и обогащается изнутри себя самого тем, что в нем самом есть, но до сих пор было скрыто или не казалось существенным, – значит, действительно происходит нормальное, добросовестное, творческое научное освоение текста.

Правда, с научностью в строгом смысле этого слова все равно остаются проблемы. «В литературоведении существует своеобразный “комплекс собственной неполноценности”, вызываемый тем, что оно не принадлежит к кругу “точных наук”. Предполагается, что высокая степень точности в любом случае служит признаком “научности”» [13. С.14], – это сказано Д.С. Лихачевым в связи с попытками структурализма решить проблему, т.е. привнести в литературоведение точность и тем самым поставить его на прочную научную основу. Но, с одной стороны, как пишет цитируемый Лихачевым Д.П. Горский, даже в области точных наук «неточность <...> производит за ученого ту огрубленность, ту идеализацию, без которой не может быть построена научная теория» [13. С.16], а с другой стороны, невозможно не согласиться с Бахтиным, который настаивал на инонаучности гуманитарного знания и дал этой инонаучности

замечательное определение: «Пределом точности в естественных науках является идентификация ($a = a$). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т.п.)» [2. С.371].

Есть, с нашей точки зрения, еще одна существенная причина «неточности» гуманитарного знания, к которой обратимся ниже, а пока зафиксируем высказанную Бахтиным позицию и свяжем ее со сделанными ранее методологическими выводами, которые, в свою очередь, подтвердим примером.

Итак, чтобы, преодолевая *чуждость чужого*, не превратить его в *чисто свое*, следует придерживаться соответствующих правил научной корректности: помнить о границе, соблюдать дистанцию, понимать целостность предстоящего явления и признавать его суверенность вещи в себе, а соответственно невозможность искусственного рассечения системы сцеплений, расчленения целого на самостоятельные части и рассмотрения частей вне целого и вне связи с другими частями.

Для примера попробуем превратить «чуждость чужого» в «чисто свое», то есть «пересечь границу», – вернее, воспользуемся реальным спонтанным опытом такого пересечения.

На уроке литературы в 10-м классе, в ходе разговора о романе «Преступление и наказание», возникло абсолютное непонимание между учительницей, которая традиционно настаивала на аморальности старухи-процентщицы, и учениками, кивавшими на соседний ломбард как на свидетельство того, что давать деньги в рост, под залог и под проценты – вполне нормальный, самим государством узаконенный способ получения дохода. «Паука», «кровососа» и «эксплуататора» постсоветские дети в Алене Ивановне не видели и видеть не желали: она ведь ничего ни у кого не отнимала, рассуждали они, а, напротив, давала деньги под залог; а то, что брала за это проценты, – вполне нормально: с какой стати она должна благодетельствовать тому же Раскольникову, выручать его без выгоды для себя? кто он ей – брат? сват? Попытки учительницы вызвать чувство брезгливости по отношению к человеку, наживающемуся на чужом несчастье, успеха не

имели, урок разваливался на глазах, а главное, разваливалась привычная трактовка романа.

Между тем, дети были по-своему правы, и нужно было дать им «нагуляться» вокруг темы, примерить ее к окружающей их затекстовой реальности, без этого текст не может быть присвоен, не станет лично необходимым. Но затем следовало вернуть их «домой» – в роман – с помощью очень простого вопроса: а как сам автор относится к этой героине? как изображает ее? И вот тут пришлось бы, без вариантов, признать: автор относится к ней не лучше, чем Раскольников, ибо старуха эстетически отвратительна. Смазанные маслом волосы, скрученные в крысиную косичку; злые, острые глазки; шея, похожая на куриную ногу. Ни одной теплой, человеческой черточки, позволяющей сказать: конечно, она не из лучших представителей рода человеческого, но... Никаких «но» – ни до, ни после убийства. Отвратительна, и точка. И это притом, что Достоевский был страстным апологетом человеческой сложности, непредсказуемости, широкости, парадоксальности. Почему же погибшую под топором старуху он, как и ее убийца, видит и изображает «вошью»? Более того, в самый момент убийства, описанный натуралистически страшно, читатель испытывает ужас, отвращение и, одновременно, жалость, сострадание – к убийце, а не к его жертве. Что это – способ оправдания Раскольникова, а тем самым – его теории и преступления? Так ведь с оправданием ничего не получается – сам герой внутри себя его не находит, и на всякий собственный довод в пользу случившегося вслед за Соней твердит: «Сама видишь, что не так!» Нет аргументов. Ни один не подходит. Ни один не соизмерим с содеянным. Ни одним не искупается загубленная жизнь. Все – не то, не так. От безысходности герой взрывается новым приступом злобы и ненависти к убитой ростовщице: «О, ни за что не прощу старушонке!» Убийца – жертве? Не простит? Чего? Как это ни тривиально звучит – урока, опыта. Отвратительная ранее, физически не существующая ныне, старуха-процентщица гибелью своей под раскольниковским топором подтвердила непреложность, непреступимость, неотменимость категорического императива: «Не убий!» «Вошь», не «вошь», плоха,

хороша, отвратительна, обаятельна, тысячу раз омерзительна – все равно: «Не убий!» Иначе, если ты все-таки человек и человеком остаться пытаешься, неизбежно и неотвратно поймешь: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Так-таки разом и ухлопал себя навеки!» Роман Достоевского об этом, а не о том, выгодна ли экономически и допустима ли морально ростовщическая деятельность. Хотя и о ней попутно можно порассуждать, и этот предмет вполне может оказаться интересен современному читателю. Но, расширив границы разговора, мы должны осознать сам факт этого расширения, и вовремя остановиться, и сузить их вновь до *эстетически корректного предела – художественной целостности произведения.*

В рамках избранной нами темы, по-видимому, необходимо задаться вопросом, в какой мере универсально понятие художественной целостности, в частности, приложимо ли оно к авангардистскому, постмодернистскому тексту, который создается «не отношениями детерминации, а отношениями цитации» [1. С.424], то есть построен на свободном включении в себя разных языков, на размывании границ, на способности к переформатированию в соответствии со встречной готовностью читателя включиться в игру свободного, не регламентированного и не ограничиваемого авторской волей текстопорождения. Не ставя перед собой задачу распространения сформулированных выше положений на эту специфическую литературную область заведомой деконструкции, тем не менее, заметим, что порой даже в самых радикальных своих вариантах (см., например, произведения В.Сорокина, в частности его образцово-показательный в этом плане роман «Роман») постмодернистский текст, замешанный на бунте против тоталитаризма классики, не знает другого способа самоутверждения, как схватиться за все тот же раскольниковский топор и устроить погром в мире классической эстетики, для того чтобы на ее обломках утвердить собственную эстетику эпатажа и отрицания, которая, в свою очередь, становится материалом строительства новой целостности.

И, наконец, о последнем аспекте рассматриваемой проблемы и, одновременно, о том, что, кроме

вышеизложенного, не позволяет литературоведению сравниваться в точности с другими науками.

Приведенное выше высказывание Гершензона содержат, на первый взгляд, странный выход за пределы темы. Живописуя способ адекватного, непредвзятого восприятия художественного произведения, Гершензон заключает: «... так должен входить сюда лишь тот, кто жаждет научиться трудному искусству быть самим собою» [5. С.55]. Речь идет о проникновении в художественный мир произведения – казалось бы, причем тут искусство быть самим собою? Но в том-то и дело, что возможность такого проникновения неразрывно связана с личностью исследователя, и не только с искусством быть самим собою, но и с масштабом и содержанием этой самости, ибо «подлинное понимание в литературе и литературоведении всегда исторично и персонифицировано» [2. С.365]. Вот эта персонифицированность понимания и есть не поддающаяся исчислению важнейшая составляющая интерпретации.

Структурализм (как и его предтеча формализм) потому, в частности, не преуспел в придании литературоведению статуса строгой науки, что целостности художественного произведения противостоит в качестве воспринимающей инстанции не просто инструментальная и методологическая оснащенность, но вся профессиональная и личностная полнота, то есть человеческая целостность исследователя. Не идеального – против чего как против невозможности и мертвечины протестовал Бахтин, – а реального исследователя, неизбежно субъективного, но при этом адекватного, открытого художеству, готового рыскать по дебрям свободного духа.

Исследователь говорит о тексте, о произведении всем своим опытом, всем своим существом, всей своей человеческой сущностью. Он говорит не только о тексте, он говорит с текстом и через текст – о себе, о своем, – а это не поддается расчету, параметрическому учету, и это в немалой степени определяет инаучность литературоведения (как и философии), сблизая его с его предметом – искусством. Событие встречи целостного исследователя с художественной целостностью есть событие нового текстопорождения, результат которого зависит

от обоих участников. «Всякая действительная жизнь есть встреча» [4. С.21], – утверждал М. Бубер, который символически описал преобразование раз-и-навсегда-созданного Оно в здесь-и-сейчас-переживаемое Ты, то есть, в нашем случае, – текста в произведение: «...превратившееся в Оно, застывшее в вещь среди прочих вещей, наделено предназначением и смыслом, согласно которым оно преобразуется вновь и вновь. Вновь и вновь – так положено было в час Духа, когда он вложил себя в человека и зародил в нем ответ – объектное должно воспламениться, преобразуясь в настоящее, возвращаться к той стихии, из которой вышло, должно созерцаться и проживаться людьми как действующее» [4. С.37]. Так проживается искусство. Результат такой встречи-переживания и фиксирует интерпретация. Ну, а на случай, если она нас не удовлетворяет, если достичь искомой полноты раскрытия образа не удалось, мы, в нашей инаучной области, запаслись утешительным бахтинским обетованием: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [2. С.373].

Однако это, разумеется, не означает, что можно искусственно застопоривать текст и игнорировать одно из ключевых методологических понятий – художественная целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
4. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
5. Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева. М.:1919.
6. Гиришман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2007.
7. Гиришман М.М. Целостность литературного произведения / Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. Т. 2: Внутренняя логика литературного произведения и художественная форма. М., 1971.
8. Гроссман Л.П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965.
9. Добролюбов Н.А. Избранные статьи. М.: Советская Россия, 1978.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 29. Кн. 1.

11. **Компаньон Антуан.** Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.

12. **Лотман Ю. М.** Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.

13. **Лихачев Д. С.** О точности литературоведения / Литературные направления и стили. М., 1976.

14. **Мамардашвили Мераб.** Кантианские вариации (Лекция 13) / URL: http://www.modernlib.ru/books/mamardashvili_merab/kantianskie_variacii/read/

15. **Мережковский Д. С.** В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991.

16. **Мочульский К. Гоголь.** Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.

17. **Ребель Г.** Кто «виноват во всем этом»? Мир героев, структура и жанр романа «Идиот» / Вопросы литературы. 2007. № 1.

18. **Смирнов И.** Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001.

19. **Толстой Л. Н.** Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 62. М.: ГИХЛ, 1953.

20. **Тюпа В. И.** Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск, 1987.

21. **Фридлендер Г. М.** Реализм Достоевского. М. – Л.: Наука, 1964.

УДК 81.26 (045)

Е. В. Шелестюк

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ

Челябинский государственный университет

В статье прослеживается ряд основополагающих факторов англоязычной лингвокультурной экспансии, включая языковую политику «модернизации» и «вестернизации»; рассматриваются ее инструменты, такие как агрессивное продвижение языка, экспорт языковой педагогики; говорится о ее следствиях - субтрактивном билингвизме и нарастающем циклическом воспроизводстве чужих языка и культуры; наконец, делаются наметки будущего лингвокультурологического исследования: обозначаются понятия нейтральности и культурно-идеологической заряженности языка и в этом ракурсе описываются два типа EFL-языка: базовый английский и английский для высшего уровня.

Ключевые слова: грамши, гегемония, модернизация, вестернизация, вестернизация *a l'anglaise*, англоцентризм, культурная экспансия, дискурсивная экспансия, языковая экспансия, лингвистический империализм, субтрактивный билингвизм, парадигма языковой экологии

E. V. Shelestiuk

ENGLISH LINGUOCULTURAL EXPANSION

Chelyabinsk State University

The article traces a number of fundamental factors of the English linguocultural expansion, including the language policy of "modernization" and "westernization"; discusses its tools, such as the aggressive promotion of language and language pedagogy export; shows its consequences - subtractive bilingualism and the rising cyclical reproduction of an alien language and culture; outlines the concepts of neutrality and cultural-ideological charge of language; shows this charge on the example of two types of EFL-language: basic English and English for the advanced level.

Keywords: Gramsci, hegemony, modernization, westernization *a l'anglaise*, anglocentrism, cultural expansion, expansion of discourse, language expansion, linguistic imperialism, subtractive bilingualism, the paradigm of language ecology, eco-linguistics, cultural and ideological connotations, basic English, English for the advanced level, Esperanto

Борьба национально-мировоззренческих и социально-политических систем, которой была отмечена большая часть XX века, имела важную культурно-идеологическую составляющую. Внутри нее особо выделяется языковая политика и использование языка как важнейшего инструмента выстраивания дискурса. Со второй половины XX века важной задачей социолингвистики на Западе стало изучение языка и дискурса разных национальностей, этносов, классов и социальных слоев (У. Лабов, Дж. Фишман, Б. Бернстайн и др.), а также активное вмешатель-

ство в происходящие лингвокультурные и социолингвистические процессы. Осуществлялось это как в отношении собственных стран, так и в отношении народов мира, для которых разрабатывалась специальная языковая (точнее, лингвосоциокультурная) политика. Главной ее целью являлась работа с национально-культурным и языковым материалом, с тем чтобы, в конечном счете, соединить его с либерально-буржуазными концептами при доминировании последних. Результатом такой политики стали деконструкция означаемых языка (понятийных,

ценностных и символических структур сознания), противоречащих целям западной элиты, переформатирование дискурсов по выгодному для этой элиты лекалу и выстраивание единой (глобальной) языковой картины мира.

В конце 1970-х г. советский социолингвист А. Д. Швейцер, описывая цели Запада в языковом и культурном планировании развивающихся стран, говорил, со ссылкой на американского социолингвиста Джошуа Фишмана [43], о двух желательных тенденциях – модернизации и «вестернизации» национальных культур и языков [17].

Модернизация во внеязыковой сфере означает «популяризацию национального единства, доступность социальной мобильности, быстрое распространение инноваций и символов статуса. Что касается языка, то здесь модернизация означает все более широкое распространение литературного стандарта национального языка, большую доступность всех его сфер, ускоренное распространение языковых инноваций и маркеров статуса».

«Вестернизация» – развитие по западной модели – во внеязыковой сфере означает усиление тенденции к распространению супралокальных ценностей и супралокальной идентификации. При этом материальная форма реализации этой тенденции заимствуется «из предсказуемых (читай: западных) источников». В области языка «вестернизация» предусматривает еще более далеко идущие изменения, чем модернизация: изменение письменности, перестройку традиционных форм вежливости и – в области лексики – развитие системы лексических единиц, взаимопереводимых по отношению к «престижным» (читай: западноевропейским) языкам. При этом, отмечает Швейцер, «вестернизация» умышленно преподносится как неизбежный и логический процесс развития и модернизации языков в развивающихся странах, исключая возможность их эволюции независимо от западноевропейских языков [17].

Дальнейшие исследования нюансировали деятельность по языковому планированию. В целом, по мнению западных социолингвистов, языковое планирование сводится к: 1) планированию статуса; 2) планированию корпуса (кодификации (стандартизации) языка, изменению в его лексике, грамматической структуре, алфа-

вите и орфографии); 3) культивированию, распространению языка, планированию усвоения/обучения языку, развитию форм и методик обучения (acquisitionplanning) и 4) планированию престижности (имиджа) языка (prestige planning) [22, 32, 35, 38, 42, 50, 85]. В данной монографии, однако, мы остановимся на основных аспектах языкового планирования, выделенных в ранней работе Дж. Фишмана.

Модернизация: символы и маркеры статуса

Вообще модернизация в аспекте языкознания определяется как расширение средств языка (лексических, морфолого-синтаксических, графических) с тем, чтобы последний мог выполнять дополнительные функции²³, обслуживая меняющиеся условия жизнедеятельности и коммуникации людей.

Важной частью модернизации называется статус, который упоминается в связи с широким и ускоренным распространением его символов и языковых маркеров. Остановимся на этом понятии подробнее. В отношении языкового планирования термин «статус» имеет два основных употребления.

С одной стороны, это закрепление *функционирования языка за теми или иными сферами общения (высокими и повседневными)*, определяющее доминирующее/подчиненное положение одного языка по отношению к другому (-им), которое, в свою очередь, зависит от ряда факторов: исконность языка или привнесенность извне; закрепление его письменной формы в качестве литературного стандарта, придание ему высокого юридического статуса, витальность, то есть высокий процент владения языком по отношению к общему числу населения [55, 78]. *Планирование языкового статуса является неотъемлемой частью языкового планирования в целом.*

С другой стороны, статус при обсуждении языкового планирования часто употребляется и в социологическом понимании, как позиция (положение) человека в группе или обществе, а также сопутствующие ему социальные роли, права и обязанности, которые по традиции общество закрепляет за данной позицией²⁴. Сле-

²³ Towards a multilingual culture of education. Edited by Adame Ouane. Hamburg: UNESCO Institute for Education, 2004. P. 17.

²⁴ Кравченко А. И. Социология: Учебник для вузов. – М.;

дует отметить, что понятие статуса в западной социологии традиционно связывается не столько с социальным отличием (как, скажем в СССР: рабочие, крестьяне, интеллигенция), сколько с социальным неравенством²⁵. Таким образом, постулируя необходимость создания и закрепления символов и маркеров статуса в странах-реципиентах культурно-языковой политики, в определенном смысле имеют в виду кодификацию неравенства, проведение при помощи символов и языковых знаков демаркационных линий между группами (классами, социальными слоями), владеющими статусным, престижным языком, располагающими символическими атрибутами статуса и его речевыми маркерами, и не владеющими им, не располагающими ими. Первые имеют больше прав и возможностей в конструируемом «модернизированном» мире.

Также очевидно, что Дж. Фишман предполагает закрепление в местных культурах и языках западных языковых форм и значений как носителей высокого, престижного статуса и соответственно, повышение статуса местной прозападной интеллигенции, выступающей проводниками «модернизации» традиционных культур. По Фишману, вербальный репертуар традиционного общества ограничен: а) рамками имеющегося в этом обществе опыта; б) доступом к тем или иным социальным ролям; в) структурной расчлененностью (*compartmentalization*) [42. С.87]. Кодификация с опорой на местный материал языковых значений, выражающих «прогрессивные» (читай – западные) политические, правовые, культурно-идеологические понятия, помогла бы преодолеть косность местных элит, потеснив «устаревшие» языковые нормы и культурные символы и создав новые. Такой подход опирается на убежденность в том, что «через языки колониальных держав в колониях распространяются технические, политические и социальные изменения, и именно через эти языки

местное население может вырваться из традиционного туземного общества» [42. С.85].

Поскольку планирование языкового статуса неотъемлемо от культурного планирования, Дж. Фишман артикулирует также подход западной социолингвистики к культурному материалу модернизируемых стран. Как отмечает ученый, модернизация предполагает выбор из наследия исконных культур героев, образцов литературы, исторических событий, и даже эмоций, которые могли бы служить в качестве общенациональных скреп, которые сплотили бы разрозненные группы в статусе (новой) национальности. Также предполагается создание нового наименования для формируемой общности людей, конструирование ее «новой миссии», создание новых школ, заводов, жилищ и даже нового повседневного меню. При этом неважно, что языковые изменения делают поведение людей отличным от поведения их предков, важно, что они конструируют для них новую идентичность, создают новые элиты и новые массы, органично связанные между собой новыми узами [42. С.91]. Разумным бывает такой подход, когда дискурс, основанный на более древнем и исконном национально-культурном материале используется для борьбы с современными модернизации национальными элитами. Модернизаторы стремятся «мобилизовать под своим контролем все население, а сам процесс мобилизации и разрыва связей со старыми властями и традициями можно проводить в союзе с соперниками властной элиты при использовании исконно-национальных символов или других символов, которые могли бы вызвать эмоциональный отклик», – пишет Фишман со ссылкой на [37] и [86]. Сами действия по созданию новой самоидентификации и перераспределению власти, которые сопровождает языковое планирование, сплотят новые элиты и массы в их оппозиции старым, консервативным элитам и массам [43. С.94].

Теперь рассмотрим более специфическое понятие, упоминаемое Дж. Фишманом – «символ статуса». Теоретик символического интеракционизма Х. Блумер [27] постулировал, что реальность отражается субъектом как обусловленная социальными значениями интерпретация объектов и фактов. Следовательно, в комму-

Академический Проект, 2001. С. 19.

²⁵ В этом смысле характерно определение Г. Мейна, введенного в научный оборот термин «социальный статус»: «Социальный статус – <...> место индивида в иерархически организованной общественной структуре, его объективная позиция в нем; неисчерпаемый человеческий ресурс, дающий человеку возможность влиять на общество и получать посредством него привилегированные позиции в системе власти и распределения материальных благ» (цит. по [19]).

никации, наряду с объективными параметрами действительности, неизменно проявляется и социальный символизм объектов реальности, приписываемый им субъектами. Если говорить конкретно о символах статуса, то они понимаются двояко. В узком смысле, символами статуса выступают звания, награды, знаки отличия, атрибуты. В широком смысле символом статуса является любой предмет окружающего мира, интерпретируемый сквозь призму социальной иерархии; это любой денотат, сигнализирующий о месте его обладателя, члена, обитателя и др. на иерархической лестнице. Таким денотатом может быть и язык как таковой, и объекты и понятия разных социальных и профессиональных сфер (юридической, медицинской, компьютерной, научной, телекоммуникационной и др.). На Западе особо распространено понимание символа статуса как предмета престижного, или демонстративного, потребления («conspicuous consumption» в терминологии Т. Веблена): автомобиль, яхта, одежда «от кутюр», недвижимое имущество высокого класса, обучение в привилегированных учебных заведениях, проживание в фешенебельных районах и т.п.

Следует отметить, что в определении культурно-языковой политики англоязычных стран по отношению к другим странам имеются в виду именно буржуазные символы статуса, т.е. символы, обозначающие достаток, личный успех, предприимчивость, престижное потребление и т.п. По мере того, как английский язык и англоязычный культурно-идеологический дискурс проникает в медийную, образовательную, культурную, повседневную сферы коммуникации, они навязываются обществам, где ранее основополагающими являлись традиционные символы, связанные с патриотизмом, общественным благом, военной доблестью и т.п. Например, канадский социолингвист К. Велтман отмечает тот факт, что франкофонное население Квебека отошло от религиозных предписаний католической церкви и восприняло ранее несвойственные ему конsumerистские ценности и символы статуса, характерные для англофонной Северной Америки. Ученый связывает сей факт, в том числе, с языковой ситуацией в Квебеке, где английский язык длительное время доминировал

в большинстве престижных общественных сфер [82. С.212].

Наконец, остановимся на понятии «языковых маркеров статуса» как составной части модернизации, то есть языковых форм, связываемых с теми или иными социальными группами и различающихся благодаря различию языков, на которых говорят члены социума, языкового употребления, принятого в их среде коммуникации, а также дискурсов, которые их окружают в повседневной жизни. Следует отметить, то языковые маркеры статуса часто связываются западными исследователями с различиями классов и социальных страт и квалифицируются как более и менее интеллектуальные и, соответственно, престижные²⁶.

²⁶ В этом отношении характерна концепция Б. Бернштейна, который в своем исследовании 1968 г. постулировал наличие двух речевых кодов – развернутого как средства самовыражения и межличностного общения и ограниченного, ориентированного на поддержание социального контакта. Первый предполагает меньшую степень предсказуемости и наличие более сложных синтаксически построенных, тогда как второй – высокую степень предсказуемости и широкое использование элементарных синтаксических структур. Бернштейн увязывает развернутый код с языком среднего класса, а ограниченный код – с языком рабочего класса. Языковые коды/ маркеры социального статуса в западной интерпретации, таким образом, органически связаны с классовыми и социальными различиями в капиталистическом обществе, а соответствующие теории абсолютизируют эти различия. А. Д. Швейцер, который одним из первых посвятил ряд работ различию языка социальных групп на Западе, отмечает неправомерность вывода Бернштейна о невозможности самовыражения и межличностного общения с помощью «пролетарского» кода (взять великолепный сочный язык пролетарских писателей Дж. Брейна, А. Силлитоу, С. Чаплина, Дж. Стейнбека – Е.Ш.), а также его постулата о классовой обусловленности владения или невладения носителями языка тем или иным «коммуникативным кодом». Обнаруживаемые Бернштейном расхождения соотносятся с социальной структурой не непосредственно, а *через посредство речевой ситуации*, то есть через систему функционально распределенных форм существования языка, соотнесенных с континуумом языковой коммуникации (определение Л. Б. Никольского). «В резко стратифицированном буржуазном обществе существуют значительные расхождения в самом наборе речевых ситуаций, доступных тем или иным социальным слоям. <...> Игнорирование опосредствующего звена при изучении связей между социальной структурой и языком явно искажает данные анализа. Так методологическая ошибка сказывается на результатах эмпирического исследования» [17]. Вместе с тем, Швейцер критикует и узость методологического подхода, ориентированного на теорию малых групп Дж. Гамперца. «Едва ли можно ставить знак равенства между влиянием так называемых «референтных групп» и мощным воздействием национальной нормы через такие каналы, как система образования и сред-

В условиях многоязычия бывших колоний наблюдается неравенство как в статусном маркировании местных языков и языка колонизатора, так и в статусном маркировании региональных вариантов языка и их стандартных вариантов. Приведем примеры первого типа неравенства. Так, в Кении социально маркированы все сроки с лишним существующих там языков: племенные языки связываются с традиционными ценностями и отсутствием модернизации и/или образования, они маркируют статус крестьян и сельских жителей; суахили является национальным языком и местным лингва франка для социальных и коммерческих связей, он является социальным маркером городских жителей, мелких торговцев, рабочих; английский является официальным языком на всех уровнях образования, используется в государственном управлении и международной торговле, он социально маркирует государственных служащих, професионалов и работников высоких должностей, является языком престижа и вертикальной мобильности [54]. Использование английского языка – который вытесняет суахили в преподавании всех школьных предметов, начиная с третьего класса – «маркирует образованность и современность взглядов» кенийцев, а их компетенция в английском и стиль общения на нем говорит об уровне образования (начальная, средняя, высшая школа) [21]. А.М. и А.А. Мазруи отмечают, что в Уганде развитые традиционные элиты первыми овладели английским языком, что укрепило ранее существовавшую социальную иерархию, в Кении же факт овладения английским языком городским и сельским населением способствовал созданию новой элиты в противоположность традиционной. В обоих случаях ан-

ства массовой коммуникации», – поясняет он. Согласно Швейцеру и Л. Б. Никольскому, наиболее верным является подход, учитывающий ситуационную вариативность коммуникации, поскольку именно набор речевых ситуаций, с которыми сталкивается человек в своей жизни, и определяет его речевую компетенцию. Понятие же речевой ситуации предполагает взгляд на язык как социально управляемый процесс. При этом в эгалитарном СССР признавалась та закономерность, что «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка», а цель языковой эволюции виделась в создании на основе литературного языка качественно нового языка, единого для всех социальных слоев, объединяемых в новом коллективе носителей [10. С.86–87].

глийский язык стал маркировать высшие классы [58. С.277]. Адама Уан констатирует в большинстве британских колоний сохранение экзогlossen – использования языка бывшего колонизатора в качестве государственного и официального языка – и связывает это с влиянием на элиту эпохи колониального режима, когда существовали неравенство и языковое угнетение [61. С.12].

Приведем примеры неравенства второго типа. П. Дасгупта пишет: «Индийский английский будет всегда останется выродившимся вариантом нормы в глазах ее законодателей, который они терпят лишь вынужденно. Отсюда стремление индийцев овладеть английским на уровне британского стандарта, благодаря чему они могли бы считаться людьми, достойными того, чтобы вписаться в общество «белых господ» метрополии (metropolitan Herrenvolk). С силами, которые поддерживают такое состояние дел, никто не борется» [34]. Ему вторит афроамериканский социолог и историк О. Паттерсон, осуждающий понимание культурной компетенции как следование англосаксонским стандартам и нормам. «Имеющие узкую функциональную культурную компетенцию обречены на низкооплачиваемые должности по сравнению с теми, чья культурная компетенция соответствует стандартам облаченных властью людей» (цит. по [63]).

Таким образом, помимо просветительских целей, важной целью модернизации как составной части языковой политики англосаксонского языкового сообщества в бывших колониях и доминионах было такое установление статуса языков, которое сохраняло бы языковое (и классовое) неравенство и закрепляло бы лингвосоциокультурное (и экономическое) доминирование бывших колонизаторов. Умело играя на объективных противоречиях полиэтничных государств, имеющих множество конкурирующих языков, Британская империя сумела не только сохранить свой язык в бывших колониях в качестве государственного, но и усилить его позиции в постколониальный период. При этом английский язык, культивируемый в бывших колониях, отнюдь не явился средством устранения социального неравенства, но, напротив, лишь углубил его, сделав к тому же элиты не национальными, но компрадорскими по своей сути.

Что же касается языков национальных меньшинств западных стран, то они всегда имели крайне низкий статус, собственно, до недавнего времени они не учитывались совсем. Так, закон о языках коренных американцев (индейцев) был принят Конгрессом США лишь в 1990 году, а впоследствии сенат провел специальные слушания по вопросу оказания финансовой поддержки программам возрождения коренных языков. Новая Зеландия лишь в 1987 году приняла закон о языке маори, согласно которому он объявлялся официальным языком, в связи с чем была создана специальная комиссия по выработке мер, направленных на расширение его общественных функций и улучшение условий его использования в качестве средства общения. Аналогичные законы вышли в 1990-е годы в Египте, Мексике, Норвегии, Швеции, Австралии. Вместе с тем, Канада, например, заявила рабочей группе ООН по коренным народам, что ее правительство не будет оказывать необходимой финансовой помощи коренным группам населения в использовании и развитии родных языков для осуществления административной или иной официальной деятельности в общенациональном масштабе, но лишь в пределах их собственных общин. По мнению правительства Канады, более 50 коренных языков страны создают огромные финансовые и организационные сложности (Information Submitter by the Government of Canada, UN. Doc. E/CN. 4/ Sub. 2/AC. 4/1990, at 3, 1990, цит. по [5. С.70])²⁷.

В настоящее время идеи прав человека и народа на обучение на родном языке, на общение на родном языке, как в частной, так и публичной сферах («лингвистические права»), получают на Западе все большую поддержку. Тоув Скутнабб-Кангас [76, 77] обсуждает понятие «лингвистического геноцида» («лингвицид», *linguicide*), часто являющегося результатом языковой дис-

криминации – лингвицизма. Скутнабб-Кангас показывает движущие силы искоренения языков меньшинств и ратует за установление норм международного права, квалифицирующих политику, связанную с нарушением прав человека в отношении языков (*linguistic human rights*), как преступление против человечности²⁸. Появляется и понимание необходимости защиты национального суверенитета государств в части функционирования их национальных языка во всех сферах общественной жизни, а также равноправия и свободы выбора иностранного языка в обучении и межнациональном общении.

В отношении языкового, в т.ч. статусного, планирования к идеалу приближалась языковая политика СССР, где непосредственно после революции развернулось интенсивное языковое строительство и стали проводиться меры по повышению функционального статуса бытовавших там языков. Языковое строительство предполагало создание письменности, орфографии, словарей, терминологии, учебных пособий языков национальностей и народностей, теоретические исследования по ним [7]. Оно сопровождалось введением национальных языков в систему образования, открытием национальных школ, вузов и факультетов; стимулированием национальной литературы, культуры; изданием книг, газет на этих языках, введением их в массовую коммуникацию; коренизацией (укоренением) администрирования и делопроизводства на национальных языках, широким вовлечением в административную деятельность местного населения, освоением русским населением национальных республик местных языков – то есть закреплением национальных языков в качестве

²⁷ Важно, что не только статус языков, но и сам статус коренного населения этих стран не позволял им считаться полноценными гражданами. Так, в Австралии вплоть до референдума 1967 г. о статусе аборигенов, дела коренных народов рассматривались в рамках законодательства о флоре и фауне, и они не имели права голоса. Аналогичным было положение и североамериканских индейцев. Так, до 1951 г. в Канаде дела коренных жителей Северной Америки рассматривались в рамках Департамента горно-рудной промышленности и ресурсов.

²⁸ Обращается внимание на психологическую сторону планирования языкового престижа. Т. Рисенто и Н. Хорнбергер, ссылаясь на ориентационную модель Р. Руиса, который исследовал языковую ситуацию в Пуэрто-Рико, описывают различные типы отношений (*attitudes*) обучаемых к языкам, зачастую неосознаваемые самими обучаемыми, но подлежащие учету и планированию: ориентация на проблемы, когда язык ассоциируется с социальными проблемами говорящих на нем групп – бедностью, низкой социальной мобильностью и др; правовая ориентация, когда возможность говорить и обучаться на родном языке отстаивается как основное право человека и гражданина; ориентация на язык как ресурс, который необходимо культивировать и развивать (а также учитывать, что «этот ресурс может иссякнуть вне его использования».

ведущих в тех или иных республиках и округах. Практически до конца существования СССР в нем было больше, чем в какой-либо стране мира, языков, на которых производилось обучение в школах и публиковалась литература: в 1989 г. в СССР было 43 языка обучения и языковых типов национальной школы, а газеты издавались на 56 языках [1. С.405]. Таким образом, несмотря на некоторые издержки языкового строительства, связанные со сложностями смены алфавитов и русификацией части национального образования, *следует констатировать, что СССР явил миру образец наиболее демократичной, гибкой и гуманной национальной и языковой политики*²⁹.

Вестернизация: супралокальные ценности, супралокальная идентификация; изменение этикетных форм; взаимопереводимый корпус слов.

Второй важной целью западной лингвокультурной политики в мире является вестернизация – заимствование странами-реципиентами англо-американских или западноевропейских стандартов в областях экономики, политики, образования и культуры, а также в повседневном образе жизни. Во внеязыковых сферах важнейшими составляющими вестернизации, согласно Дж. Фишману, является внедрение супралокальных ценностей и, в конечном счете, формирование супралокальной идентификации наций-реципиентов лингвокультурной политики.

Если бы тезис о супралокальных ценностях и идентификации не был откровенно включен

²⁹ Российская Федерация в целом продолжает традицию СССР. В России свыше 160 национальностей и свыше 150 языков (из них государственный русский, 25 государственных республиканских языков), разработана гибкая национальная и языковая политика. Провозглашая принцип этнического и языкового равенства, законодательство некоторых субъектов Российской Федерации, согласно сложившейся практике, уделяет приоритетное внимание «титულным» группам населения, а также коренным (автохтонным) этническим сообществам или группам, проживающим на данной территории длительный исторический срок. В республиках Удмуртии, Татарстане, Мордовии, Башкирии действуют нормативные правовые акты и межреспубликанские соглашения, направленные на поддержку культурного развития и языков титульных групп, которые проживают за пределами соответствующих автономий. Например, Республика Мордовия обязуется поддерживать на своей территории культуру язык татарского меньшинства (5% населения), а Республика Татарстан – культуру и язык мордовского меньшинства (0,6%) [15].

в контекст вестернизации, он мог бы восприниматься как отражение распространенной в определенных западных кругах теории конвергенции, сближения разных систем, создания новых форм социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение то лучшее, что имеется в социализме и капитализме (и в этом смысле он переключался бы с «общечеловеческими ценностями» времен «перестройки» в СССР)³⁰. В статье же Фишмана природа супралокальных ценностей и идентификации обозначена недвусмысленно: как части вестернизации. Однако, поскольку идея неких общих для человечества ценностей (якобы воплощенных на Западе в наиболее прогрессивном виде) в мире популярна, есть смысл рассмотреть эти понятия подробнее.

Сам Дж. Фишман не расшифровывает понятия супралокальных ценностей, но попытки выделить некие общие для человечества ценности были. Вероятно, этот термин должен обозначать некие общие наднациональные ценности, которые предполагают признание их всем человечеством в качестве безусловных, которые запечатлены в большинстве мировых религий и могли бы быть ранжированы большинством людей земли как наивысшие. Однако имея большой объем и малое содержание, это понятие является очень нечетким³¹.

Даже беглый взгляд на предлагаемые системы таких ценностей представителями разных культур и идеологий обнаруживает существенную разницу. Например, российские исследователи В. И. Ефимов и В. М. Таланов выделяют три типа общечеловеческих ценностей: на уровне личности, для человечества в целом и общие социальные ценности³². В первую группу входят истина, красота, справедливость, счастье. В [11, 13] представлена следующая классификация духовных ценностей: смысложизненные (представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни); универсальные (витальные, ценности

³⁰ Например, в Гэлбрейт Дж. К. *Экономические теории и цели общества*. М.: Прогресс, 1976.

³¹ Впрочем, нельзя не отметить, что во внутренней форме слова «супралокальные» есть то, что это понятие, по видимому, исключает: патриотизм, приоритетную заботу об интересах своей страны и народа.

³² http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/49/yef_tal.htm

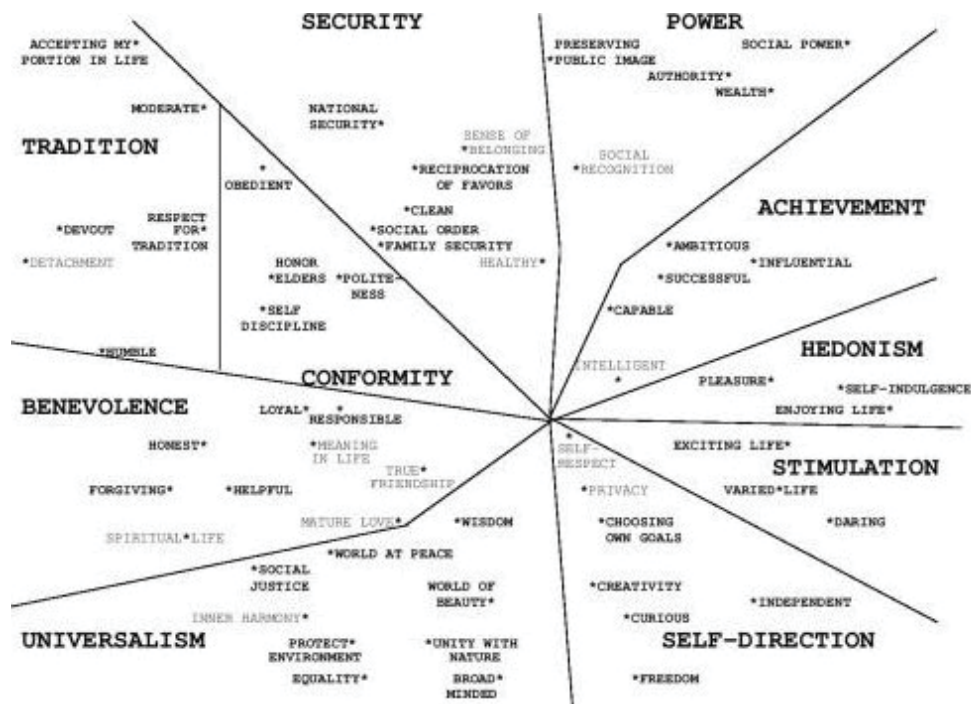

Рис. 1. Схема Ш.Шварца, отражающая многомерное шкалирование базовых ценностей на основе усредненных данных по 68 странам мира

общественного признания, межличностного общения, демократические); партикулярные (привязанность к малой родине, семье). Авторы энциклопедии «Социология» (2003) называют в качестве духовных общечеловеческих ценностей жизнь, творчество, красоту, истину, справедливость, смысл жизни, добро, долг, ответственность, честь, достоинство, веру, свободу, равенство. «Традиционными» общечеловеческими ценностями, в советском понимании, считались семья, любимая работа на благо общества, отечество и народ, гуманистическая мораль, мир и добрососедские отношения с другими странами и т. п.

Ценности, провозглашаемые основанными на Западе глобалистскими структурами, существенно отличаются от приведенных выше. Так, ресурс <http://www.globalvalues.org/> перечисляет в качестве «глобальных ценностей» такие как: единство в разнообразии (unity in diversity), единение (community), жизнь, свободу и демократию, взаимосвязь, экологическую рациональность (sustainability), креативность, расширение полномочий (enhancement), свободу выбора, целостность (integrity, тж. перевод. как «последовательность в действиях», «верность себе»). Международная ассоциация человеческих ценностей (International Association for Human Values

(IAHV)) называет в качестве «универсальных» ценностей уважение, толерантность, принятие, щедрость, заботу о ближнем и планете, мир, достоинство, чувство единения, целостность (integrity) и любовь (www.iahv.org.uk). Ресурс Universe Spirit, в соответствии с взглядами В. Белла³³, предлагает считать такими ценностями индивидуальную ответственность, принцип «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой», уважение к жизни, экономическую и социальную справедливость, благоприятный для природы образ жизни (nature-friendly ways of life), честность, умеренность, свободу, толерантность (<http://www.universespirit.org>).

Обратимся к трактовке базовых ценностей психологами и теоретиками межкультурной коммуникации Ш. Шварцем и В. Билски. В [25, 26, 74] основные человеческие ценности систематизируются в соответствии с 10-ю мотивационными критериями (традиционализм, конформность, безопасность, доброжелательность, универсализм, власть, достижения, гедонизм, стимуляция и саморегуляция). Сам набор ценностей формулируется в результате синтеза ценностных моделей Ч. Морриса, П. Демп-

³³ Wendall B. Humanity's Common Values: Seeking a Positive Future // The Futurist, September-October 2004. Pp. 30–36.

си и У.Ф. Дьюкса, Р.Х. Киллмана, М. Рокича, Д. Маклилланда.

При сопоставлении объема базовых ценностей Шварца и Билски с набором ценностей, приводимых глобалистскими ресурсами, легко заметить, что в последних не охватывается параметр консерватизма, не учитываются мотивации традиции, конформности и безопасности (семья, национальная безопасность, уважение к традициям своего народа, принятие своего места в жизни и др.). Но именно эти мотивации являются наиболее естественными при формулировании ценностей, а также решающими для физического и этнокультурного воспроизводства человеческого рода. Сами по себе, в отрыве от традиции, универсалистские ценности и ценности саморазвития не способствуют достижению этой цели.

Примечательна также избирательность перечисленных универсалистских ценностей и ценностей саморазвития: среди них отсутствуют такие, как смысл жизни, равенство, мудрость, духовность, выбор собственных целей, дерзание. Кроме того, нельзя не отметить, особенно в последнем из трех аксиологических рядов, акцентирование утилитарных, прагматических и либерально-индивидуалистских ценностей, отражающих протестантское (атлантистское, капиталистическое) мировоззрение. Это согласуется с мнением В.Г. Соколенко, что «синтез мондиалистской идеи с реалиями глобальной интеграции осуществляется на основе ценностей атлантической цивилизации, занявшей <...> лидирующее положение в цивилизационном спектре» [12].

Если же произвести контекстуальный анализ приведенных ценностей, то оказывается, что в них имеет место своеобразная подмена понятий, сопровождаемая глобалистским «новоязом», оруэлловским *doublespeak*. Так, под видом «взаимосвязи» подается идея укрепления наднациональных связей и ослабления связующих общество традиций и институтов, делегирование управления неким наднациональным структурам; под видом «единства» – примирение с фактом существования угнетаемых стран (неоколоний) и стран управляющего центра; под видом защиты окружающей среды – контроль

над природными ресурсами других стран³⁴; под видом «расширения полномочий» и «свободы выбора» – приоритет индивидуальных свобод и интересов перед традиционными устоями и национальными нуждами; под видом «толерантности» – размывание границ между нравственной и социальной нормой и отклонением, обязательство большинства, приверженного традиционным этическим, культурным, поведенческим и иным нормам, терпимо сносить нарушения этих норм, а также обезоруживание, отнятие способности бороться через утверждение либеральных законов; вместо честности и стремления к истине – «целостность», верность себе, соответствие действий человека его принципам, даже если эти принципы, с традиционной точки зрения, аморальны³⁵. Таким образом, в приведенных аксиологических рядах просматриваются доминанты, отражающие цели и интересы глобальных элит.

Итак, понятие «супралокальных» («общечеловеческих») ценностей является крайне нечетким и может быть (и, собственно, является) предметом манипуляции в интересах определенных групп. То же самое касается и понятия «супралокальной» идентичности.

Рассмотрим некоторые инструменты привития народам-реципиентам так называемых супралокальных ценностей и супралокальной идентичности.

Первым из них является культурная экспансия, осуществляемая за счет массивированного притока переведенной с английского языка газетно-публицистической, художественной и культурной продукции, которая заполняет национальное культурно-идеологическое про-

³⁴ Для такого вывода имеются все основания, например, есть данные о присвоении глобальной элитой под предлогом экологической охраны огромных участков территории других стран с выселением с них людей, например, см. Нил Никандров «Миллионер Томпкинс, оператор Империи США в Патагонии» (<http://www.fondsk.ru/news/2012/12/02/millioner-tompkins-operator-imperii-ssha-v-patagonii.html>).

³⁵ Например, верность себе, «целостность», считала одной из высших добродетелей такая неоднозначная фигура в истории философской мысли, как Айн Рэнд; эту черту характера приводил в свое оправдание серийный убийца Том Банди [87]. Integrity является основным принципом в англосаксонской традиции так называемых «состязательных процессов» и высшим критерием при вынесении приговора.

странство мемами³⁶ англосаксонской культуры. В результате исконные лингвокультурные и ценностно-символические феномены вытесняются на периферию (маргинализируются) и архаизируются. В русле культурной экспансии можно рассматривать также коммерческую рекламу и молодежные субкультуры, воспитывающие вкусы и привычки населения.

Помимо интенсивного просвещения в области более или менее высоких образцов западной культуры, большое значение придается насаждению квази-культурных образцов, массовому производству шаблонной продукции низкого качества и духовного содержания, разработке соответствующих «культурных» и медийных проектов. Вообще, «культурное насилие» как отражение гегемонии элит пронизывает западное общество уже давно. Й. Галтунг [47], показывает, что встроенное в западную культуру символическое насилие, хотя и не убивает и не калечит, как прямое насилие, но используется, чтобы узаконивать насилие в человеческом сознании. Оно меняет моральную оценку акта насилия, представляя его, как допустимое, делает сознание нечувствительным к факту эксплуатации и преступления. Тем не менее, «консциентальная война» в культурно-информационных областях на постсоветском пространстве позволяет говорить об особом виде насилия на этой территории, более жестком по сравнению со странами западного мира. Поражаются сущностные, смыслопорождающие символы и образы бывших народов СССР, симулякры, созданные по западному шаблону на исконном культурном материале, являются более примитивными, брутальными, губительными для национального самосознания наших народов³⁷.

³⁶ Понятие «мем», введенное Р. Докинзом и разрабатываемое Д. Рашкоффом, означает единицу культурной информации, распространяемой от одного человека к другому посредством имитации, научения и др.

³⁷ Российский кинопрокат пестрит такими симулякрами. Характерный эпизод в одном из них: старушка слышит в подъезде шум, подходит к подъезду, прислоняет ухо к двери, а в это время двое борющихся скатываются по лестнице и распахивают дверь. Старушка изображена умершей в позе подслушивания, что призвано вызвать гадливое и злорадное чувство у зрителя. Примеры глубоко аморальных симулякров приводят и авторы концепции консциентальных войн Ю.В. Громыко и Ю.В. Крупнов, например, <http://www.stormbook.ru/?module=articles&c=articles&b=7&a=40>. Это и сериалы, и фильмы, и передачи

Все это приводит к расшатыванию прежних ценностных понятий, деконструкции системы исконных ценностей, к тому, что А.Д. Васильев назвал аксиологической реполяризацией, или реполяризацией этических ценностей, когда рубрики аксиологической шкалы смещены или затушеваны настолько, что почти перестают осуществлять функции ориентиров [2]. По большому счету, инокультурная экспансия влечет за собой утрату народами глубинного понимания смыслов предшествующих поколений и исторических периодов, соответственно, деконструкцию национально-специфического образа мира (и его последующую реконструкцию с западной доминантой). В терминах знаменитого социолингвиста Р. Филлипсона, рассматривающего феномены лингвистического империализма и лингвокультурной гегемонии, происходит смена исконных космологий и соответствующих эпистемологий (а также аксиологий – Е.Ш.) на монокультурную одноязычную англосаксонскую модель, центральной идеей которой является экономическая эффективность [63. С.63]³⁸.

Второй инструмент привития супралокальных ценностей и идентичности – дискурсивная экспансия. Кроме собственно концептуального материала, внедряются унифицированные, монокультурные дискурсы и соответствующие стили мышления, коммуникации, поведения. Дискурсивная экспансия сопровождает внедрение форм организации деятельности, принятых в «развитых западных странах» (либерально-буржуазных демократиях). Например, с приходом на местные рынки транснациональных корпораций, появился новый «рыночный» вариант социолекта, основанного на глобальном дискурсе типа «Про это», «Моя семья», «За стеклом», «Окна», «Последний герой», «Большая стирка» и т.д. и т.п.

³⁸ Мы полагаем, что не в меньшей степени вестернизацию было бы оправданно назвать капиталоцентризмом, поскольку в англоязычной протестантской культуре капиталистические ценности стали основополагающими, перешли из разряда характеристик, сопровождающих экономический строй, в устойчивые структуры менталитета. Факт слияния вестернизации и капиталоцентризма подтверждают и социолингвисты, говоря о специфических функциях английского языка. Р. Филлипсон считает, что имеется много данных в пользу того, что английский язык является краеугольным камнем глобальной капиталистической системы [65. С.10]. Дж. Фишман пишет: «Английский язык <...> приходит, неся с собой капитализм, демократию, молодость, культуру и современные технологии» [44. С.58].

се ТНК. Дискурсы, регистры и стили речи, принятые в местных представительствах ТНК, т.н. «практикующих группах» (community of practice (CoP)), владеющих ноу-хау коммерческой коммуникации, влияют на речь местного населения. Фактически, «практикующие группы» приписывают новые символические значения лингвистическому материалу местных языков [56]. Дискурсивные практики этих групп, как следует из автореферата А.П. Махаджана, приносят в обыденное общение модели отношений продавца и клиента: общение по типу просвещения и убеждения собеседников в стиле продавца продукта (услуги, информации); партнерские отношения с людьми по принципу равноценного обмена; построение межличностных связей на основе принципов корпоративной культуры; стремление к управлению людьми. Этот новый тип социолекта, основанного на «продвинутом» наднациональном коммерциализированном дискурсе, связывает те группы местного населения, которые готовы взаимодействовать в таком духе, и отторгает, дискриминирует те группы, которые предпочитают традиционные формы общения.

Такого рода «глобализация дискурсов», точнее, их вестернизация, происходит не только в экономике услуг, но и практически во всех социальных сферах: в образовании, здравоохранении, судебно-правовой системе³⁹ и др. Закрепляется же такое положение вещей с помощью наднациональных институтов, через которые осуществляется контроль за соблюдением западных предписаний.

Третьим инструментом привития супралокальных ценностей и идентичности является утверждение английского языка в качестве важнейшего средства коммуникации, «мирового», «всемирного», «глобального» языка, Globish («глобиш», упрощенный функциональный английский, термин введен Ж. – П. Нерьером). В отношении инструментальности английского языка для вестернизации и глобализации можно выделить несколько аспектов: а) его проникновение в качестве lingua franca во все сферы общественной деятельности: экономическую, научно-

техническую, культурную, академическую и др.; б) повсеместное распространение обучения английскому языку как второму и иностранному, искусственное создание диглоссии; в) интенсивное распространение ментефактов на английском языке через СМИ; г) агрессивная политика продвижения английского языка и пропаганда его престижности. Здесь уместна аналогия с американской и, ранее, британской валютами, являющимися, по существу, всеобщим эквивалентом мирового товарного обмена. Точно так же, как эти валюты становятся самыми надежными, «твердыми» не сами по себе, а за счет разворота всей мировой финансовой системы в сторону англосаксонских банковских центров, параллельно с созданием нестабильности в странах и регионах с иными валютами и подчинения региональных экономик единому центру, английский язык становится всеобщим кодом международного общения и своеобразным «пропуском в цивилизованный мир» не сам по себе, а благодаря планированию и созданию соответствующих условий. Роль английского языка в процессах вестернизации будет освещена ниже.

Остановимся на еще одном аспекте языковой политики – разработке корпуса лексических единиц в языках-реципиентах. Согласно Ч. Фергюсону, важнейшей целью языковой модернизации является взаимопереводимость языка-реципиента с/ на другие языки, отражающая его способность охватывать тематику и формы дискурса, свойственные промышленно развитым, секуляризованным и структурно дифференцированным современным обществам [38]. Сама по себе идея планирования взаимопереводимого корпуса слов на разных языках является здоровой, особенно если учесть возможности автоматического перевода, значительно облегчающего коммуникацию. Вместе с тем, нельзя не отметить, что искусственное стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, насаждение слов, лишенных истории, лингвокультурного компонента значения, а также архаизация и маргинализация традиционных номинаций и речевых форм таят в себе опасность значительного обеднения языка-реципиента, выхолащивания в нем того, что В. Фон Гумбольдт называл «духом наро-

³⁹ Достаточно упомянуть тот факт, что конституции постсоветских государств писались заокеанскими советниками, их неисконный, переводной характер обнаруживает простой текстологический анализ.

да». Еще большую опасность представляет тот факт, что заимствование слов при составлении корпуса, по-существу, совершается лишь в одном направлении: наблюдается лексическое донорство английского языка и пассивное принятие лексики языком-реципиентом, но не наоборот. Это значит, что язык-донор доминирует над языком-реципиентом, лингвисты отбирают понятия (концепты), разрабатывают дискурсы и дискурсивные практики, исходя из западоцентристских установок. А понятия, обозначенные именами, лишенными внутренней формы, регулярно используются в определенных контекстах для выстраивания западной понятийной картины мира, точнее, идеологием западной элиты. Поэтому при планировании корпуса слов важными требованиями должны быть демократичность, разнонаправленность заимствования, а также сохранение национальной, культурной и языковой идентичности народов.

Вестернизация и глобализация. Английский язык как инструмент вестернизации a l'anglaise

Выше мы отметили, что одной из основных целей языковой политики западных стран по отношению к другим странам является вестернизация [43]. Особая роль в этом процессе отводится английскому языку. Как таковой, язык является важнейшим инструментом в выстраивании картины мира, хранении и передаче идеологием и мифологием – исконных, выросших на национальной почве, и привнесенных извне. Именно поэтому экспансия английского языка, наряду с культурной и дискурсивной экспансией, является важнейшим направлением западной языковой политики.

Рассмотрим сначала более детально феномен вестернизации. Его можно понимать в двух аспектах (хотя в обоих случаях этот феномен вписывается в концепцию культурной гегемонии А. Грамши). Со стороны стран-гегемонов вестернизация означает деятельность, направленную на включение всего человечества в сферу влияния, власти и эксплуатации развитых стран [20]. Со стороны стран-реципиентов, *вестернизация – это заимствование англо-американских или западноевропейских стандартов в областях экономики, политики, образования и культуры, а также в повседневном образе жизни.*

Следует признать, что у вестернизации есть объективные предпосылки. Это главенствующая роль Запада в экономике и политике на современном этапе мирового развития, а также глобализация – мировая интеграция, отражающаяся в таких явлениях, как глобальный рынок, международное разделение труда, транснациональное капиталистическое производство, движение финансового и промышленного капитала, рабочей силы, глобальные телекоммуникации, более или менее открытый рынок научно-технических достижений и т.д. Однако сами эти объективные предпосылки порождены субъективно-волевыми факторами, целенаправленной деятельностью по планированию и реализации экономической, научно-технической, социально-институциональной и культурно-идеологической гегемонии. При этом сама так называемая «глобализация» на современном этапе представляет собой, по существу, ни что иное, как вестернизацию.

В этой связи возникает вопрос: закономерна ли, неизбежна ли вестернизация? На этот счет есть две точки зрения. Ряд ученых утверждает, что этот процесс отражает единое мировое поступательное развитие в результате всеобщего признания западных экономических, общественно-политических и культурных моделей как наилучших из возможных (например, [8. С.35]). Другие связывают ее с *экспансией западной модели общества и приспособлением мира к потребностям этой модели* [6]. Мы разделяем второе мнение. По сути, вестернизация никогда не была спонтанным и самоподдерживающимся процессом и никогда не отражала заинтересованность принимающей стороны. У нее изначально был субъект – мировой центр и объекты – мировая периферия, и первый всегда осуществлял жесткий контроль над последними. Начиная с XVI в. Европа выступала движущей силой глобальной экспансии, ее субъектом, а колонизируемые народы – ее объектом. И в современном мире глобализация имеет четкую иерархичность и направленность, существует четкое различие между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией, которое вполне осознаются всеми участниками процесса. Поэтому не приходится доказывать регулируемый характер гло-

бализации по западному образцу. Такого рода глобализация не ведет к формированию единой цивилизации, базирующейся на «общечеловеческих» ценностях, или «сетевого» общества на основе демократии, но создает мир, управляемый из единого центра на основе принципов и идеологий западных элит. Она не является неизбежным процессом, но планируемой и социально конструируемой деятельностью.

По существу, вестернизация и глобализация в том однополярном виде, в котором они существуют сейчас, отражают глобальную гегемонию одного субъекта – англоязычного (англосаксонского) мира. Частью этой гегемонии является культурная гегемония, в грамшианском духе, – то есть не прямое доминирование, когда культура и язык скрыто транслируют идеологию доминирующих элит. Будучи усвоенной массами и народами, эта идеология начинает восприниматься ими как своя собственная, они отстаивают ее, даже если объективно она не в их интересах [3, 48]⁴⁰. Со стороны англоязычных стран это означает искусственное создание внешних условий для формирования англоцентристских ценностей и убеждений, которые выдаются за собственные, естественно сформировавшиеся за счет «законов рынка» в ответ на наиболее привлекательные «бренды», которые представляют английский язык и англоязычная культура.

Как мы показали выше, вестернизация как часть языковой политики предполагает западоцентризм (распространение супралокальной (=западной) идентификации и супралокальных ценностей), разработку на основе англоязычных концептов и номинаций корпуса лексических единиц в языках-реципиентах, взаимопереводимых (intertranslatable) с/ на английский язык; маргинализацию и архаизацию традиционных национальных языковых номинаций и речевых форм; стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, сходно-

⁴⁰ Фактически здесь наблюдается извращение капитало-кратией теории А. Грамши, поскольку, если для Грамши культурная гегемония означает такое положение, когда новая, прогрессивная интеллигенция манипулирует угнетенными классами, направляя их на осознание своих интересов и целей, она оправдана целью преобразования общества в более гуманное и лишнее эксплуатации, то в том виде, в котором она используется сегодня, она выгодна лишь капиталистической элите, стремящейся сохранить свой статус-кво.

го описания тех или иных предметных ситуаций; нивелирование языковых картин мира, дискурсов и дискурсивных практик по западному образцу [38, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 63, 64, 65, 72 и др].

Мы выявили три основных инструмента вестернизации: культурную экспансию, дискурсивную экспансию и языковую экспансию. Мы отметили, что английский язык инструментален для вестернизации и глобализации в ряде аспектов: а) проникновении в качестве *lingua franca* во все сферы общественной деятельности; б) повсеместном распространении обучения английскому языку, искусственном создании диглосии; в) интенсивном распространении ментефактов на английском языке через СМИ; г) агрессивной политике продвижения английского языка и пропаганде его престижности.

Ниже мы остановимся на ряде аспектов экспансии английского языка, определим роль «языковой педагогики» в его распространении, очертим два подхода к обучению иностранному языку: *English-language-diffusion* и *language-ecology*, опишем две философские парадигмы языковой политики – позитивистскую и структурно-историческую, рассмотрим тип билингвизма, возникающий при изучении английского языка как второго.

Признаки языковой экспансии: агрессивное продвижение языка, экспорт языковой педагогики

В отношении агрессивной политики продвижения английского языка симптоматичны публичные заявления британских общественных деятелей, демонстрирующие агрессивную языковую политику Великобритании. Много свидетельств такого рода приведено в [65], мы остановимся лишь на нескольких из них. Одним из первых заявлений британского министра иностранных дел в ранний постсоветский период (май 1990 г.) было то, что целью Великобритании является вытеснение английским языком русского в качестве второго языка в Восточной Европе [65. С.10]. Показателен доклад Британского совета в период распада советского блока в 1989–1990 гг., где отмечается, что для 30 миллионов человек в Центральной и Восточной Европе в 1990-е гг. потребуется 100 тысяч новых учителей [29. С.17]. То, что поощрение англий-

ского языка не связано с «альтруистической помощью бывшим жертвам коммунизма на пути к демократии и правам человека», продемонстрировал активно продвигаемый принцем Чарльзом проект распространения и закрепления английского языка на постсоветском пространстве до 2000 г. (English 2000), к реализации которого Британский совет приступил в начале 1995 г. Пресса, связанная с этим медиа-событием (которое «благородный принц» сопровождал нападками на «извращенный» американский вариант английского языка (Таймс, 24 марта 1995)) сообщала, что цель проекта English 2000 – «эксплуатировать положение английского языка для защиты британских интересов» и «дальнейшего поддержания и расширения роли английского языка как всемирного языка в следующем столетии» ([29], цит. по [67. С.431]). Англоязычная экспансия распространилась не только на постсоветский блок, но и на Европейский союз в целом, что подтверждает следующее заявление специалиста по языковой педагогике М. Бернс: «Вероятно, английский язык станет основным языком граждан ЕС. Неважно, будет или не будет он когда-либо объявлен таковым официально, но он определенно будет все более широко использоваться в качестве средства внутриевропейской коммуникации всеми социальными группами» ([28. С.9] цит. по [67. С.432]).

Для такого рода агрессивной языковой политики, проводимой вкупе с культурной гегемонией, Роберт Филлипсон вводит понятие лингвистического империализма, которое он определяет как установление и непрерывное воспроизводство структурного (статусного) и культурного неравенства между английским и другими языками, продолжающееся доминирование английского языка в постколониальных странах, таких как Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве и др. и, в смягченном варианте, по всему миру [63, 65]. В дальнейшем мы будем пользоваться термином Филлипсона либо альтернативным термином, вводимым нами, – «вестернизация а l'anglaise». Конечная цель вестернизации а l'anglaise – стирание национальной, культурной, языковой идентичности народов и их унификация по англосаксонскому образцу,

что само по себе обеспечивает наилучший глобальный контроль над массами.

Теория и практика обучения иностранному языку, или то, что в западных источниках называется «языковой педагогией» (language pedagogy), играет важную роль в реализации указанной политики. Р. Филлипсон, посвятивший свой труд 1992 г. выявлению исторических, политических и интеллектуальных корней лингвистического империализма, полагает, что научные исследования по языку и методикам обучения языкам слишком долго были изолированы от социальных наук [65]. Вместе с тем, есть настоятельная потребность во включении языковой педагогики «в макросоциальную теоретическую перспективу» (тем более, что сами разработчики языковой политики Запада в отношении стран мира руководствуются социолингвистическими и лингвокультурными исследованиями [18]). Филлипсон, который сам начинал свою карьеру в качестве преподавателя и был одним из тех, кого Британский совет посылал в страны третьего мира для внедрения английского в систему образования как языка обучения в местных школах, пришел к осознанию феномена лингвистического империализма, когда понял, что эта система способствует превращению территорий указанных стран в неоколониальные структуры, зависимые от иностранных товаров, ноу-хау, специалистов и консультантов, компаний-работодателей, финансовых структур и т.д.

Языковая педагогика разрабатывается как часть языковой политики, планируется, финансируется и продвигается для установления гегемонии английского языка на международном уровне. Теория и практика обучения иностранному языку (ELT, English Language Teaching), разработка методик преподавания английского как второго и как иностранного языка (ESL, EFL) широко поддерживаются международными, правительственными и неправительственными структурами Великобритании и США: министерствами иностранных дел указанных стран, Управлением по развитию заморских территорий, Британским советом, МВФ, Всемирным банком, Фондом Форда, Фондом Карнеги и др. [65]. *Языковая педагогика сопровождается мас-*

совым открытием университетских кафедр, языковых школ, английских клубов, конференциями, публикациями и прочей атрибутикой, утверждающей престиж английского языка. Огромные средства направляются на коммерческую рекламу обучающих курсов английского языка, рекрутирование кадров, развитие методик, написание учебников и т.п. Создается система организаций (например, *worldteach.org*, *transitionabroad.com*, *bridgetefl.com*), отправляющих студентов в страны Азии, Африки, Латинской Америки для преподавания английского языка⁴¹. Работает система внедрения британских образовательных структур в вузы разных стран через разработку курсов и систему оценок, рейтингов, определяющих уровень владения английским языком (компания English First).

Сам английский язык рассматривается как товар, а его преподавание как составная часть «экспорта» товара. Согласно докладу «Экономист интеллидженс юнит» (аналитического подразделения группы компаний Economist Group, издателя журнала Economist), это растущий многомиллиардный бизнес, для которого разрабатываются специальные стратегии получения прибыли^{42 43}. Впрочем, очевидно, что экономическая выгода ELT, какой бы она ни была, играет подчиненную роль по сравнению с его политической стороной как инструмента гегемонии, вестернизации а l'anglaise.

Спрос на «товар» достигается с помощью массовой рекламы, как явной, так и скры-

⁴¹ Платят таким студентам-преподавателям меньше, чем носителям языка, важный критерий их отбора – европейская внешность.

⁴² McCallen B. English as a world commodity. London: Economist Intelligence Unit, 1989, цит. по [65. С.4].

⁴³ Вместе с тем, этот «зачастую прибыльный» бизнес, как правило, предпочитает мало платить своим преподавателям – и английского как родного языка в Великобритании и США, и английского как второго либо иностранного языка в других странах. Это отражает дисбаланс между надеждами рекрутируемых в данную профессию специалистов, а также их огромным количеством, и рынком, на котором обращается английский язык и который не предусматривает высокой оплаты профессионалов (Centre for British Teachers. Pilot study of the career path of the EFL teachers. London, 1989: 30, цит. по [65. С.4]). К тому же, по иронии, в самих Великобритании и США существуют неудовлетворенные потребности в качественном обучении английскому языку в рамках школьной программы, а изучение иностранных языков в этих странах является гораздо менее распространенным и эффективным, чем в большинстве стран мира.

той, вкрапленной в разнообразные дискурсы⁴⁴. Наиболее распространенные аргументы в англоцентристских дискурсах – фактическое уравнивание английского языка с образованием, культурой, прогрессом и процветанием, акцентирование его престижности, популярности, моды на него, маркирование английского языка и образцов англосаксонской культуры как престижных, высшего качества; представление знания английского как важнейшей части образованности в современном мире, как насущной необходимости, а отсутствия обучения английскому – как «языковой депривации» (linguistic deprivation), например, в [30. С.160].

Критика такого рода дискурсов чаще всего не получает достаточного освещения, тем не менее, она есть. Здесь мы ограничимся двумя примерами. Р. Филлипсон разоблачает ряд мифов

⁴⁴ Показателен, например, текст сайта российского филиала образовательной компании English First – Education First: «Миссия EF – преодоление языковых, культурных и географических барьеров, и наша компания помогла людям разных возрастов и национальностей стать настоящими гражданами мира... От Берлина до Пекина, от Москвы до Мехико, от Дубая до Денвера EF имеет 400 школ и офисов в более чем 50 странах. Международная сеть EF состоит из 14 000 сотрудников и 20 000 преподавателей и гидов. На сегодняшний день компания EF помогла более чем 15 миллионам людей изучить иностранный язык, открыть весь мир или получить учебную степень... К концу 90-х годов, когда Россия стала открытым обществом и в ней начала развиваться экономика, отношение к английскому языку в корне изменилось. Сегодня, особенно среди молодежи, считается, что знать английский и модно и полезно, поскольку это дает преимущества в карьере и делает возможным международное общение. Те из родителей, которые могут себе это позволить, с готовностью платят частным репетиторам английского языка за обучение своих детей. Чтобы удовлетворить повышенный спрос, открылись тысячи центров и школ английского. Однако, из-за того, что старшее поколение росло в других условиях и не получило адекватного языкового образования в детстве, современное знание английского языка среди взрослых остается на низком уровне... Выбор России в качестве страны проведения кубка мира по футболу 2018 года подстегивает правительство пересмотреть требования к знанию английского среди 800 тысяч своих служащих. В декабре 2010 года Министерство экономического развития опубликовало документ, в котором говорится, что к 2020 году планируется, чтобы 20% госслужащих владели каким-нибудь иностранным языком. В 2012 году свободный английский станет обязательным условием при найме на работу новых госслужащих... Несмотря на то, что английский язык все больше присутствует в повседневной жизни россиян, иностранные фильмы и передачи всегда дублируются на русский. Остается настороженное отношение к заимствованию иностранных слов в русском языке, закон запрещает использование иностранных слов в рекламе и на вывесках...». <http://www.ef-russia.ru/>

*об иностранном языке, успешно эксплуатируемых заказчиками ELT: о том, что изучать иностранный язык следует с раннего детства, о том, что лучше всего иметь языковых носителей в качестве учителей*⁴⁵, а также о том, что изучение нескольких иностранных языков – помеха хорошему усвоению английского. Ряд лингвистов аргументирует ложность насущной необходимости изучения английского языка и отождествления отсутствия обучения ему с «языковой депривацией»: «Многие миллионы весьма культурных, грамотных и образованных людей в мире живут счастливо, будучи вполне оправданно несведущими в английском языке. Если человек не нуждается в английском языке, знать его вовсе не обязательно. Поэтому люди должны прежде всего спросить себя о цели изучения английского языка. Если они не будут в достаточной степени пользоваться английским в своей жизни, они не должны тратить впустую свое время и деньги» [65, 81]. Добавим, что изучение иностранного языка – требующий много усилий и внимания процесс, который, если язык изучается с раннего детства, часто предопределяет будущую профессию человека (в целом, непроизводительного характера: преподаватель иностранного языка, ученый-лингвист, переводчик), и надо всегда соизмерять затраты сил, времени, зачастую денег, а также вероятную предопределенность профессиональной деятельности со своими жизненными целями. В любом случае, нельзя руководствоваться лишь психологически тонкой и убедительно сформулированной рекламой.

Р. Филлипсон рассматривает две парадигмы языковой политики, выведенные японским ученым Ю. Тсудой, одна из которых наиболее ярко представлена движением English-Only («только английский») в США и продвижением английского языка как единственного лингва франка в Европейском союзе, а другая – движением за языковые права меньшинств и движением за многоязычие в Европейском союзе. Первая парадигма названа Филлипсоном «парадигмой

распространения английского языка» (diffusion of English paradigm), вторая – «парадигмой экологии языка»; первая скорее отражает реальное положение вещей, вторая – желаемое. Рассмотрение этих двух парадигм в свете глобальных идеологических, политических, экономических, социальных и культурных процессов в Европейском союзе, посткоммунистических государствах и на международной арене в целом показывает близкую связь между языковой политикой, языковым планированием, языковой педагогикой (LPP и ELT) и указанными процессами. Так, парадигма распространения английского языка связана с экспансией империалистического и глобального капитализма, формированием единого англоязычного подязыка науки и техники, а также одноязычной глобализацией, модернизацией и транснационализацией. Парадигма экологии языка связана с признанием важности традиции, учете интересов всех этносов и национальностей в выборе языков обучения, «лингвистическим разнообразием» в обучении, движением за лингвистические права, поощрением многоязычия в преподавании иностранных языков, защитой национального суверенитета и независимости выбора государственной языковой политики от наднациональных структур [67].

В настоящее время приходит понимание того, что для реализации «парадигмы экологии языка» в языковой политике необходимо производить мониторинг распространения английского языка с странах мира, дабы он не вытеснял исконные или другие иностранные языки из обучения, а также не выходил за рамки функциональных областей, отводимых для иностранного языка, в иные функциональные области. Тем более важно препятствовать продвижению английского языка на роль второго языка неанглоязычного государства⁴⁶.

⁴⁵ С поправкой на необходимость сокращения расходов за счет привлечения «гастарбайтеров»-носителей языка, когда заказчики ELT обнаружили, что для нужного эффекта достаточно лишь изучать язык по учебникам и методическим материалам, издаваемым в Британии и США.

⁴⁶ Из неколониальных государств это касается прежде всего стран Скандинавии и посткоммунистической Восточной Европы. Неслучайно лингвисты из Дании Р. Филлипсон и Т. Скунабб-Кангас одними из первых забили тревогу по поводу англоязычного лингвизма (языковой дискриминации) в этой стране. Исследователи показывают, что в Дании английский фактически стал вторым языком в отношении рецептивных видов деятельности на языке (чтения и слушания). А для того, чтобы получить высшее образование и занять влиятельную позицию в обществе, необходимо также продемонстрировать продуктивное владение устной и письменной речью наанглийским

Т. Рисенто и Н. Хорнбергер выделяют два основных подхода к языковой политике, в том числе в преподавании иностранного языка – позитивистский и историко-структурный [72]. Позитивистский подход утверждает разумность моноязычия доминирующих национальностей в полинациональных культурах, а в аспекте обучения иностранным языкам – разумность эксклюзивного преподавания одного, г.о. английского, языка в качестве универсального языка-посредника в международной коммуникации. Этот подход апеллирует к экономической целесообразности, утверждая, что государство оценивает конкурирующие языковые планы и принимает решения, исходя из затрат / выгод в целях максимального экономического роста, сохранения политической стабильности и контроля (эта позиция выражается, например, в [73]). Историко-структурный подход утверждает, что языковая политика, в грамшианском духе, узаконивает и воспроизводит социально-политическую гегемонию и выражает интересы доминирующих групп, причем зачастую неявно, с помощью гегемонистской идеологии или создания соответствующих условий существования. Люди не свободны в выборе языка (языков), поскольку язык является определяющим для получения образования или профессиональной коммуникации. Любой выбор ограничивается системой, которая усиливает и воспроизводит существующий социальный порядок. Одноязычие всех важных функциональных областях часто отражает дискриминационное доминирование того или иного этноса, а эксклюзивная роль какого-либо иностранного языка – неординарные устремления тех или иных держав.

Исходя их ответа на вопрос *cui prodest*, историко-структурный подход показывает бенефициаров ведущей роли английского языка в мире, цели и политические средства его распространения, позволяет раскрыть исторические предпосылки сложившейся глобальной языковой ситуации. Экспансионистское продвижение США и Великобританией английского языка и запад-языке. Английский является одним из фильтров в системе образования, который не может быть обойден [68]. В другой работе Р. Филлипсон приводит заявление министра образования Дании о том, что английский перешел от статуса первого иностранного языка в Дании к статусу «второго родного языка» датчан [65. С.9].

ной культуры во все регионы мира служит для закрепления и воспроизводства ими мировой гегемонии. Исторически, Великобритания выиграла от своего колониального наследия в Африке и Азии, США же использовали свое экономическое и геополитическое влияние после Второй мировой войны, чтобы установить культурное и экономическое доминирование в районах, которые ранее были под британским контролем, а также во вновь созданных государствах Африки, Ближнего Востока и Азии. Использование английского языка в международной торговле и в области новых технологий способствовало его распространению и вытеснению сотен коренных региональных языков, многие из которых исторически служили региональными лингва франка. Наибольшее же распространение английский язык получил с начала 90-х годов XX века, после распада СССР и социалистического блока и становления однополярного мира.

Авторы показывают, что доминирование языков поддерживается бесчисленными способами, некоторые из которых отражают явную, но большинство – скрытую гегемонию. Пример явного выражения языковой гегемонии – объявление для работников парикмахерской в супермаркете J. C. Penney в Сан-Антонио, штат Техас: «Sunday Associates – if you are having lunch in the meeting room you must sign out for lunch. If you don't your luncheon will have to stop. ALSO this is AMERICA* We only speak ENGLISH* in our salon. NO SPANISH. Thx Jane *only exception is if client does not speak English». В качестве примера неявной гегемонии авторы приводят использование английского языка на профессиональных встречах в филиалах TESOL неанглоязычных стран, например, Японии. В том же духе, мы привели бы пример скрытой гегемонии в использовании исключительно английского языка без перевода всеми выступающими на открытии выставки Иннопром-2012 в Екатеринбурге, хотя местом встречи являлся российский город, а большинство аудитории составляли русскоязычные.

Представляя планирование обучения языку в виде луковицы, Рисенто и Хорнбергер показывают, что наднациональные структуры и государство составляют ее внешние слои, определяющие законодательство о языках, принципы

и содержание языковой политики; институты – следующий слой, оформляющий содержание программ и учебных пособий; учитель же находится в самом ее ядре. Как правило, он не анализирует и не оценивает тот материал, методы и компетенции, которые составляют неотъемлемые части его профессии, с точки зрения их прагматических интенций и соответствия их интересам обучаемых. Между тем, как утверждают авторы статьи, любая учебная программа не является нейтральной, но имеет скрытые политические цели. Рисенто и Хорнбергер подчеркивают, что каждый преподаватель иностранного языка с неизбежностью оказывается причастным к языковой политике и планированию. Они призывают профессионалов ELT осознавать эту причастность и подходить к своему делу нравственно и ответственно, исходя прежде всего из интересов обучаемых

В отношении практики преподавания английского языка следует отметить факт практически повсеместного перехода в преподавании в вузах и школах на учебники, издаваемые в Великобритании (существенно реже – в США). В то же время, если, как предлагают современные социолингвисты, включить подбор и представление материалов для изучения в учебниках по английскому языку как иностранному в социолингвистическую перспективу, культурно-идеологическая пристрастность отбора сведений в вышеуказанных учебниках становится вполне очевидной. Как показывают исследования, в них воспроизводятся англосаксонские культурные стереотипы и идеологемы. Например, неотъемлемой частью британских учебных пособий и курсов для иностранцев (серии Streamline English, Headway, English in Action (курс The Royal Family) и др.) является тематика британской королевской семьи. При этом обнаруживается необъективность подачи информации: представляются лишь нейтральные, положительные или курьезные сведения о Виндзорах, прослеживается позитивный и даже благоговейный тон нарратива. Скажем, упоминая, о безрассудной женитьбе Эдуарда VIII, авторы не говорят о факте его приверженности идеологии нацизма; рассказывая, обычно в сентиментальном ключе, о жизни и смерти принцессы Дианы,

не говорят о ее фактическом противостоянии королевскому двору, об иске к королевской семье по поводу смерти Дианы и Д. Аль-Файеда, не говорят о многих других «темных страницах» истории британской королевской семьи.

Интенсивное обучение по таким учебникам без включения критического анализа материала, особенно в ситуации, когда преподаванию собственных языка, культуры и истории не уделяется должного внимания (или они намеренно подаются в негативном свете), чревато, по мнению многих исследователей, искажением национальной и культурной идентичности учащихся, вытеснением родной лингвокультурной картины мира иноязычной, усвоением ложных стереотипов, «слепым» англоцентризмом, отсутствием интереса к другим языкам и культурам мира и т.п. (например, [31, 49, 52, 70]). Поэтому существенным является специальная деятельность учителя и учащихся по анализу, сравнению, сопоставлению культурного материала изучаемого языка с материалом иных культур, формированию мнения у учащихся по поводу представленных стереотипов, принятию или отвержению тех или иных ценностей и идей. Важнейшей же предпосылкой этой деятельности является продолжающееся на протяжении всего обучения оснащение учащихся доскональным и ценностным знанием их собственных языка, культуры и истории, обеспечивающее ту основу, опираясь на которую, можно судить о фактах иной лингвокультуры⁴⁷.

Субтрактивный билингвизм как результат вестернизации a l'anglaise

Изучение иностранного языка теснейшим образом связано с понятием диглоссии (билингвизма) – владения двумя языками (а в случае изучения нескольких иностранных языков – с понятиями полилингвизма и полиглоссии).

⁴⁷ Впрочем, на наш взгляд, упомянутый «культурно-сопоставительный» подход является лишь одним, наиболее компромиссным, выходом из ситуации изоязычной и инокультурной гегемонии, обеспечиваемой массированным воздействием иностранного языка и культуры в ущерб собственным. Другим, более радикальным выходом, является переход к универсальному искусственному языку-посреднику (artificial inter-language), на котором мы подробнее остановимся в другой статье. Подробное рассмотрение дингвокультурной составляющей обучающих дискурсов и текстов учебников также составит предмет другой статьи.

Билингвизм обычно описывается в виде оппозиций свойств, которые должны учитываться при планировании и корректировке обучения иностранному языку.

Во-первых, это рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий) билингвизм.

Во-вторых, это субординативный и координативный билингвизм; первый есть такой тип двуязычия, когда говорящий воспринимает один язык через другой (как правило иностранный через родной, но иногда и наоборот), несмотря на отличия этих языков, второй – когда говорящий разделяет два языка, не смешивает их в речи, в его сознании родной и иностранный языки автономны.

В-третьих, это аддитивный и субтрактивный билингвизм; в первом случае ребенок получает знание иностранного языка и культуры в дополнение к родному языку и культуре, во втором – изучение иностранного языка и культуры наносит ущерб знанию собственных языка и культуры.

Вестернизация а l'anglaise осуществляется вполне целенаправленно в течение уже достаточно длительного времени, и в результате во многих странах мира сформировались искусственная диглоссия, координативный субтрактивный билингвизм, при котором английский язык используется наравне с родным языком в большинстве функциональных сфер или даже вытесняет родной язык. Английский распространяется в качестве второго или иностранного языка и приобретает свойства «высокого языка» (high language, Н-языка по Дж. Фишману [46]), с выгодой конкурируя с национальным языком в официальных и полуофициальных функциональных сферах, в науке, образовании, книжно-письменной культуре и воспринимаясь массовым сознанием как надэтнический, универсальный, престижный и «образцовый»⁴⁸. Такое

⁴⁸ Однако диалектика престижности такова, что социально одобряемыми могут становиться не только высокие образцы творчества на Н-языке, но и продукты массовой культуры и субкультур, а также модели повседневной коммуникации на нем. Они закрепляются как норма, как общепринятый стандарт, и неследование этому стандарту начинает расцениваться как отклонение от нормы. Зная эту закономерность, языковые планировщики следуют

распространение и повышение статуса второго (или иностранного) языка наносит ущерб статусу и развитию родного (национального) языка: его изучение перестает поддерживаться государством в должной мере; владение в совершенстве родным языком не рассматривается как умение, существенное для получения хорошего образования и успешной карьеры; население проникается большим уважением к культуре иностранного языка, чем к культуре родного языка [23]. Субтрактивный билингвизм непосредственно связан с частичной или полной утратой суверенитета, потерей культурной идентичности, языковой дискриминацией местного населения в образовании и работе.

Согласно индексу EF EPI⁴⁹ за 2011 год, наиболее высокий уровень владения английским отмечается в Норвегии (69,09), Нидерландах (67,93), Дании (66,58), Швеции (66,26), Финляндии (61,25), Австрии (58,58), Бельгии (57,23). В этих странах, как и в большинстве посткоммунистических стран, тенденции субтрактивного билингвизма становятся наиболее очевидными. В престижных областях коммуникации, науке, образовании английский язык используется на одном уровне с национальными языками или даже вытесняет их. Например, модным подходом к высшему (т.н. «третичному») образованию в континентальной Европе стала система CLIL (Content and Language Integrated Learning) – предметно-языковое интегрированное обучение. Система CLIL узаконивает обязательное высшее образование на английском языке, сам же язык предполагается осваивать опосредованно, в ходе изучения других предметов. Приняв эту систему, все больше университетов переходят на полностью англоязычное образование, выдвигают знание английского языка в качестве основного условия для поступления простому количественному принципу: массивно распространяют Н-язык в самых различных сферах, как высоких, так и низких. Таким образом, англо-национальная диглоссия существует как в повседневных, так и в культурно-научных сферах, и в обоих случаях английский маркируется как более престижный.

⁴⁹ <http://www.ef-russia.ru/epi/download-full-report/> Как явствует из пояснения, критерии для выявления этого индекса недостаточно четки.

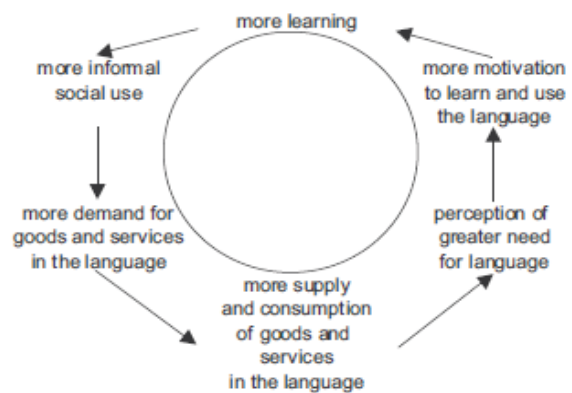
пления и учебы в вузе и провозглашают «успешную конкуренцию с ведущими университетами США и Великобритании» основной своей целью. Декларируемым плюсом такой системы является то, что в результате предметно-языкового интегрированного обучения студенты приобретают и дисциплинарные знания, и языковую компетентность в английском одновременно. Однако такая система имеет решающий минус: поскольку все предметы высшей школы преподаются на английском, выпускники оказываются не способными доносить современные знания в области различных наук на национальном языке, да и сам национальный язык, не используясь и не развиваясь в дискурсах современных наук и технологий, утрачивает способность выражать эти знания. Переход на преподавание на английском происходит не только в вузах, но и в старших классах средней школы. Многие школы начинают преподавать на английском ряд предметов, в основном математику и естественные науки. Однако все чаще и гуманитарные предметы, например, экономика или деловая коммуникация, преподаются на английском языке, что вызывает особую тревогу противников вестернизации а l'anglaise, поскольку национально-специфические англосаксонские концепции, понятия и реалии подаются как универсальные.

Помимо использования английского в «высоких» функциональных областях, во многих странах население с готовностью переходит на английский язык и в бытовом общении. Это происходит как в бывших британских колониях, так и в странах, в особой степени испытывающих англосаксонскую гегемонию (скандинавские государства, Нидерланды, Бельгия и др.). Так, по наблюдению бывшего посла РФ в Нидерландах А. Г. Ходакова, в этой стране на английском говорит до 75% населения, в том числе, в повседневных ситуациях. По нашему собственному наблюдению, преподаватель английского языка, голландец по национальности, длительное время работавший в России, демонстрировал отличное знание своего предмета,

а также английской культуры и истории, но не говорил на нидерландском языке (как, впрочем, и не пытался выучить русский).

Вестернизация коснулась и СССР. До конца 1980-х г. она осуществлялась умеренно и без далеко идущих планов со стороны руководства нашей страны, однако с началом перестройки началась революционная вестернизация ее культуры, дискурсов и языков, которая продолжается и поныне. Политика СССР в отношении изучения иностранных языков прошла очевидную трансформацию от инструментального подхода к лингвокультурному погружению; от пассивного (рецептивного) усвоения с целью понимания иноязычных текстов к активному (продуктивному) использованию. Субординативный билингвизм как цель обучения иностранным языкам, когда говорящие воспринимают второй язык через призму родного и соотносят инокультурные лексемы и понятия с лексемами и концептами родного языка, сменился координативным. При этом, благодаря восприятию иностранного языка и культуры как более престижных, коды иностранного языка и его концептуальный набор стали замещать коды и концептуальный набор родного языка, вытеснять или искажать их. Таким образом, в случае нашей страны можно также констатировать феномен субтрактивного билингвизма, хотя пока и в меньшей степени, чем в вышеупомянутых странах.

Рис. 2. Схема нарастающего самовоспроизводства языка [79. С.241]

Фактически, в отношении английского языка в большинстве стран мира можно говорить о запущенном «колесе Катерины» (термин М. Струбелла), когда государственная языковая политика

законодательно обеспечивает все более интенсивное изучение иностранного языка, что повышает престиж этого языка и влечет все большее количество изучающих, знающих и использующих его людей, что порождает большой спрос на услуги и товары на нем, а потребление этих товаров, в свою очередь, порождает все большую мотивацию учить иностранный язык и обучать ему потомков и т.д. Только в данном случае указанный механизм работает не на возрождение и развитие национальных языков, как это задумывал сам Струбелл, а на нарастающее самовоспроизводство «глобального», «мирового» английского.

Два типа EFL-языка: базовый английский и английский для высшего уровня. Нейтральность и культурно-идеологическая заряженность языка

Так называемый международный (стандартный, глобальный, мировой, всемирный) английский, распространяемый благодаря скоординированной языковой политике англоязычных стран по всему миру, является не просто языковым кодом, при помощи которого можно транслировать любую национальную картину мира и тем самым осуществлять межкультурное взаимодействие, что делало бы его чистым инструментом межкультурной коммуникации. Он является средством передачи определенных культурем и идеологием. Это признал даже разработчик стратегий языковой политики англоязычных стран Дж. Фишман, первоначально пропагандировавший идею нейтральности, инструментальности, этнической и идеологической необремененности английского языка [39. С.118]. Фишман согласился, что английский язык, вестернизация, модернизация, распространение международной молодежной культуры, популярных технологий и конsumerизма – «все это обременено идеологически и имеет идеологические, поведенческие, экономические и технические последствия» [41. С.8]⁵⁰.

⁵⁰ Более того, в более поздних работах этот видный социолог озабочен угрозой исчезновения языков, заговорил о пользе языкового и культурного разнообразия, начал вскрывать недостатки планирования корпуса слов и показывать оборотную сторону смены языков. В частности, вместе с социологами Лилли Вонг Филмором, Джоном Рейнером и др., Фишмен утверждает, что смена языков и утрата родного («первого») языка приводит к культурному распаду и множеству социальных проблем, включая рост алкоголизма, неблагополучных

«Глобальный» английский представляет собой многослойный семиотический код, включающий совокупность элементов различных дискурсов, формальных и неформальных регистров английского языка, англоязычного культурно-стереотипного материала и идеологием. Английский язык как учебный предмет соответственно разрабатывается таким образом, чтобы отвечать как практическим целям обучаемых, так политическим целям заинтересованных государств. Мы поговорим о культурном и идеологическом содержании англоязычного учебного дискурса позднее, обозначив сначала два «типа английского», взятых за основу его преподавания.

Английский для полуофициальных и повседневных сфер основан на так называемом Basic English – упрощенном английском, который был предложен в 1934 году Ч. Огденом и активно пропагандировался Дж. Оруэллом в 1942–1944. Цель создания этого языка была обозначена так: Basic (British American Scientific International Commercial) должен служить международным вспомогательным языком и исходным пунктом к овладению хорошим английским языком. Ч. Огден писал: «В чем нуждается мир больше всего, так это еще приблизительно в тысяче мертвых языков – и одном живом» [23]. Бейсик включал в себя 850 слов (650 существительных и 200 глаголов) и несколько правил грамматики, что, по утверждению другого сторонника Бейсика, именитого филолога А.А. Ричардса, должно было способствовать «ясной передаче мыслей». Именно он был взят за основу в преподавании английского как второго языка и, отчасти, «языков для специальных целей», а также для составления технических инструкций и для радиотрансляций (например, «особый язык» «Голоса Америки» для освещения новостей)⁵¹.

семей и преждевременной смертности [40, 45].

⁵¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Basic_English

Такого рода язык, взятый на вооружение для социального контроля (Newspeak), был предметом обсуждения Дж. Оруэлла, в т.ч. в статье «Politics and the English Language», он также описывался им в романе «1984». Newspeak упрощает реальность, отменяет рефлексию и является совершенным орудием манипуляции, заставляя принимать ложь без рефлексии (по Оруэллу, «чтобы ложь звучала правдиво, убийство – респектабельно, а из чистого воздуха сделать нечто твердое и реальное»). Большую роль в Newspeak играет образность, основные смысловые парадигмы выражаются в нем через метафоры, идиоматику (ср. примеры самого Оруэлла: ring the

В настоящее время Бейсик Инглиш имеет несколько модификаций, одной из которых является Симпл Инглиш (1000 слов); к одной из модификаций Бейсика, вероятно, можно отнести и упрощенный международный английский – Globish, в терминологии Ж. – П. Нерьера.

Бейсик разрабатывался в противовес распространению эсперанто и, как эсперанто, предполагал упрощение языковых кодов и правил. Однако в отличие от эсперанто, который имел целью демократичную коммуникацию, чистоту от специфических культурных и идеологических смыслов, свойственных естественному языку, когда вместе с трансляцией информации через язык передаются идеологемы и мифологемы, навязываемых вместе с трансляцией знаний с помощью искусственного языка, чистого от идеологии и не имеющего за собой истории и культуры упрощая дословные формальные знаки (графемы, фонемы, морфемы), способен безгранично обогащать свою лексику и синтаксис, пополняться оборотами и образцами речи любой культуры, допускать перевод на него классических образцов литературы без большой потери смысла и выражать сколь угодно сложные мысли и чувства, Бейсик Инглиш изначально преследовал цель упростить не только языковые уровни, но и передаваемое содержание за счет сокращения количества слов и введение упрощенных синтаксических правил. Соответственно, в отличие от эсперанто, Бейсик был изначально нацелен на редуционистскую репрезентацию и, следовательно, интерпретацию фактов, идей, эмоций, эстетических образов, духовных и этических смыслов, а также на упрощенную, однозначную логику причинно-следственных связей – сродни адаптированной подаче классической литературы в западных учебниках. В этом отношении

changes on, take up the cudgel for, toe the line, ride roughshod over, stand shoulder to shoulder with, play into the hands of, no axe to grind, grist to the mill, fishing in troubled waters, on the order of the day, Achilles' heel, swan song, hotbed). Таким образом создается новая языковая реальность, которую легко можно транслировать массам, апеллируя к их чувствам через метафорически-интонационный строй языка.

В продолжении мыслей Оруэлла, С. Н. Некрасов описывает такого рода язык как орудие трансляции и формирования упрощенной и искаженной версии событий, в которой сам факт цензуры попросту не замечается и не просматривается [9].

любопытно сопоставить с лингвокультурологической точки зрения отечественные учебники английского, издаваемые в советский период, с учебниками, издаваемыми в англоязычных странах. Такого рода сопоставление будет нашей задачей на ближайший период исследовательской деятельности. Пока же мы скажем несколько слов, которые,!!! Особенно показательны, на наш взгляд, результаты сопоставления учебников грамматики – логика. Здесь сопоставить Качалову и stupid English.

А. А. Ричардс провел любопытную аналогию между концепцией мирового порядка и разработкой Бейсика – языка, который, по идее разработчиков, «мог бы сослужить людям наилучшую службу»: «Подбор слов и расстановка приоритетов с помощью них может сравниться с задачами государственного деятеля. Ведь именно через то, что язык может предложить человеку, каждый человек оценивает то, что его будет заботить больше, а что меньше. Если правильно построить изучение английского языка и соблюдать при этом должную последовательность, то изучение английского языка может превратиться в действительно гуманное образование. И разве такой язык нельзя будет справедливо назвать “АНГЛИЙСКИМ КАЖДОГО”?» (цит. по [66]). Разумеется, идеи Ричардса были не лишены здравого смысла, однако можно предположить, что упрощенный английский не стал языком каждого, а лишь сделал сознание западного обывателя аналогичным сознанию малообразованного англичанина или ученика, не воспринимающего суждения за пределами шаблонных ассоциаций, задаваемых фреймами Бейсика. В полном соответствии с теорией лингвистической относительности, ограниченный, упрощенный язык ограничивает возможности свободы выражения мысли, создавая, по выражению С. Н. Некрасова, «концентрационный лагерь разума» [9]. Все, что не зафиксировано Бейсиком, не существует, и, наоборот, все, выраженное Бейсиком, кажется реальностью.

Собственно, отсутствие реальных образовательных (не пропагандистских) успехов от внедрения программ ЕЛТ признают и сами их разработчики. Это констатировалось в обзорах Фонда Форда: «Западные модели, служившие

основанием для помощи («развивающимся» странах – Е.Ш.) в школьном образовании, фактически, оказались не соответствующими этим целям. На университетском уровне их эффективность была минимальной. На других уровнях попытки применить такие модели к развивающимся обществам часто создавали больше проблем, чем решали существующие» [65]. Аналогичные заявления делали и видные лингвисты, например, Бадж Качру отмечает, что трудно ожидать от специалистов TESL теоретического осмысления и профессиональной оценки роли английского языка в странах третьего мира с точки зрения социолингвистического контекста, прививаемых взглядов и практической пользы. В другой работе Качру, анализируя причины проблем, связанных с ортодоксальным применением систем ESL и EFL, заявляет: «Говоря прямо, наша профессия так и не избавилась от существовавшего прежде миссионерско-проповеднического этноцентрического подхода в обучении английскому языку» ([65]).

Не меньшую роль играет и английский «для высших сфер», то есть язык для продвинутого уровня пользователей и профессионалов. Здесь в обучении преследуется несколько иной подход: примитивизация и формы, и смысла сменяется достаточно сложной формой при одномерных, идеологически подогнанных смыслах. Обучающиеся усваивают большой пласт литературной лексики и более или менее сложные обороты на текстах публицистического, научно-популярного стилей, на специально подобранных художественных текстах и документалистике. За основу берутся учебники, изданные в англоязычных странах носителями английского языка (стандартный английский Великобритании или, реже, США). Для учебных программ в целом и отдельных материалов в частности характерна концентрация на стереотипах, символах и концептах англосаксонской культуры. В ходе обучения повышенное внимание уделяется англосаксонским культурным реалиям (причем этот культурно-исторический материал маркируется как наиболее качественный и престижный), истории англоязычного мира, обеспечивается соответствующий ракурс видения мировой истории и культуры, через тексты утверждаются соответ-

ствующие мифологемы и идеологемы. Помимо языка и фактологического материала, акцент делается на самих англоязычных дискурсах и дискурсивных практиках, что закрепляет соответствующий способ мышления и коммуникации.

Два типа EFL-языка: базовый английский и английский для высшего уровня. Нейтральность и культурно-идеологическая заряженность языка

Так называемый международный (стандартный, глобальный, мировой, всемирный) английский, распространяемый благодаря скоординированной языковой политике англоязычных стран по всему миру, является не просто языковым кодом, при помощи которого можно транслировать любую национальную картину мира и тем самым осуществлять межкультурное взаимодействие, что делало бы его чистым инструментом межкультурной коммуникации. Он является средством передачи определенных культурем и идеологем. Это признал даже разработчик стратегий языковой политики англоязычных стран Дж. Фишман, первоначально пропагандировавший идею нейтральности, инструментальности, этнической и идеологической необремененности английского языка [39. С.118]. Фишман согласился, что английский язык, вестернизация, модернизация, распространение международной молодежной культуры, популярных технологий и консумеризма – «все это обременено идеологически и имеет идеологические, поведенческие, экономические и технические последствия» [41. С.8]⁵².

«Глобальный» английский представляет собой многослойный семиотический код, включающий совокупность элементов различных дискурсов, формальных и неформальных регистров английского языка, англоязычного культурно-стереотипного материала и идеологем. Английский язык как учебный предмет соответственно

⁵² Более того, в более поздних работах этот видный социолингвист озабочился угрозой исчезновения языков, заговорил о пользе языкового и культурного разнообразия, начал вскрывать недостатки планирования корпуса слов и показывать оборотную сторону смены языков. В частности, вместе с социолингвистами Л.В. Филмором, Дж. Рейнером и др., Фишман утверждает, что смена языков и утрата родного («первого») языка приводит к культурному распаду и множеству социальных проблем, включая рост алкоголизма, неблагополучных семей и преждевременной смертности [40, 45].

разрабатывается таким образом, чтобы отвечать как практическим целям обучаемых, так политическим целям заинтересованных государств. Мы поговорим о культурном и идеологическом содержании англоязычного учебного дискурса позднее, обозначив сначала два «типа английского», взятых за основу его преподавания. □□

Английский для полуофициальных и повседневных сфер основан на так называемом Basic English – упрощенном английском, который был предложен в 1934 году Ч. Огденом и активно пропагандировался Дж. Оруэллом в 1942–1944. Цель создания этого языка была обозначена так: Basic (British American Scientific International Commercial) должен служить международным вспомогательным языком и исходным пунктом к овладению хорошим английским языком. Ч. Огден писал: «В чем нуждается мир больше всего, так это еще приблизительно в тысяче мертвых языков – и одном живом» [61]. Бейсик включал в себя 850 слов (650 существительных и 200 глаголов) и несколько правил грамматики, что, по утверждению другого сторонника Бейсика, именитого филолога А. А. Ричардса, должно было способствовать «ясной передаче мыслей». Именно он был взят за основу в преподавании английского как второго языка и, отчасти, «языков для специальных целей», а также для составления технических инструкций и для радиотрансляций (например, «особый язык» «Голоса Америки» для освещения новостей)⁵³.

⁵³ Такого рода язык, взятый на вооружение для социального контроля (Newspeak), был предметом обсуждения Дж. Оруэлла, в т. ч. в статье «Politics and the English Language», он также описывался им в романе «1984». Newspeak упрощает реальность, отменяет рефлексию и является совершенным орудием манипуляции, заставляя принимать ложь без рефлексии (по Оруэллу, «чтобы ложь звучала правдиво, убийство – респектабельно, а из чистого воздуха сделать нечто твердое и реальное»). Большую роль в Newspeak играет образность, основные смысловые парадигмы выражаются в нем через метафоры, идиоматику (ср. примеры самого Оруэлла: ring the changes on, take up the cudgel for, toe the line, ride roughshod over, stand shoulder to shoulder with, play into the hands of, no axe to grind, grist to the mill, fishing in troubled waters, on the order of the day, Achilles' heel, swan song, hotbed). Таким образом, создается новая языковая реальность, которую легко можно транслировать массам, апеллируя к их чувствам через метафорически-интонационный строй языка.

В продолжение мыслей Оруэлла, С. Н. Некрасов описывает такого рода язык как орудие трансляции и формирования упрощенной и искаженной версии событий, в которой сам факт цензуры попросту не замечается и не просматривается [9].

В настоящее время Бейсик Инглиш имеет несколько модификаций, одной из которых является Симпл Инглиш (1000 слов); к одной из модификаций Бейсика, вероятно, можно отнести и упрощенный международный английский – Globish, в терминологии Ж. – П. Нерьера.

Бейсик разрабатывался в противовес распространению эсперанто и, как эсперанто, предполагал упрощение языковых кодов и правил. Однако в отличие от эсперанто, который имел целью демократичную коммуникацию, чистоту от специфических культурных и идеологических смыслов, свойственных естественному языку, когда вместе с трансляцией информации через язык передаются идеологемы и мифологемы, упрощая дословесные формальные знаки (графемы, фонемы, морфемы), способен безгранично обогащать свою лексику и синтаксис, пополняться оборотами и образцами речи любой культуры, допускать перевод на него классических образцов литературы без большой потери смысла и выражать сколь угодно сложные мысли и чувства, Бейсик Инглиш изначально преследовал цель упростить не только языковые уровни, но и передаваемое содержание за счет сокращения количества слов и введение упрощенных синтаксических правил. Соответственно, в отличие от эсперанто, Бейсик был изначально нацелен на редукционистскую репрезентацию и, следовательно, интерпретацию фактов, идей, эмоций, эстетических образов, духовных и этических смыслов, а также на упрощенную, однозначную логику причинно-следственных связей – сродни адаптированной подаче классической литературы в западных учебниках. В этом отношении любопытно сопоставить с лингвокультурологической точки зрения отечественные учебники английского, издаваемые в советский период, с учебниками, издаваемыми в англоязычных странах. Такого рода сопоставление будет нашей задачей на ближайший период исследовательской деятельности.

А. А. Ричардс провел любопытную аналогию между концепцией мирового порядка и разработкой Бейсика – языка, который, по идее разработчиков, «мог бы сослужить людям наилучшую службу»: «Подбор слов и расстановка приоритетов с помощью них может сравниться с задачами государственного деятеля. Ведь

именно через то, что язык может предложить человеку, каждый человек оценивает то, что его будет заботить больше, а что меньше. Если правильно построить изучение английского языка и соблюдать при этом должную последовательность, то это изучение может превратиться в действительно гуманное образование. И разве такой язык нельзя будет справедливо назвать «АНГЛИЙСКИМ КАЖДОГО?» (цит. по [66]). Разумеется, идеи Ричардса были не лишены здравого смысла, однако можно предположить, что упрощенный английский не стал языком каждого, а лишь сделал сознание западного обывателя аналогичным сознанию малообразованного англичанина или ученика, не воспринимающего суждения за пределами шаблонных ассоциаций, задаваемых фреймами Бейсика. В соответствии с теорией лингвистической относительности, ограниченный, упрощенный язык ограничивает возможности свободы выражения мысли, создавая, по выражению С. Н. Некрасова, «концентрационный лагерь разума» [9]. Все, что не зафиксировано Бейсином, не существует, и, наоборот, все, выраженное Бейсином, кажется реальностью.

Собственно, отсутствие реальных образовательных (не пропагандистских) успехов от внедрения программ ELT признают и сами их разработчики. Это констатировалось в обзорах Фонда Форда: «Западные модели, служившие основанием для помощи («развивающимся» странам – Е.Ш.) в школьном образовании, фактически, оказались не соответствующими этим целям. На университетском уровне их эффективность была минимальной. На других уровнях попытки применить такие модели к развивающимся обществам часто создавали больше проблем, чем решали существующие». Аналогичные заявления делали и видные лингвисты, например, Брэд Дж. Качру отмечает, что трудно ожидать от специалистов TESL теоретического осмысления и профессиональной оценки роли английского языка в странах третьего мира с точки зрения социолингвистического контекста, прививаемых взглядов и практической пользы. В другой работе Качру, анализируя причины проблем, связанных с ортодоксальным применением систем ESL и EFL, заявляет: «Говоря прямо, наша профессия

так и не избавилась от существовавшего прежде миссионерско-проповеднического этноцентрического подхода в обучении английскому языку» (цит. по [65. С.13]).

Не меньшую роль играет и английский «для высших сфер», то есть язык для продвинутого уровня пользователей и профессионалов. Здесь в обучении преследуется несколько иной подход: примитивизация и формы, и смысла сменяется достаточно сложной формой при одномерных, идеологически подогнанных смыслах. Обучающиеся усваивают больший пласт литературной лексики и более или менее сложные обороты на текстах публицистического, научно-популярного стилей, на специально подобранных художественных текстах и документалистике. За основу берутся учебники, изданные в англоязычных странах носителями английского языка (стандартный английский Великобритании или, реже, США). Для учебных программ в целом и отдельных материалов в частности характерна центрация на стереотипах, символах и концептах англосаксонской культуры. В ходе обучения повышенное внимание уделяется англосаксонским культурным реалиям (причем этот культурно-исторический материал маркируется как наиболее качественный и престижный), истории англоязычного мира, обеспечивается соответствующий ракурс видения мировой истории и культуры, через тексты утверждаются соответствующие мифологемы и идеологемы. Помимо языка и фактологического материала, акцент делается на самих англоязычных дискурсах и дискурсивных практиках, что закрепляет соответствующий способ мышления и коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беликов В. И.**, Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
2. **Васильев, А. Д.** Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, Наука, 2000.
3. **Грамши А.** Искусство и политика // Тюремные тетради. Избранное. URL: <http://eot.su/node/5638>
4. **Деррида Ж.** Письмо и различие. М., 2000.
5. **Илишев И. Г.** Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). Уфа: Китап, 2000.
6. **Иноземцев В. Л.** Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы филологии. № 4. 2004.

7. **Исаев М. И.** Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979.
8. **Кувалдин В.** **Глобальность: новое измерение человеческого бытия** // Горбачев М. С. и др. Грани глобализации. Альпина Паблишер, 2003.
9. **Некрасов С. Н.** Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее. Екатеринбург: Издательство УрГСХА, 2009.
10. **Поливанов Е. Д.** Статьи по общему языкознанию. М., Наука, 1968.
11. **Радугин А. А., Радугин К. А.** Социология: курс лекций. М.: Центр, 1999.
12. **Соколенко В. Г.** Становление системы глобального управления: (Global management system, G.M.S.) // Обозреватель. 1999. № 4. С. 66–72. // URL: http://www.rau.su/observer/N04_99/4_12.HTM
13. **Соколов К. Б.** Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения художественных ценностей. М.: Наука, 1990.
14. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003.
15. **Степанов В. В.** Поддержка языкового разнообразия в российской федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 101–115.
16. **Шалак В.** Капитал-тоталитаризм. Цель власти – власть // URL: <http://vaal.ru/show.php?id=200>
17. **Швейцер А. Д.,** Никольский Л. Б. Введение в социоллингвистику: Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1978.
18. **Шелестюк Е. В.** Лингвокультурный аспект языковой политики // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). Выпуск 72. № 36 (290), 2012. – С. 72–81.
19. **Шкаратан О. И.** Социология неравенства. Теория и реальность; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 55.
20. **Яценко Н. Е.** Толковый словарь обществоведческих терминов. М.: Лань, 1999.
21. Abdulaziz M. H. East Africa (Tanzania and Kenya) // English around the World Sociolinguistic Perspectives. Edited by Jenny Cheshire. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Pp. 389–401.
22. Ager D. Image and Prestige Planning. In E. Hinkel (Ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning (Chapt 56). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005.
23. Baker C. Barnetsväg till tvesprekighet. Red till föräldrarochlärare i förskolaochgrundskola. Pefegeln, Uppsala, 1996.
24. Bernstein B. Elaborated and restricted codes: an outline. In: Sociological Inquiry, 36, 1966.
25. Bilsky W., Koch M. On the content and structure of values: Universals or methodological artefacts? In J. Blasius, J. Hox, E. deLeeuw & P. Schmidt (Eds.), Social science methodology in the New Millennium... the Fifth International Conference on Logic and Methodology, October 3–6, 2000, Cologne, Germany. Leverkusen: Leske + Budrich, 2002. URL: miami.uni-muenster.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-1802/Bilsky_Koch.pdf
26. Bilsky W., Schwartz S. Values and personality. European Journal of Personality, 8, 1994. Pp. 163–181.
27. Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
28. Berns M. English in the European Union. In: English Today, 43, Vol. 11. No. 3. 1995. Pp. 3–11.
29. British Council Annual Reports 1940–41 to 1989–90.
30. Burchfield R. The English language. Oxford: Oxford University Press, 1985.
31. Caputa S. Teaching Culture Through Language: National Stereotypes in EFL Course Books in Poland (1946–2000) // A Culture In-Between. NeoLit Online. № 1. Is. No 2, 2002.
32. Cooper R. L. Language planning and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
33. Darquennes J. *Paths to Language Revitalization*, Contact Linguistics and Language. Volume 30, 2007. Pp. 61–76.
34. Dasgupta P. The otherness of English: India's auntie tongue syndrome. Delhi: Oxford University Press, 1993.
35. Deumert A. Language Planning and Policy. URL: <http://emile.uni-graz.at/pub/05s/2005-04-0003.PDF>
36. Deumert A., Swann J., Mesthrie R., Leap, W. *Introducing Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
37. *Deutsch, K. W. Nationalism and social communication*. M.I.T. Press, 1966.
38. *Ferguson Ch. Language structure and language use*. Stanford: Stanford UP, 1971.
39. *Fishman J. Advances in the creation and revision of writing systems*. The Hague: Mouton, 1977.
40. Fishman J. (ed.) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
41. Fishman J. Ideology, Society and Language: The Odyssey of Nathan Birnbaum. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1987.
42. *Fishman J. (1974a). Language planning and language planning research: the state of the art*. In Advances in language planning edited by J. A. Fishman. Hague: Mouton, 1974. P. 15–33.
43. Fishman J. (1974b) Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning. In: Language in society, vol. 2, N 1. Ed. by J. Fishman. Hague: Mouton, 1974. P. 79–102.
44. Fishman J. Do Not Leave Your Language Alone: The Hidden Status Agendas Within Corpus Planning in Language Policy. Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
45. Fishman J. Language and Ethnicity. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co, 1991.
46. Fishman J. The rise and fall of the ethnic revival. Berlin, New York, Amsterdam: Walter de Gruyter, 1985.
47. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research, Vol. 27, No. 3. (Aug., 1990). Pp. 291–305. Stable URL <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-3433%28199008%2927%3A3%3C291%3ACV%3E2.0.CO%3B2-6>
48. Gramsci A. Prison Notebooks 1929–1935. URL.: <http://www.marxists.org/archive/gramsci/>
49. Gray J. *The ELT course book as cultural artefact: how teachers censor and adapt* // ELT Journal, Vol 54, Issue 3, 2000. Pp. 274–283.
50. Hornberger N. H. Literacy and language planning // Language and Education. Special Issue: Sustaining Local Literacies. V. 8, Issue 1–2, 1994. Pp. 75–86.

51. Humboldt W. von. On language: The diversity of human language structure and its influence on the mental development of mankind. Trans. Peter Heath. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
52. Hyde M. The teaching of English in Morocco: the place of culture // *ELT Journal* 48/4, 1994. Pp. 295–305.
53. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In R. Quirk and H. Widdowson (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 11–30.
54. Kioko A. N., Muthwii M. J. English variety for the public domain in Kenya: Speakers' attitudes and views. *Language, Culture and Curriculum* 16 (2): 130–145. 2003.
55. Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages. *Anthropological Linguistics* 9 (7): 29–41, 1967.
56. Mahajan, A. P. *Discourse Variation as a Symbolic Resource: Globalization, Indian Outsourcing Firms, and the Construction of Business Identity*. URL: http://www.ling.upenn.edu/nwav/abstracts/nwav36_mahajan.pdf
57. Malouf D. *Made in England: Australia's British inheritance*. *Quarterly Essay* 12:1–66, 2003.
58. Mazrui A. A. and Mazrui A. A. *A Tale of Two Englishes: The Imperial Language in Post-colonial Kenya and Uganda*. In J. Fishman, A. Conrad, & A. Rubal-Lopez (Eds.), *The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940–1990*. The Hague: Mouton Publishers, 1996. Pp. 271–302.
59. Metozade I. Implications of foreign language learning in terms of Turkey's cultural integration into the EU (Doctoral thesis). Istanbul, 2007.
60. Orwell G. *Politics and the English Language* // URL: http://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit/
61. Ouane A. *Introduction: the view from inside the linguistic jail // Towards a multilingual culture of education*. Edited by Adama Ouane. Hamburg: UNESCO Institute for Education, 2004. Pp. 10–22.
62. Özdemir A. *British imperialism and English language teaching in Turkey*. (Master thesis). Istanbul, 2005.
63. Phillipson R. (2009a) *Linguistic imperialism continued*. New York and London: Routledge, and New Delhi: Orient Blackswan, 2009.
64. Phillipson R. (2009b) *Disciplines of English and disciplining by English* // *Asian EFL Journal*. Volume 11. Issue 4, 2009. URL: <http://www.cbs.dk/content/download/129524/1734716/file/Asian%20EFL%20Phillipson.pdf>
65. Phillipson R. *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992. (Re-published in China by the Shanghai Foreign Language Education Press, 2012).
66. Phillipson R. *The linguistic imperialism of neoliberal empire* // *Critical Inquiry in Language Studies*, 5/1, 2008. Pp. 1–43.
67. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. *English Only Worldwide or Language Ecology?* // *TESOL Quarterly*. Vol. 30, No. 3: *Language Planning and Policy*. Autumn 1996. Pp. 429–452.
68. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. *Good learning strategies in foreign and second language learning – the case of English in Denmark* // *Cultilingualism – papers in cultural and communicative (in) -competence*. Roskilde: Roskilde Universitetscenter, ROLIG-papir 28, 1983. Pp. 1–16.
69. Porpora D. V. *Landscapes of the soul: The loss of moral meaning in American life*. New York: Oxford University Press, 2001.
70. Prodromou L. What culture? Which culture? Cross-cultural factors in language learning // *ELT Journal* 46/1, 1992. Pp. 39–50.
71. Quirk R. The English language in a global context. In R. Quirk & H. G. Widdowson (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 1–6.
72. Ricento T. K., Hornberger N. H. *Unpeeling the Onion and the ELT Professional* // *TESOL Quarterly*. Vol. 30, No. 3: *Language Planning and Policy*. Autumn 1996. Pp. 401–427.
73. Rubin J. *Evaluation and language planning*. In J. Rubin & B. Jernudd (Eds.), *Can language be planned? Sociolinguistic theory and practice, for developing nations*. Honolulu: East-West Center Press, 1971. Pp. 217–252.
74. Schwartz S. H. *Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]*. *Revue française de sociologie*, 2006, 42. Pp. 249–288.
75. Sharifian F. (ed.) *English as an international language. Perspectives and pedagogical issues*. Bristol: Multilingual Matters, 2009.
76. Skutnabb-Kangas T. *Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights?* Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
77. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R., Mohanty A., and Panda M. (eds.) *Social justice through multilingual education*. Bristol: Multilingual Matters, 2009.
78. Stewart W. A. *Sociolinguistic Typology of Multilingualism* // *Readings in the Sociology of Language*. Ed. Joshua Fishman. The Hague: Mouton Publishers, 1968.
79. Strubell M. *From language planning to language policies and language politics* // Webser P. J. (ed), *Contact + Conflict. Language planning and minorities*. Bonn: Dümmler, 1999. Pp. 237–248.
80. Swales J. English as 'Tyrannosaurus Rex'. *World Englishes*, 16 (3), 1996. – Pp. 373–382.
81. Tarhan N. *A Critical Examination of Imperialism and Language Teaching in Turkey*. Unpublished Thesis. Ankara: Bilkent University, 1998.
82. Veltman C. The English language in Quebec, 1940–1990. In J. Fishman, A. Conrad, & A. Rubal-Lopez (Eds.), *The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940–1990*. The Hague: Mouton Publishers, 1996. Pp. 205–237.
83. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
84. Wierzbicka A. *English: meaning and culture*. New York: Oxford University Press, 2006.
85. Wiley T. G. *Language Planning and Policy*. In Sandra McKay, Nancy H. Horberger, *Sociolinguistics and Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. 103–147.
86. Wriggins, W. H. *Impediments to unity in new nations: the case of Ceylon* // *American Political Science Rev.* 1961. № 55. P. 313–320.
87. Zuckert M. P., Zuckert, C. *The Truth about Leo Strauss: Political Philosophy and American Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

УДК 811.16

Л.Ф. Килина, С.Р. Зайнуллина

О ПРИНЦИПАХ ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ФРАГМЕНТОВ В СВЯЗИ С ИХ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ

Удмуртский государственный университет

В данной статье рассматриваются принципы классификации летописных фрагментов, различающихся в жанрово-стилевом отношении. Определяется, что основаниями для классификации являются: 1) принадлежность фрагмента светской или конфессиональной традиции, 2) функция, которую выполняет фрагмент в тексте.

Ключевые слова: летописи, тип фрагмента, традиция, функция, жанрово-стилистические особенности.

L.F. Kilina, S.R. Zajnullina

PRINCIPLES OF GENRE AND STYLISTIC CLASSIFICATION OF CHRONICLE FRAGMENTS IN CONNECTION WITH THEIR LINGUISTIC-TEXTOLOGICAL ANALYSIS

Udmurt State University

This article examines the principles of classification of chronicle fragments that differ in genre and stylistic terms. Determined that the grounds for classification are: 1) belonging of the fragment to secular or religious traditions, 2) function of the fragment in the text.

Keywords: chronicle, fragment type, tradition, function, genre and stylistic terms.

Традиционно считается, что «летопись была своеобразной энциклопедией средневековых исторических знаний» [11. С.10], и это, несомненно, так. Однако видеть в летописи произведение исключительно фактографического характера – значит обеднять русскую средневековую литературу. Внимательный читатель не может не обратить внимания на сложный состав летописного текста: «"Беллетризованные" сюжетные сказания сочетаются <...> с отступлениями-комментариями летописца, исполненными пророческого пафоса и с эмоционально как будто бы нейтральными записями; в текст включены документы (договоры русских с греками)» [16]. Можно сказать, что сущность стиля летописи и состоит в совмещении погодных записей как своеобразного монотонного фона и ярких повествований. Выдающийся русский лингвист Н.С. Трубецкой в «Лекциях по древнерусской литературе» писал: «Если рассматривать летопись как эстетическое целое, то её можно сравнить с медальонной живописью, где яркие медальоны то тут, то там прорисованы по одноцветному спокойному фону» [18. С.568]. Таким образом, летопись – уникальное явление древнерусской литературы – характеризуется жанрово-стилистической, и следовательно, языковой неоднородностью.

Совокупность всех летописных текстов представлена определенным набором списков, т.е. текстов-копий, созданных в разное время на

различных территориях, а значит, содержащих языковые различия. Существуют различия и между частями отдельного списка, принадлежащими разным переписчикам и отличающимися особенностями почерка. В данном случае мы имеем дело с разного рода языковыми характеристиками (прежде всего графико-орфографическими), которые обусловлены индивидуальным фактором. Текст каждого из списков без труда делится и на фрагменты «по годам» (основной композиционный принцип летописи – погодная запись событий). Эти части косвенным образом также отличаются языковой организацией, в том случае если год записи события совпадает с годом, когда это событие имело место.

Перечисленные факторы (временная и пространственная обусловленность, а также принадлежность определенному писцу и соотношение с годом произошедшего события) объясняют такую специфическую черту летописи, как неоднородность, с лингвистической точки зрения. Необходимо, однако, помнить, что язык – только проявление, реализация, экспликация, он всегда интенционально обусловлен. По этой причине очень часто отмеченная языковая неоднородность является следствием жанрово-стилевой гетерогенности памятника.

Настоящая работа направлена на выявление принципов классификации летописных фрагментов, разнородных с точки зрения формы и

содержания. Унифицирование таких фрагментов способствует осмыслению гетерогенной природы летописного текста, а значит, и установлению его жанрово-стилевой специфики. Подчеркнем, что жанрово-стилевая специфика подразумевает здесь и специфику собственно языковую.

Собственно языковые разночтения представляют интерес для ученых, занимающихся лингвотекстологическими исследованиями. Так, по мнению Л.Г. Панина, лингвотекстологический метод используется «при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [14. С.101]. Разработанный и впервые примененный на практике Л.П. Жуковской, лингвотекстологический метод получил дальнейшее развитие в трудах А.М. Камчатного, А.А. Гиппиуса, Д.В. Аникина, Л.Г. Панина, Л.И. Шелеповой и др. [1; 3; 7; 8; 14; 19]. В настоящее время лингвотекстологические исследования проводятся довольно активно. Сопоставительному изучению летописных списков посвящены работы А.А. Гиппиуса, Д.В. Аникина и др. [1; 3].

Предлагаемый в данной работе подход, учитывающий не только собственно языковые, но и жанрово-стилистические разночтения, позволяет расширить сферу применения лингвотекстологического метода: рассмотреть не параллельные контексты по разновременным спискам, а, в первую очередь, однотипные фрагменты в составе одного списка, отличающиеся в жанрово-стилевом отношении. При таком подходе летопись становится своего рода генератором развития древнерусской письменной культуры. Неслучайно существует мнение, что именно летописные тексты «благодаря своей уникальности и открытости, становятся ведущим элементом всей жанровой системы» [9. С.51]. Гетерогенность (фрагментарность, «мозаичность», «ансамблевый принцип» построения) текста изучаемого памятника действительно объясняет многие его черты, в том числе интересующую нас стилистическую неоднородность, определившую в конечном итоге способы реализации авторской интенции в языке произведения. Так, по мнению Рикардо Пиккио, известного итальянского лингвиста и слависта, «из летописи

можно было бы выделить многие главы и сгруппировать их по «жанрам» и таким образом составить отдельные панорамы развития повествования, агиографии, ораторского искусства, дидактической литературы» [15. С.58].

В самом деле, присутствуют основания разделения летописных текстов на фрагменты, которые делают летопись компиляцией как с языковой, так и с жанрово-стилистической точки зрения. Согласно нашим наблюдениям, такими основаниями являются 1) традиция, в рамках которой создан тот или иной текстовый фрагмент, и 2) функция этого фрагмента в тексте.

Итак, с определенной долей уверенности можно говорить о наличии в летописном тексте фрагментов разной жанрово-стилевой принадлежности. Однако ясно также и то, что мы не можем называть эти фрагменты разножанровыми, т.е. относящимися к разным жанрам. И дело не только в компилятивности летописи и в отсутствии в ней привычного для читателя смыслового единства: сам язык еще только формировался, зарождалась литературная традиция. Вероятно, именно осознание трудности (если не невозможности) определения древнерусских жанров привела многих известных исследователей к идее классификации русских средневековых текстов на более общих основаниях, с учетом таких категорий, как литературный канон (Д.С. Лихачев), тип повествования (О.В. Творогов), форма летописного повествования (И.П. Еремин) и др. Подобные классификации являются довольно гибкими, поскольку базируются на широко распространенном в науке взгляде на древнерусский язык как на результат взаимодействия двух составляющих: светской и конфессиональной.

Одной из наиболее авторитетных в этом отношении остается точка зрения академика В.В. Виноградова, высказанная им в ряде работ. Ученый выделил два типа древнерусского литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный (отдельно рассматривается язык деловых памятников). Несколько позже Н.А. Мещерский, опираясь на концепцию В.В. Виноградова, говорит о трех жанрово-стилистических типах (деловом, церковно-книжном и светско-литературном), считая неправомерным выведение языка деловой письменности за рамки язы-

ка литературного [12]. Что важно, эти типы не были различными языками, но функционально разграниченными и жанрово разнородными системами средств выражения [2. С.185].

В.В. Виноградов связывает летописные тексты с народно-разговорной традицией, что справедливо, так как они написаны на древнерусском языке с включением небольшого числа переводных элементов. Основным интересом для летописца представляла история государства, поэтому летописи в целом можно обозначить как произведения светские. Однако В.В. Виноградов делает очень важное замечание: в некоторых фрагментах летописи «явственно присутствуют элементы агиографической стилизации, основные черты церковнославянского языка», в таких фрагментах довольно часто можно встретить «традиционные церковнославянские формулы, литературные штампы» [2. С.267].

Так и Д.С. Лихачев, признавая, что в основе своей летописи отражали народную тенденцию, добавляет, что они «не были свободны» от влияния тенденции «книжной» и называет летопись «объединяющим жанром» [11]. Интересна точка зрения В.М. Живова. Исследователь говорит о двух регистрах в рамках книжного языка и относит летописи к гибриднему типу: «Объединенные общим религиозным пониманием, эти тексты не образуют четких жанровых границ и относительно свободно перераспределяют текстовый материал» [6. С.41].

Если следовать терминологии В.В. Виноградова, в языке летописи присутствуют как народно-разговорные, так и книжно-славянские элементы. В данном исследовании части, составляющие компилятивный летописный текст, рассмотрены в зависимости от их принадлежности одной из двух традиций (светской или же конфессиональной).

Сделаем небольшую оговорку. Деление древнерусской литературы на светскую и конфессиональную также весьма условно, потому что «чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не могло быть» [4]. Тем не менее светская и конфессиональная традиции в летописи противопоставлены: первая ориентирована в основном на читателя-мирянина, нередко содержит

развлекательный элемент, вторая же направлена на передачу и сохранение христианских ценностей; в центре внимания первой – «внешняя» жизнь человека, а вторая сосредоточена на жизни «внутренней».

На жанрово-стилистические характеристики фрагментов не может не оказывать влияния также их тематика. В Средние века имела место обусловленность употребления той или иной языковой единицы предметом изображения, темой повествования, а не жанром или стилем. В летописи чаще всего встречаются фрагменты военной тематики (преимущественно светская традиция), реже можно встретить рассказы о жизни праведников (конфессиональная традиция). Далее по частотности следуют фрагменты, тематически очень разнородные, повествующие, например, о разного рода знаменьях и др. Связь между традицией и тематикой прослеживается в древнерусских произведениях довольно четко, и это объяснимо. Если в настоящее время мы довольно легко можем представить себе служителя церкви, изображенного сатирически, сниженно, то в Средние века это было невозможно. Справедливости ради следует отметить, что в летописи иногда одно и то же лицо изображается в соответствии с двумя традициями. Так, Борис и Глеб выступают в двух разных качествах – как князья (светская традиция) и как мученики (конфессиональная традиция), причем влияние последней традиции в пространстве летописного текста оказывается значимее.

Разделение летописных фрагментов на светские и конфессиональные представляется вполне обоснованным. Читающий летопись, тем не менее, не может не заметить, что фрагменты внутри каждой из этих двух групп, в свою очередь, нередко отличаются друг от друга в жанрово-стилевом отношении, их язык также не является однородным. К тому же подразделение летописных фрагментов на светские и конфессиональные носит настолько общий характер, что практически не позволяет говорить о каких-либо значимых особенностях в языке фрагментов, а также в их жанрово-стилевой организации. По этой причине в качестве второго обязательного основания для фрагментирования летописи была выбрана функция фрагмента в тексте.

Функция связана с традицией непосредственным образом. Специалист в области средневековой восточнославянской книжности Л.В. Левшун справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «в средневековом искусстве канон никак не определяет форму выражения и вообще непосредственного отношения к художественной форме не имеет, – он лишь актуализирует функциональность той или иной художественной формы в данной культуре» [10. С.5]. Традиция (по Левшун – канон), таким образом, оказывает влияние на функциональную характеристику летописного фрагмента, а последний, обретая определенную задачу, получает также конкретное воплощение в тексте.

Функция накопления и передачи информации последующим поколениям, т.е. информационная, характерна для фрагментов, созданных в рамках светской традиции. Такие фрагменты составляют большую часть летописного текста, в них представлены сообщения о событиях, исторических или легендарных. В зависимости от того, каким образом информационная функция реализуется в летописном тексте, нами были определены следующие типы светских фрагментов: документирующий, воинский, деловой и народно-поэтический.

Информационная функция является ведущей лишь в некоторых типах светских фрагментов. Только эта функция реализуется в документирующем типе, фрагменты которого отличаются предельной фактографичностью, краткостью, отсутствием художественной формы. Главное в документирующих фрагментах – зафиксировать тот или иной исторический факт, например, важное событие из жизни князя или его семьи (рождение, смерть, крещение и т.д.), военное событие (взятие какого-либо населенного пункта, взятие кого-либо в плен, начало или окончание военных действий и т.д.).

Во фрагментах воинского типа также доминирует информационная функция, но в отличие от документирующего типа здесь не просто констатация факта, а изображение военного события. Иначе говоря, событие «разворачивается», обрастает различными деталями, дополнениями, распространениями, уточнениями и т.д., становится сюжетным. В этих фрагментах ча-

сто встречаем прямую речь, ментальные глаголы, указание на внутреннюю речь персонажей. Таким образом, в воинских фрагментах информационная функция реализуется совместно с поэтической (эстетической), которая является основной для художественного текста.

Информационная функция актуализирована и во фрагментах делового типа. Здесь она реализуется совместно с регламентирующей функцией (сейчас функция социальной регламентации). В «Повести временных лет» к деловым фрагментам относятся тексты договоров русских с греками, в которых важно одновременно передать информацию и зафиксировать юридические отношения. Данные договоры исследователи единодушно относят к памятникам древнерусского права, указывая на то, что это документы, преследующие специальную цель, – урегулирование русско-византийских отношений. Для деловых фрагментов характерна стандартизованность, эксплицированная при помощи стандартных формул (в том числе дипломатических), обобщенность и императивность, проявляющиеся в частом использовании глагольных форм 3 лица и повелительного наклонения.

В народно-поэтических фрагментах информационная функция является второстепенной – ведущей здесь выступает функция поэтическая (эстетическая). Фрагменты этого типа отличаются художественностью, изобразительностью, образностью: в них в большей степени, чем во всех остальных светских фрагментах, используется оценочная лексика, различные средства художественной выразительности, повествование содержит элементы вымысла, имеет притчевый или легендарный характер.

Таким образом, если светские фрагменты в летописи выполняют информационную функцию, то во фрагментах, созданных в рамках конфессиональной традиции, а именно дидактических и агиографических, доминирует волюнтаривная (воздействующая) функция, причем это воздействие осуществляется разными способами.

В дидактическом типе воздействие происходит за счет открытой оценочности, назидательности и доказательности, в частности за счет использования оценочных лексических единиц (зло, добро, грех и т.д.), синтаксических конструк-

ций, оформляющих причинно-следственные связи (например с союзом *бо* в значении «так как»), большого количества библейских цитат, включенных в текст для подтверждения той или иной мысли, для характеристики персонажа и т.д.

Фрагменты агиографического типа характеризуются непрямой (косвенной) оценкой, средствами которой являются стандартные мотивы жития (рождение от благочестивых родителей, аскетичный образ жизни, посмертные чудеса и т.д.), образные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.), христианские термины, аллюзии, обороты с дательным самостоятельным и др.

В отдельных случаях на особенности фрагмента, обусловленные традицией и функцией, может накладываться отпечаток еще одна важная характеристика – происхождение. В летописи (и особенно – в «Повести временных лет»), безусловно, много вставных элементов, но, как было сказано выше, изучаемый нами памятник представляет собой талантливую компиляцию: грамотная работа летописца по сведению разных текстов в один часто не позволяет определить границы того или иного фрагмента. Современный русский человек вряд ли знаком с текстами-источниками летописи настолько, чтобы увидеть все заимствования, для этого потребовалось бы провести тщательный текстологический анализ. Более того, думается, что определение границ летописных фрагментов стало бы непростой задачей даже для древнерусского читателя.

При общей кажущейся цельности произведения некоторые фрагменты выделяются особенно явно. Мы говорим об отрывках принципиально чужеродных, заимствованных, отсылающих читателя к тексту оригинала. Такие фрагменты мы отнесли к отсылочному типу, они включены в текст из стороннего источника и, что особенно важно, осознаются читателем как вставные. Эти фрагменты наиболее заметны в начальной части «Повести временных лет». Наличие отсылочного фрагмента в тексте памятника, как правило, сопровождается возникновением смысловых параллелей: появляется своего рода проекция мировой или же библейской истории на историю славянского народа.

Источником вставки чаще всего является прецедентный для эпохи создания памятника текст.

Для летописи это в первую очередь византийские хроники и Священное Писание. В тексте может содержаться прямая отсылка к источнику (например, глаголеть Георгии в летописании (Лаврентьевская летопись, 5 об.)), но зачастую такой отсылки мы не наблюдаем. Ввиду отмеченной генетической чужеродности фрагменты отсылочного типа несколько противопоставлены фрагментам других типов. Следовательно, язык каждого из вставных отрывков должен рассматриваться с учетом этого фактора, так как у отсылочных фрагментов нет типичных жанрово-стилевых особенностей.

Такие фрагменты довольно сложно однозначно соотнести либо со светской, либо с профессиональной традицией. Так как отсылочные фрагменты всегда содержат оценку, которая базируется на ценностной системе христианства, в них доминирует волонтерная функция. Значит, по функции отсылочные фрагменты сближаются с профессиональными. В отсылочных фрагментах мы наблюдаем связь с прецедентными ситуациями, текстами и часто ссылкой на источник. Благодаря добавлению еще одного «голоса», имеющего отношение к выдвигаемой идее, возникает то, что в науке о современном языке могли бы назвать полифонической авторитетностью (термин В.З. Демьянкова) [5]. Ссылка на авторитетный источник закономерно придает повествованию монументальность, а значит, способствует раскрытию апеллятивных возможностей произведения.

Подведем итоги. По причине отсутствия в Древней Руси сформированной жанровой системы нами была создана классификация типов фрагментов в древнерусском тексте, выделяющихся в соответствии с:

- принадлежностью фрагмента той или иной традиции (светской или профессиональной);
- функцией, которую выполняет фрагмент в тексте (информационной или волонтерной);
- происхождением фрагмента.

В летописях было выделено семь типов фрагментов:

- документирующий, воинский, народно-поэтический, деловой (соотносимые со светской традицией и объединенные информационной функцией);

- агиографический, дидактический (соотносимые с конфессиональной традицией и объединенные волюнтаривной функцией);

- отсылочный (выделяемый на основании происхождения отрывка).

Безусловным достоинством предлагаемой классификации является то, что она дает возможность учитывать разноуровневые параметры текста: как языковые, так и литературные. В самом деле, «стилистика не может быть поделена между лингвистикой и литературоведением, когда речь идет об анализе текста» [17. С.11].

На наш взгляд, предложенное разделение будет способствовать проведению более глубокого лингвотекстологического анализа компилятивного летописного текста, а значит и более полному исследованию жанрово-стилевых факторов языкового развития в разные периоды истории языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аникин Д.В.** Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет». URL: www.ksana-k.narod.ru/menu/slave/anikin.html.
2. **Виноградов В.В.** Вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 254-287.
3. **Гиппиус А.А.** Рекоша дружина Игоревы...: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147-181.
4. **Данилевский, И.Н.** Исторические источники XI-XVII вв. URL: www.avorhist.narod.ru/publish/istved2-1-4.html.
5. **Демьянков В.З.** Эффективность аргументации как речевого воздействия URL: <http://www.infolex.ru/P048.html>.
6. **Живов В.М.** Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 592 с.
7. **Жуковская Л.П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
8. **Камчатнов А.М.** Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года URL: www.textology.ru/article.aspx?ald=114.
9. **Крысько В.Б.** Стилистическая дифференциация древнерусской лексики (на материале глаголов со значением transgredi) // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. Петрозаводск, 1990. С. 50-60.
10. **Левшун Л.В.** Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2006. № 4(26). С. 1-16.
11. **Лихачев Д.С.** Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
12. **Мещерский Н.А.** О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка XI-XIV вв. URL: www.philology.ru/linguistics2/meshchersky-95b.htm.
13. **Панин Л.Г.** Лингвотекстологическое исследование минейного торжественника. Рукописи XIV-XVI вв. Новосибирск : Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. 264 с.
14. **Панин Л.Г.** История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. 215 с.
15. **Пиккио Р.** Древнерусская литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. 352 с.
16. **Ранчин А.М.** «Повествование в отмеренных сроках»: о генезисе подзаголовка в «Красном колесе» А.И. Солженицына. URL: www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1293.
17. **Тарланов З.К.** О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика рус. языка. Петрозаводск, 1990. С. 4-15.
18. **Трубецкой Н.С.** История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.
19. **Шелепова Л.И.** Лексические разночтения в Прологе (по спискам XII-XVII вв.) : учеб. пособие. Барнаул : [б.и.], 1992. 106 с.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82-822 (049.32)

О. В. Молодкина

ВСТРЕЧИ И ДИАЛОГИ НА ГРАНИЦАХ

[**Рец.** на: Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2013) / ред. – сост. Д. И. Черашняя. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. Вып. 12. 446 с.: ил.]

Межвузовский научный сборник, посвященный 30-летию памяти проф. Б. О. Кормана, открывается стихотворением Гуго фон Гофманстала в переводе Ю. Н. Чумакова. Оно особым светом освещает все последующие статьи, так как раскрывает варианты воплощения и решения онтологической проблемы, которой касаются почти все авторы, – проблемы границ. Границ социальных, пространственных, временных, бытийных... Границ, на которых происходят разнообразные встречи и рождаются новые смыслы в диалогах. Встреча может не перерастать в диалог, но обещать его в будущем, содержать в себе как внутреннюю неосуществленную возможность. И само стихотворение тоже создано на границе – русского и немецкого языков, русской и австрийской литературы.

Стихотворение и послесловие к нему Ю. Н. Чумакова настолько завладевают сознанием, что в сборнике выявляется кольцевая композиция: завершающая книгу рецензия Т. В. Зверевой «Путешествие в страну живописи» в новом ракурсе представляет ту же проблему границ и пути человека, в поисках обретения себя пересекающего эти границы. Здесь подытоживается роль искусства в этом обретении и говорится словно бы не только о книге Г. Г. Подольской «Современное израильское изобразительное искусство с русскими корнями», но и о сборнике, который рецензия завершает. Во всяком случае, одно определение может быть с полным правом отнесено к «Кормановским чтениям»: «Книга выстраивается на взаимопересечении различных голосов, звучание которых различается ясно» (с.440). Далее закономерно упоминается учение М. М. Бахтина о диалоге, являющемся основой художественного творчества и читательского сотворчества. Мысль о взаимопересечении различных голосов заставляет вспомнить и его же теорию полифонического романа.

Т. В. Зверева пишет об открытиях, совершаемых на границах живописи и литературы, жи-

вописи и музыки. В стихотворении Гуго фон Гофманстала роль искусства проявлена лишь в последней строчке, в слове «лира», однако и оно – граница музыки и поэзии, прежде нераздельных, а затем обретших самостоятельность и потому встречающихся в диалоге.

Первый раздел сборника составляют статьи, которые можно назвать методологическими. В. С. Баевский предлагает новый метод исследования ритмики русской стихотворной речи, Н. В. Барковская намечает пути изучения российской литературы начала XXI века, в статьях Н. Г. Медведевой и Д. И. Черашней представлены интереснейшие взаимодополняющие интерпретации стихотворения Льва Лосева «Ткань». И вновь проблема границ в разных ее ипостасях выходит на первый план. Статья В. С. Баевского – диалоги лингвистики и литературоведения, науки и жизни: описание метода дополняется историей его создания и обращением к последователям, которые будут применять его в будущем. Об авторах, существующих и творящих на границах, которые не столько разделяют, сколько связывают, пишет Н. В. Барковская. В последних двух статьях первого раздела стихотворение Льва Лосева анализируется как живущее на пересечении различных литературных, литературоведческих, философских и жизненных контекстов. Иногда граница может быть ясной и определенной: края каждой дыры в ткани жизни – граница между космосом и хаосом. Но она может быть и неуловимой для глаза, хотя и определенно существующей, – как поверхность зеркала. Такова в стихотворении Лосева граница между Божественным и человеческим творчеством, о чем Н. Г. Медведева говорит так: «Ткачество как создание “текста жизни”, бывшее прерогативой Божественного демиурга, одновременно осмысливается и по-иному – как родовое свойство человека» (с.38). Ткань текста и текст жизни не завершены, на это в стихотворении указывает слово «недоткал». Д. И. Черашняя объясняет его

смысл, обращаясь к творческой судьбе О. Мандельштама (поскольку «"Ткань" – это "мандельштамовский текст"» – по аналогии с текстами «петербургским» и «венедианским», см. с.46) и его словам о том, что в искусстве нет готовых вещей (с.54). Незавершенность оборачивается не разрушением жизни, но богатством и многовариантностью ее развития. Выявляется амбивалентность концовки «недоткал»: обрыв ткани – это открытость и разрушительному воздействию хаоса, и творчеству. Можно вспомнить аналогичное утверждение М.М. Бахтина о том, что в романах Ф.М. Достоевского нет трагических сюжетов, так как ничто не завершено. Открытый финал оставляет надежду на то, что самодвижение жизни-текста претворит хаос в космос.

К сожалению, рамки рецензии не позволяют нам подробно охарактеризовать каждую статью, поэтому мы обращаем внимание на отдельные моменты некоторых статей, выявляющие, как нам кажется, внутреннюю логику построения сборника.

Во второй раздел двенадцатого выпуска «Кормановских чтений» включены статьи, посвященные исследованию произведений русской литературы XIX–XX вв., а также одна статья о фольклоре, вернее, о псевдофольклоре. С.М. Лойтер, изучая народную колыбельную песню эпохи сталинизма, показывает деформирующее влияние идеологии на этот, казалось бы, далекий от политики жанр. Идеология вторглась в святая святых – слово матери, обращенное к ребенку, причем – к засыпающему ребенку. Так «ложные идеи» (с. 260) внедрялись в подсознание, разрушение ткани-текста начиналось с основы: не дыры проделывались в готовой «тряпочке», а сами нитки подменялись на этапе ее создания – формирования сознания человека и культурной памяти народа. В других статьях второго раздела показаны (преимущественно) различные пути восстановления «пелены тонкотканой культуры» (Л. Лосев). И вновь при этом актуализируется проблема границ. Так, в статье В.Ш. Кривоноса «"Герой нашего времени" М.Ю. Лермонтова: два сюжета» отмечается способность Печорина совмещать несовместимые пространственные модели: модель пути и модель перехода (С.86) и указывается основная пространственная форма существования героя – на границе между ми-

рами (с.87). Е.М. Табориская в статье «"Памяти Демона" и "Конец" как пролог и эпилог в "Сестре моей – жизни" Б. Пастернака» описывает трансформацию лермонтовского переходного по своей сути «духа изгнания» в произведении поэта XX века. В стихотворении «Конец» герой тоже существует на границе – подлинного и мнимого. Так в лирике Б. Пастернака рождаются новые миры, которые вводят и входят «в вечный ценностный арсенал отечественной и мировой поэзии» (с.246). В статье Г.М. Ибатуллиной «О софийных мотивах в структуре образа главной героини повести А.И. Куприна "Олеся"» исследуется мифопоэтическая основа гармоничного соединения в личности героини разных планов бытия и различных мифологических ипостасей, а также указываются причины, по которым герой не смог достичь той же гармонии. «Личность Олеси интегрировала в себе архетипическую полноту и цельность (Дева, Мать, Ведунья, Королева и т.д.), герой же остается на пути к этой цельности» (С.227). Это путь к обретению самого себя, и он остается открытым для героя повести Куприна.

В третий раздел сборника входят статьи, посвященные изучению зарубежной литературы, и статья Б.Ф. Егорова «О лицемерии». В этом разделе речь идет преимущественно о диалогах национальных литератур: французской и мальгашской, немецкой и русской, немецкой и удмуртской, английской и русской, французской и немецкой и др. Статья Е.В. Михайловой «Образы воды и зеркальности в поэзии Ли Бо», открывающая эту часть сборника, вводит нас в светлый и гармоничный мир китайского поэта восьмого века. Но возникает вопрос к автору статьи: насколько правомерно применение терминов «романтизм» и «реализм» к древней китайской литературе? Первая статья раздела перекликается с предпоследней (а если считать только посвященные зарубежной литературе, то последней). В статье Н.С. Ивановой и Н.В. Лекомцевой «"... Стать солнечным знаком" (о юношеских стихах болгарской поэтессы Пети Дубаровой)» тоже описывается светлый и чистый художественный мир. Но если для Ли Бо в соответствии с китайской традицией значим образ луны, то для П. Дубаровой – тема солнца, связанная с «общекультурными представления-

ми болгарского народа, издревле почитающего солнце как источник всего живого на земле» (С.334). И после знакомства с «солнечной девочкой», которая прожила всего 17 лет, но оставила соотечественникам свои «светоносные стихи» (с.337), читатель уже настроен на вполне определенное восприятие темы лицемерия, которой посвящена статья Б.Ф. Егорова, завершающая третий раздел сборника. Солнце и родственная ему лирическая героиня болгарской поэтессы не знают лицемерия. Оно возможно только в «малом времени», а в «большом» – лицо несменяемо (лицемерие = лицеменение, см. С.338), так как выражает бытийную сущность.

Четвертый раздел «Кормановских чтений» включает рецензии, а также биографические и другие материалы. Статья И.И. Борисовой «Из истории мценского кружева» вновь вызывает в памяти стихотворение Л. Лосева «Ткань». Плетение кружев оказывается связанным и с фольклором, и с историей русской литературы; оно спасает от недугов и даже отодвигает смерть (см. признание одной из пожилых кружевниц на С.436). Характеризуя эту часть сборника в целом, хочется позаимствовать слова из включенной в него рецензии Т.В. Зверевой на книгу И.П. Уваровой: «...»Мистерия Рождества» вырывается за пределы собственно научного пространства, соприкасаясь с самой

жизнью» (С.378). Путь человека к себе осмысливается как осознание единства с другими людьми: «В конечном счете, все мы во все времена сосуществуем на одной и той же сценической площадке...» (С.379). Этот вывод перекликается с утверждением из рецензии Е.А. Подшиваловой на книгу В. Филипповой: «"Письма в XXI век" – это книга о существующем реально, отложившемся в недрах духовного опыта единстве людей, которое всех нас – ушедших, живущих и грядущих – делает современниками и соплеменниками» (С.373). «Идея всечеловеческого родства» (С.377) соотносима с мыслью «Паскаля и Чаадаева, что человечество можно представить как одного человека, как нераздельный космический организм», мысли, о которой вспоминает в послесловии к своему переводу стихотворения Гофмансталя Ю.Н. Чумаков (с.9). Если все человечество – один человек, то любые границы разделяют не разные миры, а части одного и того же мира. И нет различных, не понимающих друг друга «я», а есть одно много-составное «я», не умеющее прийти к гармонии, осознать свою целостность. Об этом пути человека (=человечества) к себе, смоделированном и проявленном в художественных произведениях разных стран и эпох, и пишут авторы статей, включенных в «Кормановские чтения».

УДК 811.161.1 (049.32)

Е.А. Подшивалова

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

[Актуальные проблемы обучения русскому языку. X. PhDr. Simona Korychankova Ph.D. (ed.). Брно. 2012. 634 с.]

Сборник материалов научной конференции «Актуальные проблемы обучения русскому языку» (составитель и редактор профессор кафедры русского языка как иностранного университета им. Масарика Симона Коришанкова) целостно и многогранно отражает содержание прошедшего в Брно форума. В книге четыре раздела. Первый посвящен истории обучения русскому

языку. Он открывается статьями Э. Должеловой и И. Поспишила, в которых освещаются особенности обучения русскому языку в университете им. Масарика с 1918 г. и по настоящее время, а также характеризуется деятельность работавших здесь выдающихся славистов и руссистов. Отмечаемому в последние десятилетия падению интереса к русскому языку в Чешской Респуб-

ке Э. Должелова предлагает противопоставить применение современных форм и методов обучения, чему, с ее точки зрения, послужит новый проект педагогического факультета «Основы русского языка – начальный этап обучению русскому языку». Продолжая эту тему, О. Алтынбекова обратила внимание на аналогичную ситуацию в Казахстане: перестав быть государственным, русский язык в сфере высшего образования потерял и здесь свои лидирующие позиции.

Три последующих раздела сборника научных трудов отражают работу лингвистической, литературоведческой и дидактической секций конференции. И в первом, и во втором разделах собраны статьи, посвященные не столько проблемам обучения, сколько собственно научным разработкам в области языка и литературы. Так З. Адамия выявила, что просторечия в литературном языке выполняют функцию «инструментария для лепки образа». Интерес к русскому литературному языку проявлен в целом ряде исследований. Е. Геймбух на примере романа В. Каверина «Открытая книга» изучила способы введения чужой речи в повествовательный монолог; А. Двизова на материале стихотворения Б. Пастернака «Ты в ветре, веткой пробуящем...» – текстопорождающие возможности языковых единиц с семантикой восприятия; С. Ефимова и Л. Крюкова – особенности языкового выражения чувственного восприятия в публицистическом жанре *feature*. Данные статьи дополняются работами, в которых исследуется концептосфера. Вербализацию базовых концептов в русской волшебной сказке описали Н. Парфенова и В. Савиных; концептосферу современной русской прозы – А. Иванова. На материале лексем «Ленин» и «Сталин» Л. Гузи соотносит явления концептуализации и прецедентности. М. Жапанова показывает осмысление русского языка казахскими писателями, О. Чурвинская – рецептивную реакцию украинских авторов на русские тексты, а Л. Борис – соотношение московского наречия и московского просторечия.

Часть работ лингвистического раздела сборника посвящена сравнительным исследованиям разных языков. С. Жажа рассматривает суще-

ствующие два типа сопоставительного анализа синтаксических структур русского и чешского языков – «от формы к содержанию» и «от содержания к форме». Ю. Филь на материале русских и чешских глаголов описала модификационную и мутационную глагольную номинацию. Две работы (И Куприевой и О. Ромашиной) посвящены сравнительному анализу ментальных структур и эмоционально-чувственных объектов в русском и английском языках.

Исследование различных разделов русского языка сделано в статьях Э. Акимовой, выявившей синтаксический статус инфинитива; Ж. Амировой, сопоставившей денотативную и референциальную структуры текста; Т. Белошапковой, обратившейся к понятиям дискурс, языковая среда, коммуникативное пространство. Лексическое калькирование, наименования человека в диалектной фразеологии, композиты как составляющие концептосферы, категория оценки в русском языке рассмотрены К. Кржижковой, С. Никифоровой, О. Ушаковой. В поле зрения лингвистов попали электронные словари синонимов (М. Гайсина), межязыковая графическая омонимия (Е. Белоусова), рекламные тексты в религиозных СМИ (И. Бугаева), взаимодействие грамматических и формально-логических категорий (Е. Ярыгина), антропонимы в функции оценки (Й. Сипко), российская топонимика как основа нейминга (М. Сибираева) и др.

Проблемам обучения русскому языку в первом разделе материалов научной конференции посвящены статьи Е. Архиповой, Г. Ахметовой, М. Благо, И. Калиты, А. Харчарек. В поле зрения этих ученых лингводидактические работы И. И. Срезневского и Н. М. Шанского, приемы обучения русской стилистике, роль языка СМИ и больших переводных словарей в процессе обучения русскому языку, культурологический компонент при обучении РКИ.

Статьи, составившие литературоведческий раздел сборника, охватили два века истории русской литературы – от А. Пушкина и Е. Боратынского до прозы 1990-х гг. Помимо русской литературы объектом исследования явились казахская и чешская, а также мифология и устная народная поэзия в их влиянии на художествен-

ное творчество. В поле зрения литературоведов проблемы рецепции художественного текста (Ю. Вильчанская, А. Газизова), иконическая и молитвенная традиции в поэзии начала XX в. (О. Воронцова, И. Герасимова), вопросы композиционной структуры произведения (Н. Жирова) и его повествовательной организации (Ж. Кишкенбаева). Исследуя принципы организации читательского восприятия романа И. Шмелева «Лето Господне», Ю. Вильчанская усматривает заложенные автором в структуру текста возможные интерпретационные русла, позволяющие и автору, и читателю находиться в единой культурно-семантической парадигме. Как смыслопорождающий художественный прием рассматривается Н. Жировой архитектура романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и связанные с ее особенностями повествовательные стратегии. Так размышления над внутривидовыми связями приводят исследователей к осмыслению эстетического значения целостности художественного произведения. Это значение подчеркивается и в статье С. Рудаковой, которая исследует функции композиционного центра книги стихов Е. Боратынского «Сумерки».

В литературоведческом разделе сборника привлекательны статьи И. Канунниковой и И. Рычаловой, посвященные драме – роду, не избалованному, как правило, излишним вниманием ученых. И. Канунникова обратилась к пьесе З. Гиппиус «Святая кровь», с которой по сути начинается символистский театр, и показала, как повлияло это произведение на осмысление и разработку эстетических установок символизма в творчестве ее автора. И. Рычалова изучила современную драматургию с точки зрения методики преподавания РКИ. Она показала, что на различных типах драматического текста студенты могут практически освоить разные интерпретационные стратегии. Завершением этого цикла статей выглядит работа Е. Колышевой, в которой описывается образ театра в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Межкультурная коммуникация в области художественного творчества исследована в статьях Д. Кшицовой «Хождения в святую землю XII – XX вв. Мифы и реальность в русских

и чешских паломничествах» и Е. Маленковой «Традиция русских народных сказок в Чехии». Специфика национальных произведений искусства описана А. Жаманкозовой, изучившей модус художественности в казахской литературе, и Г. Шариповой, проанализировавшей героя уплощенного ума в романе Я. Гашека «Похождение храброго солдата Швейка».

Новизной объекта исследования отличаются статьи Э. Гальцевой, Л. Щелоковой, И. Герасимовой. Первая оговаривает текстологические проблемы «Дневников» Е. С. Булгаковой, вторая исследует испанскую тему в публицистике И. Эренбурга, третья – молитвенную традицию в русской поэзии Первой мировой войны.

Собственно проблемам обучения посвящен заключительный дидактический раздел книги. Вошедшие в него статьи прежде всего освещают передовые методики и технологии преподавания русского языка как иностранного. С. Альборн представила современные методы корпусной лингвистики, М. Ларкович – интерактивные технологии как средство формирования коммуникативной компетенции. С. Тимонина рассказала об использовании метода интеллектуальных карт, Е. Фреда Пиредда – о новых возможностях мультимедийных средств в преподавании РКИ.

В большинстве статей заключительной части сборника осмысляются разнообразные лингвистические проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели русского языка как иностранного. Так О. Брандес пишет о типичных ошибках, которые допускают иностранные студенты при образовании русских нерегулярных глагольных форм; И. Вотякова утверждает взгляд на сравнительное словообразование как на важную часть изучения сравнительной грамматики русского и испанского языков; И. Гобзова обозначает трудности при обучении чехов правильному русскому произношению; Ш. Жаркынбекова показывает, как нужно производить отбор и классификацию текстового материала в процессе формирования компетенции профессионально-ориентированного общения на русском языке; И. Мацко и Л. Торохтий рассматривают актуальные проблемы обучения студентов-иностранцев русской лексике. Фор-

мирование языкового сознания студента-филолога, проблемы формирования русской речевой культуры, специфика освоения невербального общения в русской языковой среде стали предметом осмысления Н. Бондаренко, С. Мочульской, Е. Мухиной. В ряде работ четвертого раздела сборника (Н. Прокуроровой, Н. Нестеровой, Н. Баяндиной-Сужаефф, И. Сапроновой, Ж. Нуршанховой, Т. Ковалевой, Н. Чуйкиной) рассматриваются технологии обучения РКИ через образцы художественного творчества русских писателей, через кинофильмы, медиаматериалы и тексты СМИ, через экскурсии как форму освоения инокультурного пространства. Н. Наумова, А. Соколова, Сяо Цзиньюй, О. Алтынбекова, З. Сабитова показывают трудности при освоении русского языка чешскими, казахскими и китайскими учащимися. Среди этих работ особого внимания заслуживает статья А. Соколовой, где рассказывается об опыте обучения русскому языку чешских студентов с нарушениями слуха. Наконец, стоит отметить, что

и материалы учебника русского языка в дидактической части книги стали объектом научной рецепции. З. Сабитова описала созданные учебники русского языка для 8 и 9 классов, в которых были поставлены новые учебные задачи по формированию коммуникативной, языковой, лингвистической и лингвокультурной компетенций.

Десятый выпуск сборника научных трудов «Актуальные проблемы обучения русскому языку» свидетельствует о том, что международное профессиональное сообщество волнует вопросы сохранения, а следовательно, изучения русского языка и обучения этому языку новых носителей. Материалы сборника интересны не только всеохватностью решаемых филологических и дидактических проблем, разнообразием методик и подходов к материалу, широкой географией участников, но главное – личным отношением к объекту научного осмысления. А это и является главной составляющей труда гуманитария.

ОБ АВТОРАХ

Будейко Валерий Эдуардович – кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет. E-mail: boudeyko@yandex.ru

Boudeyko Valery Eduardovich, Candidate of philological science, Dotsent (Assistant professor), Chelyabinsk State University.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, Калужский государственный педагогический университет, Удмуртский государственный университет. E-mail: argumentation@mail.ru

Vasilyev Lev Gennadyevitch, Doctor of philological science, Professor, State Kaluga State Pedagogical University, Udmurt State University.

Воронцова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет. E-mail: voron500@yandex.ru.

Vorontsova Tatyana Aleksandrovna, Doctor of philological science, Professor, Chelyabinsk State University.

Донецких Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: russistoria@mail.ru.

Donetskih Ludmila Ivanovna, Doctor of philological science, Professor, Udmurt State University.

Зайнуллина Саида Радиковна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Удмуртский государственный университет. E-mail: s.i.zajnullina@gmail.com.

Zajnullina Saida Radikovna, applicant for candidate of philological science, Udmurt State University.

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Zvereva Tatyana Vjacheslavovna, Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University.

Иваньшина Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет. E-mail: sergiencou@yandex.ru

Ivanshina Elena, Doctor of philology, Dotsent (Assistant professor), Voronezh State Pedagogical University.

Кацюба Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-юридический университет (МФЮА). E-mail: larrakatz@yandex.ru

Larisa B. Katsyuba, Candidate of philological sciences, Dotsent (Assistant professor), Moscow university of finance and law MFUA.

Килина Лилия Фаатовна – кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет. E-mail: kilin_74@mail.ru

Kilina Lilia Faatovna, Candidate of philological science, Dotsent (Assistant professor), Udmurt State University.

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, сектор литературоведения Института филологии СО РАН, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет. E-mail: kulis@mail.ru

Kulikova Yelena Yurievna, Doctor of philological science, Dotsent (Assistant professor), leading researcher of Literary Studies section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University.

Лелис Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет. E-mail: elena-lelis@mail.ru.

Lelis Elena Ivanovna, Candidate of filological science, Dotsent (Assistant professor), Udmurt State University.

Максимова Юлия Александровна – магистр, Удмуртский государственный университет. E-mail: maksik517@mail.ru

Maksimova Yu.A., Candidate for a Master's degree, Udmurt State University.

Медведева Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: nataliamed@udm.net

Medvedeva N. G., Doctor of philological science, Professor, Udmurt State University

Милютинна Марина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: mmilyutina@inbox.ru

Milyutina M. G., Doctor of philological science, Professor, Udmurt State University.

Мосалева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Mosaleva Galina, PhD, Professor of Udmurt State University.

Нагина Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет. E-mail: kafruslit@gmail.com

Nagina Ksenija, Candidate of philological science, Dotsent (Assistant professor), Voronezh State University.

Ныпадымка Алла Сергеевна – кандидат филологических наук, Киевский государственный университет. E-mail: russistoria@mail.ru.

Nypadymka Alla Sergeevna, Candidate of philological science, Kiev Statte University.

Патрушева Лидия Сергеевна – соискатель ученой степени кандидата наук, Удмуртский государственный университет. E-mail: line_lidia@list.ru

Patrusheva Lidia Sergeevna, Applicant for Candidate of Philological science, Udmurt State University.

Подшивалова Елена Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: podshlenal@mail.ru

Podshivalova Elena Alekseevna, Doctor of philological science, Professor, Udmurt State University.

Полякова Дарья Николаевна – кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет. E-mail: yashperitsa@yahoo.com.

Polyakova Daria Nickolaevna, Candidate of philological science, Chelyabinsk State University.

Ребель Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Rebel Galina Mikhailovna, Doctor of philological science, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Рогожникова Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, Уфимский государственный авиационный технический университет. E-mail: burzian@yandex.ru.

Rogozhnikova Tatyana Mikhailovna, Doctor of Philological science, Professor, Ufa State Aviation Technical University.

Рябушкина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. E-mail: svetigor@bk.ru

Ryabushkina Svetlana Vasilyevna, Candidate of Philological science, Dotsent (Assistant professor), Ilya Ulyanov State Pedagogical University

Сарсекеева Наталья Канталиевна – кандидат филологических наук, доцент, Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби. E-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Sarsekeeva Nataliya Kantaliyevna, Candidate of Philological science, Dotsent (Assistant professor), Kazakh National University by Al-Farabi.

Сафронова Людмила Васильевна – доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая. E-mail: dinass2002@mail.ru

Ludmila V. Safronova, Ph.D., Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abai.

Стрелкова Ирина Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, Удмуртский государственный университет. E-mail: istrelkova@mail.ru

Strelkova Irina Vitalievna, Candidate of pedagogical science, Dotsent (Assistant professor), Udmurt State University.

Ушакова Оксана Геннадьевна – магистр, Университет имени Масарика (Чехия). E-mail: oxinity@gmail.com

Ushakova Oxana Gennadyevna, Master of Arts Masaryk University, Czech Republic.

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет). E-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Kharchenko Elena Vladimirovna, Doctor of Philological sciences, Professor,

Professor of the chair of General linguistics, South-Ural state University (national research University).

Шейдаева Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. E-mail: sheidaeva@mail.ru

Sheidaeva Svetlana Grigorievna, Doctor of Philological science, Professor, Udmurt State University.

Шелестюк Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет. E-mail: shelestiuk@mail.ru

Shelestiuk Elena Vladimirovna, Doctor of Philological science, Professor, Chelyabinsk State University

Яшан Олеся Олеговна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: olesya-2@inbox.ru

Olesya Olegovna Yashan, applicant for Candidate of Philological sciences, South Ural State University.

Редактор *Копылова Т.П.* (k_tatiana4@mail.ru)

Ответственные редакторы *Керо Хервилья, Э. Ф.* (efquero@ugr.es); *Подшивалова Е.А.* (podshlenal@mail.ru)

Компьютерная верстка *А.Н. Зеленина*

Дата выхода 16.12.2013. Подписано в печать 11.11.2013.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 6,98. Уч.-изд. л. 4,87.

Тираж 100 экз.